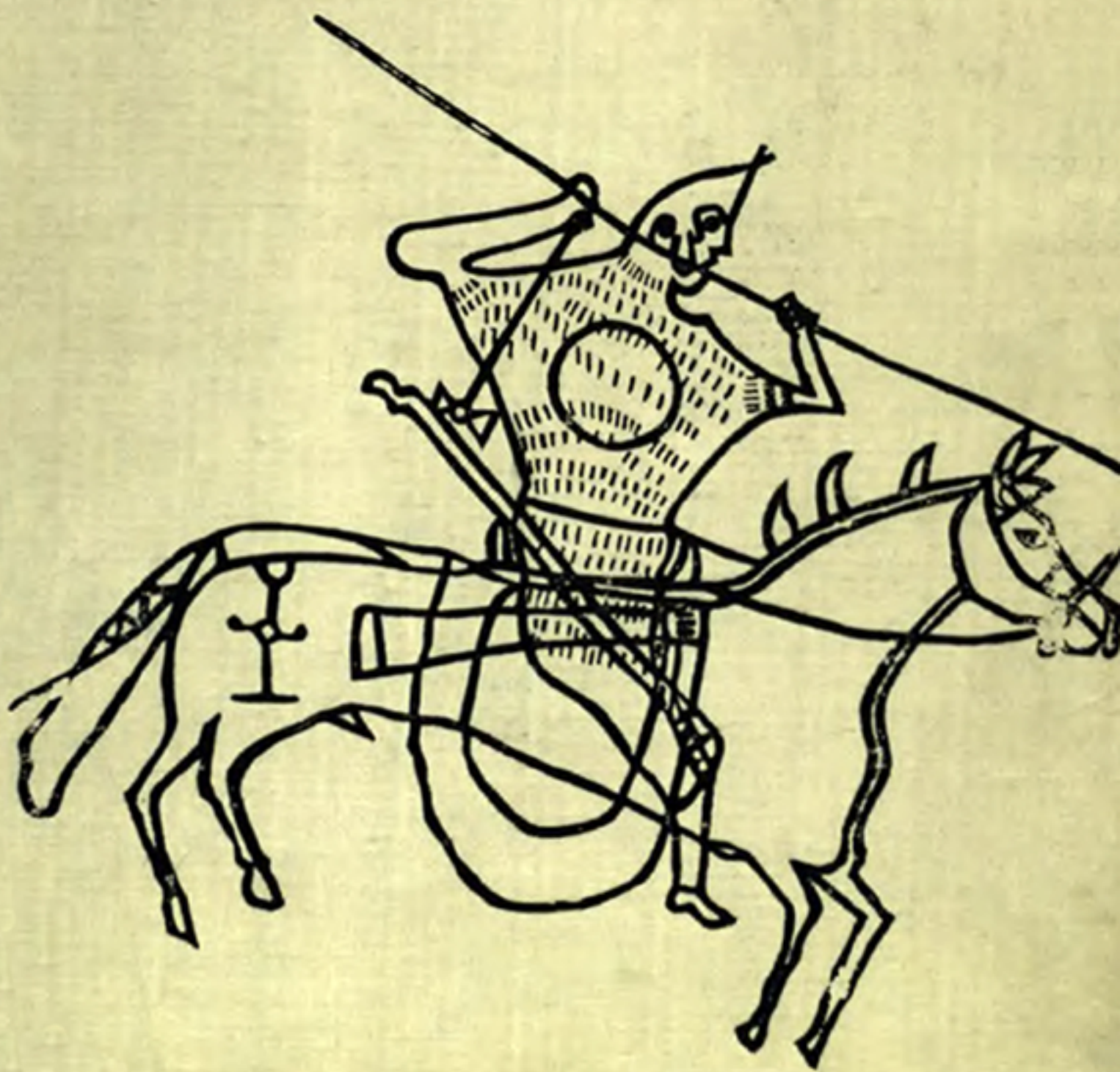

л.р.кызласов | ИСТОРИЯ ТУВЫ
в средние века

л.р.кызласов | **ИСТОРИЯ ТУВЫ**
в средние века

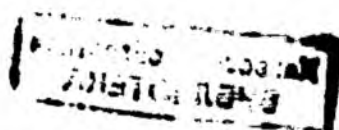
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1969

Хакасская областная
БИБЛИОТЕКА

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

1—6—2
85—68

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1949 г. в свет вышла необычная книга. Подобной не существовало в нашей исторической науке. Это было фундаментальное исследование выдающегося историка и археолога профессора С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири»¹. Впервые племена и народы, заселявшие Сибирь в далекой древности и в эпоху средневековья, не оставившие после себя ни книг, ни писаной истории заговорили со своими потомками. Несмотря на значительное преобладание археологических источников, блестяще изученных автором, этот труд является прежде всего историческим исследованием. В нем последовательно изложен весь ход исторического процесса, протекавшего в среде сибирских племен и народностей. От эпохи неолита до периода возникновения и развития средневековых государств — таков громадный хронологический диапазон монографии С. В. Киселева. Особенно ценно, что в этой книге намечены пути изучения истории развития конкретных племен и народностей, явившихся непосредственными предками современных коренных народов Южной Сибири.

Однако в этой замечательной книге, написанной на основе тщательного исследования всех известных в то время материалов и источников, отсутствовала глава о древней и средневековой истории Тувы. Между тем Тува, занимающая южную часть Саяно-Алтайского нагорья, в основном бассейн верхнего течения великой сибирской реки Енисея, является значительной областью Южной Сибири². По самое важное заключается в том, что население Тувы на протяжении всей своей истории находилось в тесных взаимоотношениях с племенами, населявшими соседние районы Алтая, Хакаско-Минусинской котловины, бассейна Среднего Енисея и Восточного Саяна. Следовательно, без истории Тувы не могут быть

полными наши знания по истории Южной Сибири в целом. Однако материалами по древней и средневековой истории Тувы С. В. Киселев не располагал. Изучение этой страны было замедлено тем, что только в октябре 1944 г. Тува вошла в состав СССР.

Член-корреспондент АН СССР С. В. Киселев был инициатором археологического изучения Тувы и сразу после окончания Отечественной войны совершил в 1946 г. рекогносцировочную поездку в г. Кызыл, а в 1947 г. провел большую разведочную экспедицию по степным районам Тувы³.

Автор настоящего труда, будучи учеником С. В. Киселева, начал свою работу по изучению древней и средневековой истории Тувы с этих археологических экспедиций 1946—1947 гг.

Тогда я получил счастливую возможность познакомиться с братским тувинским народом, с его прекрасной страной и многими сотнями ее археологических памятников, получил возможность вести полевые дневники и присутствовать при важных для исторической науки открытиях экспедиции.

В последующие годы велась подготовительная работа по организации многолетней экспедиции для изучения археологических памятников верховьев Енисея. Тувинская археологическая экспедиция Московского государственного университета, работавшая под руководством Л. Р. Кызласова, в течение семи полевых сезонов (1955—1960, 1962 гг.) исследовала разновременные памятники центральных, северных и отчасти западных и южных районов Тувы. В 1955 и 1957 гг. экспедиция работала совместно с Институтом археологии АН СССР, а в 1956 и 1960 гг. — совместно с Тувинским краеведческим музеем.

Основной задачей нашей экспедиции являлась подготовка материалов для воссоздания

научной истории Тувы и тувинского народа. Для этого необходимо было сначала создать первую классификацию археологических культур Тувы с древнейших времен до эпохи современных тувинцев. Изучив историю археологических исследований в Туве, а также все имевшиеся немногочисленные материалы по архивным данным и музейным коллекциям, экспедиция продолжила изучение археологических памятников Тувы⁴. Особое место заняли исследования оседлых земледельческих поселений, крепостей и городов, которые были до нас мало известными. В результате планомерных работ слаженного коллектива участников экспедиции были получены многочисленные ценные археологические данные, относящиеся к различным эпохам. Была создана первая классификация археологических культур Тувы с древнейших времен до наших дней.

Изучение археологических источников в сопоставлении с известными письменными сообщениями позволило нам создать не только периодизацию древней истории⁵, но и предлагаемую работу по научной истории Тувы в средневековый период — исследование, заполняющее определенный пробел в изучении истории Южной Сибири и Центральной Азии.

При этом, естественно, были учтены извест-

ные и опубликованные материалы как наших предшественников (А. В. Адрианов, С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова), так и современников, трудившихся в смежных экспедициях Института этнографии АН СССР (руководитель Л. П. Потапов) и Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (руководитель М. Х. Маннай-оол).

Автор считает приятным долгом выразить свою глубокую благодарность всем учреждениям, принимавшим участие в организации и работах экспедиции, и, прежде всего, историческому факультету и кафедре археологии Московского государственного университета, Институту археологии Академии наук СССР и Тувинскому краеведческому музею.

Особую признательность выражаю дружному коллективу экспедиции, состоявшему из сотрудников, аспирантов и студентов Московского университета и Института археологии АН СССР.

Также сердечно благодарю рабочих — русских, тувинцев и хакасов, — которые своим трудом добыли многие новые археологические факты, в том числе свидетельствующие о давности исторических связей между братскими народами нашей страны.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ТУВЫ

Состояние изученности проблем средневековой истории Тувы должно быть выяснено с помощью историографического обзора, который начинается в нашей книге с очерка истории археологического изучения территории Тувинской республики. Такой очерк составлен впервые, и потому в него включены также все известные сведения о древних памятниках. Это позволяет нагляднее представить себе на общем фоне степень изученности памятников средневековья.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТУВЫ

Первые сведения об археологических памятниках Тувы относятся к началу XVII в. Еще в 1617 г. в своих «распросных речах» в Москве наблюдательные русские послы В. Тюменец и П. Петров, ездившие в 1616 г. из Томского острога через Хакасию, Саянский хребет и Туву к западномонгольскому алтын-хану на оз. Улсу-Нуур, отмечали развалины древних зданий, которые они видели в верховьях Енисея, где прежде «бывали полаты, а ныне де то место пусто. И мы про те хоромы и полаты розпрашивали Золотого царя старых людей. И они нам сказывали про те хоромы и про полаты: тогде живали.... Золотого царя люди»¹. Судя по маршруту, атаман В. Тюменец и десятник П. Петров, проезжая по долинам рек Ак-Суга и Хемчика, видели остатки уйгурских крепостей VIII—IX вв.².

В течение XVII в. русские послы неоднократно посещали территорию Тувы. Их сообщениями пользовался знаменитый картограф и историк Сибири «тобольский сын боярский» С. У. Ремезов. В составленной им к 1701 г. известной «Чертежной книге Сибири» он отметил, что в Туве, близ озера в истоках Енисея «городок каменной старой, две стены целы, а

две развалились, а которого города, того не знаем»³. Впоследствии Д. А. Клеменц уверенно отождествлял этот городок, упоминаемый С. У. Ремезовым, с открытой им в 1891 г. уйгурской крепостью — на острове оз. Тере-Холь в восточной Туве⁴.

В начале XVIII в. изучением древностей Тувы занялась Красноярская воеводская канцелярия, собравшая сведения о развалинах зданий на р. Тес-Хем и старинной буддийской пещере на р. Чаа-Холь. В 1711 г. сотник Ф. Кольцов и казак Г. Бегунов «с товарищи» были посланы в Туву для возвращения убежавших ясачных хакасов. Разыскивая ставку монгольского князя Гунбека, они случайно «наехали на берегу Теси реки на камня на диком построены полаты каменные из сырого кирпича». Это было двухэтажное здание, в нижней комнате которого «на лавке промеж окон» стояли написанные красками на досках «будто подобно человека персоне», очевидно, изображения будд, а в сенях в отгороженном досками чулане находились «письменные листы», т. е. рукописи. Рядом стояло другое одноэтажное здание⁵. Известный историк и исследователь Сибири Г. Ф. Миллер, исследовавший в 1735 г. в Красноярске это сообщение, дополнительно указал, что здания назывались Лозановы палаты (по-монгольски Лоозан-кит) и стояли они на правом берегу Тес-Хема, а на левом берегу находился еще один дом. Сооружены были эти здания владельцем Тувы алтын-ханом Лозаном (правил в 1660—1690 гг.)⁶.

В 1717 г. из Красноярска в Туву приплыла на лодках по Енисею русская военно-топографическая экспедиция во главе «с детьми боярскими» Андреем Еремесвым и Иваном Навиновниковым, с толмачом и казацким конвоем. Помимо составленной географической карты и письменного донесения они привезли в Красноярск несколько листов

синей и черной бумаги, расписанной золотыми и серебряными буквами (написанных по-тибетски молитв), взятой из буддийской пещеры при устье р. Чаа-Холь⁷. Так была ими открыта и описана вырубленная в восточной скале горы Сюме буддийская ниша Чурумал-бурханной, сооруженная в XIII в. и являющаяся интересным памятником средневекового буддийского искусства⁸.

Красноярские казаки не забыли упомянуть, что «в той же де пещере татарские письма множество, а которого языка того они не ведают и в той же де пещере лук с стрелами и русского хлеба ячмени малое число».

В 1721 г. один из казаков Д. И. Шаров вновь посетил чаа-хольскую пещеру и отметил происшедшие с ней изменения: «которой де был над дверями один болван сидящий и тот де сколот с камени и увезен»⁹.

В 1726 г. красноярский воевода послал отряд казаков со специальным заданием подробно описать чаа-хольскую пещеру и Лозановы палаты, а также привезти оттуда «татарские болваны и письма». Возглавлял отряд Яков Терской. Его товарищами были: И. Потылицын, И. Пойлов и из бывших в Туве казаков Дмитрий Шаров. Толмачом был хакас (качинец) Тонок Сторгулин.

Яков Терской с отрядом поехал к р. Тесь и послал «от себя тайно двух человек к вышеозначенной пещере или капищу на Джанкул речку Ивана Пойлова да татарина Тонока Сторгулина».

Именно И. Пойлову и Т. Сторгулину принадлежат лучшее описание чаа-хольской буддийской ниши и вырезанных в скале барельефных изображений двух стражей, будды и двух его учеников, лица которых уже тогда были «сколоты». Они же застали в пещере «много драных писем» и «стрел ломаных малое число». Как видно из донесения, И. Пойлов и Т. Сторгулин расспрашивали о пещере местных жителей. Тувинцы сообщили, что «во оную же пещеру жертвы они тамошние народы никакой не приносят и молбища никакого не бывает, и как оных болванов или идолов называют того же им не сказал никто, и от тамошних народов не уведомились, а оная де пещера и болваны изстари, и кто оную пещеру делал никто про нее не помнит и не знает».

И. Пойлов и Т. Сторгулин не только описали пещеру и взяли из нее «несколько татарского писма целых листов». Они первыми отметили древние курганы «против той пещеры ниже камени в самой близости на степи татарское кладбище и многое число могил».

До нас дошел хороший рисунок горы с пещерой и курганами перед ней, сделанный И. Пойловым и Т. Сторгулиным¹⁰. Это было первой фиксацией археологических памятников Тувы.

Из материалов, собранных описанными экспедициями красноярских казаков, явствует, что чаа-хольская буддийская ниша уже в начале XVIII в. считалась древней, но какие-то моления перед ней, вопреки заявлению местного населения из улуса даргин Бешперека, все же совершались. Это видно из того, что в течение 1717—1726 гг. периодически кем-то подкладывались в нишу ламаистские (написанные на бумаге по-тибетски) молитвы и жертвоприношения в виде ячменя, сломанных стрел и луков. Свидетели рассказывали Г. Ф. Миллеру в 1735 г. в Красноярске, «что соседние обитатели ежегодно приходят туда и приносят идолам жертвы». Возможно, буддийской часовой пользовались тогда не столько сами тувинцы, сколько часто бывавшие там монголы и их ламы.

Из ученых первым тувинскими древностями заинтересовался зачинатель сибирской археологии Д. Г. Мессершмидт¹¹.

В январе 1722 г. в Абаканском остроге он записал в дневнике со слов одного крестьянина о чаа-хольской пещере, затем «о развалинах древнего города вверх по течению р. Кемчика». Мессершмидт даже хотел «по получении денег в Красноярске или Енисейске отправиться в горы к сойотам». В феврале 1722 г. по пути в Красноярск он в деревне Медведевой записал новое сообщение о чаа-хольской пещере, ее идолах и рукописях¹².

Попав в феврале в Красноярск, он поселился у возглавлявшего экспедицию 1717 г. И. Нашивошникова, который рассказал о Туве и передал ему около двадцати листов молитвенных рукописей и несколько глиняных ламаистских образков, взятых в чаа-хольской пещере¹³. Д. Г. Мессершмидт поделился ими со своим спутником шведом Ф. И. Страленбергом, который в 1730 г. опубликовал молитвенную грамоту и глиняный образок с изображением десятирукого трехликого будды¹⁴.

Об интересе к древним памятникам Тувы свидетельствует также поручение, данное геодезистам Скобелъцину и Баскакову, проехавшим от оз. Косогола через Туву на р. Абакан в 1729 г. Кроме топографической съемки, сбора географических и этнографических сведений им поручался «розыск в области верхнего течения Енисея у р. Еленгуса (Элегеса) каменных идолов»¹⁵.

В 1735 г., находясь в Красноярске, участники известной академической экспедиции 1733—1743 гг. историк Г. Ф. Миллер и натуралист П. Г. Гмелин заинтересовались древними памятниками Тувы.

Г. Ф. Миллер собрал все документы о поездках красноярских казаков в 1711—1726 гг. в Туву, изучил дневники Д. Г. Мессершмидта. Он беседовал со свидетелями и участниками казачьих экспедиций, в частности с П. Нашиховниковым. В результате им были правильно датированы временем алтын-хана Лозана развалины зданий на р. Тес-Хем, детально описана чаа-хольская ниша, дату которой Г. Ф. Миллер, однако, определить не сумел («О сооружителе этого языческого памятника ничего не умею сказать»)¹⁶. Все эти данные с приложением рисунка чаа-хольской ниши, сделанного П. Пойловым и Т. Сторгулиным, Г. Ф. Миллер опубликовал в 1747 г. в статье, написанной по-латыни¹⁷. Это была первая научная публикация археологического памятника, происходящего с территории Тувы.

Г. Ф. Миллер в другой своей статье первым отметил древние медные рудники, указав, «что в тамошних странах должно быть множество медной руды. И, действительно, нашли оную в Саянских горах, искав по старым шурфам и ямам из коих прежние жители сих стран медную руду добывали»¹⁸. Спутник Г. Ф. Миллера П. Г. Гмелин также по расспросам бывалых людей в Красноярске сообщил о других средневековых памятниках Тувы: «На пространстве, лежащем между двумя речками, стоят две мужские фигуры, обращенные лицом друг к другу, каждая в круглой китайской шляпе, с книгою в руке, черными усами и красными губами. У ног той и другой фигуры лежит, говорят, большой лев, хвостом ударяющий в спину ту фигуру, у ног которой он находится; возле него лежит будто-бы еще другой маленький лев»¹⁹. Как теперь известно, здесь описана скульптурная группа XIII—XIV вв., стоявшая до 30-х годов нашего столетия в урочище Чурумал на р. Боянкольчике, левом притоке Улуг-Хема²⁰.

Таковы наиболее ранние сообщения XVII—XVIII вв. об археологических памятниках Тувы. Благодаря публикациям Ф. П. Страленберга, Г. Ф. Миллера и П. Г. Гмелина памятники эти стали известными и сведения о них попали в европейскую литературу начала XIX в.²¹.

После захвата территории Тувы маньчжурскими завоевателями в середине XVIII в. сбор материалов об археологических памятниках прекратился на 140 лет и возобновился рус-

скими путешественниками лишь в 70—80-х годах XIX в.

Осенью 1877 г. Г. Н. Потанин, побывав только на южной окраине Тувы, близ устья р. Эрзин, описал и зарисовал каменные изваяния сидящих людей, уже тогда разбитые²². Как оказалось впоследствии, эти изваяния²³ находились на древнетюркском поминальном сооружении VII—VIII вв.²⁴.

В 1879 г. Г. Н. Потанин обнаружил на левом берегу р. Каа-Хема первую в Туве каменную стелу с руноподобной древней тюркоязычной надписью. Ввиду того что карандашный рисунок Г. Н. Потанина впоследствии сгорел во время пожара²⁵, это открытие осталось незамеченным, и только спустя 82 года стела в долине Саргал-Аксы была обнаружена вновь²⁶.

Кратковременность пребывания в Туве и занятость географо-этнографическими исследованиями не позволили Г. Н. Потанину уделить большее внимание тувинским древностям²⁷. Эти работы продолжил его спутник по экспедиции 1879 г. А. В. Адрианов, который в 1881 г. собрал некоторые сведения об исторических памятниках²⁸. Не вдаваясь в детали, А. В. Адрианов бегло описал буддийские ниши на р. Чаа-Холь и в скале Бижикинг-Хая на Хемчике, 5 каменных изваяний (относящихся по современным данным к VIII—IX вв.) на реках Хемчик, Шем и Чадан; курганы, оросительные каналы и писаницы на Хемчике и Улуг-Хеме, скульптурную группу людей и львов на р. Боянкольчике близ горы Хайыракан. Самым важным результатом его поездки было открытие руноподобной надписи на скале Хая-Бажы на правом берегу Хемчика. К сожалению, рисунки и чертежи А. В. Адрианова настолько некачественны, что не могут считаться документальной фиксацией памятников.

В 1882 г. Туву посетил горный инженер П. С. Боголюбский, который нашел две новые строки руноподобной надписи на скале Хая-Бажы и открыл каменную стелу близ реки Куйлуг-Хема (правого притока Улуг-Хема) с аналогичной надписью. Кроме того, Боголюбский путем опроса собрал некоторые сведения о пещерах, остатках крепостей из глиняных валов по Ак-Сугу и Чадану, о писаницах и о земляных курганах на Уюке²⁹.

Летом 1887 г. по степной части Тувы проехал любитель археологии П. П. Кузнецов, который опубликовал свои рисунки типов курганов, каменных изваяний и одного обломка стелы с изображением всадника-копыеносца³⁰.

В 1887—1889 гг. на Саяно-Алтайском на-

горье работала экспедиция Финского археологического общества под руководством И. Р. Аспелина, профессора Хельсингфорского университета, крупного знатока финно-угорских древностей, стремившегося разрешить вопросы происхождения финнов. Опираясь на мнение финского лингвиста М. А. Кастрена, побывавшего в Хакаско-Минусинской котловине в 1847 г., Аспелин сделал ошибочный вывод о том, что финские племена расселились на запад с Саяно-Алтая еще в бронзовом веке. По его мнению, раскопанные к тому времени в Хакаско-Минусинской котловине каменные оградки, в которых были найдены погребения с великолепными бронзовыми изделиями, а также обнаруженные на Енисее каменные столбы с неизвестными надписями, напоминающими древнегерманские руны — это памятники, оставленные на Енисее финскими племенами бронзового века, впоследствии переселившимися на запад за Урал. Следовательно, сделал вывод Аспелин, прародина финнов находится в верховьях Енисея, а «упомянутые надписи на курганных камнях представляют финно-угорский праязык не менее трех тысячелетий тому назад»³¹.

Как нам теперь известно, взгляды Аспелина были ошибочными. Енисейские надписи оказались написанными по-древнетюркски в VII—XIII вв. н. э. Однако тогда эти взгляды и энтузиазм Аспелина позволили финнам провести на Саяно-Алтае трехлетнюю археологическую экспедицию, которая хотя и не нашла там прародины финнов, но открыла и ввела в научный оборот огромный хорошо зафиксированный научный материал. Главной задачей экспедиции была фиксация известных и розыски новых памятников енисейской письменности.

В Туве финны работали в 1888 и 1889 гг. В 1888 г. И. Р. Аспелин и художник К. Вуори приехали из Горного Алтая, перевалив в верховьях Чулышмана у оз. Джулу-Куль через Шапшальский хребет и спустившись по долине р. Улуг-Шуй на Барлык и Хемчик. Проехав по Хемчику, они попали на Чаа-Холь и далее поднялись по Улуг-Хему до устья Элегеста. Оттуда (ур. Салдам) на плоту они уплыли в Минусинск. За короткий срок пребывания в Туве финны благодаря указаниям русского торговца Г. П. Сафьянова, имевшего торговые фактории на Хемчике, Улуг-Хеме и Уюке, успели зафиксировать в хороших рисунках ряд древних памятников. К. Вуори зарисовал (еще на Улуг-Шуе) каменный курган с кольцом и ряд оленних камней уюкской культуры, оградку и древнетюркские изваяния VI—VIII вв.,

шесть каменных изваяний людей VIII—IX вв. на Хемчике и Улуг-Хеме³². Естественно И. Р. Аспелин и его спутник не имели тогда представления о датировке этих памятников.

Наибольшее внимание они сосредоточили на руноподобных надписях, которые зарисовывали и эстампировали. Прежде всего Аспелин обследовал скалу Хая-Бажы на Хемчике, которую совершенно справедливо сопоставил с Сулекской наскальной писаницей в Хакасии, а также эстампировал 11 каменных стел с надписями (9 у Чаа-Холя, на Куйлуг-Хеме³³ и на левом берегу Элегеста). Кроме того, по слов Г. П. Сафьянова Аспелин сообщил о древних крепостях на реках Чадан и Ак-Суг, а также отметил «дорогу Чингисхана», по которой он проехал с Хемчика на Чаа-Холь, приняв ее за насыпь на борту древнего канала.

Прибыв в Минусинск, Аспелин узнал о новых тувинских стелах с надписями от директора Минусинского музея Н. М. Мартынова и решил вновь отправиться в Туву в сентябре того же года. На этот раз они проехали на конях через Саяны по маршруту современного Усинского тракта. Они посетили долину Уюка и его притоки Тарлаг и Туран и затем проследовали по левому берегу Енисея до Чаа-Холя, откуда снова уплыли на плоту в Минусинск³⁴.

Финские археологи сняли эстампажи еще с пяти стел с руноподобными надписями (Уюк-Тарлаг, Уюк-Аржан, Уюк-Туран, Оттук-Даш I, Карасуг Улуг-Хем), описали подробно огромный каменный курган на Уюке, зафиксировали скульптурную группу XIII—XIV вв., состоявшую из людей и львов на р. Боянкольчике, сведения о которой записал еще Н. Г. Гмелин. Таким образом, в 1888 г. финские исследователи зафиксировали в Туве 17 памятников енисейской письменности, которые, вместе с 15 памятниками из Хакаско-Минусинской котловины, были опубликованы ими в 1889 г.³⁵

В 1889 г. И. Р. Аспелин направил в Туву А. О. Гейкеля, который проехал Саяны по Арбатской тропе. В августе — сентябре он сфотографировал те памятники енисейской письменности, которые были эстампированы и зарисованы в 1888 г., а также найденные им новые стелы: Хемчик-Чиргаки и «третий памятник» с Чаа-Холя³⁶. Обе стелы стояли возле курганов, и А. О. Гейкель хотел их раскопать, но сделать это ему не разрешило тувинское начальство³⁷.

То, что стелы стояли около курганов, отметил в 1888 г. и сам Аспелин, описав те курганы около которых «с восточной стороны в 2—3 м стояли стелы с надписями»³⁸. Так, впервые

археологи установили взаимосвязь некоторой части памятников письменности с могилами их создателей.

В конце экспедиции И. Р. Аспелину, объявившему памятники енисейской письменности чудскими или финскими эпохи бронзового века, пришлось разочароваться. В 1889 г. была доказана поздняя датировка этих надписей: в Минусинском музее в присутствии Аспелина обнаружили монету 841—846 гг. с дополнительной енисейской надписью³⁹. Это, а также последовавшая в 1893 г. расшифровка этой письменности, доказавшая ее тюркоязычность, опровергли выводы Аспелина. Он охладел к собранному экспедицией великолепным материалам. В результате основные достижения экспедиции, в том числе и по исследованию древностей Тувы, были опубликованы А. М. Тальгреном и Х. Аппельгреном-Кивало только в 20—30-х годах⁴⁰.

Еще до работ экспедиции Финского археологического общества разведочные работы в Туве проводил Д. А. Клеменц, сотрудник Минусинского музея. Попав в 1885 г. в западную Туву, он в устье р. Ак-Суг открыл городище, обнесенное по четырехугольнику валами и рвами, в верховьях этой реки — остатки глинобитной стены, а на р. Манчурек — остатки глинобитного здания. Продолжив свои исследования в 1887 г. в центральной Туве и на Хемчике, он обследовал городище Бажын-Алак на р. Чадан. В 1891 г. в связи с маршрутными работами, порученными ему известной Орхонской экспедицией Академии наук, Д. А. Клеменц кратко описал аналогичные городища на реках Барык и Чааты (III Шагонарское городище), а также открыл и обследовал (со снятием плана) руины четырехугольного городища на юго-восточной окраине Тувы, на острове оз. Тере-Холь. Д. А. Клеменц отнес Тере-Хольскую крепость к уйгурскому периоду на основании совпадения топографии ее развалин с тем же обследованной крепостью уйгурского Хара-Балгаса на р. Орхон⁴¹.

Таким образом, Д. А. Клеменц был первым исследователем, начавшим сбор сведений о древних городах Тувы. Кроме того, он описал курганы долины Уюка, среди которых выделил огромные земляные и каменные насыпи, описал и зарисовал скульптурную группу XIII—XIV вв. на р. Боянкольчике близ горы Хайыракан и при этом писал о Туве, что «археологические богатства ее далеко не исчерпаны».

Особое внимание, по заданию Орхонской экспедиции, в 1891 г. было обращено на памятники енисейской письменности. Им были открыты для науки четыре стелы с надписями

на р. Барык, левом притоке Улуг-Хема⁴² и, кроме того, зарисованы и вновь эстампированы уже известные тексты: со скалы Хая-Бажы, со стелы по левому берегу Элегеста, Уюк-Туран, Уюк-Тарлаг, Карасуг, четыре стелы на р. Чаа-Холь, Куйлуг-Хем. Как известно, эстампажи Д. А. Клеменца вместе со снимками финской экспедиции были основой при расшифровке и первых переводах памятников енисейской письменности⁴³.

В 1892 г. поиски новых руноподобных надписей в Туве и эстампирование старых производил по поручению Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества В. А. Ошурков. Он обследовал 12 стел с надписями, из которых две оказались еще неизвестными (Бегре и «первый памятник» с Чаа-Холя)⁴⁴, а также снял эстампажи на полотне с двух писаниц на скалах: 1) на берегу р. Убур-Торгалыка, притока оз. Убса-Нур, по южному склону Танну-Ола и 2) на правом берегу Улуг-Хема при впадении р. Малый Боянкол⁴⁵. Найденную им стелу на левом берегу Улуг-Хема ниже устья Чаа-Холя («первый памятник с Чаа-Холя») он на плоту сплавил в Минусинск, где передал на хранение в Минусинский музей (в музей инв. № 33)⁴⁶. Так впервые памятник енисейской письменности из Тувы оказался в музее. В. А. Ошурков посетил также буддийскую нишу XIII—XIV вв. Чурумал-бурханнэг, расположенную в устье Чаа-Холя.

В конце XIX в. сборы археологических находок начинает созданный Н. М. Мартьяновым Минусинский краеведческий музей. В музей поступали случайно найденные древние предметы из Усинского округа и Тувы, которые присылали русские крестьяне и торговцы, а также хакасы-переселенцы.

Так, в 1875 г. Г. П. Сафьянов подарил музею найденную в Саянах на р. Пиджике иранскую серебряную медаль 1320 г.⁴⁷ В 1893 и 1896 гг. в музей поступили различные предметы из с. Усинского и с Хемчика, а в 1897 г. этнограф П. Е. Островских доставил с р. Чаа-Холя стелу с надписью «Чаа-Холь VII» (в музей инв. № 35)⁴⁸.

В 1894 г. на реке «Бом-Кемчик» был найден спиральный золотой браслет уюкского времени, который через известного коллекционера инженера И. А. Лопаткина попал в Эрмитаж⁴⁹. В 1900 г. П. И. Сафьянова подарила музею великолепную каменную фигуру человека VIII—IX вв., найденную «на степном берегу Енисея близ фактории купца Г. П. Сафьянова», по-видимому на Салдаме близ устья Элегеста. В том же году из Усинска поступил глиняный сосуд⁵⁰.

В 1901 г. из Усинского округа разными лицами были подарены: меч с бронзовым навершием, чугунный отвал от плуга, а также новый тип боевого чекана от Г. П. Сафьянова, который также «при участии А. В. Адрианова, доставил в музей камень с хорошо сохранившимися тюркскими рунами, взятый на берегу Енисея в Сойотин»⁵¹. На деле это был памятник Хемчик-Чиргаки, который Г. П. Сафьянов доставил с Хемчика на устье р. Ус в улус Мохова, где в 1901 г. его увидел Адрианов и увез в Минусинск⁵². В 1902 г. Г. П. Сафьянов прислал музею глиняную вазу шурмакской культуры из вскрытого кургана на Салдаме.

В 1907 г. из Тувы были присланы музею: чугунный лемех и древний меч⁵³.

В 1902—1903 гг. Минусинский музей организовал этнографическую экспедицию в Туву, которую возглавил Ф. Я. Кон. Хотя, как писал сам Ф. Я. Кон, «археологическое исследование выходило за пределы программы», он фотографировал встречавшиеся памятники старины (каменные изваяния), обследовал и описал (вслед за Д. А. Клеменцом) крепость на оз. Тере-Холь, открыл статую тигра у горы Хайыракан на Улуг-Хеме и там же четыре обломка плиты с надписью, два из которых отослал в музей вместе с найденным им близ урочища Чер-Чарык на правом берегу Хемчика новым камнем с енисейской надписью. В 1902—1903 гг. Ф. Я. Кон, кроме того, приобрел в Усинском округе бронзовые, медные и чугунные предметы из числа случайных находок и сдал в музей⁵⁴.

В 1902 г. вторичную поездку по Туве совершил В. А. Ошурков, который, не будучи археологом, только упомянул некоторые древности долины Хемчика: каменные изваяния людей тюркского и уйгурского периодов, известную писаницу Бижикиг-Хая и каменные курганы с оградами на Ак-Карасуге, очевидно, уюкского времени⁵⁵.

В 1906—1907 гг. древностям Тувы некоторое внимание уделил финский географ И. Г. Гранэ, изучавший северо-западную Монголию и отчасти Туву. В 1906 г. ему был поручен розыск руноподобных памятников. В связи с этими поисками он обнаружил на р. Уюке семь оленных камней, описал каменный курган Аржан, большие земляные курганы, стоявший у малого кургана памятник Уюк-Аржан, а также Туранский камень. В 1907 г. он побывал на р. Элегесте, где зафиксировал у курганов две стелы с енисейскими надписями (Элегест II и III)⁵⁶, и описал, принятую им за жертвенное место, скульптурную группу из двух львов и двух баранов, которая,

как теперь нами выяснено, стояла на кладбище города XIII в. в урочище Ден-Терек. Кроме того, он сфотографировал на левом берегу Элегеста квадратную каменную базу с углублением, затем ниже по реке, писаницу и давно известную элегестскую стелу с надписью, найденную еще П. Р. Аспелиным.

С Элегеста Гранэ проехал на р. Боянкольчик, где описал и зафиксировал скульптурную группу XIII—XIV вв. в урочище Чурумал, которая известна была со времен П. Г. Гмелина. После этого в верховьях Боянкольчика он обнаружил новые каменные скульптуры человека, льва и две другие, им не понятые. Затем после фотографирования стел с руноподобными надписями у р. Телэ и Чаа-Холь Гранэ увез одну из них в Европу и сдал в музей Хельсинки⁵⁷.

Отметим также, что древние памятники находили горные инженеры и промышленники, ведшие в Туве поиски полезных ископаемых. Так, при разведках на медь в 1911—1913 гг. инженер Б. М. Порватов, состоявший на службе у золотопромышленника Иванецкого, обнаружил в долинах Хемчика и Улуг-Хема пять древних медных рудников и одно место выплавки меди⁵⁸.

В 1913 г., по поручению Общества естественных испытателей при Казанском университете большую экспедицию в Туву возглавил, только что окончивший университет биолог С. А. Теплоухов. Экспедиция имела четкую задачу исследовать этот край «с антропологической, археологической и этнографической целями», а также с целью сбора зоологических препаратов. Проехав Саяны на верховых лошадях, экспедиция успешно проработала два месяца и в конце сентября выехала на плоту по Енисею. Ведя преимущественно антропологические исследования, С. А. Теплоухов собрал в Туве не только краниологическую, но большую этнографическую коллекцию, а также некоторые археологические предметы. Помимо этого он фотографировал встречавшиеся ему наскальные рисунки, в частности писаницу на Малом Боянколе⁵⁹.

Поездка С. А. Теплоухова в 1913 г. по степным просторам Хакаско-Минусинской котловины и Тувы, почти сплошь покрытым разнообразными и разновременными курганами, вертикально установленными каменными плитами, древними скульптурами и писаницами, а также знакомство с замечательными коллекциями Минусинского музея имели решающее значение в жизни молодого исследователя. Он вскоре забросил биологию и переключился на изучение археологических памятников долины

Енисея, став в двадцатых годах XX в. крупным археологом-сибиреведом.

В 1914 г.⁶⁰ дилетантские обследования и бессистемные раскопки произвел С. Р. Минцлов — чиновник особых поручений, посланный в Туву Переселенческим управлением под видом археолога⁶¹.

Сообщение об его «археологических» исследованиях в Туве, доставивших «важные» результаты и коллекцию предметов из раскопок весом «свыше 24 пудов» (!), опубликовали многие газеты⁶². Так как в то время любые сведения об археологических памятниках Тувы были новостью для науки, то статья Минцлова была помещена в археологическом издании⁶³, а доклад о поездке прочитан в Географическом обществе⁶⁴.

Что касается «археологической» деятельности Минцлова, то она вызвала резкую критику современников⁶⁵. С. Р. Минцлов разрывал курганы шурфом, поручал раскопки своим рабочим и уходил, возвращаясь лишь для сбора вещей. Ни чертежей, ни дневников он не вел, сводя все дело к сбору предметов. Основу коллекции Минцлова составили древние вещи, которые ему передал «заведующий устройством русского населения» В. К. Габаев, заставивший русских крестьян-переселенцев разрыть курганы в массовом порядке⁶⁶. За это С. Р. Минцлов выразил ему печатно «самую искреннюю благодарность».

Такие «раскопки» были произведены у Таиу-Ола близ д. Сосновки, у д. Знаменки и д. Федоровки на Каа-Хеме и в урочище Саадак-Терек на Хемчике. Минцлов легко «классифицировал» все курганы Тувы: а) земляные — «медного века», в которых находятся в срубах скорченные скелеты с медными предметами, «совершенно однородными с минусинскими» и б) каменные — «монгольские», в которых скелеты лежат на поверхности земли и сопровождающие их вещи сделаны из железа. В первых встречаются скелеты людей «длинноголовой» расы, во вторых — «круглоголовой». Наконец, к третьему типу отнесены «сидячие погребения» и к четвертому — могилы с подбоями в Саадак-Терек. Гораздо больший интерес представляют сведения разведывательного характера (о древних статуях, пещерах, крепостях, рудниках и случайных находках), собранные С. Р. Минцловым.

В 1915—1916 гг. в Туве были произведены первые раскопки курганов сибирским археологом А. В. Адриановым, который к тому времени имел более чем тридцатилетний опыт раскопочных работ древних сооружений Южной Сибири. Произведя сравнительно большие

раскопки памятников, Адрианов ничего не опубликовал, кроме писем⁶⁷ и хроникальных заметок. В 1915 г. им было раскопано 22 кургана на левом берегу Улуг-Хема по обе стороны от устья Элегеста (Салдам, гора Курже, степь Бай-Булун), а также на левом берегу Элегеста под горой Чинге. Кроме того, на правом берегу Элегеста им был заложен шурф на известном теперь городище Ден-Терек⁶⁸. В 1916 г. Адриановым было раскопано еще 38 курганов и одно «загадочное сооружение» в долине р. Бий-Хем (близ устья Тапсы, между Шивиликами), на р. Бегре (лог Мунгаш-Чирик) и по левому берегу Уюка (в устье Тарлага и в степи между Аржаном и Уюком)⁶⁹.

А. В. Адрианов, не получив специального образования, был археологом-самоучкой и потому его раскопки с методической стороны были несовершенны. Он копал курганы «колдцем», не разбирая всей насыпи, не фиксировал разрушаемые им памятники на планах и разрезах, то есть не исследовал их целиком⁷⁰. Но все же он вел подробный дневник с приблизительными схемами, фотографировал некоторые детали раскопок, а впоследствии в музее Томского университета предметы были им покурганно нашиты на планшеты и сфотографированы⁷¹.

При классификации древних памятников Тувы мною установлено, что 40 курганов, раскопанных Адриановым, могут быть датированы, а 21 не датируются (кенотафы, погребения, разграбленные в древности, не имеющие вещей и т. п.). В 40 курганах было раскопано 46 погребений, из которых, по моим данным, шесть относятся к уюкской культуре, восемь — к шурмакской, два поминальных кургана датируются V—VI вв., пять погребений относятся к уйгурскому периоду (VIII—IX вв.), двадцать три — являются древнехакасскими (18 — относятся к IX—X вв., 5 — к XI—XII вв.), одна могила датируется XIV в. и одна, тувинская, — XVIII в.

Большое внимание уделил Адрианов енисейским надписям⁷². Он раскопал пять курганов, у восточной или юго-восточной стороны насыпей которых стояли стелы с надписями (г. Чинге, 1915, № 18; Бай-Булун, 1915, № 21 и 22; Мунгаш-Чирик, 1916, № 34 и Коктон, 1916, № 54)⁷³. Три стелы были вновь открыты Адриановым в 1915 г.: в степи Бай-Булун на левом берегу Улуг-Хема в 7,5 км ниже устья Элегеста (памятники Бай-Булун I и Бай-Булун II) и в логу Улуг-Сайыр на правой стороне Улуг-Хема против устья Элегеста (в горах в 10 км от берега Улуг-Хема)⁷⁴.

В 1915 г. А. В. Адрианов отправил на плоту в Минусинский музей 5 памятников с рунами: Элегест I (№ 10; у кургана № 18 горы Чинге; открыт И. Р. Аспелиным в 1888 г.), Бай-Булун I (у кургана № 21), Бай-Булун II (у кургана № 22), Оттук-Даш I (открыт И. Р. Аспелиным в 1888 г.) и Оттук-Даш II (открыт А. В. Адриановым в 1915 г.)⁷⁵. В 1916 г. им были открыты три новых памятника: Кызыл-Чираа I, Кызыл-Чираа II, Көжээлиг-Хову на р. Эжим и сфотографирована «Ак баштыг көжээ» на р. Телэ⁷⁶. Точное количество stel с надписями, перевезенных А. В. Адриановым в Минусинский музей в 1916 г., установить не удалось, но среди них были: Уюк-Тарлаг, Уюк-Аржан (у кургана № 54 в ур. Коктон), Бегре (у кургана № 34 в логу Мунгаш-Чирнк; открыт В. А. Ошурковым в 1892 г.), Эль-Бажы (две части плиты под фигурой тигра в ур. Эль-Бажы на левом берегу Улуг-Хема, в 3 км выше горы Хайыракан; два обломка той же плиты вывезены были Ф. Я. Коном в 1902 г.)⁷⁷.

Перезимовав в Туве, А. В. Адрианов провел большие разведки в марте—мае 1916 г. от р. Ак-Суга и долины Хемчика до Бий-Хема и его притоков, открыв и сфотографировав различные памятники, но об этом нам известно лишь по описи его фотографий.

Неопубликованные материалы экспедиции А. В. Адрианова много лет лежали подспудно, и только в наших работах они стали вводиться в научный оборот.

Упомянем также, что в 1916 г. штейгером П. Е. Макаровым была открыта древняя медеплавильня на р. Бай-Сют, которая после опубликования ее чертежа в 1934 г. вошла в археологические издания как единственная в СССР зафиксированная древняя печь для плавки медной руды⁷⁸.

В 1915—1918 гг., работая в переселенческой экспедиции, сотрудник Красноярского музея А. П. Ермолаев заинтересовался археологическими памятниками. Он занимался покупкой случайно найденных древних медных, бронзовых (удила, пряжки, зеркала, наконечники стрел и т. д.), железных, чугунных (сошники, отвалы, кувшины) и каменных (жернова) предметов, сборами керамики на песчаных выдувах близ теперешнего Кызыла, эстампированием и зарисовкой енисейских надписей и каменных изваяний, поисками «древних построек» в Западной Туве и изучением инвентаря поздних тувинских погребений XVIII—XIX вв., среди которого, как он указывает, встречались даже ружья⁷⁹.

Образованной в 1921 г. Тувинской Народной Республике (1921—1944 г.) Советское го-

сударство оказывало разностороннюю помощь. В те годы при Академии наук СССР была создана «Комиссия по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской республик», которая для производства археологических работ привлекла уже достаточно известного археолога С. А. Теплоухова, занимавшегося с 1920 г. исследованием памятников соседней Хакасско-Минусинской котловины.

Экспедиция С. А. Теплоухова работала в Туве три сезона: в 1926, 1927 и 1929 гг. В 1926 г. были совершены два разведочных маршрута от Кызыла на запад в долину Хемчика и по р. Элегесту, южному склону Танну-Ола через Чагатай-Холь на Балгазик и Кызыл. При этом было раскопано 59 различных памятников. В 1927 г. раскопки продолжались в районе с. Шагонара, по «Чингисхановой дороге» в долине р. Чаа-Холь и близ с. Туран (35 курганов). В 1929 г. работы продолжались на севере Тувы в долине Уюка и его притоков Туран и Могой (66 памятников). Таким образом, всего С. А. Теплоуховым было раскопано 160 различных памятников и обследовано много писаниц, каменных изваяний, стоянок и т. п.

Экспедицией С. А. Теплоухова был собран ценный и многочисленный археологический материал, но он остался неопубликованным, если не считать кратких предварительных отчетов⁸⁰ да небольших заметок, где описаны отдельные предметы⁸¹. Позднее в литературе появились некоторые разрозненные факты из материалов С. А. Теплоухова: по палеолиту⁸², о находках оловянных предметов⁸³ и т. п. Г. П. Сосновским была написана заметка о памятниках «скифского» времени⁸⁴. Полностью материалы, добытые С. А. Теплоуховым, начали вводиться в научный оборот лишь в наших работах.

В 1930-е годы археологи в Туве не работали. Можно только упомянуть, что продолжали изучать вывезенные прежде в Минусинский музей стелы с енисейскими надписями.

В 1936 г. известный тюрколог С. Е. Малов опубликовал и перевел памятники Хемчик-Чиргаки, Бай-Булун II (под названием «Второй памятник Минусинского музея»), Кызыл-Чираа⁸⁵. В 1939 г. С. В. Киселев опубликовал и перевел тексты еще пяти stel из Тувы, точное местоположение которых было ему неизвестно. Это памятники: Бай-Булун I (А), неизвестная плита Б (в музее № 42 и 42а), Оттук-Даш I (В), неизвестный столб Г (в музее № 41), неизвестный столб Д (в музее № 36)⁸⁶.

В конце 1930 г. в Кызыле был создан небольшой краеведческий музей, в котором не

было отдела археологии. С 1935 по 1941 г. музей не работал. После реорганизации в 1941—1942 гг. сотрудники музея провели экспедицию «по внешнему описанию памятников древней культуры» под руководством Н. М. Богатырева и в 1943—1945 гг. под руководством тувинского ученого Д. В. Данзын-оола⁸⁷.

В 1941 г. обследование велось в долине р. Уюка, где было учтено 492 кургана и раскопаны в местности Азют три тувинских могилы XVII—XVIII вв. В 1942 г. в верховьях Хемчика обследовано 103 кургана, 15 каменных изваяний VI—IX вв., писаницы у пос. Кызыл-Мажалык (Бижиктиг-Хая), пос. Тээли и в Эрги Барлыке.

В 1943—1945 гг. Данзын-оолом (при участии Ширапа) были скопированы некоторые памятники енисейской письменности по Улуг-Хему (Кызыл-Чираа I, II, Көжээлиг-Хову на Эжиме, Телэ и др.), а главное, путем опроса и обследования собрано значительное количество сведений о местонахождении разнообразных памятников.

Собранные материалы, отчеты и рисунки хранятся в музее Кызыла. В последующие годы музей проводил некоторую работу по сбору случайных находок и регистрации памятников.

Из местных начинаний отметим еще сделанные в те же годы для популяризации и не имеющие самостоятельного значения переводы некоторых енисейских текстов с немецкого издания В. В. Радлова⁸⁸.

На Всесоюзном археологическом совещании в начале 1945 г. среди задач на будущее, намеченных при участии С. В. Киселева, было сказано: «советские археологи должны оказать помощь археологическому изучению соседних дружественных стран, древности которых во многом освещают и нашу историю. Здесь в первую очередь нужно назвать Монгольскую и Тувинскую народные республики»⁸⁹.

Эта задача была облегчена тем, что Тува в октябре 1944 г. добровольно вошла в состав СССР на правах автономной области (теперь Тувинская АССР).

Археологическое исследование Тувы было включено в план работ 1946—1950 гг. Института истории материальной культуры АН СССР⁹⁰. Так как материалы А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова в то время не только не были опубликованы, но и были недоступны для изучения, то начинать надо было с разведок. В конце лета 1946 г. по приглашению Тувинского облисполкома в Кызыл прибыла Саяно-Алтайская археологическая экспедиция АН

СССР под руководством профессора С. В. Киселева при участии Л. А. Евтюховой и Л. Р. Кызласова⁹¹. Эта предварительная поездка позволила ознакомиться с архивными материалами и сборами областного музея, научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ТНИИЯЛИ, создан в октябре 1945 г.), наметить маршрут будущих разведок и посетить писаницу в устье р. М. Боянкол близ Кызыла.

В 1947 г. экспедиция в том же составе в течение двух месяцев вела маршрутные разведки во многих районах, открыв десятки разнообразных памятников (крепостей, курганов, оленных камней, каменных изваяний людей и львов VI—IX вв.; пещер, писаниц и надписей на скалах и т. п.). Были открыты новые памятники енисейской письменности: Малиновка, Кезек-Хурэ, а также (еще не опубликованные) Элегест II и Элегест III. Кроме того, были эстампированы и сфотографированы стелы из Кызыл-Чираа, наскальные надписи Хая-Бажы, среди которых были обнаружены новые надписи⁹². К сожалению, материалы этой экспедиции остались неопубликованными, за исключением тех статуй, которые были изданы в монографии Л. А. Евтюховой о каменных изваяниях VI—IX вв.⁹³.

В конце 40-х годов продолжались сборы материалов. В верховьях Элегеста, близ Хову-Аксы, геологи в 1948—1949 гг. открыли древние медные рудники на горе Кара-Хая и Бош-Даг, где они собрали большую коллекцию орудий горного дела⁹⁴. В 1948 г. поездку в Туву совершил археолог Минусинского музея Э. Р. Рыгдылон, который привез в музей стелу из Малиновки и опубликовал найденные близ Бай-Хака плужные отвалы и лемехи XIII—XIV вв.⁹⁵. Тогда же Ю. Л. Аранчын нашел первую стелу с енисейской надписью к югу от хребта Танну-Ола близ Самагалтая⁹⁶.

Особенно большое значение имел труд С. Е. Малова, вышедший в 1952 г. и содержащий новые переводы памятников енисейской письменности, в том числе и найденных в Туве⁹⁷.

Широкие развернутое исследование археологических памятников Тувы силами нескольких научных учреждений началось в 1950-х годах. Краеведческий музей Кызыла, ведущий регистрацию памятников и сборы случайных находок, в 1953—1954 гг. организовал небольшие раскопки охранного значения тех курганов, которым грозило разрушение в ходе строительных или геологических работ. Раскопки возглавил этнограф музея С. П. Вайнштейн⁹⁸.

В 1953 и 1955 г. археологические разведки в некоторых районах западной и южной Тувы проводил по поручению Института этнографии АН СССР археолог А. Д. Грач, уделивший основное внимание памятникам древнего искусства: наскальным рисункам и древнетюркским каменным изваяниям⁹⁹.

В 1955 г. начала свои многолетние работы Тувинская археологическая экспедиция Московского гос. университета под руководством Л. Р. Кызласова, которая в течение семи полевых сезонов (1955—1960, 1962 гг.) исследовала разновременные памятники центральных, северных и, отчасти, западных и южных районов Тувы.

В 1955 и 1957 гг. экспедиция работала совместно с Институтом археологии АН СССР, а в 1956 и 1960 гг. совместно с Тувинским краеведческим музеем.

Археологическая экспедиция МГУ поставила своей основной задачей построение классификации археологических культур Тувы с древнейших времен до культуры современных тувинцев (XVI—XIX вв.)¹⁰⁰ с тем, чтобы подготовить материалы для создания научной истории Тувы¹⁰¹. Особое место заняли исследования оседло-земледельческих поселений, крепостей и городов, датировка и количество которых оставались до того совершенно неизвестными¹⁰².

В 1955 г. начала свои работы археологическая экспедиция Тувинского НИИЯЛИ, которую в 1955—1958 гг. возглавлял С. И. Вайнштейн¹⁰³, а в 1960—1968 гг. — первый тувинский археолог М. Х. Манай-оол¹⁰⁴. В 1957—1963, 1965—1966 гг. в Туве работала Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством Л. И. Потапова¹⁰⁵, археологические отряды которой возглавляли А. Д. Грач (1957—1961 гг.), С. И. Вайнштейн (1959—1960 и 1962—1963 гг.) и В. П. Дьяконова (1961—1963 и 1965—1966 гг.)¹⁰⁶.

Задачей этой экспедиции, выпустившей два тома трудов¹⁰⁷, является решение вопроса о происхождении современного тувинского народа и в связи с этим изучение тех археологических памятников, которые могут характеризовать важнейшие этапы этнической истории тувинцев.

Наконец, следует отметить полевые исследования археолога Я. И. Сунчугашева по теме «Горное дело и металлургия в древней Туве», работавшего в 1959—1963 гг. в районе Хову-Аксы и на правом берегу р. Каа-

Хем¹⁰⁸, а также статьи Н. Л. Членовой, написанные по музейным материалам¹⁰⁹. В 1965 г. начала свои работы Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР под руководством А. Д. Грача¹¹⁰.

В 1960 г. в музее г. Кызыла хранилась стела с енисейской надписью Уюк-Туран и привезенные мною в 1959—1960 гг. памятники Кезек-Хурэ и Элегест II. В 1961 г. сотрудники музея при участии тюрколога А. М. Щербака привезли еще 15 камней с надписями, а в 1963 г. в музей поступила стела Сайгын из Тес-Хема. Таким образом, в Кызыльском музее-создалось собрание из 19 памятников енисейской письменности.

В 1961—1962 гг. в Туве было обнаружено семь рунических памятников: Хербис-Баары¹¹¹ и Оттук-Даш III привезены музейными сотрудниками, а Саргал-Аксы, Суглук-Адыр-Аксы, Канмылдыг-Хову и Ортаа-Хем опубликованы З. Б. Арагачи¹¹².

Мною в 1962 г. был открыт памятник Ир-Холь (Элегест IV)¹¹³. Наконец, в 1964 г. был открыт еще новый памятник Ийме¹¹⁴, а в 1965 г. — 3 памятника в Кара-Булуне. Таким образом, в Туве к 1965 г. насчитывалось 53 памятника енисейской письменности и было известно местонахождение пятьдесят четвертого, погибшего для науки (Эльдег-Кежиг)¹¹⁵.

Таким образом, всю историю археологического изучения Тувы можно разделить на четыре этапа:

- 1) период раннего ознакомления с наземными памятниками (1616—1752 гг.), в конце которого появляются их первые публикации (Г. Ф. Миллер, 1747 г.); 2) период сбора и изучения памятников енисейской письменности, сбора археологических фактов (1877—1918 гг.), когда в Туве появились первые археологи (Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов, И. Р. Аспелин, А. О. Гейкель) и были проведены первые научные раскопки курганов А. В. Адриановым (1915—1916 гг.); 3) период Тувинской Народной Республики (1921—1944 гг.), когда работала экспедиция С. А. Теплоухова и начал свои сборы только что возникший краеведческий музей в г. Кызыле; 4) современный период, начавшийся со Всесоюзного археологического совещания в 1945 г., когда были развернуты обширные разведки и раскопки разнообразных и разновременных памятников, появилась первая классификация культур и первые обобщающие работы по древней и средневековой истории Тувы, основанные, как на письменных, так и на археологических источниках.

О РАБОТАХ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ТУВЫ

Еще недавно написанной истории Тувы не существовало. При скудости письменных источников ясно, что без приведенных в систему археологических фактов нельзя было воссоздать даже общие закономерности исторического процесса, протекавшего в Туве в средневековый период. Поэтому отсутствует историография этого периода истории Тувы. Для того чтобы читатель мог представить себе, что было известно по истории средневековой Тувы всего несколько лет назад, приведу слова специалиста по новой истории Тувы профессора В. И. Дулова из его статьи «О некоторых итогах и задачах изучения истории Тувы», опубликованной в 1958 г.: «Белым пятном тувинской истории остается средневековье. Это белое пятно надо в ближайшие годы ликвидировать» и «археологическое изучение Тувы не только важно для восстановления далекого прошлого, но и для изучения средневековья Тувы»¹¹⁶.

При всем том в печати высказывались различные предположения и суждения о средневековой Туве (чаще всего исследователями истории соседних областей), основанные на кратких данных письменных источников. Следует остановиться на основных представлениях историков по этой проблеме.

В старой литературе все то немногое, что было известно по древней и средневековой истории этой области, собрано во втором томе монографии Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии»¹¹⁷. Несмотря на многообещающее название, в этой безнадежно устаревшей книге, написанной с позиций буржуазной науки и подвергнутой справедливой критике со стороны советских исследователей за немарксистскую основу исторической концепции¹¹⁸, нет в сущности истории Тувы. Есть лишь отдельные не связанные друг с другом факты, упомянутые в связи с историей всей Центральной Азии. Об этом автор сам пишет в предисловии к своему труду: «На территориях собственно Западной Монголии и верхнего Енисея по вышеуказанной причине мне приходилось останавливаться сравнительно редко; возникавшие в Средней Азии государства и волны передвижавшихся кочевников только захватывали их».

Упомянув некоторые древние «оросительные устройства» и «несокрушенное временем шоссе» (на деле остатки стены) в Туве, Г. Е. Грумм-Гржимайло пишет, что они «наво-

дят на мысль о высоком уровне той культуры, которая существовала некогда в пределах Алтайско-Саянской горной страны», но тут же добавляет: «что касается ее истории, то она должна считаться навеки утраченной» (курсив мой. — Л. К.).

Тот же автор в другом месте этого труда еще раз подчеркнул свое бессилие в освещении средневековой истории Тувы. Говоря о высылке кыргызов Хубилаем в Маньчжурию, он пишет: «очевидно, причина лежала глубже, но она осталась нам неизвестной, как равно и все то, что происходило в Саянах после 1207 года, когда этой страной овладели монголы»¹¹⁹.

Безусловно, следует согласиться с выводом А. И. Ярхо, что «историческим» построением Г. Е. Грумм-Гржимайло должна быть противопоставлена марксистская история Центральной Азии»¹²⁰.

В известной работе 1933 г. «Разложение рода и феодализм на Енисее» С. В. Киселев, констатируя, что в VI в. в Хакасско-Минусинской котловине сформировалось классовое общество и возникло древнехакасское государство, справедливо разъяснил: «Говоря о древних хакасах, я основываюсь на материалах преимущественно из Минусинского края, но областью хакасов я считаю не только Минусинский край, но и территорию современной Танну-Тувинской республики. Возможно, что именно к этой последней территории относятся важнейшие события, отмеченные для хакасов китайской летописью»¹²¹. Это же было повторено им и в одной из работ 1940 г.¹²²

Вслед за С. В. Киселевым (со ссылкой на цитируемое сочинение) о «государстве хакасов» в Туве (начиная с VI в. до монгольской эпохи) писал Р. Кабо¹²³. Те же взгляды С. В. Киселева отражены в макете «Истории СССР», изданном в 1939 г.¹²⁴

В книге Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев» также мимоходом упоминается, что тюркский каганат VI—VIII вв. «включал земли кыргызов (хакасов), находившихся в бассейне верхнего Енисея, территорию современной Тувинской области...», что уйгурский хан в 758 г. «присоединил к своим владениям земли кыргызов, расположенные в южной Сибири по Енисею», что в 840 г. кыргызы разбили уйгуров и их господство в Центральной Азии «длилось до начала X в.» и т. п. О судьбах населения и территории Тувы в период господства в Центральной Азии и на Алтае уйгуров и «кыргызов (хакасов)» в этой книге ничего не сказано. Там же, как теперь выяснилось, ошибочно утверждалось, что в XI—

XII вв. Алтаем, северо-западной Монголией и кыргызами Енисея владели кидани и найманы¹²⁵.

Так же неопределенно (со справедливой ссылкой на то, что «древнейшие периоды истории Тувы не изучены, так как еще не выявлены и не изучены ее археологические памятники») упоминается о средневековой истории этой страны в очерке Л. П. Потапова «Тувинцы»¹²⁶. Здесь говорится, что в VI—VIII вв. Тува не входила в страну хакасов, но в то же время не сказано, в какое же государство она входила. Более определенно говорится лишь о господстве «уйгурского ханства» и монголов над населением Тувы.

Подобная неопределенность объясняется еще и тем, что С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова, совершившие в 1947 г. большую разведочную археологическую экспедицию по Туве, пришли к предварительному выводу: «по своему внешнему виду надмогильные сооружения Тувы резко отличны от таких же памятников Минусинской котловины. В то же время все виды надмогильных сооружений Тувы чрезвычайно схожи с алтайскими», а это «позволяет сомневаться в принадлежности тувинских степей племенам кыргызской группы, жившим, очевидно, к северу от Саяна». Как впоследствии оказалось, такой вывод правилен лишь для времени VI—VIII вв. и не точен для эпохи IX—XIV вв. С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова не настаивали на этом предварительном заключении, справедливо указав, что «для углубленного исследования древней истории Тувы и для выяснения взаимосвязей между сопредельными областями необходимы планомерные археологические раскопки, до сих пор там еще не производившиеся»¹²⁷.

В своей монографии 1952 г. о древнетюркских каменных изваяниях Л. А. Евтюхова повторяет, что «область расселения кыргыз-хакасов в эпоху развития их собственного государства ограничена территорией Минусинской котловины», но что хакасы проникали в Туву во время военных действий¹²⁸. Этот предварительный вывод был поддержан А. Д. Грачом в его работах 1955 и 1957 гг.¹²⁹

Таким образом, вопрос о переселениях древних хакасов (или «кыргызов», как о них писали) на юг, о времени и территории их нового расселения, — оставался невыясненным. В фундаментальной монографии «Древняя история Южной Сибири» С. В. Киселев, не располагая материалами для решения этого вопроса, указал лишь, что господство «кыргызов» в Центральной Азии не было длительным и в начале X в. они вернулись на Енисей¹³⁰.

Не существовало также представления о периоде уйгурского каганата в истории Тувы (говорилось лишь об «уйгурском ханстве» в Монголии). В работах С. И. Вайнштейна и А. Д. Грача вместо этого фигурировало «древнетюркское время», — так ими назывался период истории Тувы с VI по IX—X вв.¹³¹ После наших докладов и статей 1957—1960 гг.¹³² исследователи тувинских древностей и истории стали различать в своих работах уйгурские памятники.

Такое же положение существовало по вопросу о мнимом владычестве киданей (X—XI вв.) или кара-китаев (XII в.) над территорией Тувы. Об этом, как говорилось выше, писал Л. П. Потапов, а за ним в статьях 1957—1959 гг. С. И. Вайнштейн; подобную ошибку допустил и я в работе 1959 г., исправив ее после углубленного изучения источников¹³³.

Следует также указать, что у ряда исследователей существовала некоторая недооценка четко выраженных палеоэтнографических особенностей погребального обряда древних тюрков (погребения по обряду трупоположения с конем) и древних хакасов (трупосожжения), в результате чего памятники не различались этнически и считалось возможным говорить даже об оставлении в IX—X вв. «кыргызами» обряда трупосожжения и о переходе их на обряд трупоположения с конем¹³⁴.

Вышеизложенное свидетельствует в первую очередь о том, что исследователям не хватало археологических источников, получение которых позволило создать периодизацию средневековой истории Тувы, опираясь для каждого периода на вновь выявленные археологические памятники.

Таким образом, только успехи археологической науки позволили получить массу новых источников для воссоздания древней и средневековой истории Тувы. В связи с этим необходимо указать, что археология предоставляет все больше материалов и для палеоантропологии, без данных которой невозможно было бы говорить об этнической истории населения бассейна верхнего Енисея и о происхождении современных тувинцев. Отметим прежде всего важные работы антропологов Г. Ф. Дебеца и В. П. Алексеева¹³⁵.

В контакте с археологами работают и палеозоологи, также дающие ценные факты для истории охоты и скотоводства в Туве¹³⁶.

Выше были указаны работы С. Е. Малова, С. В. Киселева, А. М. Щербака, Л. Р. Кызласова и других, посвященные памятникам средневековой енисейской письменности. Без-

условно, что всестороннее изучение этих памятников эпиграфики местных племен имеет огромное значение не только для лингвистической науки, но и для исторической.

Эти успехи советской археологической науки последних лет при содействии смежных научных дисциплин уже позволили создать первую научно-популярную «Историю Тувы», охватившую огромный период с древнейших времен до современности¹³⁷. В написании ряда глав и разделов по средневековому периоду, а также в обсуждении всего первого тома этого издания принимал участие автор настоящей работы¹³⁸. Поэтому рассмотрение первого опыта изучения истории Тувы здесь опущено. Скажу лишь, что со времени написания книги получено много нового материала, вышли новые работы и публикации, позволившие расширить и углубить наши знания по средневековому периоду и создать предлагаемую научную монографию по истории Тувы в средние века.

Исследуемый в работе тысячелетний период истории начался в середине VI в., когда территория Тувы вошла в состав первого государственного образования, получившего в нашей

исторической науке наименование тюркского каганата, и закончился в XV в., когда уже началась история современного тувинского народа, сложившегося в XVI—XVIII вв. Так как история тувинского народа является обширной темой, нуждающейся в самостоятельном исследовании, то это позволяет ограничить хронологические рамки нашей работы XV в., хотя, конечно, «средние века» в Туве не закончились в этом столетии.

Дальнейшие перспективы исследования истории Тувы увлекательны и бесконечны. Здесь первое место принадлежит широко развернувшимся археологическим исследованиям. Однако, мы еще не знаем многих письменных источников. По мере ознакомления с древними и средневековыми китайскими, арабскими и персидскими хрониками будет расти число их переводов и критических исследований, будут проясняться постепенно многие факты истории. Таким образом, приток в науку новых источников, письменных и археологических, будет продолжаться. Несомненно, это позволит в будущем разрешить многие проблемы в истории Тувы.

ТУВА В ПЕРИОД ТЮРКСКОГО КАГАНАТА (VI—VIII вв.)

История тюркских государственных образований — каганатов, существовавших в VI—VIII веках на территориях Средней Азии, Казахстана, Центральной Азии и части Южной Сибири, — представлена в мировой исторической литературе большим количеством работ. Они освещают многие частные и общие проблемы, связанные с исследованием данных истории, языка, эпиграфики, культуры, археологии и антропологии древних тюрков.

В общих исторических трудах, посвященных Южной Сибири, Туве или Казахстану, исследователи нередко излагают всю политическую историю тюркских каганатов, не акцентируя свое внимание на историческом процессе, протекавшем среди племен данной области. Такой подход представляется неправомерным. Настоящая глава посвящена изучению конкретной истории племен Тувы в VI—VIII веках, представлявших собой лишь часть населения бывших восточно-тюркских каганатов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ VI—VIII вв.

В 552—555 гг., как сообщают письменные источники, восставшие алтайские тюрки-тугу разгромили государство жуань-жуаней и основали свое государство — I тюркский каганат (552—630 гг.), который занимал огромную территорию от Черного и Каспийского морей до Великой китайской стены и от Алтая до Тянь-Шаня и Восточного Туркестана¹.

С середины VI в. на всей этой территории вместе с алтайскими тюрками распространились характерные для них погребальные сооружения с тюркским обрядом (курганы с погребениями по обряду труположения с конем) и поминальные сооружения (квадратные оградки из плит и камней, иногда с каменными фигурами людей и со столбиками-балбалами из простых камней, врытых рядами)².

Третий тюркский каган Кигинь (Мухан)

в 555 г. покорил племена, населявшие территорию Тувы, и включил их земли в состав нового государства³.

Эти политические события хорошо подтверждаются данными археологии, так как в это время в Туве появляются памятники, типичные для Горного Алтая, совсем не встречавшиеся здесь в шурмакское и уюкское время⁴.

Погребальные сооружения. К этому периоду относятся округлые каменные курганы с погребениями в ямах (табл. I, А), поминальные сооружения типа курганов и каменных оградок (табл. I, Б), каменные изваяния людей и животных, писаницы на скалах и другие памятники.

Погребальные сооружения по внутреннему устройству и деталям обряда подразделяются на два типа: а) погребения по алтайскому обряду труположения с конем⁵, несвойственному для памятников Тувы в предшествующие эпохи;

б) труположения без коня, с сохранением старых местных традиций.

А. Погребения с конем, найденные в разных районах республики, подтверждают завоевание Тувы алтайскими тюрками и их расселение в этой стране.

Памятников этого типа, непосредственно относящихся к VI в. (типа алтайского могильника Кудыргэ), в Туве пока не обнаружено, но, вероятно, они будут открыты. Хорошо известны погребения VII—VIII вв., вполне сходные с алтайскими того же времени. Они так же имеют сверху округлые каменные насыпи⁶ из обломков скалы, под которыми находятся могильные ямы.

Для тюркских погребений с конем на Алтае, датирующихся VII—VIII вв., характерен обряд погребения человека головой на север или (с отклонением) на северо-восток (при обратной ориентации положенных в могилы

коней)⁷. Аналогичная ориентация оказалась и в захоронениях Тувы. II здесь под курганами были обнаружены прямоугольные или овальные ямы, вытянутые с севера на юг⁸ или, чаще, с северо-востока на юго-запад⁹. Некоторые из этих курганов разграблены. Однажды обнаружено, что расхищение совершено в XIII—XIV вв., так как брошенный грабителями сломанный железный кетмень относится к XIII—XIV вв.¹⁰

В тех случаях, когда сохранилось первоначальное положение скелетов, люди были положены вытянуто на спине головой на север (6 погребений), север-северо-восток (3 погребения), северо-восток (4 погребения) и восток-северо-восток (1 погребение), а лошади (на боку, реже на животе) с обратной ориентировкой — головой на юг (6 погребений) и юго-запад (8 погребений). Они лежали всегда слева, т. е. к востоку или юго-востоку от человека. Обычно это одиночные погребения мужчин или женщин с одним конем. При этом скелеты человека и коня чаще всего лежат на одном уровне и лишь изредка человек положен на уступе, а конь в слегка заглубленной яме. Иногда лошадь оказывается отделенной камнями или стенкой из плитняка. В трех случаях скелеты людей находились под плахами на подстеленной доске, дважды были обнаружены в выдолбленной колоде и один раз в гробу из четырех тальниковых досок, ничем между собой не скрепленных. Трижды мужские скелеты сопровождалось захоронением двух лошадей сразу, причем один раз костяки лошадей не имели голов. Два раза в могилах обнаружены были погребения взрослого и ребенка с одной и с тремя лошадьми¹¹.

В одной могиле ребенку 4—5 лет взамен лошади на соответствующем месте был положен баран, головой так же в противоположную сторону¹².

Исключением являются два погребения, где скелеты человека и лошади лежали головой в одну сторону (на север-северо-запад или на северо-запад), что специфично для Тувы. При этом конский костяк находился на уступе выше скелета человека и по-алтайски был отделен от него частоколом из деревянных столбиков или рядом вертикально вкопанных плит¹³.

Верхняя половина мужского скелета в одном погребении оказалась обсыпана слоем зерен проса (*Panicum miliaceum* L.), а у черепа его стоял небольшой деревянный шаровидный сосудик для питья с обуженным горлом, схожий по форме с некоторыми сосудами, изображенными в руках древнетюркских каменных изваяний из Тувы¹⁴.

Вообще в этих могилах находят деревянные небольшие сосудики для питья, в том числе кружковидные на поддоне и с боковой ручкой, также схожие с сосудами каменных изваяний VI—VIII вв. Нередко встречаются и деревянные блюда, которые ставились с мясом (на одном лежали хвостовые косточки овцы—курдюк) у головы или в ногах. С ними клались в могилу железные ножи. Одно блюдо, вырезанное из тополя и закрытое крышкой, оказалось возле седла лошади, а другое, стоявшее в головах человека, было овальным и имело четыре ножки. Все эти блюда по форме еще очень похожи на предшествующие шурмакские деревянные блюда и корытца.

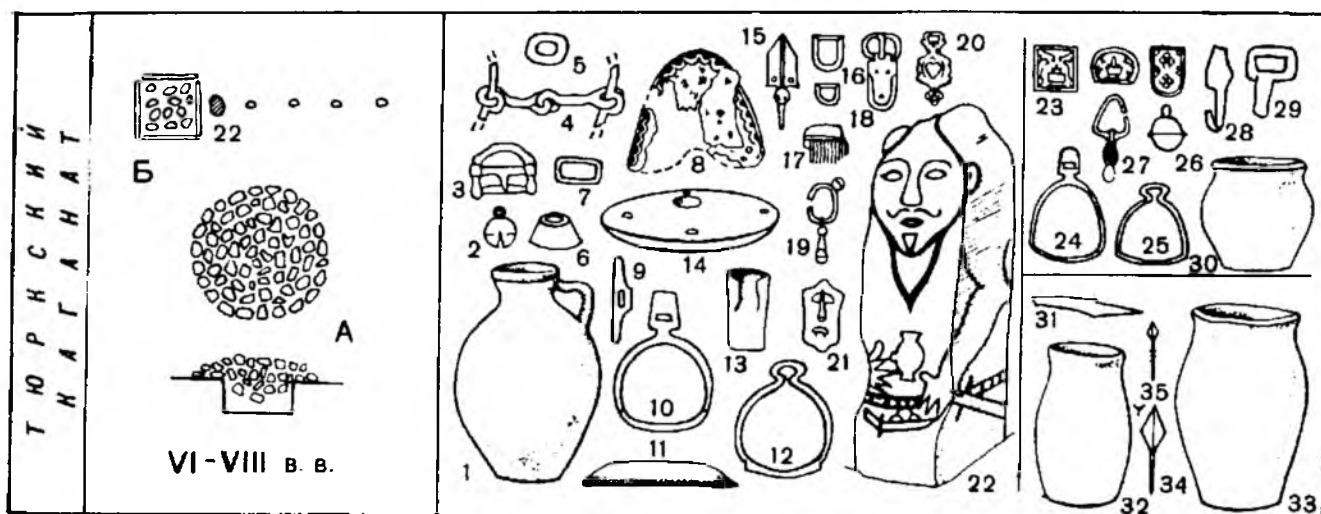
Глиняный сосуд был найден только один раз, в детской могиле. Это грубый, лепной баночный сосуд с плоским дном, слабо выделенной шейкой и серой поверхностью, украшенной расчерченным узором из пересекающихся линий¹⁵. Такие баночные грубые сосудики были найдены и в синхронных древнетюркских курганах Алтая¹⁶. Вообще это единственная известная форма глиняной посуды, которую изготавливали сами тюрки в VI—VIII вв. Из посуды для приготовления пищи лишь в одном кургане встретились остатки железного клепаного котла с округлыми ручками.

Баранину в качестве жертвенного мяса клали не всегда. Только в 44% могил найдены кости задних частей овечьих туш и курдюков.

Без верхового коня немислима жизнь кочевника. Тюрки-тугу не представляли себя без коня и в загробной жизни. Поэтому лошадей убивали и клали в могилы с полным снаряжением, в узде и сбруе, ремни которых украшались иногда набором бляшек, с седлом на спине, притянутым подпругой и со стременами¹⁷.

В курганах западной Тувы, где деревянные предметы хорошо сохраняются, до нас целиком дошли древнетюркские седла, совершенно подобные наиболее ранним седлам из древнетюркских погребений второй половины VI в. на Тянь-Шане¹⁸, а также вообще седлам, распространенным в степной зоне Евразии в VI—VIII вв. но появившимся в южной Сибири уже в гунно-сарматское время¹⁹.

Седла сделаны из березы с высокой передней лукой арочного типа, со скругленными крыльями и низкой полукруглой задней лукой. На седло набивалась войлочная подушка, обтянутая кожей; под низ подстилался кожаный чепрак; крепилось седло на лошади с помощью подпруги (иногда двойной); седло имело также нагрудный и подхвостный ремни. Передняя лука седла почти всегда украшалась или резбой, или костяными накладками. В одном по-

гребенки обнаружена набивная железная пластина на переднюю арочную луку, украшенная по краю медным ободком с полукруглыми фестонами (табл. I, 8).

Найденные при остатках седел стремена относятся к широко распространенным в Евразии в VI—XI вв. типам: а) с пластинчатой петлей на шейке (табл. I, 10) и б) с восьмеркообразным завершением (табл. I, 12). Последние появились на Енисее еще в таштыкскую эпоху во II в. н. э., а стремена с петлей на пластине обнаружены уже в могилах IV—V вв. в странах Дальнего Востока (Корея, Япония)²⁰.

С седлами в могилах находят железные (с язычком на средней оси) и костяные округлоконечные (иногда с железными язычками) подпружные пряжки также обычных для VI—X вв. типов (табл. I, 3 и 21), хотя позднее несколько меняющих свои очертания.

При лошадях часто встречаются (обычно по две) костяные застёжки (табл. I, 9), которые находятся у соединенных ног лошадей, являясь застёжками конских пут. Очевидно, лошадям, перед тем как их убить, спутывали ноги. Иногда эти парные застёжки лежат у седел и тогда ими пристегивались к седлам различные предметы и свертки, нужные в походе. Такие же застёжки делались и из дерева. Они похожи на пазырыкские застёжки²¹.

При седлах встречаются железные кольца и костяные фигурные подвески — пряжечки с парой отверстий и неподвижными шпеньками. Аналогичные пряжки известны еще в V—VI вв. по находкам в алтайском могильнике Кудыргэ²².

В случаях погребения в одной могиле двух

или трех лошадей очевидно, что к верховой снаряженной лошади (или двум) добавляли еще одну заводную. Однажды была обнаружена лошадь с верховым седлом, стременами и прочим снаряжением, а рядом другая — в узде с удилами, но с упрощенным вьючным седлом без стремян.

От уздечек сохраняются двусоставные кольчатые удила, чаще всего с железными «S»-овидными псалиями с подпрямоугольными петлями, для прикрепления ремней (табл. I, 4). На остатках ремешков находятся бронзовые пряжки, наременные наконечники и обоймы (табл. I, 7, 16, 18), железные кольца, костяные конические пронизки и бронзовые бубенчики (табл. I, 2, 5, 6), а также литые из бронзы бляхи-тройчатки, украшавшие перекрестия ремней.

Иногда встречаются псалии, восходящие к ранним формам: а) односторонне выгнутые двудырчатые из рогов козули, близкие псалиям V—VI вв. из Кудыргэ²³ или еще более ранним таштыкским²⁴; б) железные, с отогнутым верхним концом и лопаточкообразным расширением нижнего, очевидно, сохранявшие традицию лопаточкообразных псалий предшествующей шурмакской культуры²⁵.

В могилах богатых воинов уздечки и сбруя лошадей украшены особенно пышно золотыми округлыми и сердцевидными бляхами со штампованным четырехлепестковым и спиральным орнаментом, или же нашивными серебряными бляхами в виде четырехлепестковых розеток с выпуклостями и лопататыми наконечниками, специфичными для VII—VIII вв.²⁶. Но чаще, в рядовых могилах, узды и сбруа не имеют наборных украшений. Один раз в погребении

были встречены остатки ременной витой нагайки.

Необходимо отметить, что, как правило, для погребения убивали старых, отработавших свое лошадей в возрасте 6—18 лет.

С мужчинами обычно укладывались предметы вооружения, но не всегда. Вдоль правого или левого бока клали сложный лук, склеенный из дерева (ивы), сухожилий, бересты и усиленный косяжными (или роговыми) накладками. Центральные накладки всегда имели срезанные углы и нарезку из пересекающихся линий для лучшего склеивания с основой лука (табл. I, 11). Деревянные концы лука усиливались парными, так же приклеивавшимися косяжными накладками с вырезами для тетивы. Длина луков в распушенном состоянии составляет 1,4—1,5 м. В боевом положении, с натянутой тетивой, он имел «М»-образную форму и в длину был около 1—1,2 м.

Подобные луки «тюркского» типа происходят, безусловно, от предшествующих гуннских²⁷ и шурмакских²⁸ сложных луков, отличающихся от них отсутствием лопаточкообразной передней вставки, которая укреплялась между центральными роговыми пластинами. Луки «тюркского» типа были широко распространены в Евразии в период VI—XI вв.²⁹

Сверху, на крышке колоды или на прикрывающей скелет человека доске, а иногда вдоль левой ноги его, лежит берестяной, сужающийся кверху, колчан с деревянным дном, наполненный стрелами, чаще всего с трехлопастными железными наконечниками и березовыми древками стрел. Концы древков изредка окрашены красной и черной красками, совершенно так же, как у таштыкских или шурмакских древков предшествующего времени.

Многие стрелы были свистящими и имели не только отверстия в лопастях, но и косячные свистульки с отверстиями, надетые на черешок (табл. I, 15). Они совершенно такие же, как и более ранние гуннские и шурмакские. Трехлопастные наконечники различались по форме. Они были или узкими (с листовидными плавными, а иногда угловато-срезанными передними лопастями), или широкими. При этом нижние концы лопастей были прямыми или как бы «срезанными» под углом к черешку. Найдено два трехгранных в сечении наконечника стрел: железный с маленькой треугольной головкой и косяжной черешковый. Колчаны имели железные крючки для подвешивания.

В одном погребении найдены остатки однолезвийного клинка сабли³⁰, подтвердившие наличие этого оружия наряду с мечами у тю-

рок-тугов в VI—VIII вв. — факт, установленный еще Л. А. Евтюховой, при изучении древнетюркских каменных изваяний³¹. Часто встречаются железные черешковые ножи, по большей части находящиеся в деревянных ножнах. Они лежат у правой руки, на поясе или возле головы.

Из бытовых предметов и орудий труда в этих могилах найдены: железные пальштабовидные топоры-тесла (табл. I, 13), причем трижды сохранились деревянные глаголевидные ручки от них; точильные камни для точки ножей, оселок с отверстием, привязываемый к поясу, косяжная проколка, а также шило с ручкой в форме головы животного и обломок деревянного гребня (табл. I, 17).

Очень важна находка верхнего жернова ручной мельницы (табл. I, 14), сделанного из серого гранита (диаметр 24 см, диаметр отверстия 4 см, наибольшая толщина 4 см). Он имел уплощенную полусферическую форму, четыре ямки для вставления рукоятки и вращался, судя по стертости углублений, против часовой стрелки, очевидно, левой рукой. Жернов лежал под насыпью на борту могильной ямы, по-видимому, женского разграбленного погребения³². Эта находка свидетельствует о том, что каменная ручная мельница, появившаяся в Туве в период шурмакской культуры, продолжала употребляться и в тюркское время.

Благодаря хорошей сохранности дерева в трех могилах найдены положенные при человеке или на конском скелете части приборов для высверливания огня, очевидно, с помощью лучка: «верстено», дощечка с обожженными при воспламенении лунками (из дерева хвойной породы), круглая дощечка с одной лункой и ручкой (в ней было сделано отверстие для подвешивания), которой накрывалось сверху «верстено» при вращении³³. Подобный прибор для высверливания огня был найден и в более раннем алтайском могильнике Кудыргэ (V—VI вв.)³⁴. Он был в употреблении у народов Центральной Азии и Южной Сибири (в частности, у шурмакских племен Тувы)³⁵ в предшествующую гунно-сарматскую эпоху.

Судя по распространению таких приборов и редким находкам мешочков с железными кресалами, кремнями и трутами в могилах тюрков на Алтае³⁶, огнива, очевидно, появились только в VII—VIII вв., вытеснив в VIII в. деревянные архаичные приборы.

Два раза найдены были деревянные лопаты с прямым, как у современной подборной лопаты, обожженным для прочности рабочим концом и короткой, удобной для выбрасывания земли из ямы ручкой.

Отметим еще вырезанные из дерева посохи с набалдашниками (длиной 82 см и 74 см), деревянные лопаточку и кольцо, возможно, служившее подставкой для питьевых сосудов с выпуклым дном, а также обрывки каких-то берестяных изделий с железными заклепками и железные расплющенные сверху гвозди.

Из остатков одежды сохранились лишь обрывки, по которым можно судить, что в основном рядовое население носило одежды из шерстяных тканей (встречены куски гладких тканей саржево-диагонального переплетения), кожи, меха, войлока; возможно, также употреблялись полотнища, сотканые из растительных волокон. Одежды из шелка встречаются сравнительно редко и только в погребениях богатых людей. Часто встречаются шелковые ленты. Обнаружены также круглые сверленные пуговицы из стенок сосудов или пуговицы, сделанные из железа.

К принадлежностям мужского костюма относятся наборный пояс из бронзовых пряжек (иногда с железными язычками), бляшек (квадратных с отверстием, полукруглых, лунниц, в виде четырехлепестковых розеток), обойм, наконечников и боковых фигурных подвесок раннего, еще не утвердившегося типа (табл. 1, 7, 16, 18, 20)³⁷. Такие подвески встречаются и в древнетюркских курганах VII—VIII вв. на Алтае³⁸.

Подвесные бляшки этого времени типологически являются предшественниками и прототипами более поздних фигурных блях с сердцевидными отверстиями, имеющих законченную форму и получивших широкое распространение только в VIII—X вв.³⁹

К поясам мужчин привешивались шелковые или меховые мешочки с разными предметами. В одном шелковом мешочке оказалась костяная пластинка с двумя отверстиями, роговой гребень, деревянные стержни и человеческий зуб — амулет, очевидно помогавший от зубной боли. В другом мешочке — железный ножик, шило с деревянной ручкой, деревянная лопаточка и детский зуб. У одного из наборных поясов были приторочены два мешочка из меха, в одном из которых оказался кусок шерстяной ткани.

Такие же шелковые мешочки с аналогичным содержимым (включая человеческие зубы) находили и в синхронных древнетюркских курганах Алтая⁴⁰.

Из украшений в мужских могилах встречаются одиночные бронзовые кольчатые серьги у левого уха; в одном погребении у правого уха погребенного была обнаружена более сложная серьга из бронзы (с шариком сверху и двумя

плоскими круглыми выступами вверх и вниз в месте подвески). Кроме того, в мужских могилах оказались: две золотые жёлудевидные привески с изображением цветочных розеток и два обломка танских зеркал из белого сплава. Одно из них имело фестончатый край, невысокий бортик, изображение рельефных цветов на фоне облаков и отверстие для подвешивания на шелковой ленте. Края этих обломков сильно сглажены от длительного употребления в быту, что доказывает большую ценность их в то время.

Любопытно, что и у алтайских тюрок того же периода в могилах найдены также только обломки танских зеркал⁴¹, а в более раннее время на Енисее, в таштыкских и шурмакских погребениях, находят только обломки более ранних ханьских зеркал⁴². Целые зеркала, по видимому, начинают встречаться в погребениях уйгурского периода VIII—IX вв., да и то редко.

Из женских украшений были найдены вместе бронзовая бляшка в виде четырехлепестковой розетки и золотая, типично тюркская серьга (табл. 1, 19) с шариком сверху и длинной подвеской.

В одной могиле встречена танская бронзовая монета с легендой «Кайюань тунбао», т. е. «Всобщая драгоценность (правления) Кайюань» без особых дополнительных знаков, выпущенная, очевидно, в VII в., так как раньше их не выпускали⁴³.

Отметим, что один раз у голов лошадей были обнаружены два черепа степного хорька (*Putorius evermanni* Lesson)⁴⁴.

Б. Погребения без коня на поверхности земли отмечены небольшими округлыми каменными насыпями, сложенными из обломков скалы⁴⁵. Иногда это впускные погребения в насыпи курганов более ранних эпох. Все они имеют прямоугольные ямы, вытянутые с северо-запада на юго-восток⁴⁶, в которых оказались одиночные погребения женщин или мужчин. Скелеты лежали по старой традиции погребального обряда еще времен уюкской культуры (VII—III в. до н. э.) скорченно, на правом боку, головой на северо-запад. При этом череп одной женщины покоился на подложенной в изголовье каменной плитке, что было характерно еще для уюкской культуры, а скелет второй был прикрыт березовой корой. Напомним, что скорченные скелеты встречались и среди раннешурмакских погребений⁴⁷.

Обнаружение этого обряда и в некоторых могилах VI—VIII вв. свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело с памятниками ме-

стного населения, сохранившего в ритуале свои этнические традиции, которые отличают его могилы от погребений пришлых алтайских тюрок⁴⁸.

В могилы этого типа иногда ставилась пища в лепных грубых баночных сосудах, форма которых схожа с древнетюркскими VI—VIII вв., но венчик имеет характерную для сосудов шурмакской культуры некоторую скошенность наружу (табл. I, 30). В одном погребении с таким сосудом из другого инвентаря найдена лишь железная пряжка (табл. I, 29)⁴⁹. В другом — оказались остатки мясной пищи — кости трех ягнят, а в третьем — кости передней части туши овцы, лежавшие перед лицом женщины. Последнее погребение было богатым. На скелете сохранились остатки войлочного обшитого шелком халата, подпоясанного наборным поясом из позолоченных бронзовых бляшек (квадратных и полукруглых с отверстиями), а также наконечника и пряжки, украшенных растительным орнаментом (табл. I, 23). Халат имел три небольшие бронзовые пуговицы (табл. I, 26). На месте левого уха лежала бронзовая серьга с жемчужиной и семью золотыми спаянными из зерни колечками на подвеске (табл. I, 27). Перед лицом обнаружены, как в тюркских могилах с конем, обломки танского зеркала из сплава.

Если в могилах женщин совершенно нет ни оружия, ни предметов конского снаряжения, то в мужских, хотя и нет сопровождающих погребения коней, конское снаряжение клалось. Так, в одной разграбленной могиле обнаружена пара стремян тех же типов, что и в тюркских погребениях (табл. I, 24—25)⁵⁰, и обломки двусоставных удиц. Кроме того, найдены крюк от колчана (табл. I, 28), сломанный наконечник стрелы и пришитое дно от берестяного туеса.

Предметы из этой группы погребений аналогичны инвентарю вышеописанных могил тюрок (тип А), что свидетельствует об одновременности памятников обеих типов. Отмеченные выше случаи сходства ряда найденных в этих курганах предметов с аналогичными, более ранними вещами, относящимися к гунно-сарматской эпохе (III в. до н. э. — V в. н. э.), свидетельствуют, во-первых, о том, что материальная культура как пришлых алтайских тюрок, так и местных аборигенов выросла на почве культур предшествующего времени и, во-вторых, о том, что описанные нами здесь памятники являются более ранними, относящимися к VI—VIII вв., чем последующие⁵¹.

Поминальные сооружения. К периоду тюркского каганата, кроме погребений, относится

значительное количество жертвенно-поминальных памятников. Это округлые каменные курганы и каменные оградки (табл. I, Б).

Поминальные курганы. Наиболее ранними из них являются поминальные курганы⁵², во всем сохранившие черты шурмакских поминальных курганов, но несколько отличающиеся от них устройством и инвентарем. По обнаруженным в них предметам поминальные курганы датируются V—VI вв. и являются переходными памятниками, от периода шурмакской культуры к древнетюркской эпохе, оставленным местным населением. Один из них имеет ряд вертикальных каменных столбиков, отходящих от насыпи не к северо-востоку, как это было в шурмакское время, а к западу⁵³.

Под одной насыпью была выявлена овальная яма и в ней были обнаружены только кости быка⁵⁴. В другом кургане (№ 14) в неглубокой ямке стояли два сосуда (табл. I, 32—33). Хотя эти сосуды генетически восходят к форме позднешурмакских вазообразных сосудов, а один из них имеет срезанный наружу венчик (табл. I, 33), эти сосуды имеют совсем иные формы и пропорции. По технике лепки, серой нелощеной поверхности и грубому тесту с примесью дресвы эта посуда ближе всего к кухонной керамике VI—VIII вв. из Хакаско-Минусинской котловины и баночным сосудам алтайских тюрок. Найденные под поминальными курганами сосуды были бытовой посудой: широкогорлый сосуд закопчен и имел следы нагара.

Таким образом, описанная группа поминальных курганов близка памятникам шурмакской культуры, но в то же время уже достаточно четко отличается от них. Это позволяет считать такие памятники переходными.

Древнетюркские поминальные оградки VI—VIII вв. Эти памятники найдены теперь в большом количестве в разных районах Тувы (мне известно 220 оградок). По своему устройству и назначению они совершенно аналогичны хорошо известным оградкам Горного Алтая⁵⁵. Их появление на территории Тувы, так же как и появление погребений с конем, является свидетельством прихода в эту землю тюрок-тугу, которые в VI—VIII вв. сооружали такого рода памятники в соответствии со своим «алтайским» обычаем⁵⁶.

Обычно, это квадратные (редко — прямоугольные) оградки, сооруженные из каменных плит, установленных на боку в узких канавках. Их размеры от 0,8×0,8 м до 5×5 м (чаще 2×2 и 3×3) при высоте плит 0,1—0,3 м до

*Рис. 1. Древнетюркские каменные оградки и изваяния
1—2 — р. Хендерге близ пос. Ак-Тал;*

людей, стоящих с восточной стороны оградок:
3, 4 — р. Саглы, пос. Кызыл-Тей

0,5 м. Внутри квадрата из плит находится плоская насыпь из земли с галькой или речными валунами (реже с обломками скалы и плитняком). Нередко для укрепления оградок камни присыпались и с наружных сторон плит (рис. 1—4)⁵⁷.

Оградки, как правило, ориентированы сторонами (178 из 220, или 81%) и реже углами по странам света (42 из 220, или 19%)⁵⁸.

Обычно оградки расположены одиночно, но иногда они установлены в один ряд (по 2, 3, 4, 7 или 8 оградок) по линии север—юг. Известно 18 таких рядов, с промежутками от 0,1—0,5 м до 2—4 м или же, реже, по линии северо-восток—юго-запад (8 рядов по 2—3 оградки)⁵⁹. Чаше всего оградки были не связаны с расположением курганов той же эпохи. В двух случаях зафиксированы особенно большие скопления этих оградок на ограниченной территории⁶⁰, что, вероятно, свидетельствует о наличии в прошлом излюбленных мест для совершения поминок по умершим.

Наблюдения над древнетюркскими оградками Тувы позволяют различать пять видов этих поминальных сооружений:

1) оградки без всяких дополнительных устройств;

2) оградки, у которых с восточной стороны вертикально стоит простая плита или валун («главная» плита); 3) оградки, «главные» плиты которых имеют приданную им схематическую форму фигуры человека или выбитое на восточной грани примитивное лицо человека (рис. 1, 2, 4); 4) оградки, с восточной стороны которых установлены целые фигуры людей (рис. 1, 1; 2, 3); 5) оградки, у которых вместе стоят и «главная» плита, и фигура человека (рис. 4, II).

Рассмотрим некоторые особенности этих видов оградок:

1) Одиночные оградки без всяких дополнительных сооружений встречаются не часто (70 из 220, или 32%). Следует иметь в виду, что многие из них находились в одном ряду с оградками, имеющими каменные изваяния людей или балбалы⁶¹.

2) Обычно с восточной стороны перед оградкой в ямке устанавливали вертикально каменную плиту или большой валун, которые во время поминок символизировали самого умершего. Таких оград оказалось 55 из 220 (т. е. 25%), причем 28 из них имели только один «главный» камень, а 27 оград, кроме «главного» камня, имели еще отходящие на восток ряды простых каменных столбиков — балбалов, число которых колеблется от 1 до 66 (рис. 4)⁶².

Таким образом, статистика показывает, что оградки, не имеющие каменных фигур человека, преобладают в количественном отношении (125 из 220, т. е. 57%)⁶³.

3) Умелые люди придавали «главной» плите приближенную форму фигуры человека или же выбивали на восточной грани плиты примитивное лицо человека⁶⁴.

4) Наиболее богатые люди нанимали специальных каменотесов, которые создавали целые фигуры людей (табл. I, 22), лучшие образцы которых представляют уже круглую скульптуру (рис. 2, 3, 5, 6)⁶⁵. Все эти фигуры людей трактованы условно схематически и не отличаются реализмом. Однако лицам их старались придать портретное сходство с умершим, детализируя формы усов, бороды, манеру ношения сережек или же, иногда, индивидуализируя черты лица и его выражение. Сходства с конкретным человеком стремились добиться также путем изображения специфических особенностей одежды, детализацией наборных поясов и предметов вооружения.

Всего известно 95 оград из 220 (43%), у которых стояло 96 каменных фигур человека (у одной оградки оказались две фигуры). Из них — у 33 оград имелось только по одной фигуре и ничего более, а у 56 оград, кроме каменного изваяния находились еще ряды каменных столбиков (от 3 до 157 штук), отходящих от изваяния человека на расстояние от 3 до 350 м⁶⁶.

Все эти каменные фигуры устанавливались, так же как и «главные» плиты без следов обработки, с восточной стороны оградок (табл. I, Б) лицом на восток (61 фигура из 96, т. е. 63,5%) или на юго-восток (28 фигур, т. е. 29%; в случае ориентации ограды углами по странам света)⁶⁷.

Соответственно и ряды столбиков-балбалов в 39 случаях отходили от каменных изваяний на восток и в 13 — на юго-восток⁶⁸. При этом восемь таких рядов столбиков, отходящих на восток, в конце имеют повороты на север, как это было еще у рядов шурмакских балбалов во II в. до н. э.—V в. н. э.

Из анализа всех этих данных видно, что некоторым умершим устраивались только оградка и тогда дух умершего «присутствовал» на поминках, вероятно, в виде своеобразной куклы, подобной «тулу» современных киргизов⁶⁹. Кстати, «тулы» имелись и у средневековых тюрков, ибо этот термин встречается в рунических надписях из Таласа⁷⁰. В других случаях (оградки 2-го и 3-го видов) каменные плиты, символизировавшие умершего во время поминок, по-видимому, облачались в

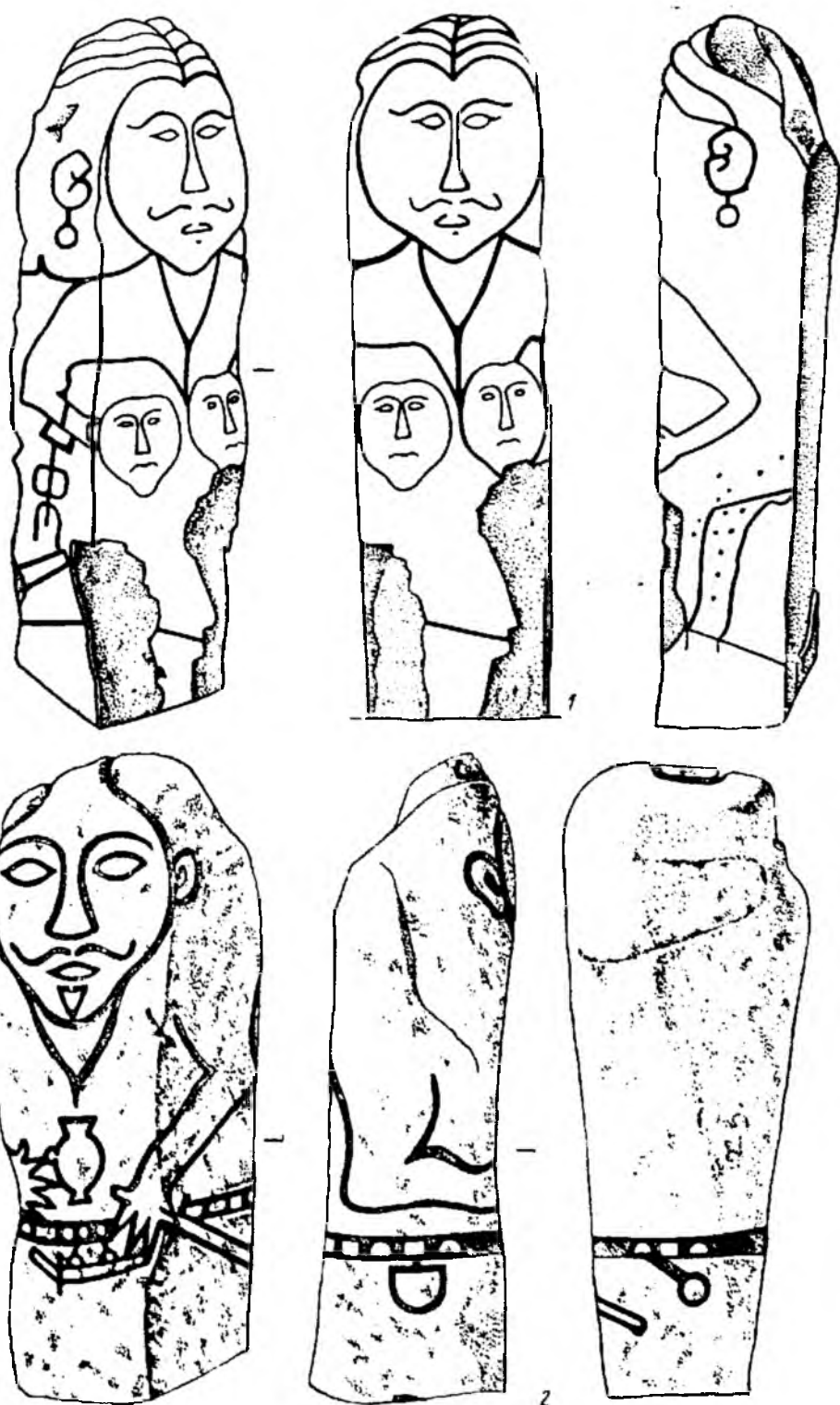

Рис. 2. Каменные изваяния древних тюрков:
 1 — р. Хендерге близ пос. Ак-Тал; 2 — р. Ах-Чааты, ур. Чиланныг

Рис. 3. Каменные изваяния
древних тюрков:
1 — р. Хам-Дыт; 2, 3, 4 —
р. Саглы (2, 3 — близ ручья
Мугур; 4 — у пос. Кызыл-Тей);
5 — р. Чадаана близ горы Друг

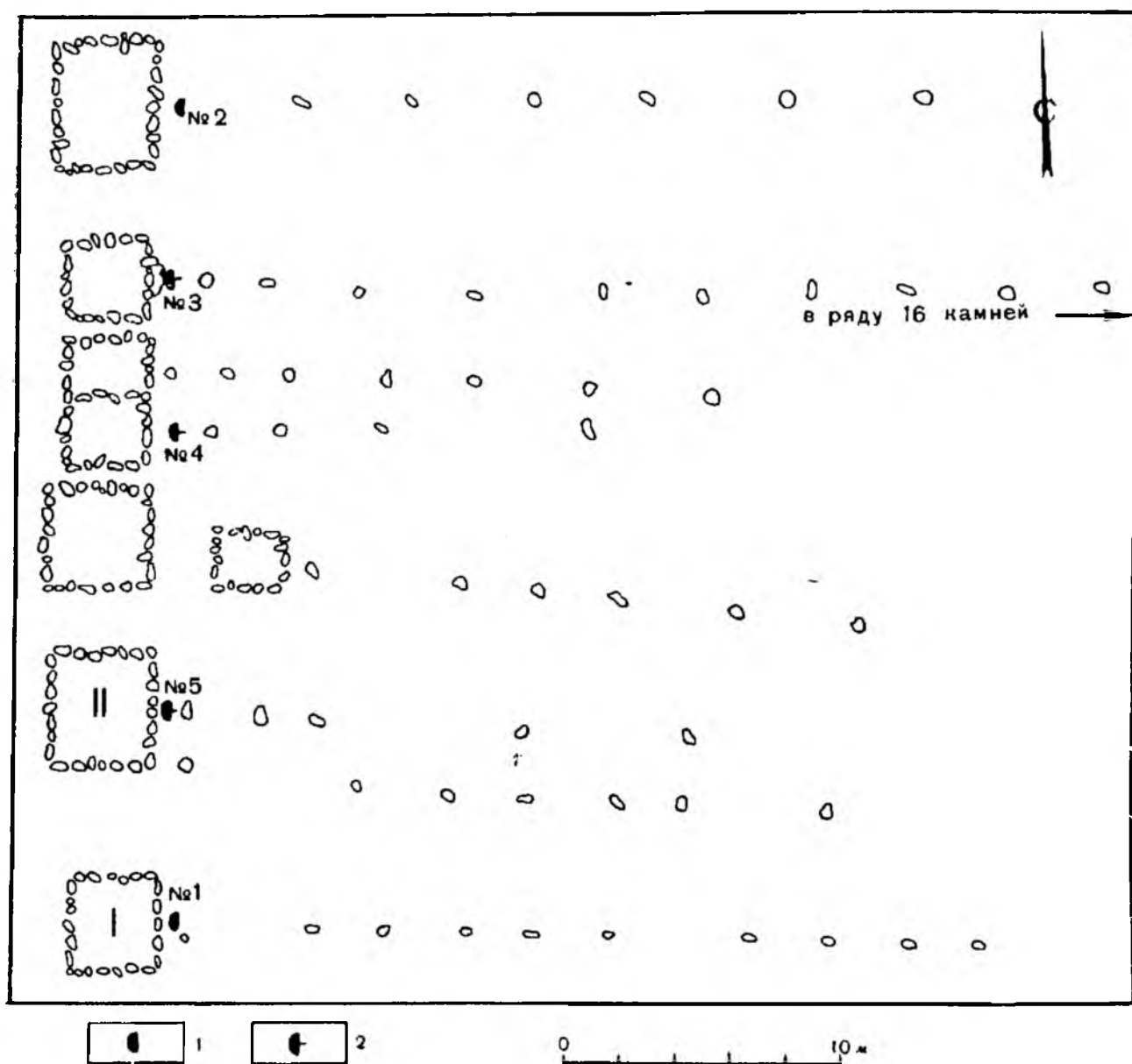

Рис. 4. План группы поминальных оградок VI—VIII вв. с изваяниями людей и столбиками-балбалами у пос. Кызыл-Тей на р. Саглы; обрамляющие плиты похищены:

1 — каменные изваяния целые; 2 — каменные изваяния разбитые

собственную одежду умершего, подобно поминальным куклам казахов Средней орды⁷¹ или округа Тарбагатай⁷², а также подобно деревянным столбикам или каменным плитам на поминках у чувашей⁷³. II, наконец, целые фигуры, иногда являвшиеся превосходными скульптурами, представляли на поминках без дополнительных убранств.

5) Имеется три оградки, найденные в разных районах Тувы, у каждой из которых с восточной (или юго-восточной) стороны стоят

и каменная фигура человека, и «главная плита». От этих последних отходят ряды каменных столбиков в том же направлении (рис. 4, II)⁷⁴. Очевидно, один из таких рядов пристроен к оградке позднее другого, т. е., возможно, одна и та же оградка была использована (с перерывом) для поминок двух человек.

В Туве к 1962 г. мне было известно всего 102 древнетюркские каменные фигуры людей VI—VIII вв.⁷⁵, сделанные из различных материалов: мрамора, сланца, гранита и песчаника.

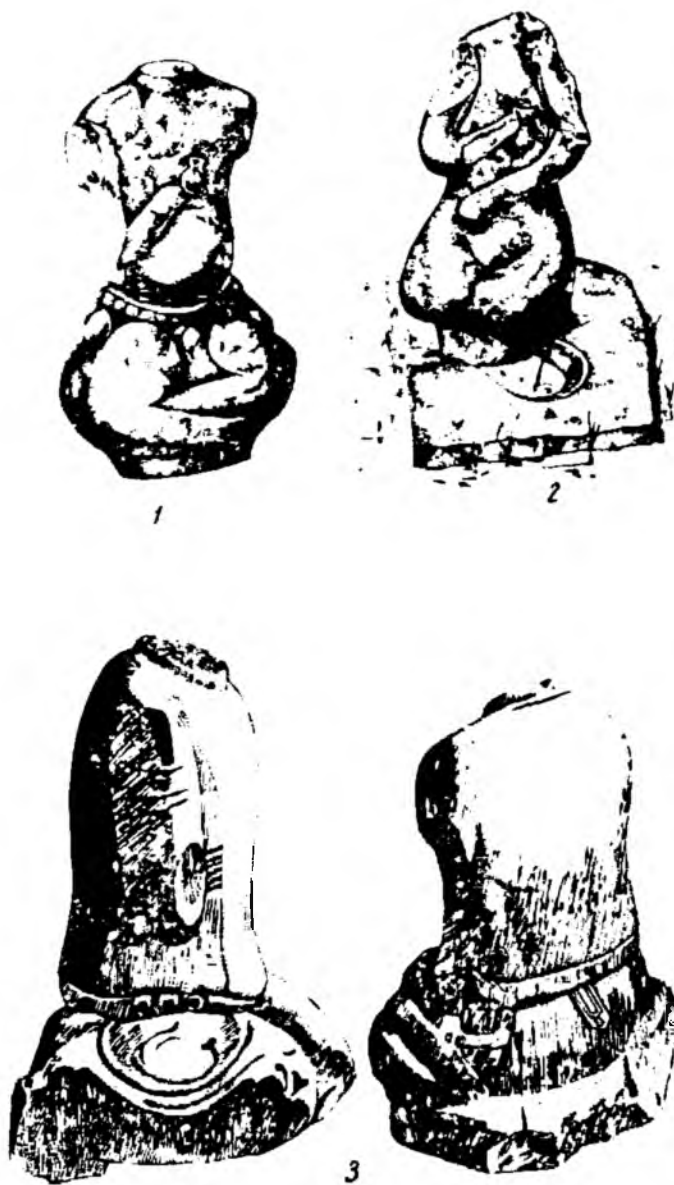

Рис. 5. Каменные изваяния сидящих знатных тюрков: 1, 2 — у оградки близ пос. Кызыл-Мажалык на р. Хемчик; 3 — на поминальном сооружении в пос. Сарыг-Булун на р. Эрзин (головы отбиты в древности)

Они всегда изображают мужчин и преимущественно воинов (рис. 1, 2, 3, 5)⁷⁶. Воинские доблести особенно уважались даже после смерти. Изваяния умерших воинов старались украсить наборным поясом, к которому подвешены меч или сабля, иногда кинжал (табл. I, 22), боевая булава (рис. 2, 2), ножи в ножнах и мешочки с дорожными инструментами, амулетами и огнивом⁷⁷.

При описании погребального обряда тюркскую письменные источники того периода сообщают: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и опи-

сание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»⁷⁸.

Этот текст, освещающий поминальный обряд богатых и знатных тюрков, применим и к описываемым рядовым поминальным памятникам. Очевидно, что взамен здания (храма или святилища, в котором совершались поминальные жертвы умершему в связи с развитым культом предков), рядовое население сооружало каменные оградки, со статуей или плитой (символизировавших умерших) с восточной стороны⁷⁹. Кроме того зарегистрировано большое количество указанных выше случаев, когда от фигуры человека или каменного столба (плиты), его заменяющего, на восток отходит еще ряд из каменных столбиков, установленных вертикально через определенные промежутки (табл. I, Б). Паличие таких рядов камней хорошо объясняется приведенным выше текстом летописи — их ставили по числу врагов, которых убил при жизни воин, и поэтому количество этих камней у разных поминальных оградок различно, а у некоторых их вообще нет.

Раскопки 37 оградок разных типов подтверждают их поминальный характер⁸⁰. В 13 оградках под насыпью ничего не обнаружено⁸¹. В девяти других материк оказался не потревоженным. На горизонте в пяти из них найдено по небольшому пятну золы и угольки, так же в двух из этих последних — вещи: изношенный железный ножик с отломанным концом (табл. I, 31) и три обломка треугольных железных плоских наконечников самострелов⁸². В трех оградках на горизонте не было ничего, кроме предметов и костей. В одной из них — зуб и кость лошади, в другой — железное стремя (типа с петлей на шейке) с обломанным верхом, в третьей — железное пальштабовидное тесло⁸³. В девятой оградке на горизонте оказались мелкие угольки, гнилушки и деревянный кол, вбитый у северной стенки⁸⁴. В 5 оградках в центре оказались только округлые ямки (глубиной до 0,8 м и диаметром до 0,4 м) и в них нижние части некогда стоявших здесь высоких, одиночных и впоследствии сожженных деревянных столбов (диаметр 0,3 м и сохранившаяся высота 0,3—0,5 м)⁸⁵. В других 5 оградках обнаружены округлые ямки (глубиной 0,15—0,7 м и диаметром 0,5 м), а в них — угольки или зола и по одной кости животного (зуб или фаланга лошади, лопатка или крестец овцы)⁸⁶. И наконец, в двух оградках были обнаружены ямки и вещи.

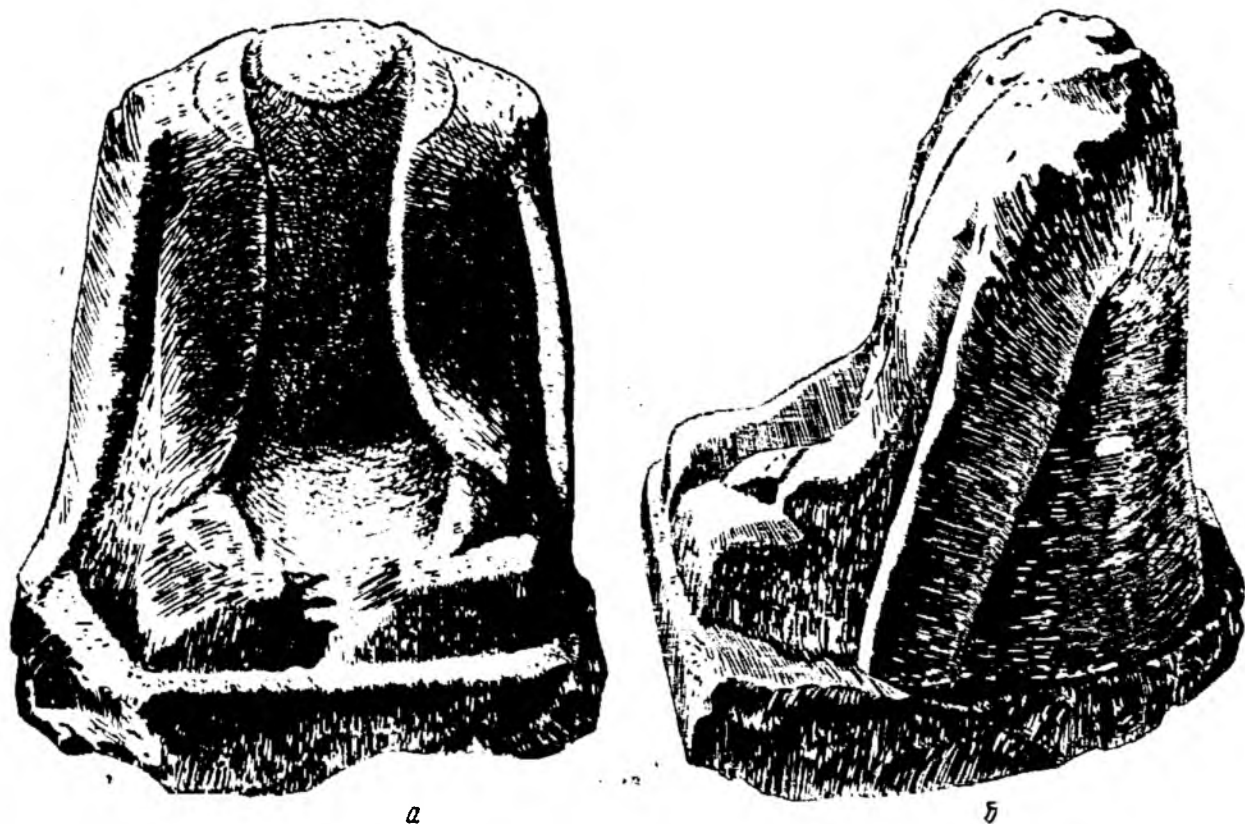

Рис. 6. Сидящая фигура знатного тюрка с поминального сооружения в пос. Сарыг-Булуи на р. Эрзин (кафтан янакидку (голова отбита в древности):
а — вид спереди, б — вид сбоку

В одной — на горизонте под насыпью оказалось зольное пятно ($0,3 \times 0,1$ м) и разбросанные кости лошади (позвонки, ребра, бедренные), а также яма (глубиной 0,8 м), в которой лежала костяная свистулька от стрелы, костяная цурка от пут лошади и берестяной цилиндрический туес с круглым дном и крышкой (высота 0,47 м; ширина 0,17 м и диаметр дна 0,14 м). Таким образом, здесь сохранились от поминок остатки еды (конское мясо) и сосуд для питья (туес)⁸⁷. Другая оградка⁸⁸ интересна тем, что к ней с южной и восточной сторон пристроены дополнительные, тюркские же, поминальные сооружения, в виде полуовальных насыпей из камней. В самой оградке оказалась овальная ямка⁸⁹, в которой среди камней были найдены астрагал и зуб коня, железная пластина от панциря и обломки двух трехлопастных (типичных для VI—VIII вв.) наконечников стрел, а на горизонте в трех местах — скопления угольков и еще два конских зуба. Аналогичная картина открылась и под пристроенными насыпями⁹⁰.

Таким образом, исследование 37 оградок в Туве показало, что они тождественны древне-

тюркским оградкам, раскопанным на Алтае, в Восточном и Центральном Казахстане, а также на Тянь-Шане.

Ни в одной из них не обнаружено никаких следов погребений ни по обряду трупоположения, ни по обряду трупосожжения, синхронных самой оградке. Это было выявлено уже при первых их раскопках.

В. В. Радлов, раскопав в 1865 г. 4 оградки на Ангодае и 4 на р. Табажек, сначала пришел к выводу, что «эти курганы были не могилами, но местом какого-то религиозного обряда»⁹¹, а позднее правильно писал, что «все эти прямоугольники я должен считать за жертвенные места»⁹². Две оградки на р. Кара-Кабе раскопал в 1911 г. А. В. Адрианов⁹³. Позднее С. И. Руденко писал, что «каменные квадраты с каменными бабами и без них раскапывались Радловым, Адриановым и нами, причем они вряд ли могут рассматриваться, как могильные сооружения. Все же они, по всей вероятности, связаны с заупокойным культом»⁹⁴. Так как нигде не выявлено прокаленной почвы и цельных кострищ в оградках Тувы, то поминальные костры для сжигания

жертвенной пищи и возлияния пьянящих напитков (типа араки и кумыса) разводились, видимо, в непосредственной близости у оградок. Затем, после окончания обряда жертвоприношения, в оградку чаще всего переносили часть углей и золы от жертвенного костра, забрасывали некоторые остатки поминалок (кости конечностей и голов съеденных на поминках овец и лошадей, старые туеса из-под какого-то питья и т. п.), а также жертвовали иногда изношенные или сломанные предметы вооружения и быта (ножи, наконечники самострелов и стрел, костяные свистульки к ним, обломки панцирных пластинок, стремя, топоры-тесла, цурки и т. п.). После этого оградку засыпали землей.

Все найденные в оградках предметы являются типично тюркскими, аналогичными предметам из погребений с конем VI—VIII вв.

Письменные источники сообщают, что у тюрков члены семьи и другие родственники «убивают овец и лошадей и приносят их в жертву умершему»⁹⁵.

Видимо, именно о поминальных оградках сообщает следующее место из Чжоушун (629 г.): «После похорон они накладывали камни и устанавливали при этом памятный столб; число камней (поставленных прямо) определялось каждый раз по количеству людей, которых умерший убил при жизни. Затем они вешали на столбы целые головы принесенных в жертву овец и лошадей»⁹⁶.

Очевидно, что следы кольев и столбов, найденные в оградках Тувы и Алтая, остались от столбов для вывешивания голов жертвенных животных.

Необходимо заметить, что, будучи хорошо огражденными плитами и имея незначительную насыпь внутри, тюркские оградки VI—VIII вв. могли быть вторично использованы для разных целей в последующие века. В Туве встретились только три таких оградки, превращенные позднее в округлые каменные курганы. В двух из них оказались кенотафы IX—X вв. в виде погребения одних только лошадей со скромным снаряжением⁹⁷, а в третьем кургане, находившемся в ряду с одним из вышеупомянутых кенотафов и оказавшемся после расчистки также оградкой, найдены разрозненные кости человека плохой сохранности и одно глиняное пряслице. Ясно, что и это погребение (по обряду труположения без коня) является впускным в более позднее время, возможно тоже в IX—X вв., как думает автор раскопок⁹⁸, когда уже забыли о первоначальном значении древнетюркских оградок и мест-

ные жители погребали своих умерших одиночно без лошадей.

Датируются поминальные оградки VI—VIII вв. не только по найденным в них немногочисленным предметам, но и по многочисленным деталям, высеченным на каменных фигурах воинов, стоящих возле некоторых из них. Многие изображенные на статуях предметы аналогичны найденным в могилах VI—VIII вв., в особенности в тюркских погребениях с конем. Это, прежде всего, наборные пояса с характерными типами бляшек — круглых, кольцевидных, квадратных, полукруглых, круглых с расширяющимся выступом, пряжек и наконечников (табл. 1, 22; рис. 2, 3, 5); затем серьги с каплевидными подвесками, в том числе и сережки с шариком сверху (табл. 1, 19 и рис. 2, 1; 3, 2, 4)⁹⁹, серьги-кольца, подвесные костяные и железные подпружные пряжки (табл. 1, 21)¹⁰⁰ и, наконец, сабли.

Кроме того, эти изваяния позволяют зафиксировать употребление тюрками-тугу других предметов, которые еще не встречены в могилах, а также получить представление об их одежде. Девять раз на фигурах людей, происходящих из разных районов Тувы, изображены кинжалы. II всякий раз это кинжалы одного типа — коленчатые (табл. 1, 22). Это позволяет заключить, что коленчатые кинжалы были особенно характерны для населения Тувы в VI—VIII вв. Кроме сабель изображены прямые мечи, булавы, заткнутые за пояс, а также округлые и фигурные мешочки справа, от которых иногда свисает нож в ножнах, а на одной статуе изображена большая сумка.

Все фигуры высечены с руками и всегда держащими в одной руке (обычно в правой)¹⁰¹ сосуд для питья. Аналогии свидетельствуют, что изображались деревянные или металлические сосуды (обычно золотые и серебряные), которые редко попадали в инвентарь погребений и потому мало известны. Нами выделено шесть типов сосудов изображаемых на изваяниях людей: 1) кувшинчики на поддонах (иногда с ручками — табл. 1, 22 и рис. 2, 2, 3, 2; 5, 2); 2) кувшинчики с округлым дном (рис. 5, 1); 3) рюмки (рис. 3, 4); 4) округлодонные чаши (рис. 3, 5); 5) чаши-кубки на высоких поддонах (рис. 3, 1); 6) чаши с широким горлом на низких поддонах (рис. 1, 1).

Изображения умерших воинов с сосудом в руке необходимы были для того, чтобы при совершении поминок, когда родственники и соратники покойного устраивали в честь него поминальный пир возле оградки, он сам, в виде изваяния, мог «присутствовать и пить» вместе со всеми. Естественно, что поминаю-

щие при этом обращались к нему и «разговаривали» с ним, принося ему жертвы, чтобы умилостивить его «злую» душу, как это делали и тюркоязычные народы Саяно-Алтайского нагорья еще в недавнем прошлом¹⁰².

На одном изваянии воина из Западной Тувы участники поминок даже изобразили весь этот поминальный пир. Ниже пояса этой фигуры схематично изображены два участника поминок, которые сидят перед изваянием на поджатых под себя ногах. Обращаясь к нему, один из них держит в руке сосуд с напитком, а второй опустил руку, видимо, в кожаный бурдюк с питьем, чтобы зачерпнуть очередную чарку¹⁰³.

Особо следует остановиться на одном памятнике — раскопанной нами в 1955 г. оградке с двумя скульптурами людей, которые резко отличны от всех известных, описанных выше, рядовых изваяний¹⁰⁴. Прежде всего здесь у одной оградки оказались две фигуры людей, также участвующих в сцене поминального пира. Эти почти круглые скульптуры изображают не стоящих, как обычно, а сидящих, скрестив ноги по степному обычаю, людей. Кроме того, снизу они имеют шипы, вставлявшиеся некогда в особые каменные пьедесталы (рис. 5, 1, 2)¹⁰⁵. Хотя сама оградка почти не отличается от других (кроме тщательно подобранных тонких и широких плит песчаника), фигуры при ней были совсем особого типа и были изваяны из гранита скульптором по специальному заказу и, конечно, по заказу особенно богатых людей. Подобных изваяний у древнетюркских оградок нет.

Поминальные сооружения знати. Наконец, в юго-западной и юго-восточной Туве были открыты четыре сложных поминальных сооружения высшей знати восточнотюркского каганата. Одно из них, находившееся на юго-западной окраине пос. Сарыг-Булун (Эрзин), раскопано нами в 1955 г. Это был расплывшийся подчетырехугольный вал (36×29 м) со скругленными углами, ориентированный сторонами почти по странам света с небольшим отклонением (рис. 7)¹⁰⁶. Внутри вала, за неглубоким рвом, возвышалась оплывшая подчетырехугольная насыпь из песка (16×15 м) с выступающей площадкой с запада¹⁰⁷. На восточной стороне насыпи и во рву располагались высеченные из серого гранита фигуры двух людей, сидящих на поджатых вперед коленями ногах (рис. 5, 3; 6), а также — два небольших изображения львов¹⁰⁸.

Раскопки всего этого сооружения не дали никаких следов погребения и доказали его исключительно поминальное назначение¹⁰⁹.

Под выступающей с запада площадкой оказался «храм» для жертвоприношений умершему во время поминок. Посредине его в землю был вбит колышек, возле которого лежала кучка древесных углей, а вокруг были разбросаны обломки челюстей коня, рога косули, зубы коровы и железная накладка, т. е. те же остатки приношений, что и в рядовых поминальных оградках (рис. 7).

Чрезвычайно важно, что раскопанный нами «храм» оказался не кумирней со стенами из сырцовых кирпичей и черепичной крышей, подобной сооружавшимся китайцами в поминальных сооружениях каганов и их родственников в Монголии, не жертвенной оградой, в виде орнаментированного «саркофага» (на памятниках высшей знати), и не простой жертвенной оградкой рядовых воинов, а деревянной восьмиугольной юртой.

Основу юрты составляли 13 столбов, глубоко вкопанных в землю и образующих восьмигранник. Стены и стропила были деревянными, а крыша, очевидно, была покрыта пластами лиственничной коры, которые сверху придавливались тяжелыми валунами, обнаруженными здесь же¹¹⁰. Остатки этой юрты-святилища сохранились до нас потому, что юрту сожгли, вероятно, после последних поминок, чтобы душа умершего могла, наконец, вместе с дымом вознестись к небу. Такая трактовка памятника подтверждается сообщением ат-Табари под 738—739 гг. о том, что после гибели в Средней Азии тюркешского кагана Курсула тюрки на поминках сожгли его поминальные юрты: «когда Курсул был убит, то тюрки привезли его шатры и сожгли их и порезали уши свои»¹¹¹. Открытие деревянной юрты VII—VIII вв. важно не только для изучения культовых сооружений и идеологии восточных тюрков. Оно позволяет заключить, что в местах, богатых лесом (в частности, в Туве), уже в ту пору, существовали оседлые аалы (чаще всего на зимниках) с жилищами, представляющими собой деревянные граненые юрты¹¹², а не только избы, о строительстве которых в Саяно-Алтайском нагорье сообщают китайские летописи VI—XI вв. Что касается восточных тюрков-тугю, то письменные источники говорят лишь о войлочных юртах и палатках.

С восточной стороны юрты-святилища, против входа в нее, под курганной насыпью (почти в центре) найден сделанный на кругу из красной глины кувшин с вертикальной ручкой и небольшим сливом на венчике (табл. I, 1). Кувшин стоял возле вбитого в грунт деревянного кола, к которому он первоначально,

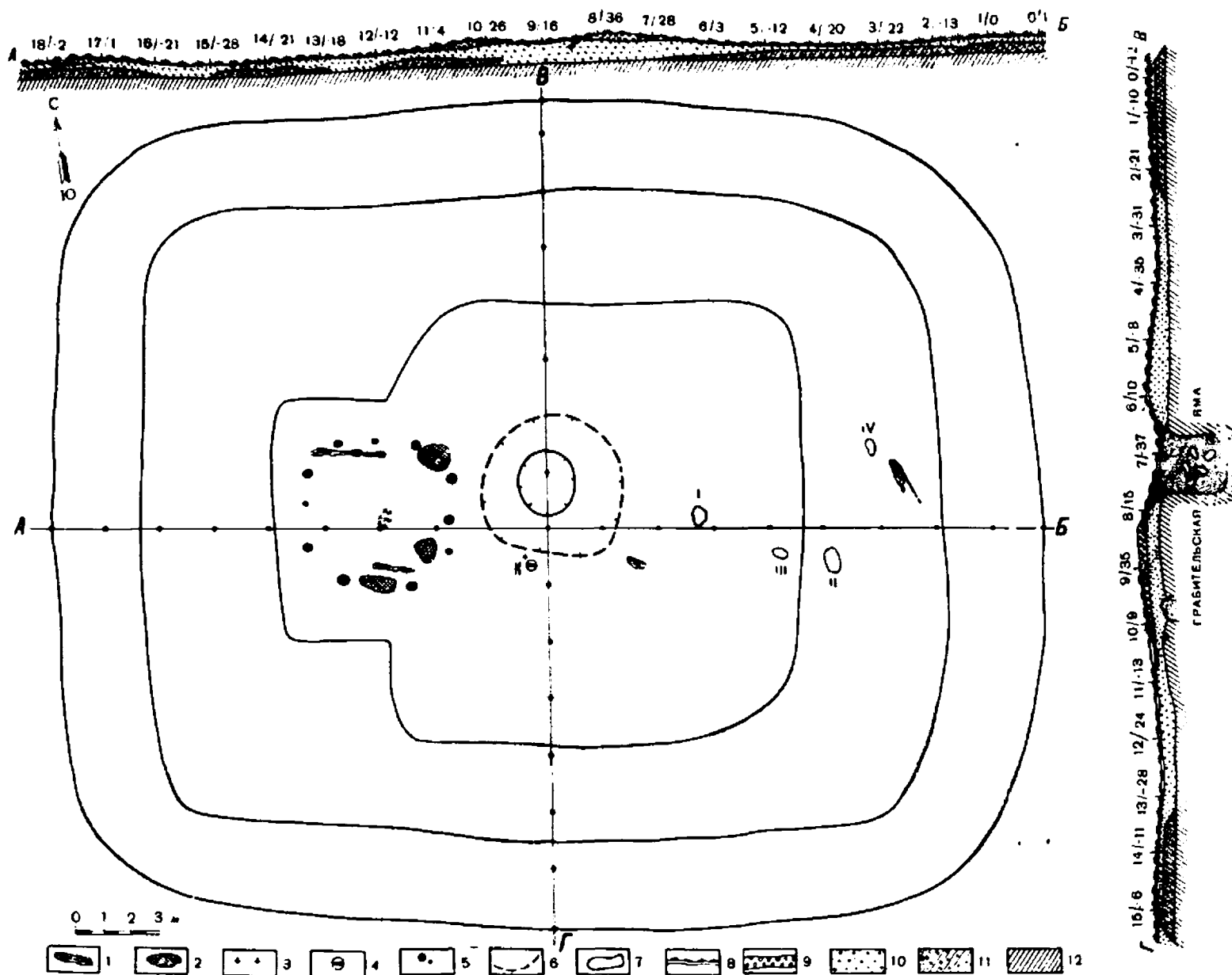

Рис. 7. План поминального сооружения знати восточных тюрков VII—VIII вв. в пос. Сарыг-Булун на р. Эрзин:

1 — остатки бревен; 2 — кострища; 3 — угольки; 4 — кувшины; 5 — деревянные столбы; 6 — граница воронки грабительской ямы; 7 — каменные изваяния (I, II — людей, III-IV — львов); 8 — дерн; 9 — слой с галькой; 10 — песок; 11 — песок со щебнем; 12 — материк

вероятно, был привязан перед сооружением насыпи. Нет сомнения, что в этом большом кувшине находилось в свое время вино для поминанок (рис. 8, 2).

Находка кувшина очень важна в историко-культурном отношении. Дело в том, что это кувшин не тюркский, а среднеазиатский. Такие сосуды вообще не характерны для Центральной Азии и Китая, и в этом отношении наша находка пока является уникальной. Кувшины этого типа изготовлялись в VII—VIII вв. в Согде, частично в Уструшане, Чаче и в Чуйской долине, являясь наиболее распространенными кувшинами у согдийцев. Ближайшую аналогию сосуд из Тувы находит в согдийских кувшинах из городища Ак-Бешим в Северной Киргизии ¹¹³.

Эта первая находка предмета среднеазиатской материальной культуры в памятнике восточных тюрков-туго является прямым доказательством взаимных связей, существовавших между населением Центральной и Средней Азии в VII—VIII вв., в частности между восточными тюрками и согдийцами.

Из письменных источников известно о неоднократных походах восточных тюрков в южные районы Средней Азии, в том числе и в Согд, но также известно о проникновении и расселении согдийцев во многих районах юга Центральной Азии и прилегающих районах Китая, а также о согдийцах, непосредственно живших среди восточных тюрков ¹¹⁴. Скорее всего, кувшин из Сарыг-Булуна сделан гончаром-согдийцем, жившим среди тюрков, а не привезен непосредственно из согдийских городов Чуйской долины.

Второй поминальный памятник того же типа, что и раскопанный нами в Сарыг-Булуна, находится в котловине Деспен, расположенной с южной стороны хребта Восточный Ташну-Ола ¹¹⁵, третий — в долине Суглуг-Аксы-Шоль на правом берегу р. Каргы в Монгун-Тайге ¹¹⁶ и четвертый — по северному склону Ташну-Ола в долине р. Хендерге (левый приток Элегеста) близ пос. Ак-Тал (рис. 8, 1) ¹¹⁷.

Все эти сооружения сходны между собой и отличаются от памятника в Сарыг-Булуна. Они имеют подчетырехугольной формы земляной вал со скругленными углами, вытянутый с запада на восток (размером 19×17 м; 22,3×13,7 м и 24×21 м; шириной 2—2,8 м) и ровик вокруг, из которого брали землю для вала.

В западной половине этого ограждения посредине в одном памятнике находится большая ограда из врытых на боку плит (6×6 м, заваленная внутри обломками скалы), а в двух других — подквадратные каменные пло-

щадки (8×8 м и 6,8×7 м), ориентированные сторонами по странам света. К востоку от площадки или от вала в двух случаях стоят обычные каменные изваяния лицом на восток ¹¹⁸, а в одном сооружении у вала была обнаружена широкая (0,7 м) оббитая сверху плита (были ли сверху ее какие-либо изображения — нам неизвестно). Далее на восток от вала и рва идут ряды каменных столбиков-балбалов, таких же, как у обычных оградок ¹¹⁹.

Таковы сложные поминальные сооружения знати, обнаруженные в Туве, совпадающие с аналогичными по устройству памятниками знати орхонских тюрков VII—VIII вв., известных на соседней территории северной Монголии ¹²⁰.

Памятники искусства и письменности. Наибольшее значение и интерес из памятников искусства рассматриваемого периода представляют находящиеся в большом количестве в Туве упоминавшиеся уже в связи с оградками древнетюркские каменные изваяния, изображающие людей.

Древнетюркские каменные изваяния. В археологической литературе существует значительный разнобой в толковании семантики каменных фигур VI—VIII вв., что затрудняет использование их в качестве исторического свидетельства. Поэтому важно установить истинное назначение древнетюркских изваяний ¹²¹.

Прежде всего остановимся на факте совершенно неверного понимания некоторыми археологами ¹²² и языковедами ¹²³ древнетюркского термина «балбал», на ошибочном отождествлении древнетюркских каменных фигур человека с «балбалами» орхоненских руноподобных текстов, начало которому было положено еще П. П. Веселовским ¹²⁴. При этом почему-то забывают работы В. Л. Котвича, изучившего в 1912 г. в Монголии основные поминальные сооружения древних тюрков и доказавшего, что балбалами назывались только каменные столбики или плиты без всяких следов обработки, ставившиеся в ряд у поминальных памятников по количеству убитых врагов, а не каменные фигуры людей ¹²⁵.

Ни на одном человеческом изваянии нет древнетюркских надписей с указанием, что это балбал. Зато такие надписи дважды обнаружены на простых камнях у древнетюркских памятников Билья-Кагана и Алп Элетмиша (Онгинском), стоявших в начале ряда действительных камней-балбалов. Они гласят: «Это

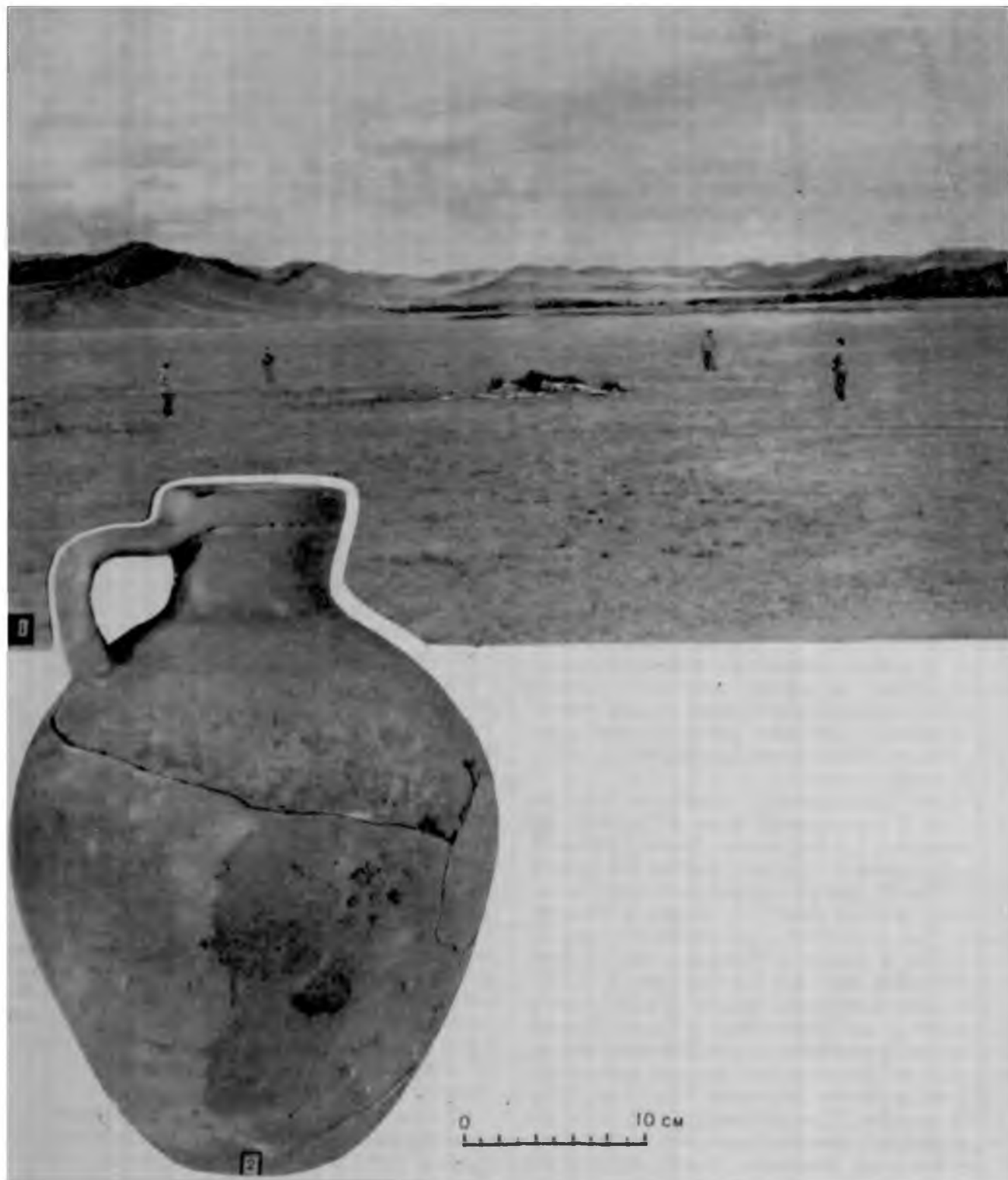

Рис. 8. Древнетюркские памятники VI—VIII вв.:
1 — поминальное сооружение знати в долине р. Хендерге близ пос. Ак-Тал (вид с запада); 2 — кувшин для вина из поминального сооружения знати в пос. Сарыг-Булун на р. Эрзин

каменный балбал шада төлесов» и «Балбал Сабра таркана»¹²⁶.

Отсюда можно сделать только один вывод: балбал это не изображение и тем более не статуя, изображающая главного врага, а лишь камень, символизирующий убитого врага и не имеющий никакой обработки.

Из текстов самих древнетюркских поминальных памятников также не следует, что балбал это каменное изваяние человека. Судя по этим текстам, балбал должен был лишь символизировать убитого врага. В. В. Радлов совершенно правильно переводил термин балбал — «*der Steinpfeiler*», т. е. «каменный столб», а Анна Габэн объясняет термин балбал, как «*Schandmal*» — «знак позора» для убитого врага¹²⁷. Такие «переводы», как: изображение, статуя и т. п., произвольны и ни на чем не основаны.

В текстах рунических надписей почти всюду говорится о балбалах во множественном числе и это вполне сопоставимо с длинными рядами каменных столбиков, отходящих на восток от поминальных сооружений Кюль-Тегина, Бильгя-Кагана и других, а также от вышеописанных оградок рядовых тюркских воинов, изученных в Туве.

Это же подтверждается данными всех китайских хроник, в которых говорится, что умершему тюрку, «если он убил одного человека, то ставят один камень» (курсив мой. — Л. К.). У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи¹²⁸. Таким образом, и в письменных источниках говорится о простых камнях, символизировавших убитого врага, а не об изображениях человека или статуях.

Итак, письменные источники и археологические данные позволяют считать установленным, что древнетюркский термин «балбал» означал вертикально врытый у поминального сооружения камень, символизировавший убитого врага. Нет никаких фактов, которые позволили бы считать, что балбал — это статуя¹²⁹.

В. Л. Котвич был совершенно прав, призывая не вносить в этот вопрос путаницы, какую внес в свое время Н. И. Веселовский, и не называть балбалами «каменных баб».

Так, что же такое в таком случае древнетюркское каменное изваяние человека?

Прежде всего необходимо проанализировать три основных вида источников по этому вопросу: а) письменные, б) археологические и в) данные этнографии.

Важнейшее значение имеет для нашей темы текст хроники Суйшу (окончена в 636 г.),

гласящей (в переводе Н. Я. Бичурина): «В здании, построенном при могиле, *ставят нарисованный облик покойника* (курсив мой. — Л. К.) и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»¹³⁰. Имеются еще два перевода этого же места Суйшу, сделанные недавно Р. Ф. Итсом: «У могилы из дерева ставят дом. Внутри его *рисуют облик покойника*, а также военные подвиги, совершенные им при жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, ставят один камень и так до сотни и тысячи»¹³¹ и Лю Мау-цаем: «Затем они погребают пепел и устанавливают на могилу деревянный столб в качестве памятного знака. На могиле они сооружают помещение, в котором *рисуют облик покойника* и сцены битв, в которых умерший принимал участие до своей смерти. Если он некогда убил одного человека (в битве), тогда один камень ставят (перед могилой). Число камней достигало иногда до ста или тысячи»¹³².

Отличия переводов несущественны, и перевод Н. Я. Бичурина остается в силе. То же самое сказано и в хронике Бэйши (окончена в 659 г.): «Они устанавливали на могиле (памятный) столб. На могиле сооружалось помещение, в котором *рисовался облик покойного* (курсив мой. — Л. К.) и сцены битв из его жизни. Если умерший некогда убил одного человека, то ставили один камень. При этом бывало, что сотни и тысячи камней были установлены»¹³³.

Из этих письменных источников видно, что турки-тугю в VI — начале VII в. ставили ряд из необработанных камней по числу убитых покойным врагов. Это полностью соответствует балбалам древнетюркских надписей и рядам каменных столбиков, зафиксированным археологически. Далее сообщается, что перед рядом камней ставится деревянный дом или какое-то помещение, что также полностью соответствует поминальным храмам со стенами из сырцовых кирпичей и черепичной крышей, сооруженным для тюрков китайскими строителями (на памятниках Кюль-Тегина, Бильгя-Кагана и других каганов и вельмож восточных тюрков, известных как по письменным, так и по археологическим данным)¹³⁴, а также открытой мною на поминальном сооружении VII—VIII вв. в юго-восточной Туве деревянной юрте, в которой совершались поминальные жертвы¹³⁵. Для менее знатных лиц такими помещениями служили орнаментированные «саркофаги» из мраморных и сланцевых плит,

а для рядовых воинов — простые поминальные оградки.

Наконец, о «нарисованном» облике покойного, который, согласно цитированным текстам, помещался в поминальном помещении. Здесь следует сказать, что ранние китайские историки, составлявшие соответствующие хроники, сами не видели ни погребальных, ни поминальных сооружений древних тюрков и заимствовали сведения из докладных записок официальных лиц и других данных. Авторы записок чаще всего основывались на сообщениях самих тюрков, приезжавших в Китай с посольскими, торговыми и иными целями¹³⁶. По заключению венгерского тюрколога Г. Вамбери: «в тюркском понятии: писать, рисовать, малевать, изображение, наружный вид, лицо — покоятся на основной идее вырезывания, выпарывания, гравирования, потому что именно эта художественная деятельность человека впервые проявилась в указанном действии»¹³⁷.

Поэтому в древнетюркских текстах нет терминов: «статуя», «скульптура», «изваяние». Зато есть термины: «бедиз» — резьба, орнамент¹³⁸, резные (фигуры)¹³⁹, украшение (скульптурное)¹⁴⁰, портрет (образ, изображение), картина, живопись¹⁴¹; «бэдизчи» — резчик, гравировщик, художник, мастер; «бэдиэд» — вырезать, расписывать, писать картину.

Отсюда «нарисованный облик покойника» китайских хроник, взятый из древнетюркской речи, где термин «статуя» отсутствовал, на деле мог означать вырезанное на камне изображение или даже статую покойного.

Ведь среди известных древнетюркских фигур очень многие являются буквально нарисованными (выбитыми) на плоскостях валунов или простых плит, не имеющих никакой скульптурной обработки¹⁴².

Такая точка зрения подтверждается более поздними сообщениями исторических хроник, чьи авторы писали не со слов тюрков, а по китайским данным. Известно о посылке китайских послов, строителей, художников и скульпторов на поминки Кюль-Тегина и Бильгя-Кагана с задачей сооружения для этих лиц поминальных комплексов. Когда умер Кюль-Тегин, сообщает Синь Таншу, «отправлены военачальник Чжан Цюй-и и сановник Люй Сян с манифестом за государственную печатью утешить и принести жертву. Император приказал изсечь надпись на каменном памятнике, построить храм и поставить статую его (курсив мой. — Л. К.); на всех четырех стенах написать виды сражений. Указано отправить шесть превосходных художников, расписать все отличную работой, чего в тукюеском государстве

еще не бывало»¹⁴³. В этом тексте Синь Таншу говорится о том же, что и в более ранних хрониках Суйшу и Бэйши, только «нарисованный облик покойного» закономерно заменен выражением «его статуя». Эта статуя умершего Кюль-Тегина стояла в поминальном храме и ныне найдена при раскопках¹⁴⁴.

На поминки Бильгя-Кагана было направлено посольство во главе с Ли Цзю-анем, чтобы «для умершего Бильгя соорудить в (поминальном) храме статую (курсив мой. — Л. К.) и высечь на камне его заслуги». Об этом сказано в китайском тексте памятника Бильгя-Кагана¹⁴⁵.

Все это свидетельствует о том, что даже для высшей знати и каганов, которым сооружались сложные поминальные памятники, в храмах по тюркскому обычаю ставились статуи, изображавшие умершего, а не просто нарисованный портрет, хотя стены храмов расписывались при этом сценами из жизни покойного. А для умерших рядовых воинов, которым вместо храма делали простую поминальную оградку, облик покойного «рисовался» на установленном с восточной стороны камне, который хорошие мастера превращали даже в скульптуру, иногда превосходной работы.

Таким образом, письменные источники и археологические данные позволяют твердо установить, что в древнетюркский поминальный комплекс входили как статуи или «нарисованные» каменные фигуры, изображавшие самого умершего тюркского воина, так и каменные столбики — балбалы, установленные в ряд перед такой фигурой и символизировавшие собой убитых воином врагов.

Иногда пытаются выдать за «более древний вариант источников» хронику Чжоушу, в которой отсутствует указание на «нарисованный облик покойного», имеющееся в Суйшу и Бэйши. Но Р. Ф. Итс справедливо указал, что Линху Дэ-пен и Вэй Чжен (авторы Чжоушу и Суйшу) были не только современниками, но и коллегами, и что разделы о тюрках в обеих историях «почти текстуально совпадают, исключая стилистические изменения и некоторые второстепенные детали»¹⁴⁶.

Данные Р. Ф. Итса совпадают с материалами Лю Мау-цзя, который к тому же разъясняет, что часть Чжоушу (окончена в 629 г.) позднее была утеряна и дополнена затем из Бэйши¹⁴⁷. Следовательно, о большей «древности» текста Чжоушу, сравнительно с Суйшу и Бэйши, говорить не приходится.

По Р. Ф. Итсу в Чжоушу сказано: «По окончании похорон на могиле ставится каменный знак, другие камни много или мало (ста-

ваться) в зависимости от количества убитых людей (покойником) при жизни»¹⁴⁸. Несколько отличается перевод этого места у Лю Мау-цая: «После похорон они накладывали камни и устанавливали при этом (памятный) столб; число камней (поставленных прямо) определялось каждый раз по количеству людей, которых умерший убил при жизни»¹⁴⁹.

В приведенных отрывках Суйшу и Бэйши, с одной стороны, и Чжоушу — с другой, есть расхождения в деталях описания погребального обряда тюрков-тугю, но нет противоречия. Можно ли их противопоставлять или отдавать преимущество тому или иному источнику? Нет, нельзя. Это понимал Н. Я. Бичурин, объединив в своем переводе данные Суйшу и Чжоушу.

Сведения Суйшу и Бэйши точно соответствуют, как показано было выше, данным орхонских текстов и археологии. Имеется и «нарисованный облик покойного» (каменная фигура или статуя) и поминальное помещение (храм, деревянная юрта, большие или малые ограды из плит), и ряды каменных столбиков-балбалов по числу убитых врагов¹⁵⁰.

Полностью соответствует археологическим данным и выдержка из Чжоушу. Только речь здесь идет не о поминальных сооружениях каганов и высшей знати, как в Суйшу и Бэйши, а о памятниках рядового населения. Статистика показывает, что ограды, не имеющие каменных фигур человека, преобладают среди всех древнетюркских поминальных сооружений (в Туве 57%). К 1962 г. в Туве мне были известны 55 жертвенно-поминальных оград, у восточных стенок которых стояли вертикально вкопанные простые плиты или валуны. Они то и есть, очевидно, каменный «знак»-«столб» по Чжоушу. При этом, у 27 из 55 оград, кроме «главного» камня — «знака», замещающего каменную фигуру, имелись еще отходящие на восток ряды более мелких каменных столбиков — балбалов, поставленных, как сказано в Чжоушу, по количеству людей, убитых умершим при жизни.

Как видим, никакого противоречия в китайских источниках нет. Очевидно, при общем совпадении основных текстов, приведенных в Чжоушу и Суйшу, в данном конкретном месте автор Суйшу использовал факты о поминальных сооружениях высшей знати, а автор Чжоушу привел то же самое, но для рядовых тюрков-тугю.

Здесь же следует отметить, что встречающееся в приведенных выше отрывках хроник слово «могила» нельзя понимать буквально. Дело в том, что изваяния людей, животных и стелы с биографическими текстами у самих

китайцев действительно сооружались при могилах. Но у тюрков-тугю они ставились при отдельно сооружавшихся во время поминок особых жертвенно-поминальных сооружениях. К этому совершенно правильному выводу пришел уже В. В. Радлов, произведший раскопки на поминальном сооружении Бильгя-Кагана¹⁵¹. Впоследствии это было подтверждено раскопками поминальных сооружений знати, произведенными В. Л. Котвичем в 1912 г.¹⁵², Б. Я. Владимирцовым и Г. И. Боровкой в 1925 г.¹⁵³, Л. Р. Кызласовым в 1955 г.¹⁵⁴ и Л. Нислом в 1958 г.¹⁵⁵.

Это же косвенно подтверждается и другими источниками. Например, Таншу сообщает, что когда в 645 г. в Китае умер тюркский каган Симо, то он был «погребен на царском кладбище Чжаолин. Могила сделана на горе Бай-дао-шань. Каменный памятник с описанием заслуг его поставлен в Хуа-чжэу»¹⁵⁶. В данном случае «могила» есть не собственно место погребения, а, очевидно, поминальное сооружение, расположенное в каком-либо другом месте.

Выше указывалось, что после смерти Кюль-Тегина император Сюань-цзун послал на Орхон генерала Чжан Цюй-ли и чиновника Люй Сяна «утешить и принести жертву», т. е. на поминки, а не на похороны. Это же подчеркивается в личном письме Сюань-цзуна к Бильгя-Кагану, оплакивавшему смерть своего брата: «Ныне, в знак соболезнования, приношу подарок и отправляю (посольство) для жертвоприношения»¹⁵⁷.

Из текста памятника Кюль-Тегина видно, что между смертью его (начало 731 г.) и похоронами прошло 8,5 месяцев, а между похоронами и освещением построенного при участии китайцев поминального сооружения (осень 732 г.) прошло еще 10,5 месяцев¹⁵⁸. Недавние раскопки этого сооружения, произведенные Л. Нислом, вскрыли поминальный храм с сидящими в нем статуями Кюль-Тегина и его супруги. Перед статуями обнаружены три жертвенные ямы со следами обжиги и обломками сосудов, в которых приносили сюда жертвенную пищу и питье¹⁵⁹.

Специальные жертвенно-поминальные сооружения на территории Южной Сибири и Центральной Азии существовали еще раньше, например, в период шурмакской культуры (II в. до н. э.—V в. н. э.) в Туве¹⁶⁰. Были они позднее у уйгуров и даже у древних монголов. Например, ссылаясь на Юаньши, П. Кафаров пишет: «По древнему монгольскому обычаю, для душ покойных ханов устраивались особые шатры (в Китае, по оседлости

монголов, устраивались для душ палаты), в которых по временам совершалось служение шаманов и приносились жертвы. При подобных шатрах и палатах была особая стража, по несколько сот человек; служили теням, как бы живым»¹⁶¹. О тюркских статуях, изображающих собой умерших сородичей, для более позднего времени писал и В. Рубрук (XIII в.): «Команы насыпают большой холм над усопшим и *воздвигают ему статую* (курсив мой. — Л. К.), обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу»¹⁶². Рубрук видел также в Каракоруме уйгурские статуи, о которых ему сами уйгуры говорили: «когда какой-нибудь богач из наших умирает, то или сын его, или жена, или кто-нибудь дорогой для него приказывает сделать *изображение умершего* и ставит его здесь, а мы чтим его в память его»¹⁶³.

В XIII в. не только тюркоязычные народы, но и монголы, как свидетельствует тот же Рубрук, «делают из войлока *изображения своих умерших* (курсив мой. — Л. К.), одевают их драгоценнейшими тканями и кладут на одну повозку или на две. К этим повозкам никто не смеет касаться, и они находятся под охраной их прорицателей... и затем, если наступает праздничный день или первое число месяца, они извлекают вышеупомянутые изображения и ставят их в порядке вокруг в своем доме. Затем приходят сами моалы и вступают в тот дом, кланяются этим изображениям и чтут их»¹⁶⁴.

О приношении жертвенной пищи этим изображениям умерших сообщает и Плано Карпини (XIII в.): «Вышеупомянутым идолам они приносят прежде всего молоко всякого скота... и всякий раз, как они приступают к еде или питью, они прежде всего приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке...». Здесь же указывается, что особым почетом окружают изображение умершего хана, перед которым, убивая животных, «не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем». Бату-хан в 1246 г. казнил русского князя Михаила Черниговского за то, что тот не поклонился изображению Чингис-хана, заявив, что он «не поклонится *изображению мертвого человека* (курсив мой. — Л. К.), так как христианам этого делать не подобает»¹⁶⁵.

Даже в период Юань монголы, по сообщению Рашид-ад-дина, имели изображения покойных предков и жгли перед ними «постоянно фимиам и благовония»¹⁶⁶. Однако нет со-

общения, что монголы когда-либо изготовляли каменные фигуры или статуи.

Что касается половцев, то в их языке имелся специальный термин для статуи умершего: «сын» — буквально означающий — «изображение умершего»¹⁶⁷. Он сохранился в казахском наименовании каменных изваяний — «сынтас», где «тас» — камень. Общеизвестно, что автор X в. ибн Фадлан пишет о деревянных столбиках-балбалах, которые ставились на могилы гузов по числу убитых врагов, но ничего не сообщает об изображении умершего. По его рассказу, однако, гузы совершали для умершего поминальные жертвы, зарывая пищу в яму в степи, а не на могиле, обращаясь при этом к умершему по имени¹⁶⁸. Возможно, гузы, начинавшие принимать ислам, каменных фигур умерших уже не ставили (как это продолжали делать даже в XIII в. половцы), ограничиваясь куклой, изображающей покойного, одетой в его одежду и находившейся в юрте, как это было у казахов Средней Орды в недавнем прошлом¹⁶⁹.

Чрезвычайно важно, что даже мусульманский историк XVII в. Абул-Гази, повествуя о древних тюрках-язычниках, указывал: «Когда у кого умирал любимый кто-либо, то сын или дочь, или брат, делали *похожую на него статую* (курсив мой. — Л. К.) и, поставив ее в своем доме, говорили: это такой-то из наших близких; оказывая к нему любовь, первую часть от кушанья клали перед пей, целовали ее, нагирали мазями лицо, глаза и кланялись ей»¹⁷⁰.

Таковы письменные источники, свидетельствующие о назначении древнетюркских каменных фигур.

Но могут ли дать сами изваяния древних тюркоязычных народов что-либо для расшифровки их семантики? Да, могут.

В литературе неоднократно сообщалось о надписях, встреченных на древнетюркских каменных фигурах людей. Часть сведений при проверке оказалась ошибочной или сомнительной¹⁷¹, но две древнетюркские надписи несомненны. Это, во-первых, надпись на спине (известной со времени Д. Г. Мессершмидта) статуи «богатыря» из Знаменки в Хакасии, хранящейся ныне в Минусинском музее и относящейся по иконографическим признакам и тамге к концу IX в.¹⁷² В надписи сказано следующее: «Надпись. Я — Эзгене — внутренний (чин) Карахана. Я был на двадцать шестом году своей жизни. Я умер внутри тюркешского государства, я бег»¹⁷³.

Этот текст свидетельствует о том, что статуя изображает умершего бега Эзгене, а от-

июдь не какого-то мифического «главного врага».

Во-вторых, надпись на известной плите из Асхете в Монголии с барельефными изображениями трех умерших, участвующих в поминальном пире, относящаяся по тамге к середине VIII в.¹⁷⁴

Эта плита не являлась одной из стенок «саркофага», а была вкопана с восточной стороны целого «саркофага» — ограды¹⁷⁵, т. е. стояла на обычном месте каменной фигуры и заменяла ее. Имеющаяся на плите надпись чрезвычайно важна потому, что она свидетельствует о поминальном назначении памятников типа «саркофагов», а следовательно, и обычных оград рядового населения. Там сказано: «(Памятник) Текеша, младшего брата Кюльтудуна... в день поклонения я вырезал. Муж Азганаз хорошо устроил. Так как мы не могли быть на похоронах (курсив мой. — Л. К.) Алтун Тамган-тархана, младшего брата Кюльтудуна (мы сделали этот памятник)... Оставшиеся два сына его, Торгул и Пэлыгек, в год свиньи вы умерли. По уходе мы грустим, разлучившись (с вами)»¹⁷⁶.

Из приведенного текста видно, что поминальное сооружение в Асхете было посвящено покойному Текешу, имевшему титул Алтун Тамган-тархана, и умершим сыновьям его Торгулу и Пэлыгеку. «Разлучившись с ними», авторы надписи, которые «не могли быть на похоронах», и сородичи «грустили» здесь на поминках, совершая жертвы душам умерших. Поэтому и понадобилась широкая плита, чтобы рельефно изобразить на ней всех трех покойных. И действительно, на ней мы видим сидящего посредине мужчину и по бокам его двух юношей — братьев в одинаковых головных уборах и одежде, с одинаковыми сосудами в руках. Справа, над тамгой умершего Текеша, изображена птица, очевидно, сокол. Эта птица подтверждает, что на плите «нарисованы» умершие, ибо она олицетворяет собой душу покойного Текеша.

Известно из многочисленных этнографических примеров, что в представлениях ряда народов Сибири и Средней Азии одна из душ умершего превращается в птицу, которая незримо присутствует весь срок совершения поминок (обычно до истечения года), а затем улетает в потусторонний мир¹⁷⁷.

Это поверье было характерно для тюркоязычных племен VI—VIII вв., ибо в древнетюркских надписях часто говорится о том или ином покойнике, что он не умер, а «улетел». Достаточно напомнить текст памятника Кюль-Тегина, где об отце, дяде и самом Кюль-

Тегине сказано: «улетел» (т. е. умер). Примечательно, что на головном уборе статуи Кюль-Тегина изображена именно такая взлетающая душа-птица (орел или сокол)¹⁷⁸.

Такие же души-соколы изображены сидящими на руках древнетюркских каменных фигур из Семиречья¹⁷⁹. Все это является свидетельством того, что древнетюркские изваяния изображают самих умерших тюрков.

Наконец, имеется еще одна группа древнетюркских каменных изваяний подтверждающих это положение. Прежде всего — каменная фигура, найденная мною в 1960 г. в долине р. Хендерге в верховьях Элегеста у каменной оградки, не имевшей столбиков — балбалов. Это изображение усатого мужчины с расчесанными на пробор волосами, с серьгами в ушах и в халате или рубашке без ворота¹⁸⁰. Вместо сосуда и меча эта фигура держит на уровне груди в каждой руке по отрубленной голове человека (рис. 2, f).

Совершенно очевидно, что фигура изображает самого тюркского воина, убившего при жизни двух врагов, головы которых он держит в руках. Именно таким героем он представлял на поминках перед приносившими ему жертвы сородичами.

В связи с тюрками VI—VIII вв. хроники постоянно сообщают об отрубленных головах врагов, выставляемых напоказ или пересылаемых союзникам, чтобы они убедились в смерти врага и т. п. То же делали и другие тюркоязычные племена, например, древние уйгуры¹⁸¹, а в начале X в., по данным ибн Фадлана, башкир, убив врага «отделяет его голову, берет ее с собой, а его самого оставляет»¹⁸².

Интересна в этом отношении другая древнетюркская статуя из Казахстана, хранившаяся в Тобольском музее и опубликованная Бела Поштой. Здесь воин левой рукой держит рукоять сабли, а в правой — рельефно выбитую небольшую фигурку убитого врага, размеры которой подчеркивают его ничтожность в сравнении с самим героем¹⁸³.

Таковы археологические и эпиграфические факты, свидетельствующие об истинном назначении древнетюркских фигур.

Некоторые авторы не могут объяснить и тот факт, что в подавляющем большинстве своем древнетюркские фигуры держат на уровне груди сосуд для питья, и прямо пишут: «Мотивы изображения сосудов на каменных изваяниях остаются пока загадочными»¹⁸⁴.

На самом деле ничего загадочного в этом нет. Стоит лишь понять, что каменное изображение умершего у древних тюрков предназначалось заменять погребенного на его помин-

ках, т. е. быть «вместилищем» одной из душ умершего, которая принимала участие в поминальном пиршестве. Такие поминки, в которых участвовали трое умерших, изображены на плите из Асхете, где мужчина и юноши держат в руках рюмки.

Изображения умерших воинов с сосудом для питья в руке необходимы были для того, чтобы при совершении поминок, когда родственники и соратники покойного устраивали в честь него поминальный пир возле оградки, он сам в виде изваяния как бы «присутствовал и пил» вместе со всеми, «принимая» через дым пищу, бросаемую ему в жертвенный костер. Естественно, что при этом поминающие обращались к нему и «разговаривали» с ним, принося ему жертвы, чтобы умиловить его «злую» душу, как это делали и тюркоязычные народы Саяно-Алтайского нагорья еще в недавнем прошлом. И алтайцы¹⁸⁵ и тувинцы¹⁸⁶ и хакасы¹⁸⁷ — все считали, что в поминальном пиру участвует душа самого умершего (сүне, ұзют), получая пищу и питье через дым жертвенного костра в виде запаха и пара. Хакасы оставляли на могиле кожаную бутылку (торсых) с вином (теперь оставляют стеклянную бутылку) и специальную «покойникову чашу» для питья, из которой умерший «пил» на поминках¹⁸⁸. Все это позволяет понять, почему в руке древнетюркского изваяния изображался сосуд для питья.

На одном, упоминавшемся выше, изваянии воина из Западной Тувы, участники поминок изобразили самих себя, воссоздав сцену «выпивки» с каменной фигурой умершего. Ниже пояса этой фигуры схематично изображены два человека, как бы сидящие перед изваянием на поджатых под себя ногах. Один из участников поминок поднимает в руке сосуд с напитком, а второй опустил руку, видимо, в кожаный бурдюк с питьем, чтобы зачерпнуть очередную чарку. Создав эту сцену, сородичи тем самым остроумно «обеспечили» умершему многовековое продолжение поминального пира¹⁸⁹.

Связывать изображения этих участников поминального пира надо с изваяниями «виночерпиев» орхонских памятников знати, также сидящих на подогнутых вперед коленями ногах с кувшинами в руках¹⁹⁰.

Следует сказать, что только на поминальных памятниках высшей древнетюркской знати (типа памятников Кюль-Тегина, Бильгя-Кагана, Кули-Чура и Тоньюкука), имевших несравненно более сложное устройство (с надписями, храмами и т. п.), соорудившихся совместно с китайскими мастерами и в подражание ритуалу китайской знати, имеется не

только изваяние самого умершего (отмеченного, например, изображением души-птицы у Кюль-Тегина), но и скульптуры жертвователей (китайских генералов и чиновников)¹⁹¹, жен покойного¹⁹² и участников поминального пира, в том числе и «виночерпиев».

Представления о развитом культе умерших предков у тюрков VI—VIII вв. хорошо дополняются сведениями китайских династийных хроник и орхонских памятников древнетюркской письменности.

Известно, например, что каганы восточных и западных тюрков вместе со знатью ежегодно совершали длительные поездки на Алтай, чтобы приносить жертвы в особой пещере предков¹⁹³. Источники сообщают о многочисленных жертвоприношениях умершему овец и лошадей, головы которых вывешивались на шестах, о плаче и надрезывании лиц ножами во время похорон и поминок¹⁹⁴, о специальных посольствах с жертвенными дарами, приезжавших от соседних народов и иногда из далеких стран на поминки умерших каганов и знатных тюрков¹⁹⁵.

В памятнике Бильгя-Кагану говорится, что пришедшие на его поминки посольства «безмерное количество золота и серебра они принесли. Погребальные курительные свечи они принесли и установили их. Они принесли сандалового дерева... Столь много народа порезало себе волосы, уши и щеки. Они доставили без числа своих хороших верховых лошадей, черных соболей, голубых белок и *пожертвовали покойнику*» (курсив мой. — Л. К.)¹⁹⁶.

Таково то громадное значение, которое придавали культу предков древние тюрки VI—VIII вв., а также тюркоязычные народы в средневековье и в недавнее время.

Пережитки и остатки представлений подобного рода сохранились и у современных тюркоязычных народов, даже у тех, которые давно приняли ислам, буддизм или христианство.

Несомненными пережитками древнетюркских каменных фигур, изображавших умершего, являются столбообразные или фертообразные деревянные и каменные памятники у туркмен¹⁹⁷, казахов¹⁹⁸, башкир¹⁹⁹, чувашей²⁰⁰, крымчаков и др. Все они представляли изображение умершего, участвовавшего в поминальных пирах и принимавшего жертвы своих сородичей.

У казахов²⁰¹, киргизов²⁰² и якутов²⁰³ в качестве изображения умершего изготовляли куклу (иногда из дерева), которую одевали в одежду покойного, оплакивали, кормили лучшей пищей, приносили ей жертвы на поминках и т. п.

У казахской знати вплоть до конца XVIII в. неподалеку от могил сооружались особые квадратные жертвенные ограды, аналогичные древнетюркским. Н. Рычков, посетивший мавзолей известного казахского хана Абулхаира, писал, что напротив ханской могилы «сделана четверугольная каменная ограда, длиною и шириною по 12 аршин. Сие есть то самое место, где бывает жертвоприношение в день поминков... обыкновенно вводят жертвенный скот, и тамо его убивают»²⁰⁴.

Известный тюрколог и этнограф Н. Ф. Кантапов, исследователь тюркоязычных народов Синьцзяна, северо-западной Монголии и Саяно-Алтайского нагорья, совершенно правильно писал, что «каменные бабы у нынешних татар (хакасов. — Л. К.), урянхайцев (тувинцев. — Л. К.), и монгол чтутся не как божества, а как изображения предков»²⁰⁵.

Он же сообщил чрезвычайно важный факт, что у тувинцев северо-западной Монголии в конце XIX в. «если покойник пользовался уважением народа, то возле него ставится его изображение, вытесанное из камня или вырезанное из дерева»²⁰⁶. Память об установке фигур покойных сохранилась у тувинцев до наших дней. Мне дважды пришлось слышать от стариков, что это были маленькие фигурки, ставившиеся на вершинах гор. По тувинским преданиям, каменные изваяния — это бывшие знаменитые герои²⁰⁷.

Этнографам хорошо известно, что изображения умерших в разных вариантах (от рисунков, кукол до памятных статуй) широко распространены у разных народов мира, а не только у тюрков. Именно к этому же кругу памятников необходимо относить древнетюркские фигуры VI—VIII и VIII—X вв., а также более поздние каменные изваяния тюркоязычных племен, вплоть до половецких XII—XIII вв.

Таким образом, вся совокупность известных ныне фактов приводит к единственно возможному выводу, что каменные фигуры, сооружавшиеся древними тюрками, связаны с поминальным обрядом и изображают их умерших героев.

Памятники письменности и писанцы. Общеизвестно, что тюрки-тугу в VII—VIII вв. имели свою письменность на так называемом орхонском алфавите. Это известно, как по прочитанным надписям на каменных стелах, установленных у поминальных сооружений высшей знати восточных тюрков в Монголии и имеющих даты в текстах, так и по предметам с надписями из могил тюрков с ло-

шадьями на Алтае, датированных археологически VII—VIII вв.

Безусловно, что жившие в это время в Туве алтайские тюрки имели ту же письменность. Однако предметов с надписями в их могилах еще не найдено. Нет и каменных стел с надписями возле погребальных или поминальных сооружений.

В настоящее время известно свыше 50 надписей из Тувы, написанных, однако, не орхонским, а древним енисейским алфавитом на отдельных каменных плитах и столбах, а одна надпись на скале. Но ни в одном тексте этих надписей нет даты.

Следовательно, датировать надписи из Тувы можно двумя путями: с помощью археологических данных и палеографически. Но палеография этого алфавита не разработана именно из-за отсутствия твердых дат. Остается путь археологических датировок и он оправдывает себя.

Предположения тюркологов П. М. Мелиоранского и С. Е. Малова о ранних датировках «енисейских» надписей со ссылкой только на «архантность надписей» не оправдались²⁰⁸. В результате сделанного нами исследования оказалось, что памятники енисейской письменности в целом относятся к VII—XII вв., а рассматриваемые стелы из Тувы относятся отчасти к уйгурскому (VIII—IX вв.)²⁰⁹ и в большинстве своем к древнехакасскому (IX—XII вв.) периодам в истории тувинской земли²¹⁰. К этому мы еще вернемся позже.

Показательно, что в Туве нет ни одной надписи на орхонском алфавите, которым пользовались тюрки-тугу. В период VI—VIII вв. в Туве вообще еще не устанавливались стелы с надписями, так же как не устанавливались они и на соседнем Алтае. Это не удивительно, ибо установка вертикальных стел с надписями (у курганов, в рядах или одиночно) никогда не практиковалась алтайскими тюрками-тугу и другими племенами, входившими в I тюркский каганат (552—630 гг.).

На территории этого обширного государства, от Каспийского моря до Ордоса и от Алтая до Тянь-Шаня, много найдено археологических памятников VI—VIII вв., присущих алтайским тюркам и связанных с их обрядами (курганы с погребениями по обряду трупоположения с конем, поминальные оградки, иногда с каменными фигурами людей и со столбиками — балбалами). Но ни на Алтае, ни в других районах I тюркского каганата не обнаружено ни одной вертикальной стелы с надписью. Следовательно, обычай установки подобных стел с надписями не был присущ тюркам-тугу.

Лишь в период II восточно-тюркского каганата (682—745 гг.) орхонские тюрки стали ставить вертикальные стелы с надписями, но только при поминальных сооружениях самых выдающихся полководцев, прославленных многочисленными победами. Известно всего пять таких памятников, посвященных военачальникам, умершим в 20—30-х годах VIII в., т. е. уже в конце существования древнетюркского государства (стелы Кули-Чура, Алп Элетмиша, Тоньюкука, Кюль-Тегина и Бильгя-Кагана).

Сооружение стел с надписями только самым прославленным полководцам, среди которых оказался лишь один каган, отсутствие стел с надписями, посвященных памяти множества других каганов и вельмож, отсутствие стел на многочисленных поминальных сооружениях древнетюркской знати (типа оград «саркофагов» или насыпей, обнесенных прямоугольником из валов), не говоря уже о поминальных оградках рядового населения, — все это, безусловно, свидетельствует, что и в период II каганата у тюрков-тугов в целом не было обычая ставить стелы с эпитафиями в честь даже самых знатных людей.

Невозможно думать, что стелы просто не сохранились и не дошли до нашего времени, так как археологам известны сотни древнетюркских поминальных сооружений и каменных изваяний людей (не говоря уже о курганах) всюду на огромной территории тюркских каганатов²¹¹.

Таким образом, в Туве пока не обнаружено ни одного памятника с древнетюркской надписью VI—VIII вв. Не может считаться решенным вопрос об отнесении каких-либо известных в Туве наскальных рисунков (писаниц) к VI—VIII вв., хотя писаницы, наверное, в это время были²¹².

ХОЗЯЙСТВО, ТОРГОВЛЯ И БЫТ

Поскольку материальная культура, хозяйственные особенности и быт алтайских и орхонских тюрков уже описаны в работах других исследователей, среди которых особенно выделяется труд С. В. Киселева²¹³, необходимо остановиться на этом с учетом новых археологических материалов, полученных в Туве, и новых публикаций источников за последние пятнадцать лет.

Скотоводство, земледелие, охота и рыболовство

Тюрки-тугов и местные племена Тувы (за исключением горно-лесных территорий) в этот период, как и в предыдущее время, имели

комплексное хозяйство, но с большей специализацией отдельных его отраслей. Основой их хозяйственной деятельности было экстенсивное кочевое скотоводство. Основные средства производства — земля (пастбища и пашни) и скот — уже находились в частной собственности отдельных семей.

О жизни тюрков-тугов письменные источники сообщают: «живут в палатках и войлочных юртах, переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериною ловлею; питаются мясом, пьют кумыс» и хотя «постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли».

Кочевое скотоводство как форма хозяйственной деятельности человека отличается в классовом обществе от других форм хозяйства наличием единства средств производства и средств потребления, ибо скот выступает не только как продукт потребления, но и как средство производства²¹⁴.

Эта специфика кочевого скотоводства значительно облегчала переход от присвоения предметов потребления к присвоению средств производства в частную собственность. Рост производительных сил, приведший к распаду первобытнообщинных отношений в период становления классового общества предполагает появление прибавочного продукта не столько в форме средств потребления, сколько в форме средств производства. В кочевом обществе присвоение прибавочного продукта — скота, являющегося средством производства, становится основой имущественного расслоения общества, когда основные средства производства (земля и скот) начинают сосредоточиваться в руках немногих.

Так было и при образовании классового общества и государства на территории Тувы. Имеющий большее количество земли, большее количество стад овец и коз, табунов лошадей, а также коров и верблюдов становился эксплуататором труда своих сородичей и соплеменников.

Однако рост стад скота наталкивается на естественные пределы — недостаток пастбищ. Это тормозило количественный рост производительных сил, а значит, и ограничивало возможности расширенного воспроизводства, т. е. увеличения прибавочного продукта и, следовательно, эксплуатации. Это толкало аристократическую верхушку общества на экспансию и территориальные захваты, что, в свою очередь, способствовало некоторой разрядке межклассовых столкновений, ибо рядовые члены общества получали возможность обога-

щаться за счет ограбления покоренных народов.

Лошади и овцы преобладали в составе стада, что видно по костным материалам из раскопанных погребений. Это самые ценные для степных кочевников животные, приспособленные к жизни без стойлового содержания, неприхотливые в отношении кормов, находящиеся в течение круглого года на подножном корму в результате приспособленности к добыванию сухих трав из-под снега ²¹⁵.

Исследование костяков лошадей из древнетюркских курганов свидетельствует о том, что по экстерьеру они близки современным низкорослым, но выносливым лошадам монгольской породы, которые до сих пор разводятся тувинцами.

Лошади использовались под верховую езду, причем воины в далеких походах имели на поводу запасных коней. Были и вьючные лошади. В погребениях с конем были обнаружены специальные вьючные седла. Кроме того, письменные источники сообщают, что тюрки-тугу для перевозки грузов употребляли телеги, а также двухколесные беговые коляски, в которые запрягалась одна лошадь ²¹⁶.

Были у тюрков и телеги с войлочными кибитками ²¹⁷, т. е. передвижные жилища, подобные более ранним скифским или сарматским ²¹⁸ или более поздним, известным у тюркских племен Казахстана в X—XVI вв. ²¹⁹.

Источники сообщают: «Лошади тугю исключительно ловки. Их мышцы и кости соответствуют в размерах (т. е. имеют хорошее сложение). Они могут совершать дальние переходы, а в использовании на охоте не имеют себе равных» ²²⁰.

Сохранившиеся данные по обычному праву тюрков-тугу подтверждают особую ценность лошадей. Так, за похищение спутанной лошади наказанием служила смертная казнь, и это преступление приравнивалось к таким, как бунт и убийство. В другом месте сказано: «украдший лошадь и другие вещи платит в десять крат против стоимости покражи» ²²¹.

Традиционный обычай погребения с умершими взрослыми и детьми одного или нескольких коней показывает, что тюрки не мыслили себе человека без коня и считали, что умерший в потустороннем мире не обойдется без лошади. Украшение конской сбруи, уздечки, седла и других принадлежностей, как свидетельствуют археологические материалы, было очень важным делом для древнетюркского всадника.

На погребенных лошадях в могилах богатых тюрков находят богатейшие уздечные на-

боры из золотых или серебряных орнаментированных блях, которыми украшалась и остальная сбруя.

Все это говорит о том, что лошадь была залогом благополучия в жизни кочевника. Лошадь служила основным и незаменимым средством передвижения, она же поставляла кочевнику такие продукты, как мясо, шкуры, волос для арканов и кобылье молоко, которое превращали в кумыс, ибо тюрки «пьют кобылий кумыс и упиваются допьяна» ²²².

Не менее важным животным была овца. Постоянный поставщик высокосортного мяса, шерсти для производства тканей, фетра, войлока, меха и кожи — овца наряду с лошадью была основным богатством кочевников. Молоко ее шло на производство сыра и других молочных продуктов. По находкам костей в могилах видно, что наиболее ценилась задняя часть овцы (крестец, курдюк). Овцы преобладали грубошерстные, курдючные, хорошо переносящие недостаток кормов зимой.

Лошади и овцы являлись также жертвенными животными; они приносились в жертву духам и умершим сородичам — об этом сообщают письменные источники ²²³, и это подтверждают археологические исследования поминальных памятников.

Другая часть населения Тувы вела оседлый и полuosедлый образ жизни и занималась земледелием, специализируясь на производстве сельскохозяйственных продуктов. При этом земледелием занимались не только люди из коренного населения, имевшие давнюю традицию в этой отрасли хозяйства, восходящую к шурмакскому и даже уюкскому времени, но и тюрки-тугу, о которых в источнике сказано: «каждый имеет свой участок земли» ²²⁴.

Свидетельством тому являются, как уже говорилось, найденные и в Туве и на Алтае, гранитные жернова ручных мельниц, положенные умершим женщинам, и остатки зерен проса (*Panicum miliaceum* L.) в мужских могилах. Из пахенных орудий у тюрков-тугу, очевидно, применялись деревянные плуги с железными сошниками вроде андазына современных тувинцев и алтайцев.

Из сообщения письменных источников известно, что в 698 г. каган Мочжо запросил в Китае и получил более, чем 40 000 ши зерен хлебных злаков, 3000 земледельческих орудий и 10 000 гиннов железа.

Имеется также сведение о том, что китайцы поселили одну захваченную ими группу тюрков (после 627 г.) в Дай-чжоу, где эти тюрки занялись земледелием, получали ежегодно хороший урожай и продавали хлеб по-

граничным войскам. В 630 г. в связи с крахом I каганата многих из тюрков китайцы расселили оседло в местах, имевших множество пашен, и на 10 лет освободили их от налогов²²⁵.

Кроме того, о собственном тюркском земледелии говорит и наличие соответствующих терминов в языке древних тугю. Так, например, в памятнике Бильгя-Кагана встречено слово «екинлиг» — «хлебный», происходящее от «екин» — «посев, пашня»²²⁶.

Все эти факты говорят сами за себя. Можно еще добавить, что в самом каганате постоянно проживало значительное количество выходцев из земледельческих стран: согдийцев, китайцев, жителей Восточного Туркестана и пр. Многие из них попадали в Туву в качестве военнопленных и были обращены в рабов. Весьма вероятно, что рабский труд использовался и для сооружения оросительных каналов, необходимых для расширения посевных площадей в засушливых районах Центральной Азии²²⁷.

Наличие полuosедлости подтверждено теперь и найденной нами (в поминальном памятнике в Эрзине), описанной выше деревянной юртой. Ясно, что такие столбовые юрты стояли на постоянных поселениях и неудобны были для перекочевков.

Данные о земледельческих занятиях части населения тюркских каганатов VI—VIII вв. как нельзя лучше подтверждают положение, высказанное К. Марксом: «У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»²²⁸.

Население Тувы этого периода, кроме скотоводства и земледелия, занималось также охотой, рыболовством и собиранием съедобных корней. Особенно специализировались в этих отраслях хозяйства племена горно-лесной зоны.

Эти племена, жившие в горно-лесном районе Восточной Тувы и в Тодже, археологически еще не изученные (они «покойников полагали в гробы и ставили в горах или привязывали на деревьях»), назывались, согласно сообщениям письменных источников, дубо. В VI—VIII в. дубо «жили в шалашах из травы; ни скотоводства, ни земледелия не имели. У них много сараны: собирали ее корни и приготавливали из них кашу. Ловили рыбу, птиц, зверей и употребляли в пищу. Одевались в соболье и оленьи платье; а бедные делали одежду из птичьих перьев. При свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленьи кожи и саранные корни»²²⁹.

Имеются основания считать, что племена, расселившиеся по Восточному Саяну, в современной Тодже и Восточной Туве, уже во всяком случае с начала нашей эры имели для своих нужд в качестве транспортного животного домашнего оленя, приручение которого в горах Саяно-Алтая произошло, очевидно, еще в конце эпохи бронзы²³⁰.

Горное дело и ремесла. В период тюркских каганатов большое развитие в Туве получили горное дело, металлургия и ремесло. Тюрк-тугю, по данным письменных источников, издавна славилась как рудокопы, металлурги и кузнецы. Еще на Алтае в V—начале VI в. они, будучи подданными каганата жуань-жуаней, специализировались на этих отраслях производства, добывали железо для жуань-жуаней и были их «плавильщиками»²³¹.

После создания своего государства тюрки, по сообщению византийских историков, имели (во второй половине VI в.) свои железные рудники и вели торговлю железом²³².

В Туве также еще в шурмакское время были свои рудокопы и металлурги. Очевидно, в VI—VIII вв. здесь имелись уже специализированные группы, занимавшиеся горным делом и металлургией. Как показывают археологические материалы, здесь добывали не только железную руду, но и медь, серебро, золото и олово. Запасы руд металлов Тувы с древности разрабатывались человеком. Остатки древних рудников в виде открытых карьеров и им известны в Туве так же, как и остатки сыродутных горнов, но среди них еще не выделены горы и рудники, относящиеся к VI—VIII вв.²³³.

При господстве натурального хозяйства, когда значительную роль играло домашнее производство, имела и ремесленная специализация. Кузнецы изготовляли все железные орудия (топоры-тесла, ножи и др.), предметы вооружения (мечи, сабли, клинжалы, шлемы, панцири, наконечники копий, стрел и само-стрелов, крючья колчанов и т. п.), детали конского снаряжения (оковки седел, стремена, удила и псалии, кольца и пряжки) и принадлежности быта (котлы, гвозди и т. д.).

Резчики по кости вырезали накладку седел, накладки для сложных луков, пряжки подпруг, фигурные подвески, пронизки, застёжки, псалии, наконечники стрел и свистульки к ним, проколки, гребни, ручки и набалдашники шильев, посохов и т. п. Каменотесы изготовляли жернова для ручных мельниц, бруски и оселки для точки и правки оружия, возможно, пряслица для веретен. Они же занимались изготовлением широко распространенных камен-

ных человеческих изваяний и владели искусством резьбы по камню.

Бронзовые, медные, золотые и серебряные предметы и украшения, особенно украшения конской сбруи, уздечные и поясные наборы, отличаются большим разнообразием форм и приемов технического изготовления. Их производили, видимо, те же кузнецы, которые были и литейщиками. Отдельные мастера занимались ювелирным делом, ибо многие поясные и уздечные наборы, а также украшения (серьги и привески) имеют настолько тонкий орнамент и резьбу, что изготовление их было невозможно без специализации.

Ювелиры производили золотые серьги, кольца, тисненые бляшки, серебряные сосуды и другие предметы роскоши для знати. Им было известно искусство литья драгоценных металлов, изготовление различных сплавов, чеканка, золочение, плущение золота, тиснение по заготовленным матрицам, резьба и напайка, штамповка иковка холодного металла.

Об этом сообщают и письменные византийские источники. После одного удачного похода в Иран в конце VI в. тюрки заставили заплатить им выкуп в 40 тыс. золотых монет. «Когда таким образом правительство тюрков обогатилось золотом персов, все это племя предалось великой роскоши: они выковывали и чеканили себе золоченые ложа, столы, кубки, кресла и подставки, делали из золота конские украшения и полное вооружение себе и все то, что приходит на ум в озянненном богатстве»²³⁴.

Среди древних тюрков встречались и более искусные умельцы — скульпторы, строители и даже архитекторы. Так, в одном тибетском историческом сочинении говорится, что сооруженная в начале VIII в. гробница тибетского царя Дю-Сонга (Дудерона; умер в 704 г.) «построена одним почтенным тюрком по имени Сэнгэцегба»²³⁵, очевидно из числа тюрков, захваченных тибетцами в плен.

В конце VII в. тюрки во главе с создателем второго восточно-тюркского каганата каганом Гудулу (Кутлугом) «осели у гор Цзунцай-шань и построили городок Хэй-ша-чен»²³⁶, т. е. «город Черных песков» (по-тюркски: «Каракум-Балык»), где позднее была и ставка следующего кагана Мочжо (Капагана)²³⁷.

О том, что у тюрков были города (в настоящее время еще не исследованные), а следовательно, и строители, говорят также собственные термины языка древних тюрков: «балык» — город, «балыкдакы» — горожанин, «барк» — здание, дом и т. п.²³⁸. Строили ли тюрки какие-либо глинобитные здания или го-

родки в Туве, мы пока не знаем, но знаем, что плотники строили деревянные юрты.

Наряду с обособленным, специализированным ремеслом большое значение имело и домашнее производство. Им занимались преимущественно женщины. Это была выделка от руки грубых глиняных баночных сосудов, изготовление широко употреблявшегося войлока и кошм, домашнее изготовление шерстяных тканей для одежды, пряжи, выделка мехов и кожаное производство, выработка ремней, волосяных арканов, приготовление разнообразных продуктов питания, преимущественно из молока (кумыс, сухие сыры, творог, масло и т. п.).

В лесистой Туве большое значение имело изготовление деревянных и берестяных изделий: разнообразных сосудов для питья, блюд, корытец, туесов, гребней, посохов, приборов для добывания огня, лопат, а также деревянных частей седел, ножен для различного режущего и рубящего оружия, берестяных колчанов, древков стрел и копий.

Письменные источники сообщают о тюрках: «Из оружия имеют: роговые луки со свистящими стрелами, латы, копыя, сабли и паланин. Знамена с золотою волчьей головою... Искусно стреляют из лука с лошади»²³⁹. Особо подчеркивается, что они прекрасные конные стрелки из лука, что «луки и стрелы — их когти и зубы, а панцири и шлемы — их повседневное одевание», что «они имеют луки, которые соединены клеем из костей сказочного зверя Цилиня, с роговыми украшениями, и стрелы с перьями кондора, которыми они стреляют орлов»²⁴⁰. Приведенные факты соответствуют данным археологии. Необходимо отметить в связи с этим наличие массового производства сложных луков, искусно клеевых из дерева, сухожилий, бересты, а также усиленных наклеенными роговыми накладками.

Итак, изучение хозяйственной деятельности населения Тувы периода тюркского каганата позволяет сделать следующие выводы. Основой хозяйства было кочевое скотоводство, но вместе с тем известная часть населения жила оседло, занимаясь земледелием. Вероятно, для строительства оросительных каналов и для обработки земли применялся труд захваченных в грабительских походах военнопленных, превращенных в рабов. Горным делом и металлургией промышляли специализированные родовые группы. Ремесло и земледелие, а также охота были делом рядового населения («кара будун» — черный народ) и, возможно, рабов. Большое место уделялось охоте, особенно за ценными пушными зверями, которой

по преимуществу занимались племена горнотажной зоны. Также имело место рыболовство, бортничество²⁴¹ и собирательство съедобных корней.

Обмен и торговля. Продукты производства населения тюркского каганата, несмотря на господство в основном натурального хозяйства, в известной своей части шли на экспорт, известно, что «с разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена,—товарное производство, а вместе с ним и торговля, причем не только внутри племени и на его границах, но уже и с заморскими странами»²⁴². Эти слова Ф. Энгельса, с учетом специфики в основном кочевого скотоводческого хозяйства при наличии обособившегося земледелия и специализированного ремесла, вполне применимы и к тувинскому обществу VI—VIII вв.

В этот период сильно развивается межплеменной обмен и торговля.

О торговле тюрков и их подданных согдийцев с персами и византийцами уже во второй половине VI в. сообщают византийские источники. При этом торговля шла не только награбленным в Китае шелком и добываемым самими тюрками железом²⁴³, но и хлопчатобумажными и шелковыми тканями, производимыми согдийскими ремесленниками в Средней Азии²⁴⁴. Естественно, что и само население тюркского каганата получало шелк и хлопчатобумажные ткани как из Китая, так и из Средней Азии.

Если на западе каганата торговлей от имени тюркского правительства занимались согдийские купцы, то на востоке были известны и купцы-тюрки²⁴⁵. Летописи сообщают под 588, 624, 727 и 730 гг. об открытии на границе с Китаем меновых рынков для торговли с тюрками²⁴⁶. Такие рынки обносились рвом и забором, а ворота их находились под охраной.

Со стороны тюрков главным товаром был скот, в особенности лошади, а со стороны китайцев — шелк. Об этом нередко писали друг другу тюркские каганы и танские императоры. Например, в письме кагана Шаболно (584 г.) сказано: «Все овцы и лошади моего царства суть скот императора, так как его шелковые ткани суть мон. Здесь нет взаимной разности»²⁴⁷, а в более позднее время император Сюань-цзун (712—755 гг.) писал тюркскому кагану: «С глубокой древности Китай и иноземцы связаны обменом и торговлей. Китай покупал тугюзских лошадей, а тугю получали шелк из Китая»²⁴⁸.

Таким образом, китайские шелка, зеркала

и другие предметы роскоши, найденные в Туве в могилах VI—VIII вв., проникали в тюркский каганат не только путем грабительских набегов на провинции Китая, не только в результате сбора дани с танских императоров после неоднократных разгромов китайских армий тюркскими войсками²⁴⁹, но и путем торговли. Так же попадали в Туву и бронзовые монеты династии Тан.

Орхонские рунические памятники прямо указывают, какие товары выменивали тюрки. Бильгя-Каган, например, упрекая тюрков за любовь к предметам роскоши, говорит в памятнике Кюль-Тегину: «У народа табгач, дающего (нам теперь) без ограничения столько золота, серебра, спирта и шелка, (всегда) была речь сладкая, а драгоценности «мягкие» (т. е. роскошные, изнеживающие)»²⁵⁰.

В ответ на «мягкие» товары китайцев, тюрки поставляли им пушнину («черных соболей» и «голубых белок», упоминаемых в древнетюркских надписях)²⁵¹, разные породы скота, в особенности лошадей и овец, верблюдов для караванов, шерсть и другие продукты скотоводческо-охотничьего хозяйства.

Тюрки продавали не только вещи, но и рабов, и военнопленных. Так, для тридцатых годов VII в. известно, что «еще во время смут при династии Суй множество китайцев ушло к неприятелям, почему, по повелению императора, выкуплено было на золото и шелковые ткани до 80 000 душ обоего пола»²⁵².

Однако имела место не только внешняя торговля, но и межплеменная, а также и внутриплеменная обмен товаров. Земледельцы и скотоводы, охотники и ремесленники, воины и рудокопы, безусловно, обменивались продуктами своего труда и своей добычей.

Быт и верования. Население Тувы в VI—VIII вв. жило в войлочных передвижных юртах и палатках. Существовали и оседлые аалы с жилищами в виде деревянных восьмигранных юрт. В горной тайге «жили в шалашах из травы» и, очевидно, в чумах. Входы в эти жилища были обращены на восток, на восход солнца, что имело не только религиозное, но и практическое значение при преобладающих западных дождях и бурях.

Одежда была длиннополой из шкур и меха (шубы), войлока и шерстяной ткани (халаты); иногда на одежду нашивали бронзовые пуговицы и подпоясывались ремнем, а мужчины — наборным поясом. «Левую полу наверху носят»²⁵³, т. е. левую полу запахивали направо, подобно современным алтайцам, тувинцам и хакасам. Дополнительным источником для изучения одежды и внешнего вида тюрков яв-

ляются каменные изваяния. Хотя детали одежды на них изображались редко, но все же можно судить, что летние халаты не имели ворота, так как передавался только вырез²⁵⁴, а осенняя и зимняя одежда имела воротники с двумя отворотами на груди²⁵⁵. Запахивалась одежда, изображенная на статуях, обычно на правую сторону²⁵⁶, но встречаются изображения и левосторонних одеяний²⁵⁷. Очевидно, не было твердо установленного покроя и застегивание на разные стороны могло отличать легкую летнюю одежду от зимней²⁵⁸.

Иногда на изваяниях изображены надетые поверх халата застегивающиеся сзади на шее нагрудники с металлическими, очевидно, шаровидными украшениями²⁵⁹. Кроме того, имелись также кафтаны с узкими рукавами, которые носили только внакидку, не вдевая руки в рукава²⁶⁰. В этих случаях мы имеем дело с одеждой, вероятно, восходящей к древнеалтайской II—I вв. до н. э. В раскопанном в 1865 г. В. В. Радловым Большом Катандинском кургане были найдены шуба-халат с декоративными узкими рукавами, которую носили внакидку, и меховой нагрудник²⁶¹. Головные уборы на изваяниях обычно изображались только намеком (ср. одежду на рис. 1—3, 6).

Судя по находкам в курганах и по письменным источникам, знать и рядовое население очень любили носить шелковую одежду, а также крытые шелком теплые войлочные халаты и шубы. И мужчины и женщины носили серьги. Мужчины волосы заплетали в косу²⁶², подобно тому как это до тюрков делали господствовавшие в Центральной Азии в IV—VI вв. жуань-жуани (авары)²⁶³. В недавнее время косу носили мужчины у всех тюрко-язычных народов Южной Сибири (алтайцев, хакасов, тувинцев и тофаларов), считая это своим древним обычаем²⁶⁴.

О древних тюрках источники сообщают: «мужчины любят играть в хюпу (т. е. кости. — Л. К.), женщины в волан (ножной мяч. — Л. К.). Пьют кобылий кумыс и упиваются допьяна. Поют песни, стоя лицом друг к другу. Поклоняются духам, веруют в шаманов. За славу считают умереть на войне, за стыд — кончить жизнь от болезни».

В религиозном отношении тюрки были шаманистами²⁶⁵. Они поклонялись духам, в жертву которым приносили лошадей и овец. «По принесении овец и лошадей в жертву до единой, вывешивают их головы на вехах»²⁶⁶. Этот обычай существовал еще недавно и у современных саяно-алтайцев²⁶⁷. Каган тюрков ежегодно «приносит жертву в пещере предков; а в средней декаде пятой луны собирает

прочих, и при реке приносит жертву духу неба»; существовал и культ гор, на вершинах которых приносились жертвы «духу покровителю страны»²⁶⁸.

По орхонским руноподобным памятникам мы знаем три шаманских божества: Кок тенгри — синее небо, Иер-су — дух земли и воды, т. е. земной поверхности, и Умай — покровительница детей и плодородия. Почитание этих божеств под теми же самыми названиями сохранялось у алтайцев и хакасов до 20-х годов нашего столетия²⁶⁹.

Выше при изучении каменных изваяний мы описали культ предков у древних тюрков. Выяснилось, что поминальные оградки и каменные изваяния тюрки сооружали в VI—VIII вв. для воинов-мужчин. Это полностью совпадает с тезисом специалистов по истории верований, что «культ предков исторически известен лишь как почитание умерших мужчин-сородичей, характерное для патриархально-родового строя и его позднейших пережитков»²⁷⁰.

Большое значение в верованиях древних тюрков имело почитание огня как очистителя и домашнего покровителя, о чем имеются многочисленные письменные свидетельства: «тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом. Ему в жертву они приносят лошадей, быков и мелкий скот и своими жрецами ставят тех, которые по их мнению, могут дать им предсказание о будущем»²⁷¹ или «тугю (тюрки) служат огню и не употребляют деревянных сидений. Они считают, что дерево содержит в себе огонь, поэтому почитают его, а в обиходе не используют. Для сиденья они расстилают на земле толстые циновки»²⁷².

В эпоху тюркского каганата уже существовал обычай пропускать между огнями прибывших чужестранцев и их вещи для очищения. Византийский историк Менандр пишет, что в 568 г. через такое очищение пришлось пройти византийскому послу Зимарху при переходе границы каганата: «Некоторые люди из этого племени, о которых уверяли, будто они имели способность отгонять несчастия, пришед к Зимарху, взяли вещи, которые римляне везли с собой, складили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева ливана (кедра или сосны. — Л. К.), шептали на скифском языке какие-то варварские слова, и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан (т. е. бубен. — Л. К.) над поклажею. Они несли вокруг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в иступление, и произнося уг-

розы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Им приписывали силу отгонять их и освободить людей от зла. Отвратив, как они полагали, все несчастья, они провели самого Зимарха через пламя, и этим, казалось, они и самих себя очищали»²⁷³. Таково лучшее описание древнетюркских шаманов и их камланий, сделанное очевидцем.

Отметим, что в тоже время имелись сильные пережитки тотемизма. Так, тугю своим предком считали волка, отчего и на военном знамени изображалась волчья голова²⁷⁴.

Кроме песен в источниках упоминаются неоднократно тюркские танцовщицы, а также тюркская музыка, о которой говорится, что «хотя это была музыка варваров, она тоже ласкала слух, радовала сердце и мысли»²⁷⁵.

ТЮРКСКИЙ КАГНАТ И НАСЕЛЕНИЕ ТУВЫ

Население Тувы в VI—VIII вв. Политические события в Туве в VI—VIII вв. протекали, очевидно, следующим образом. Местным населением Тувы в этот период времени были племена, которых древнетюркская надпись поминального памятника восточно-тюркского Бильгя-Кагана (род. 683 г. — ум. 734 г.) называет под 709 г. «народом чик» и «народом аз» («Когда мне было двадцать шесть лет, народ чик с киргизами стали (мне) врагами. Перейдя через Кем, я двинулся с войском против чиков, сразился при Орпене и разбил их войско. Народ азов... я захватил и... подчинил себе»²⁷⁶). Азы упоминаются в древнетюркских надписях начала VIII в. (на р. Орхон) как народ, живший в это время в горах на стыке Западного Саяна и Алтая. Вероятно, жили они преимущественно на плоскогорьях и в высокогорных степях юго-восточного Алтая, так как в памятнике Тоньюкука упоминаются «степные азы» и река Ана. Там говорится: «Я искал знатока той местности и нашел человека из степных азов. — «Моя родная земля — Аз, ее зна(ю)... (Там) есть одна остановка, если отправиться по (реке) Аны, то до ночлега там (останется) ход одной лошади» — сказал (он)». Далее в надписи говорится: «С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный, снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот»²⁷⁷, а турки дальше пошли вниз по р. Ане.

Это произошло снежной зимой 710—711 гг., когда тюркское войско под командованием Тоньюкука шло через Саянский хребет войной

«на кыргызов» и когда погиб неизвестный азский «Иван Сусаннин».

Расселившись в высокогорных степях юго-восточного Алтая и отчасти по Саянскому хребту, азы жили только в самой западной части Тувы — на Алашском плато, в верховьях рек Алаш и Ак-Суг, в районе, ныне называемом Кара-Холь²⁷⁸.

Из текста памятника Кюль-Тегина видно, что азы были «Эльтеберлиг будун» (т. е. народом, имеющим эльтебера), так как во главе их в начале VIII в. стоял эльтебер — племенной вождь²⁷⁹. В этот период они входили в племенной союз тюркешей, которые имели в их земле своего наместника — тутука. Этот «тутук азов», приказный кагана тюркешей, возглавлял часть тюркешских войск в 711 г. в битве против тюрков при Болучу²⁸⁰. Битва произошла на левом берегу Черного Иртыша²⁸¹, т. е. близ того района, где жили азы. В надписи памятника Кюль-Тегина говорится, что после разгрома тюркешей, когда их каган, приказные и правители были убиты, турки «устроили азский народ»²⁸², т. е. дали ему новое управление.

Судя по тому, что в надписи дважды упомянут боевой «бурый азский конь» Кюль-Тегина, азы разводили хороших лошадей²⁸³.

Эти данные позволяют заключить, что в начале VIII в. северо-восточная граница возникшего в конце VII в. государства тюркешей (с центром в Семиречье) проходила по Черному Иртышу и юго-западным отрогам Алтая и что земля азов находилась под протекторатом тюркешей. Очевидно, азы вообще были одним из тюркешских племен, ибо по данным мусульманских авторов в середине VIII в. тюркеши Семиречья разделились «на два поколения, на тахсийцев и азийцев». По-видимому, «азийцы тождественны с упоминаемым в орхонских надписях народом аз», — писал В. В. Бартольд²⁸⁴.

В таком случае азы были, безусловно, тюркоязычными в этот период времени, хотя возможно ранее они говорили на языке иной группы и лишь постепенно были отюречены²⁸⁵. Необходимо указать, что потомки азов и тюркешей до настоящего времени сохранились среди юго-восточных алтайцев. Например, род торт ас у телеутов и тиргеш у тубаларов²⁸⁶, а также род байлагас («байлак ас» — богатый ас) у алтай-кижи. Следует добавить, что хакасы до сих пор называют юго-восточных алтайцев именем чыстанъастар, т. е. таежные асы²⁸⁷.

Все эти сведения не оставляют сомнений в том, что в VI—VIII вв. в самой западной ча-

сти Тувы и на юго-восточном Алтае жили тюркоязычные азы, родственники тюркешей.

Чики упомянуты в источниках чаще, чем азы. В древнетюркской надписи Бильгя-Кагана говорится о том, что в 709 г. восточные тюрки пошли войной на чиков, битва с которыми произошла «при Орпене», когда тюрки, шедшие из теперешней Монголии, перешли «через Кем», т. е. Енисей, но не переваливали через Саяны. Судя по этому сообщению, чики жили в центральной Туве. Это подтверждается и более поздним сведением надписи уйгурского кагана Моюн-Чура, который в 750—751 гг. покорил чиков «у реки Кем»²⁸⁸.

Совпадение сообщений этих разновременных письменных источников, принадлежащих различным к тому же народам, свидетельствует о том, что чики в VIII в. были коренным населением Тувы.

Но чики (в транскрипции «цигу») дважды упомянуты хроникой Чжоушу как участники событий VI в. В первый раз цигу названы в одном из преданий древних тюрков-тугю об их происхождении, которое было записано, очевидно, в 30-х годах VI в. Из этого предания, имеющего безусловную историческую основу, выясняется, что цигу были родственны тугю, т. е. были тюркоязычны, и что цигу жили между реками Афу (Абакан) и Гянь (Енисей), т. е. на западном Саяне и в центральной Туве (между верховьями Абакана и Каа-Хема).

Во второй раз Чжоушу указывает, что в 554—555 гг. тюркский каган Кигинь или Цицзинь (Мухан) после разгрома эфталитов (инду) и оттеснения на восток киданей «на севере покорил Цигу»²⁸⁹.

Таким образом, чики были местным коренным населением Тувы еще до 555 г., когда они были завоеваны тюрками-тугю и их земли были включены в I тюркский каганат (552—630 гг.). Цигу («це-гу», или, как пишут в иностранных изданиях, «ки-ку») не является транскрипцией термина «кыргыз», как полагали многие авторы, так как, во-первых, приводя разные написания терминов «кыргыз» (гянь-гунь) и «хакас», китайские летописи нигде не сопоставляют их с термином «цигу»²⁹⁰, во-вторых, «кыргызы» (хакасы) всегда имели центром своего расселения междуречье Чулыма и Енисея и никогда не жили только «между реками» Абакан и Енисей и в-третьих, «кыргызы» не имели с тюрками-тугю близкого родства и хотя были тюркоязычны, но происхождение их было различным, что подчеркивают те же китайские источники («Племена гяньгунь не принадлежат к расе волков», т. е. тюрков)²⁹¹.

Тюркоязычность чиков VI—VIII вв. подтверждается не только преданием об их родстве с тугю, но и рядом других фактов, в том числе местными тюркоязычными надписями VIII—IX вв., которые были определены нами²⁹². Чрезвычайно важны тамги этих памятников, схожие по виду со следом птичьей лапы²⁹³.

Дело в том, что в сочинении X в. Танхуйяо, в разделе о тамгах лошадей, которых покупал Китай, составленном в третьей четверти VIII в., изображены тамги лошадей племени цзе-гу в виде того же следа птичьей трехпалой лапы²⁹⁴. Они полностью совпадают только с тамгами чиков Тувы, резко отличаясь от древнехакасских тамг. Это особенно наглядно подтверждает, что «цигу» или «це-гу» есть обычное для китайцев фонетическое написание термина чужого языка, которое по-тюркски звучало: «чики»²⁹⁵.

Кроме того, в этом же источнике содержится другое весьма ценное для нас указание. Перечислив лошадей и их тамги у племен гу-ли-гань (курыкан), цзе-гу (чиков), сы-ми (басмылов) и ге-ло-лу (карлуков), автор источника сообщает: «Вышеназванные племена общего родства»²⁹⁶. Но ведь это все телеские (они же гайюйские) племена²⁹⁷, не имеющие родства с кыргызами! Следовательно, чики были родственны телеским племенам и карлукам, о которых имеется разъяснение, что «гэлолу произошло от тукюеского дома» (по переводу Ю. А. Зуева «гэ-ло-лу суть собственно ту-цзюэское племя»)²⁹⁸.

Это полностью согласуется с вышеупомянутым тукюэским преданием, записанным в Чжоушу, что цигу (чики) и тугю (тюрки) произошли от двух братьев²⁹⁹.

Очевидно, чики были близкими родственниками карлуков, вышедших с Алтая, ибо у карлуков Семиречья, по свидетельству многих авторов VIII—XIII вв., было подразделение «чигиль» (от чик + иль — народ)³⁰⁰. В это же время в городах провинции Ганьсу проживало тюркское племя «чик», вероятно, также ветвь карлуков³⁰¹.

В анонимном сочинении X в. Худуд ал-Алам говорится, что «область чигилей» на севере граничит с «областью киргизов»³⁰², то есть в какой-то период времени она доходила до верховьев Енисея, где жили прямые родственники чигилей — чики. То, что тувинские чики были родственны карлукам и их языки имели большое сходство, свидетельствует так же следующее место Худуд ал-Алам.

В этом сочинении под именем «кесим» говорится, по-моему мнению³⁰³, о местных пле-

менах Тувы IX—X вв. (т. е. о потомках чиков VIII в.), ставших «кыргызскими» кыштымами. О людях «кесим» (кыштым) там сказано, что «они являются племенем, отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков»³⁰⁴ (курсив мой.—Л. К.).

Все приведенные данные позволяют заключить, что если азы были родственниками тюркешей, то тюркоязычные чики были родственны карлукам и жили в VI—VIII вв. севернее азов в западной и центральной Туве (между верховьями Абакана и Каа-Хема).

Потомки чиков сохранили свое имя до современности. Это род чыгат³⁰⁵; в русских записях: чагат (у алтайских тубаларов Телецкого озера), охотничьи угодья которого до недавнего времени находились в верховьях Абакана³⁰⁶, а также, очевидно, род чигандык у алтай-кижи.

Если курганы азов на смежных территориях Алтая и крайнего запада Тувы, в настоящее время мы выделить еще не можем, то уже сейчас можно говорить о памятниках других этнических групп.

По всей вероятности, именно чиками были оставлены описанные выше погребения местного характера без коня и каменные поминальные курганы. А так как эта группа памятников обнаруживает во многом генетическую связь с курганами, предшествующей шурмакской культуры, то следует заключить, что в шурмакское время в Туве уже проживало тюркоязычное население³⁰⁷. В связи с этим важно указать, что и археологические особенности памятников шурмакских племен совпадают с древнетюркскими: у тех и других имелись погребальные курганы и поминальные сооружения, причем у некоторых шурмакских поминальных сооружений встречаются и ряды каменных столбиков, подобные балбалам у тюркских поминальных оградок³⁰⁸.

Изучение черепов из могил местного населения без лошадей позволяет говорить о чиках как о монголоидах с уплощенным переносием. Изучение черепов тюрков свидетельствует о том, что это были метисы, имеющие европеоидную примесь³⁰⁹.

Кроме тюркоязычных местных племен чиков и азов в Туве в VI—VIII вв. расселились турки-тугу, оставившие погребения с лошадьми. Турки-тугу были господствующей этнической группой.

Как известно, племена тюркского каганата и сами турки разделились в военно-административном отношении на тардушей (западных) и телисов (восточных)³¹⁰.

Очевидно, что остатками тюрк-тугу являются такие современные роды, как телес среди алтайцев (живут на Телецком озере) и тюлюш среди современных тувинцев. Остатками тюрк-тугу считал телесов и Н. А. Аристов³¹¹.

Как уже говорилось, в горно-лесном районе восточной Тувы и в Тодже, по данным письменных источников, в это время жили племена дубо, центром расселения которых было озеро Хубсугул (Косогол). Китайское дубо многие исследователи отождествляют с известным этнонимом туба. Но сами дубо, которые, вероятно, в древности были самодийцами³¹², в VI—VIII вв., по данным источников, были уже тюркоязычными³¹³, ибо хроники относят дубо и союзные с ними роды милигэ и эчжы то к тюркам-тугу, то к племенам телэ³¹⁴.

Хотя прямых данных о переселении в Туву каких-либо племен из группы телэ нет, но все же можно считать, что какая-то часть их, очевидно, попала сюда в конце 20-х — начале 30-х годов VII в., когда на короткое время Тува подпала под власть телэского племени сеяньто. Возможно, потомками этих телэсцев, или же телэсцев, попавших сюда в более позднее время, является современная тувинская группа телек. Так, как «ук» по-тувински значит «род», то телек означает «род телэ» (телэ + ук).

Приведенные выше сведения об азах, чиках, тюрках-тугу, дубо и телэ свидетельствуют, что в VI—VIII в. территорию Тувы населяли различные тюркоязычные племена. Никаких прямых свидетельств о других племенах Тувы этого времени источники не содержат.

Общественный строй. Племена Тувы в 555 г. оказались в составе I тюркского каганата, когда каган Кигинь (Мухан), в период наибольшего могущества молодого государства, «на севере покорил Цигу», то есть чиков.

После разделения в 581 г. I тюркского каганата на западный (с центром в Семиречье) и восточный (с центром на р. Орхон) Тува оставалась в составе I восточнотюркского каганата до его падения в 629—630 гг. Однако чики не смирились и выжидали время, чтобы сбросить тюркское иго. Так, под 583 г. источники сообщают, что «цигу, которые властвуют к северу от тугу, со скрежетом зубовным ожидают своей возможности (отомстить)»³¹⁵.

Уже в 629 г. территория Тувы была захвачена телэским племенем сеяньто, а в начале 30-х годов VII в. она снова попала под власть тюрк-тугу, возглавляемых жившим на Алтае

Чеби-Каганом, восставшим против сеяньто и Китая. Чеби подчинил себе чиков и карлуков, но включение Тувы и Алтая в одно государство Чеби-Кагана было кратковременным и продолжалось до 650 г., когда восстание Чеби было подавлено³¹⁶.

После этого, в течение 30 лет, Центральная Азия была подчинена различным местничествам Китая, управление которых по существу было формальным, но, как свидетельствует хроника династии Тан (618—907 гг.), Цзю Таншу «тридцать лет в северных странах не слышали военного шума»³¹⁷.

В 679—682 гг. всю Центральную Азию взволновали непрерывные восстания восточных тюрков-тугю, которые привели к освобождению от власти Китая и созданию нового государства, II восточно-тюркского каганата (682—745 гг.) с центром на р. Орхон.

У нас нет данных, чтобы говорить о подчинении территории Тувы в период с 650 по 709 г. каким-либо завоевателям. В этот период времени тюркоязычные племена Тувы, возглавляемые чиками, были совершенно свободны и достаточно сильны, чтобы совместно с жившими к северу от Саян древними хакасами («киргызами») стать врагами восточных тугю («Когда мне было двадцать шесть лет, народ чик с киргизами стали (мне) врагами»).

В 709 г. тюркский каган Мочжо направил против чиков специальное войско под командой шада Могиляна, который в сражении при Орпене в Туве разбил войско чиков, а затем захватил и подчинил себе также и азов³¹⁸. Снова господами Тувы стали тюрки-тугю.

После включения Тувы в состав II восточно-тюркского каганата большая армия восточных тюрков под командованием Тоньюкука (при участии полководцев Могиляна и Кюль-Тегина) зимой 710—711 гг. прошла через Туву для того, чтобы, перевалив Саяны (из долины Ак в долину р. Аны), нанести удар по соседним хакасам и вернуться назад³¹⁹.

Но если чики, среди которых уже с середины VI в. жили тюрки-тугю, покорились, то азы, оправившись от поражений 709 и 711 гг., восстали. Понадобилось послать войско во главе с Кюль-Тегинном, чтобы в 715 г. в жестокое сражении при оз. Кара-Холь в Западной Туве разгромить войско азов: «Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-Кёле (Черное озеро); Кюль-Тегину шел (тогда) тридцать первый год. На своего белого коня героя Шалчы сев, он бросился в атаку, схватил эльтебера азов; народ азов тогда погиб»³²⁰. Конечно, этот текст надо понимать

не буквально. Очевидно, разбив азов и уничтожив их эльтебера, тюрки-тугю ликвидировали тем самым всякую самостоятельность азов. Под 715 г. азы в Туве упомянуты последний раз.

В дальнейшем территория Тувы, вплоть до падения II восточно-тюркского каганата в 745 г., входила в состав этого государства.

Обзор политических событий VI—VIII вв. показывает, что история Тувы этого периода тесно связана с событиями, происходившими в Центральной Азии, и, в первую очередь, с историей государства орхонских тюрков-тугю, основанного в середине VI в. алтайскими тюрками.

Все это, как показано выше, хорошо подтверждается археологическими материалами, которые аналогичны памятникам тюрков, известным как на Алтае, так и в Монголии.

Однако процесс формирования классового общества и возникновения государства на территории Тувы в VI в. отнюдь не является только результатом включения этой страны в тюркский каганат в начальный период его сложения. Дело было сложнее, так как имел место далеко зашедший внутренний процесс развития местного населения, на который, в силу завоевания тугю, наложился процесс сложения каганата. Недаром задолго до возникновения I тюркского каганата в легенде о родственном происхождении тугю, лебедицев и чиков-цигу (происшедших, якобы, от братьев) говорится, что один из братьев «основал государство между реками А-фу и Гянь. Государство называлось Цигу», т. е. «государство чиков».

В период тюркского каганата на территории Тувы начинают складываться феодальные производственные отношения.

Становление феодализма, как это установлено советскими учеными, характерно, как для западно-тюркского, так и для восточно-тюркского каганатов VI—VIII вв.³²¹. Собственность на землю (кочевья, пастбища и пашни) находилась у аристократической верхушки тюркского каганата и прежде всего в руках самого кагана, его семьи и его рода. Письменные источники, повествуя о тюрках VI—VIII вв., сообщают, что «каждый имеет свой участок земли»³²², но конечно, здесь речь идет о каждом вожде родо-племенной группы, так как особо подчеркивается в источниках право на землю высшей знати. Так, уже в конце VI в. византийские источники сообщают, что «у тюрков был закон предоставлять Золотую гору в распоряжение главного кагана», и при этом добавляется, что «эта гора по

своему положению обращена на восток, а «золотой» она именуется местными жителями потому, что на ней в изобилии растут плоды; кроме того, она богата дикими зверями и выючным скотом»³²³.

Отсюда видно, что лучший участок земли находился в собственности кагана. Эта «Золотая гора» была не что иное, как хребет Монгольский Алтай, где каган «со своими вельможами приносит жертву в пещере предков»³²⁴. Это видно из того, что другой историк описывает прибытие византийского посла Зимарха «к горе, называемой Эктаг, что по-эллински значит «золотая гора», где находился сам хаган»³²⁵. Но Эктаг-Алтай есть одно из современных названий хребта Монгольский Алтай³²⁶.

Китайские источники танской эпохи также всегда называли Алтай Золотыми горами, указывая, что «Золотые горы с трех сторон состоят из отвесных утесов; только с четвертой есть проход, по которому можно проехать конному и на телеге. Земли ровные». И не случайно эти личные земли каганов VI в. занял в середине VII в. мятежный Чеби, объявив себя каганом³²⁷.

Такие же заповедные собственные земли имели на Тянь-Шане и каганы западных тюрков³²⁸.

Источники часто сообщают, что из-за лучших земель орхонские тюрки часто воевали с разными народами, в том числе с западными тюрками и Китаем. Так, объявляя о войне, каган Мочжо в конце VII в. писал: «Я ради этого начал войну. Желая взять земли к северу от Желтой реки»³²⁹.

Такие же земли захватывались тюрками-тугю в Туве и раздавались тарханам и бегам. Известно, что тюрки обкладывали тяжелой податью завоеванные народы³³⁰. Естественно, что высокие налоги и сборы вынуждали коренное население Тувы (чигов и азов), как уже говорилось, поднимать восстания, чтобы освободиться от гнета тюрков.

Однако внутри тюркского каганата подавляющим было обложено все рядовое население. Уже в момент образования I тюркского каганата в середине VI в. в источниках сообщается о повинностях рядовых тюрков в пользу государства³³¹. Особенно возросли подати и сборы в начале VII в. при кагане Хйели³³².

Кроме податей трудовое население выполняло ряд других общегосударственных повинностей и, прежде всего, воинскую, и ямскую (поставка лошадей и подвод). Наконец, подати платились и закрепощенным (иногда в результате военного захвата) людьми своим

феодалам, которые старались сохранить наследственное управление над попавшим в их зависимость трудовым населением.

Исторические факты подтверждают многочисленность войн, которые вели тюркские каганы, и наличие разработанной системы военно-административного управления во главе с каганом.

Новым феодальным отношениям понадобилась и новая идеологическая форма для угнетения рядового населения. Это вылилось в попытку ряда каганов заменить шаманизм более отвечающим феодальному способу производства буддийским учением. Ф. Энгельс писал: «Великие исторические повороты сопровождались переменами в религии лишь постольку, поскольку речь идет о трех донныне существовавших мировых религиях: буддизме, христианстве, исламе. Старые стихийно возникшие племенные и национальные религии не имели пропагандистского характера и лишались всякой силы сопротивления, как только бывала сломлена независимость данных племен или народов»³³³.

Историки религии указывают, что обычно, при переходе к классовой организации «шаманизм вытесняется религиями чисто классового типа, сохраняясь лишь как пережиток»³³⁴. Источники сообщают, что уже в период Северного Чжоу (556—581 гг.) для третьего тюркского кагана Кигиня (Цицинь, 553—572 гг.) в Чанъани был сооружен «тюркский храм». Но особенно широко буддизм проникает в тюркский каганат при Тобо-Кагане (572—581 гг.), который сам познакомился с буддизмом через пленного монаха Хой Линя, построил буддийский монастырь и просил прислать ему из Китая священные книги. Император Северного Ци приказал ученому Лю Ши-цину «перевести Пирвана-сутру на язык тугю и подарить ее кагану». В 574 г. к Тобо-Кагану прибыл изгнанный из Северного Чжоу гандхарский проповедник Жинагупта, который с одиннадцатью монахами перевел на тюркский язык сутры и распространял буддизм среди тюрков.

Источники также сообщают, что войска тугю перед тем, как предпринять набег на Китай, приносили жертвы и молились за успех в особом храме на берегу Желтой реки, а в 684 г. сами построили храм для молитвы³³⁵.

Общезвестно также, что и в период II тюркского каганата Бильгя-Каган (716—734 гг.) хотел построить буддийские и даосские храмы, но ему отсоветовал это делать главный его советник «мудрый Тоньюкук». Что

касается западных тюрков, то они не только покровительствовали буддистам, но сами строили в VII—VIII вв. буддийские храмы³³⁶.

Наряду со складывающимися феодальными отношениями в общественной жизни Тувы VI—VIII вв. значительное место занимал рабовладельческий уклад. Бесконечные войны позволяли обращать массы военнопленных в рабов, о чем свидетельствуют многочисленные данные китайских хроник и орхонских текстов. Например, в 622 г. каган Хйели взял в плен до 5000 человек во время одного только своего набега на Китай, а в 630 г. было выкуплено у тюрков «на золото и шелковые ткани до 80 000 душ» китайцев³³⁷. Обращались в рабство и захваченные в плен жители Тувы, а также население соседних с ней районов.

Например, в 568 г. тюркский каган Дизавул, находясь на Эктаге, одарил византийских послов подарками, а «Зимарха почтил он пленницею; она была из народа так называемых херхисов»³³⁸, т. е. из «кыргызов» Енисея.

Судя по отрывочным данным из обычного права тюрков, в рабство обращались и сами тюрки за провинности различного рода («По-

вредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен отдать женино имущество») ³³⁹.

Но не рабы были основными производителями, а рядовые скотоводы и земледельцы, все больше попадавшие в зависимость от своих феодалов.

В целом период пребывания племен Тувы в государстве восточных тюрков значительно расширил экономические, политические и культурные связи населения этой области, от Китая на востоке до Средней Азии на западе. Этот период времени отмечен многими прогрессивными изменениями, обусловленными поступательным развитием исторического процесса: сложилось классовое общество, возникло государство, появилась письменность, начался процесс сложения феодальных отношений, к которым племена Тувы перешли, очевидно, непосредственно от первобытнообщинной формации, минуя рабовладение. Все это создало простор для развития производительных сил и ускорения исторического развития населения Тувы того времени.

ТУВА В СОСТАВЕ УЙГУРСКОГО КАГАНАТА (VIII—IX вв.)

История государства уйгуров, существовавшего в Центральной Азии в VIII—IX веках, со столицей в городе Орду-Балык на р. Орхоне, еще не написана. В литературе это государство именуют Уйгурским ханством, но сами уйгуры, подобно древним тюркам, называли его каганатом. По этой причине в наших работах оно называется Уйгурским каганатом.

В настоящей главе изучается история верхнеенисейских племен в период вхождения Тувы в состав каганата уйгуров. Примечательно, что крепости и курганы самих центрально-азиатских уйгуров впервые оказались исследованными в Туве.

ЗАВОЕВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ УЙГУРАМИ

Уйгуры, один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии, происходили из группы племен телэ. Уже в конце IV в., при китайской династии Юань-вэй (с 386 г.), предки телэ, под именем «гао-цзюй» становятся известны как скотоводы, жившие разрозненно родовыми группами в степях, к северу от пустыни Гоби. Они были «храбры и сильны. Искусны в конной стрельбе из лука», ездили на телегах с высокими колесами, почему и назывались «гао-цзюй» (буквально «высокотележные»).

Входя в IV—VI вв. в состав каганата жуань-жуаней, уйгуры постоянно боролись за свое освобождение, но после завоевания Центральной Азии в 552—555 гг. вышедшими из Алтая тюрками-тугю они оказались в их подчинении. Летопись Таншу сообщает, что тюрки «их силами геройствовали в пустынях севера»¹.

В период восточнотюркских каганатов особенно сильными были те уйгуры, которые искони жили в бассейне р. Селенги. Начиная с 606 г. уйгуры, во главе которых стоял род

Яглакар (летописное Пологэ)², неоднократно пытались освободиться от зависимости тюрков-тугю и создать свое государство, но эти попытки не увенчались успехом. Только в начале VIII в., после смерти в 734 г. последнего сильного кагана восточных тюрков (Бильгя-Кагана), когда II восточнотюркский каганат, раздираемый внутренними противоречиями, переживал глубокий кризис, уйгуры особенно усилились.

Они возглавили объединение племен Центральной Азии, враждебных тюркам-тугю. Наиболее сильными их союзниками были тюркоязычные карлуки, жившие в это время между Алтаем и оз. Балхаш.

Эта борьба закончилась после убийства последнего восточнотюркского кагана в начале 745 г. окончательной победой уйгуров, которые стали полными хозяевами Центральной Азии. Так возникло новое государство — Уйгурский каганат (745—840 гг.).

Главу государства, так же, как это было ранее у жуань-жуаней и тюрков-тугю, уйгуры называли каганом. Основные должностные лица также носили тюркские титулы. Первым каганом, руководившим борьбой за создание государства уйгуров, был Пэйло, происходивший из правящего рода Яглакар.

Уже при нем территория каганата расширилась от Алтайских гор до современной Маньчжурии.

После смерти Пэйло в 746 г. каганом стал его сын Моюн-чур (746—759 гг.), который был смелым и искусным полководцем. Он продолжал завоевательную политику своего отца, укреплял государство и завязал оживленные сношения с Китаем, во главе которого в тот период продолжала стоять династия Тан (618—907 гг.).

В это время танский Китай находился в тяжелом положении. В течение четырех лет (756—759 гг.) в Китае бушевало восстание,

которое в значительной степени носило антифеодалный характер. Его возглавили проживавшие в пограничных провинциях, переселившиеся в Китай в IV—VI вв. из Средней Азии согдийские колонисты, которые вместе с китайскими крестьянами составили огромную по тем временам армию в 150 000 человек.

Во главе этой армии, двинувшейся в 756 г. на завоевание танской столицы, встал известный генерал, согдиец по происхождению, Ань Лу-шань³, который в 757 г. объявил себя императором. Над императорским двором Танов нависла серьезная угроза. Этим положением воспользовались уйгуры. Каган Моюн-чур заключил с танским двором договор, по которому уйгуры для борьбы с мятежниками выставили большую армию. Объединенные войска императора и кагана сумели подавить восстание Ань Лу-Шаня.

За эту услугу уйгуры получали от Китая ежегодно десятки тысяч кусков шелковых тканей и различные предметы роскоши. Но это не мешало уйгурам разграбить восточную столицу Танской империи — город Лоян. Каган Моюн-чур получил от императора официальное признание и пышный титул, а также в знак «мира и родства» император Китая дал ему в жены свою дочь.

Незадолго до вмешательства во внутренние дела Китая дальновидный Моюн-чур и верхушка уйгурского каганата, всегда мечтавшие поживиться за счет богатства танского Китая, были особенно озабочены укреплением своих северных тылов. Для этого уйгурам необходимо было ликвидировать угрозу со стороны наиболее сильных северных соседей — древних хакасов (проживавших в Хакаско-Минусинской котловине к северу от Саянских гор) и их союзников тюркоязычных чиков, которые вновь в это время возглавили племена, жившие на территории современной Тувы⁴.

О ходе борьбы уйгуров с северными соседями известно не только из косвенных сведений китайских исторических хроник, но и из надписи уйгурского памятника, который содержит важнейшие данные для понимания истории Тувы того времени.

Таким памятником является каменная стела с надписью на тюркском (орхонском) алфавите, поставленная в честь кагана Моюн-чура в 758 г. уйгурами на р. Селенге⁵.

По данным этого памятника, территория Тувы была завоевана уйгурами в 750—751 гг., и для этого им пришлось воевать с жившими там чиками. Отсюда следует, что после падения восточных тюрков-тугю в 745 г. власть в Туве вновь перешла к местным племенам, ко-

торые возглавляли чики. Чики находились в союзнических отношениях со своими северными соседями — древними хакасами. Их союз был основан на давнем стремлении народов бассейна Енисея препятствовать захвату родных земель, приходившими периодически, сменяя друг друга, кочевыми ордами из Центральной Азии. Такими завоевателями на этот раз были уйгурские войска под предводительством кагана Моюн-чура, от имени которого в посвященном ему памятнике говорится: «в год Тигра (750 г.) я пошел в поход против чиков. Четырнадцатого числа второго месяца сразился я у реки Кем (теперь Улуг-Хем. — Л. К.). В тот же год (чики) подчинились...».

Из этих немногих слов становится ясным, что борьба уйгуров с чиками была упорной и кровопролитной. Будучи свободными в течение коротких пяти лет, чики ожесточенно боролись против новых захватчиков. На берегах Улуг-Хема в тот период, безусловно, разыгрывались полные драматизма сцены отчаянного сопротивления чикских воинов-ополченцев грозной силе конных полчищ кагана Моюн-чура.

Недаром скупые строки памятника сообщают, что сам каган был вынужден провести в Туве целое лето, строить во враждебной среде свои лагерь и опорные военные крепости, устраивать «моления высшим божествам», испрашивая победу над новой землей, и в знак закрепления сооружать каменные столбы с вырезанными на них грозными надписями, силу приказов которых подтверждали выбитые на них личные тамги кагана («Там я распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец, там я заставил построить крепостные стены, там я провел лето, и там я устраивал моления высшим божествам. Мои тамги и мои письма я там приказал сочинить (и врезать в камень)»).

Только глубокой осенью 750 г. Моюн-чур, оставив в Туве охранные гарнизоны, «продвинулся на восток», на р. Орхон, для того, чтобы сразу же двинуться в поход против монголоязычных татар.

Однако осенью 751 г. кагану пришлось принять срочные меры для того, чтобы удерживать территорию Тувы в своей власти.

Дело в том, что в течение года сложилась антуйгурская коалиция племен Саяно-Алтайского нагорья, состоявшая из живших на Пиртыше карлуков, оставшихся тюрков-тугю и древних хакасов. К роду кыргызов, возглавлявшему древнехакасское государство⁶, турки направили специальных послов с при-

званием выступить против уйгуров и поднять на восстание союзных им чиков, попавших под власть уйгуров. Согласившись с предложениями тюрков и карлуков, древнехакасский хан направил в Туву специальных разведчиков и быстрые «летучие отряды» конницы, чтобы поднять восстание своих союзников — чиков.

Это предприятие, однако, постигла неудача из-за предательства нескольких тюркских бегов, которые успели обо всем доложить кагану уйгуров.

Уйгуры сумели перехватить древнехакасских разведчиков, напали на их «летучие отряды». Осенью 751 г. Моюн-чур с большим войском вновь появился в Туве, переправился через Кем, прошел далее на запад и в битве у реки Болучу, на левом берегу Иртыша, разгромил войско карлуков. В это время, когда результат похода уйгуров на карлуков еще не был известен, с опозданием и в одиночку восстали чики, которые были жестоко усмирены специальным «тысячным отрядом», посланным в Туву каганом.

Так закончились попытки населения Тувы вернуть себе желанную свободу, и так начался уйгурский период в истории Тувы.

Тува и прилегающая к ней часть современной западной Монголии стали северо-западными окраинами уйгурского государства⁷, районами, имеющими для уйгуров важнейшее стратегическое значение, так как обладание ими позволяло уйгурам обезопасить себя от нападения наиболее сильных соседей: древних хакасов (с родом кыргызов в главе), алтайских тюрков и карлуков, живших в то время на территории современного Восточного Казахстана.

Для того чтобы окончательно закрепить в Туве, каган, как повествует памятник Моюн-чура, прожил здесь в специальной крепости зиму и лето 752 г. Все это время шло строительство оборонительных укреплений, формирование гарнизонов, разработка системы управления завоеванным населением Тувы. Сообщается, что для управления всей Тувой от имени кагана во главе был поставлен военный наместник с титулом «тутук». Тутуку подчинялись управители отдельных районов, носившие титулы «ышбаров» и «тарханов», а также сборщики дани с покоренного населения («Народу чик я дал тутука, ышбаров и тарханов я тогда утвердил») ⁸.

Вся эта военно-административная верхушка, опираясь на уйгурские охранные войска, размещенные в Туве особыми военными поселениями, в случае нужды получала под-

крепления из центральных областей древней Уйгурии.

Однако древние хакасы, жившие за Саянским хребтом, постоянно беспокоили уйгуров, и поэтому в Туве по приказу кагана был подготовлен поход за Саяны для разгрома хакасов и присоединения их государства к владениям уйгуров. Этот поход был осуществлен в 758 г., т. е. как раз в тот момент, когда основные силы уйгуров были заняты подавлением восстания в Китае.

Памятник Моюн-чура об этом событии не говорит, так как он был сооружен ранее; только летописи кратко сообщают, со слов уйгуров, о том, что государство хакасов было ими завоевано, а «хакасский владетель» получил от уйгурского кагана особый титул. Из сопоставления с позднейшими данными выясняется, что поход уйгуров 758 г. не достиг своей основной цели.

Временное поражение не привело к включению территории Хакасско-Минусинской котловины в состав каганата⁹. Дело ограничилось лишь номинальным признанием верховной власти уйгуров, причем управителем в древнем государстве хакасов остался все тот же хан, получивший на это право (очевидно, ценою откупа в виде дани) вместе со специальным титулом от Моюн-чура.

Это подтверждается и известным сообщением 800 г. о том, что Тува была северо-западной окраиной государства уйгуров и что северная его граница проходила в то время по Саянскому хребту. В энциклопедическом сочинении Тун-дянь («Общее уложение», глава 200, автор Ду Ю; годы жизни 733—812 гг.) говорится об Енисее как главной реке, пересекающей страну хакасов: «Это большая река, которая вытекает с севера (страны) хойхэ (уйгуров) через ущелье горного хребта» ¹⁰.

Уйгурское господство в Туве, начавшись в 750 г., продолжалось по 840 г., т. е. до времени падения их каганата в Центральной Азии. Но в начале IX в. государство древних хакасов настолько окрепло, что возглавлявший его хан объявил себя каганом. Это вызвало войну между хакасами и уйгурами, которая, начавшись около 820 г., продолжалась затем двадцать лет. На протяжении этого времени степи Тувы неоднократно становились ареной ожесточенных битв, так как хакасы старались изгнать уйгуров из этой страны, ставшей основным северным оплотом каганата и, в то же время, являвшейся ключевой позицией к выходу хакасов на просторы Центральной Азии, где находилось сердце древней Уйгурии.

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Описанные исторические события, сведения о которых почерпнуты из разрозненных, кратких и зачастую отрывочных письменных источников, в значительной степени конкретизируются и наполняются содержанием благодаря археологическим исследованиям памятников VIII—IX вв. на территории Тувы¹¹.

Города уйгуров. В уйгурское время в Туве впервые появляются монументальные архитектурные сооружения — окруженные стенами городища и крепости. Известно пятнадцать городищ и один наблюдательный опорный пункт, сооруженные уйгурами. Все городища представляют собой четырехугольники, окруженные стенами, превратившимися ныне в валы. Стены были или глинобитные, или из сырцового кирпича. Они были достаточно мощными и нередко хорошо сохранились. Некоторые из них имели остатки округлых оборонительных башен, расположенных по углам и у ворот. Ворот обычно делали двое (рис. 9—12)¹². Снаружи все крепости обнесены глубокими рвами, прежде наполненными водой, и лишь к воротам вели сухие въезды. Размеры внутренней площади городищ различны: от 0,6 до 5 гектаров.

Наибольшими являются городища Эльдег-Кежиг на р. Барлык (12,5 га) и Бажын-Алак на р. Чадаан (18,2 га). По-тувински эти городища обычно называются «бажын», то есть дом.

К характеристике городищ необходимо добавить, что, как правило, они сооружались в поймах рек, чаще на древних островах, окруженных протоками или отделенных от береговой надпойменной террасы еще и заболоченными пространствами.

Такой выбор места, безусловно, был связан со стремлением строителей создать дополнительные естественные преграды для противника, чтобы избежать внезапного нападения.

Характерно, что все пятнадцать городищ расположены цепочкой по долине р. Хемчик, тянувшейся от его верховьев через долину р. Чадаан, устье Ак-Суга и, затем, по левобережью Улуг-Хема между его притоками Чаа-Холь и Барлык. Крайним восточным пунктом является четырехугольное укрепление с каменными стенами (35×45 м) на горе в устье р. Элегеста.

Таким образом, уйгурские городища расположены стратегически продуманно, по одной дугообразной линии, обращенной выпук-

лостью к северу, в сторону Саянского хребта, прикрывая центральные, наиболее плодородные районы Тувы от возможного вторжения северных соседей — древних хакасов.

Следует добавить, что в точности по этой же линии (начиная от городища Эльдег-Кежиг на Барлыке, по долине Хемчика и далее на Чаа-Холь, и, наконец, к Усть-Элегесту) проходят отрезки так называемой (тувинцами) «дороги», которая на деле являлась не чем иным, как длинной оборонительной стеной (с югом с северной стороны), которая была сооружена в местах, не имеющих естественных преград¹³. Стена связывала городища, образуя единую оборонительную линию против вторжений с севера.

Подобные длинные оборонительные стены, сооружавшиеся против набегов кочевников, известны вокруг оседлых средневековых оазисов и городов в Средней Азии¹⁴, на территории Монголии и Северного Китая¹⁵.

Только два городища вынесены вперед на север от линии. Они расположены в устье р. Ак-Суг и в урочище Ак-Ору в Сут-Холе. Местоположение этих городищ, как и общее протяжение оборонительной линии, строго закономерно, ибо главными путями, ведущими из Хакасско-Минусинской котловины в Туву, в эту эпоху были не длительный и труднодоступный тогда в Саянах путь современного Усинского тракта, а зимний путь по льду Енисея к устью Хемчика и летние пути: 1) вверх по реке Ане (правый приток Абакана) в долину Ак-Суга и 2) Арбатская тропа (ныне действующая) — от Арбатов по рекам Жебашу, Тебе и Тасле на Манчурек¹⁶ и Ак-Суг. Поэтому уйгуры и соорудили на перекрестке летних путей две «выступающие» на север крепости, запиравшие выход в долину р. Хемчика.

Подтверждением того, что в древности использовались именно эти пути, является сообщение орхонских надписей о том, что еще зимой 710—711 гг. армия восточных тюрок под командованием Тоньюкука, шедшая в поход против хакасов, перевалила Саяны, пройдя по тому же пути: вверх по долине Ак-Суга (тогда называлась Ак-тэрмель) в долину р. Аны (название сохранилось)¹⁷.

Эти городища, безусловно, являлись крепостями, но некоторые из них были административными центрами. С этой точки зрения интересно, что в районе г. Шагонара находится группа из пяти городищ, расположенных вместе (рис. 9—11). Самое большое из них (I Шагонарское городище) находится на правом берегу р. Шагонарчик и имеет длин-

Рис. 9. Валы III Шагонарского городища

ную дополнительную стену со рвом, пересекающую всю долину до берега Улуг-Хема. На левом берегу той же реки находится V Шагонарское городище. Три других крепости (потувински: «Чер-Бажын») расположены компактной группой в пойме р. Чааты у горы Бай-Даг, в шести километрах к юго-востоку от I Шагонарского городища (II, III и IV Шагонарские городища). Они расположены в направлении с севера на юг в 260 и 500 м друг от друга, причем наиболее интересным является среднее из них — III Шагонарское городище (рис. 9—11).

Первоначально это был хорошо укрепленный замок размерами 126×119 м, т. е. площадью около 1,5 га. Он отличается от остальных городищ наличием внутренней квадратной цитадели (47×45 м). Валы городища представляют собой оплывшие остатки мощных глинобитных стен, а стены цитадели сложены из сырцового кирпича размерами 42(44)×21(23)×10 см.

Валы хорошо сохранились и имеют четко очерченные остатки десяти башен и двух ворот с въездами. Угловые башни есть и у внутренней цитадели замка, которая также имеет двое ворот. Хорошая сохранность стен позволила создать реконструкцию первоначального вида замка (рис. 11) ¹⁶.

Укрепленное III Шагонарское городище с цитаделью внутри, вероятно, являлось первоначально ставкой кагана Моюн-чура, а затем ставкой его тутука — наместника Тувы. Это подтверждается найденными при наших раскопках цитадели остатками необычного здания столбовой конструкции, крытого желобчатой черепицей и содержащего обломки дорогой посуды и фарфора. В двух соседних крепостях (II и IV Шагонарские городища) располагались дополнительные охранные гарнизоны и рядовое население.

Возможно, что система укреплений под Шагоном является более ранней, начатой в период первого похода Моюн-чура (750 г.). Позднее, после сооружения по Хемчику и Ак-Сугу до Улуг-Хема более мощной длинной стены с системой крепостей, Шагонарские укрепления оказались в тылу. Но они продолжали сохранять значение военно-административного центра.

Таким образом, уйгуры создали в Туве сильную пограничную стену, охранявшую каганат с севера.

Все городища были центрами оседлости, земледелия, ремесла и, вероятно, торговли. На случай военной опасности они служили убежищами для кочевого населения, живше-

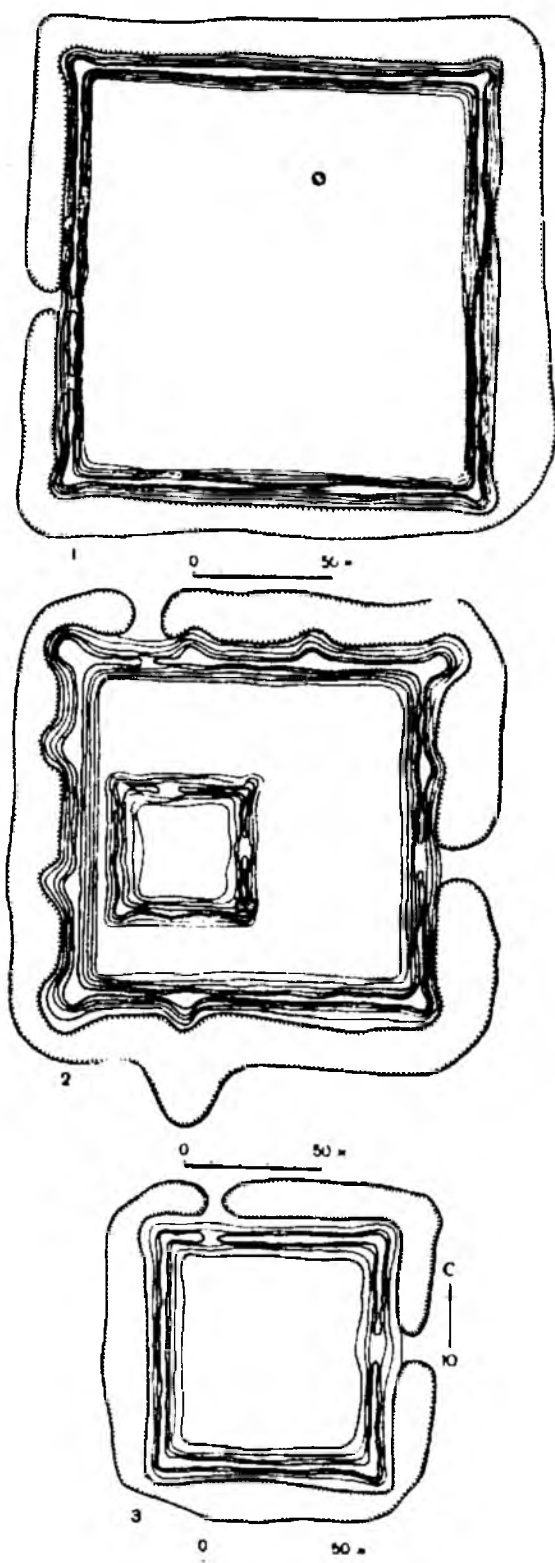

Рис. 10. Планы Шагонарских городищ в ур. Чер-Бажин:

1 — II городище; 2 — III городище; 3 — IV городище

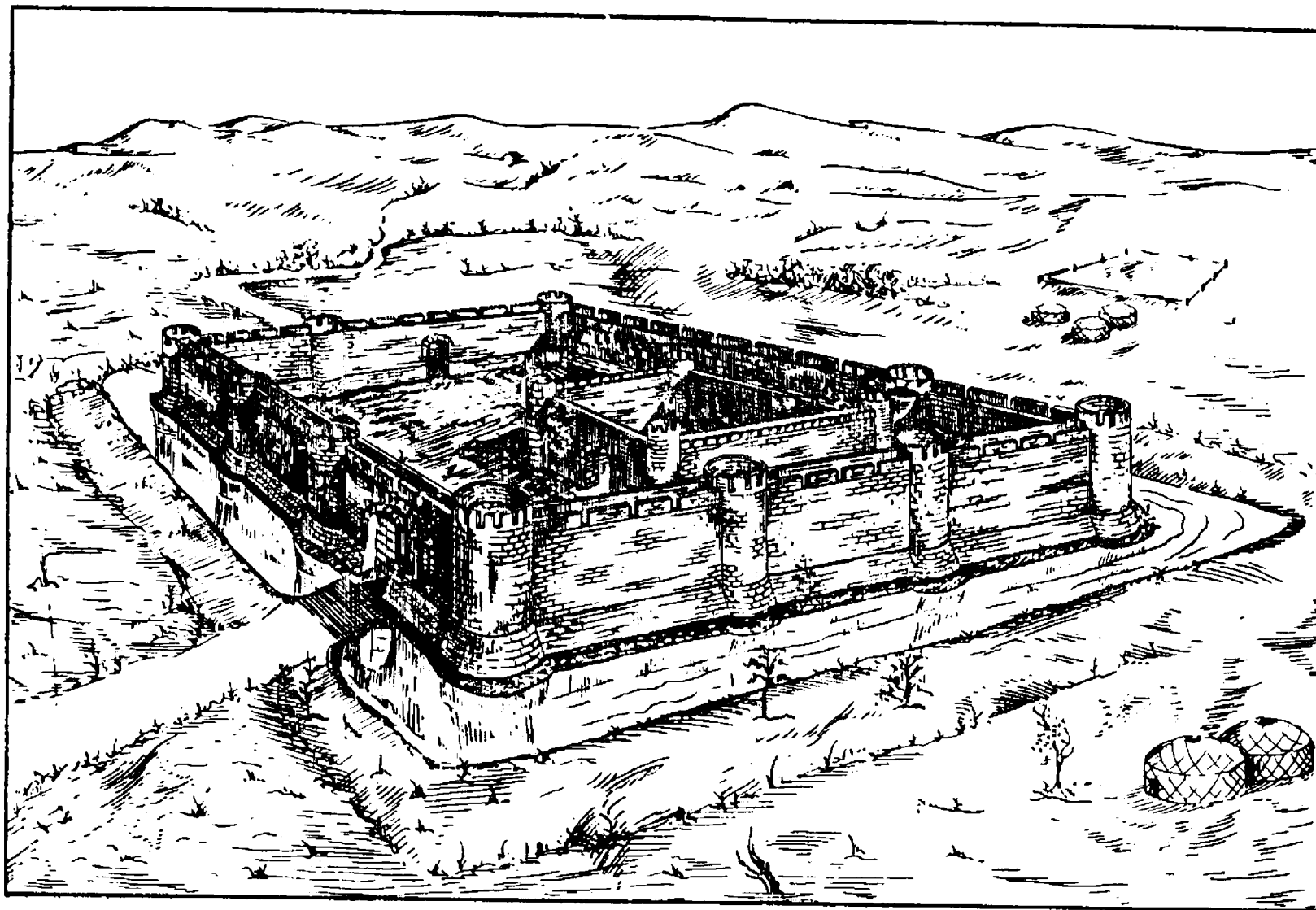

Рис. 11. Реконструкция уйгурского замка (III Шагонарское городище)

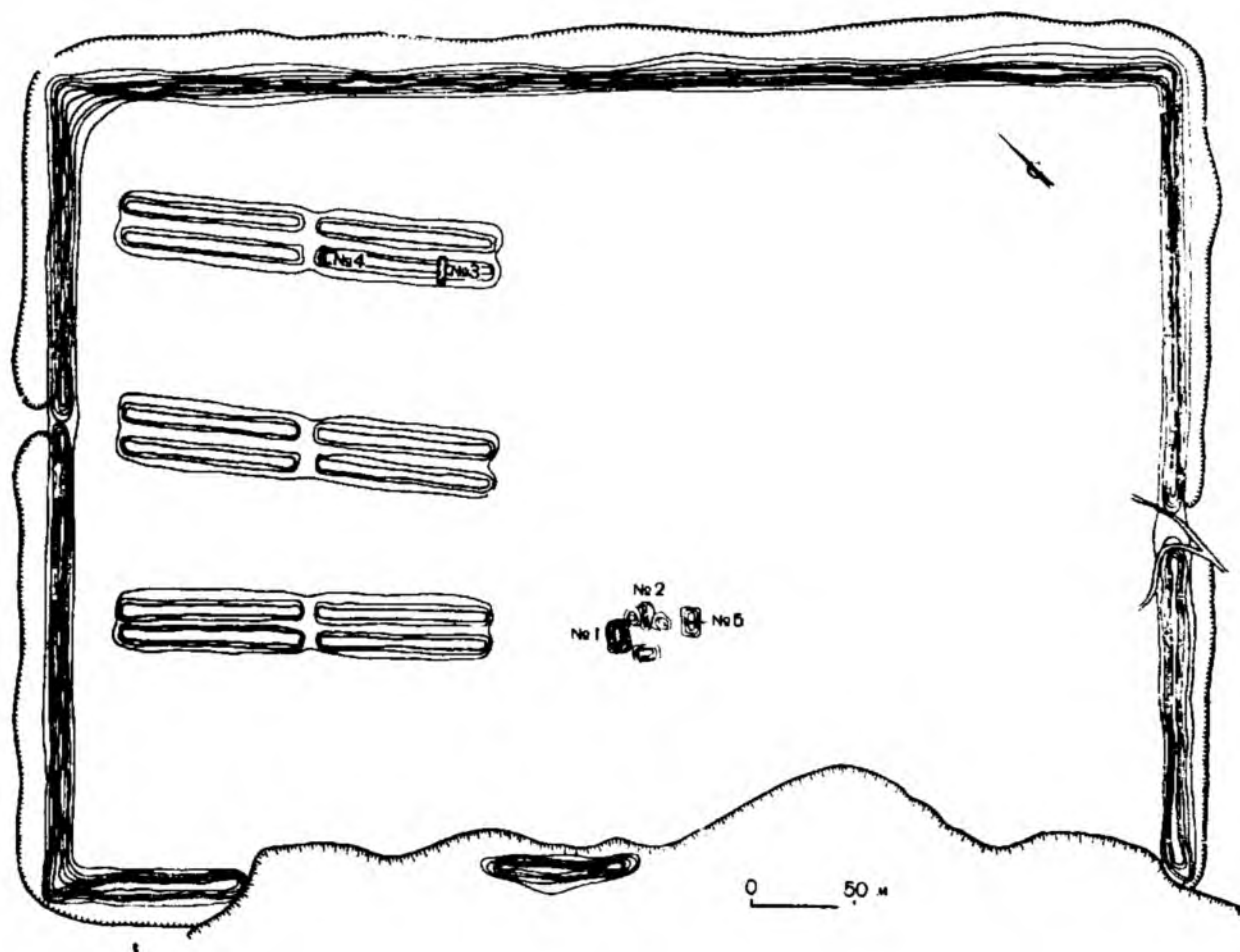

Рис. 12. План городища Бажин-Алак на р. Чадане

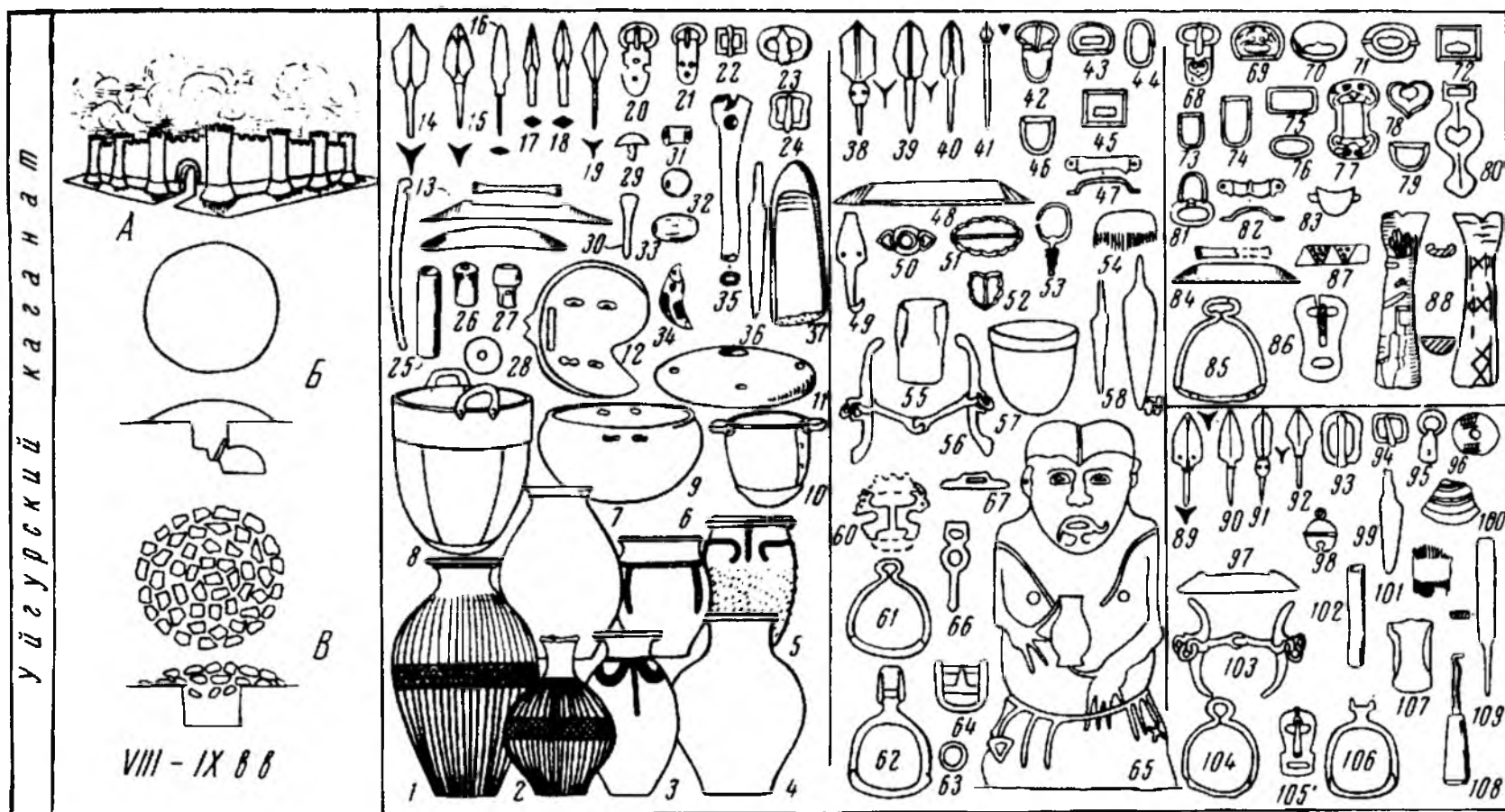
го в юртах. В них стояли военные гарнизоны. Раскопки выявили на городищах остатки больших каркасных зданий, крытых тяжелыми черепичными крышами, длинных помещений казарменного типа и землянок. Обнаружены железные шлаки — свидетельство металлургического производства. Особенно много найдено сломанных зернотерок и жерновов, каменных ручных мельниц (табл. II, 11, 37) — свидетельство занятия населения земледелием (рис. 13). Уйгуры пользовались привозными плугами. На III Шагонарском городище найден был железный чечевницеобразный отвал сложного танского плуга (табл. II, 12)¹⁹. Находки пряслиц от веретен говорят о домашнем ткачестве, а обломки глиняных сосудов, часть которых сделана на гончарном кругу, позволяют заключить, что в этих городах жили ремесленники — гончары. Найдена также привозная посуда, в том числе обломки танского фарфора. Из-за небольшой площади раскопок на этих городи-

щах еще не вскрыты остатки производственных мастерских: гончаров, кузнецов, металлургов и других. Однако они еще могут быть обнаружены наряду с другими ценными материалами.

При этом нельзя упускать из виду, что многие уйгурские города в Туве являлись строившимися городами, не успевшими развиваться из-за кратковременности своего существования, закончившегося для некоторых из них во время военного разгрома уйгуров в 840 г.

Погребальные сооружения. Кроме городищ к уйгурскому периоду относятся погребальные сооружения, каменные изваяния людей и стелы с эпитафиями, написанными местным енисейским письмом.

В этот период в Туве проживали не только местные племена во главе с чиками и вторгнувшиеся в 750 г. уйгуры, но и остатки алтайских тюрков, пришедших сюда еще в середине VI в. Каждая этническая группа чет-

ко выделяется при археологическом анализе по палеоэтнографическим особенностям в устройстве погребальных сооружений и по деталям погребального обряда.

Погребальные сооружения VIII—IX вв. по устройству и деталям обряда разделяются на несколько типов: а) земляные курганы с погребениями в катакомбах или ямах; б) каменные курганы с погребениями в ямах по обряду трупоположения с конем; в) и г) трупоположения в ямах без коня под каменными курганами.

А. Погребения уйгуров в катакомбах или в ямах под округлыми земляными курганами. Эти курганы имеют вокруг ровик (табл. II, Б и рис. 14—16)²⁰. Кладбища расположены возле описанных крепостей. Погребальные сооружения и обряд резко отличаются от местных кладбищ — так хоронили люди, пришедшие в Туву из другой страны. Скелеты находились на досках или других подстилках, изредка в обтупленных берестовых деревянных гробах, на дне глубоких катакомб со входными ямами или просто в ямах (рис. 15—16)²¹.

Лазы, ведущие из входных ям в катакомбы, закрывались деревянными решетками, частоколом, досками или камнями. Камеры катакомб по-разному ориентированы относительно входных ям. Одни вытянуты перпендикулярно входной яме (11), другие — параллельно (8) и третьи имеют лаз в одном из углов входной ямы, располагаясь косо относительно ее оси (11).

В таких могилах хоронили вытянуто на спине, обычно одиночно (80% всех погребений), мужчин, женщин и детей, укладывая их головой в разные стороны²². Преобладает северная (с некоторыми отклонениями) ориентировка²³.

В головах ставили питье в вазах или вазообразных сосудах и густую пищу типа каши в банкообразных сосудах, частью покрытых нагаром (табл. II, 1—7)²⁴. Обнаружено 6 типов глиняных сосудов: 1) вазы, сделанные на гончарном кругу, делящиеся на большие, малые и узкогорлые шаровидные (рис. 17, 3; 18, 1, 2)²⁵, украшенные штампованным орнаментом и вертикальными полосами лощения (табл. II, 1—2); 2) вазы лепные от руки, украшенные ушками или фестонами из наlepных рассеченных валиков, а также налeпами под венчиком (табл. II, 3 и рис. 17, 1) — 2 экз.; 3) узкогорлые гладкие грубые сосуды, подражающие вазам (табл. II, 7 и рис. 18, 3) — 3 экз.; 4) кувшины гладкие (табл. II, 4 и рис. 18, 4) — 1 экз.; 5) баночные сосу-

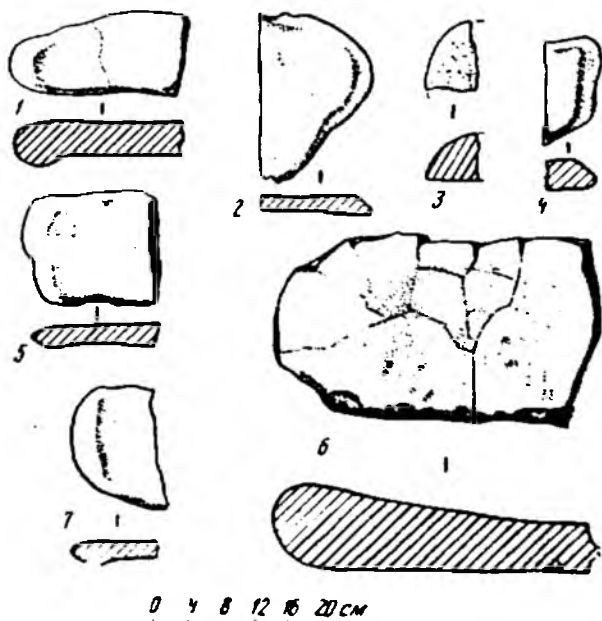

Рис. 13. Обломки зернотерок и жерновов из уйгурских городищ: 1 — из Бажин-Алака; 2—7 — из I Шагонарского городища

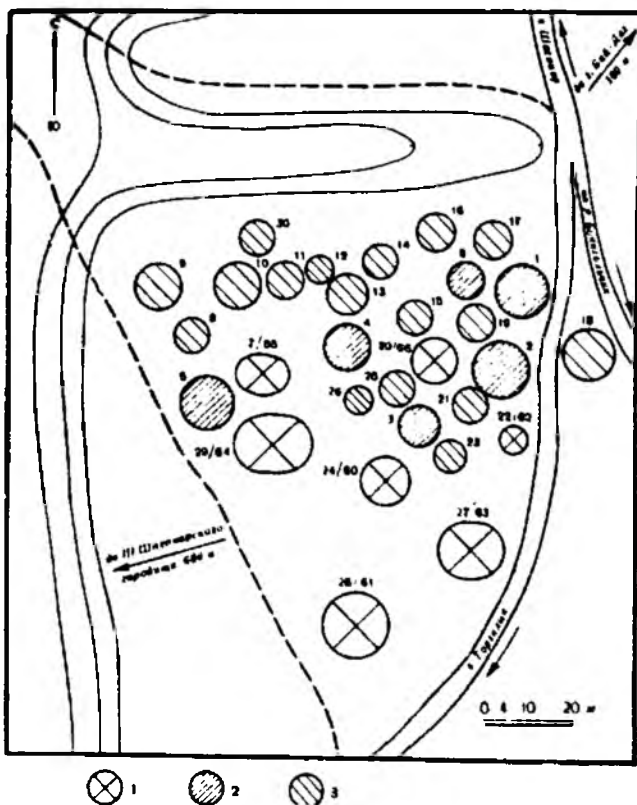

Рис. 14. План уйгурского могильника Чааты I у г. Бай-Даг:

1 — курганы, раскопанные С. А. Теплоуховым в 1927 г., № 60—66 (7, 20, 22, 24, 27—29); 2—3 — курганы, раскопанные Л. Р. Кызласовым в 1958 (2; № 1—6) и 1959 гг. (3; № 8—19, 21, 23, 25, 26, 30)

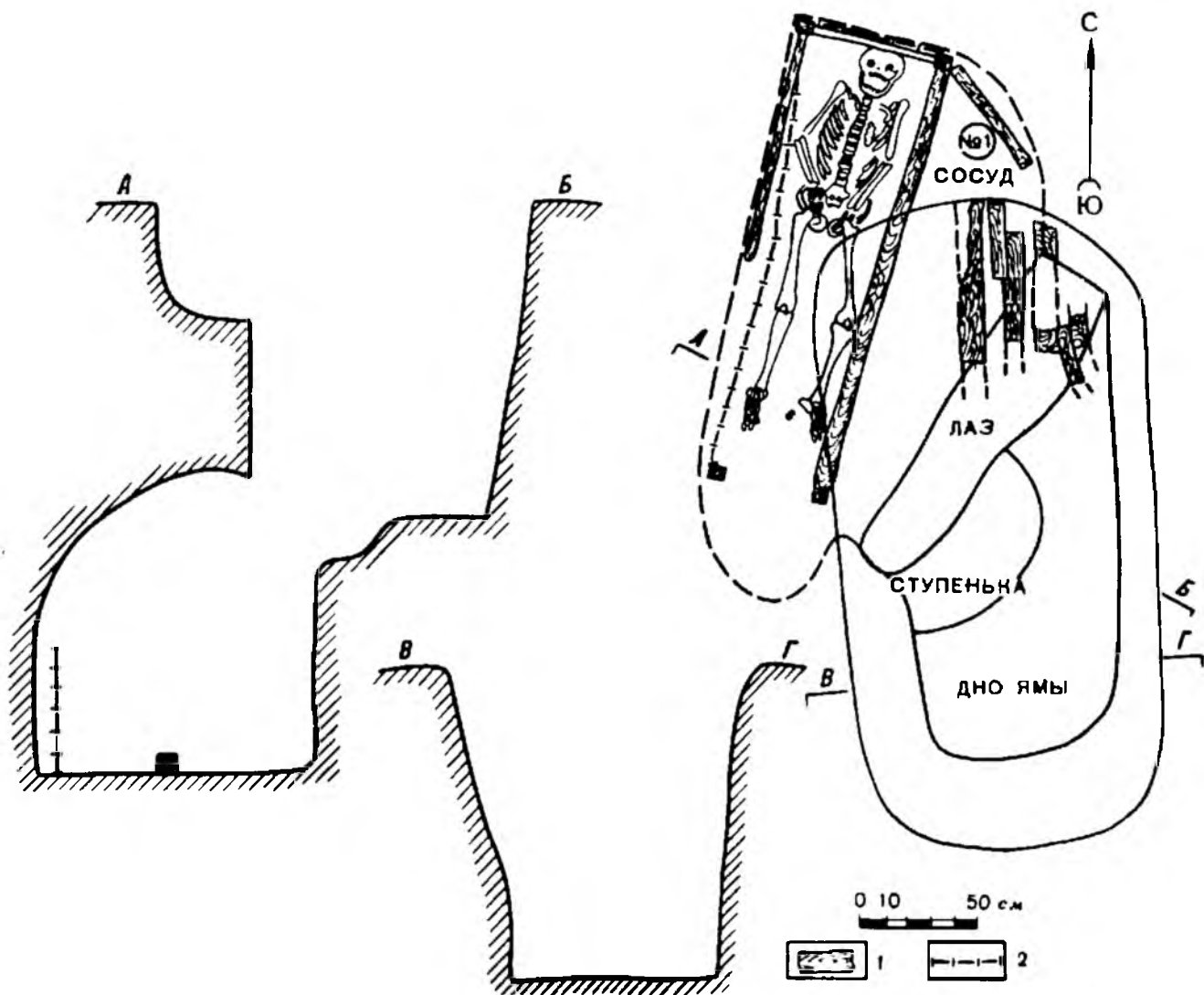

Рис. 15. План и разрезы катакомбы кургана № 2 могильника Чааты 1, 1958 г.:
1 — дерево; 2 — луб

ды с гладкой шейкой (15 экз.), обычно гладкие (рис. 17, 4, 19, 2) — 7 экз. или же украшенные рассеченным валиком (табл. II, 6; рис. 20, 2) — 4 экз., реже нижняя половина их шероховатая (2 экз.) или же к шероховатой разделке низа сосуда сверху добавлены украшения из рассеченных валиков (2 экз.); б) горшки с уступом под венчиком (15 экз.), чаще гладкие (рис. 17, 2) — 10 экз., реже украшенные налпами на венчике и рассеченными валиками (2 экз.), иногда к налпам и валикам добавлена шероховатая поверхность низа сосуда (табл. II, 5; рис. 20, 1, 3) — 2 экз. Один из таких горшков особенно наряден. Его украшают четыре налпа на венчике, свисающие усики из рассеченных валиков,

а нижняя половина сплошь покрыта высокими налпами — шишками (рис. 20, 4).

В могилы также ставили железные клепаные круглодонные котлы для варки пищи с вертикальными или горизонтальными ручками (табл. II, 8, 10 и рис. 21, 10; 19, 1) — 3 экз. В одном погребении был найден сферический медный котел с железными ручками (табл. II, 9 и рис. 21, 9), в котором лежали кости задней части овцы. Обычно, в головах, там, где ставили пищу и питье в глиняных сосудах и котлах, клали еще дополнительно куски мяса овец, коз и быков. Тут же почти всегда клали черешковый нож (табл. II, 36 и рис. 22, 3, 7, 12) — 26 экз., имевший деревянную ручку, реже костяную или же деревянную с

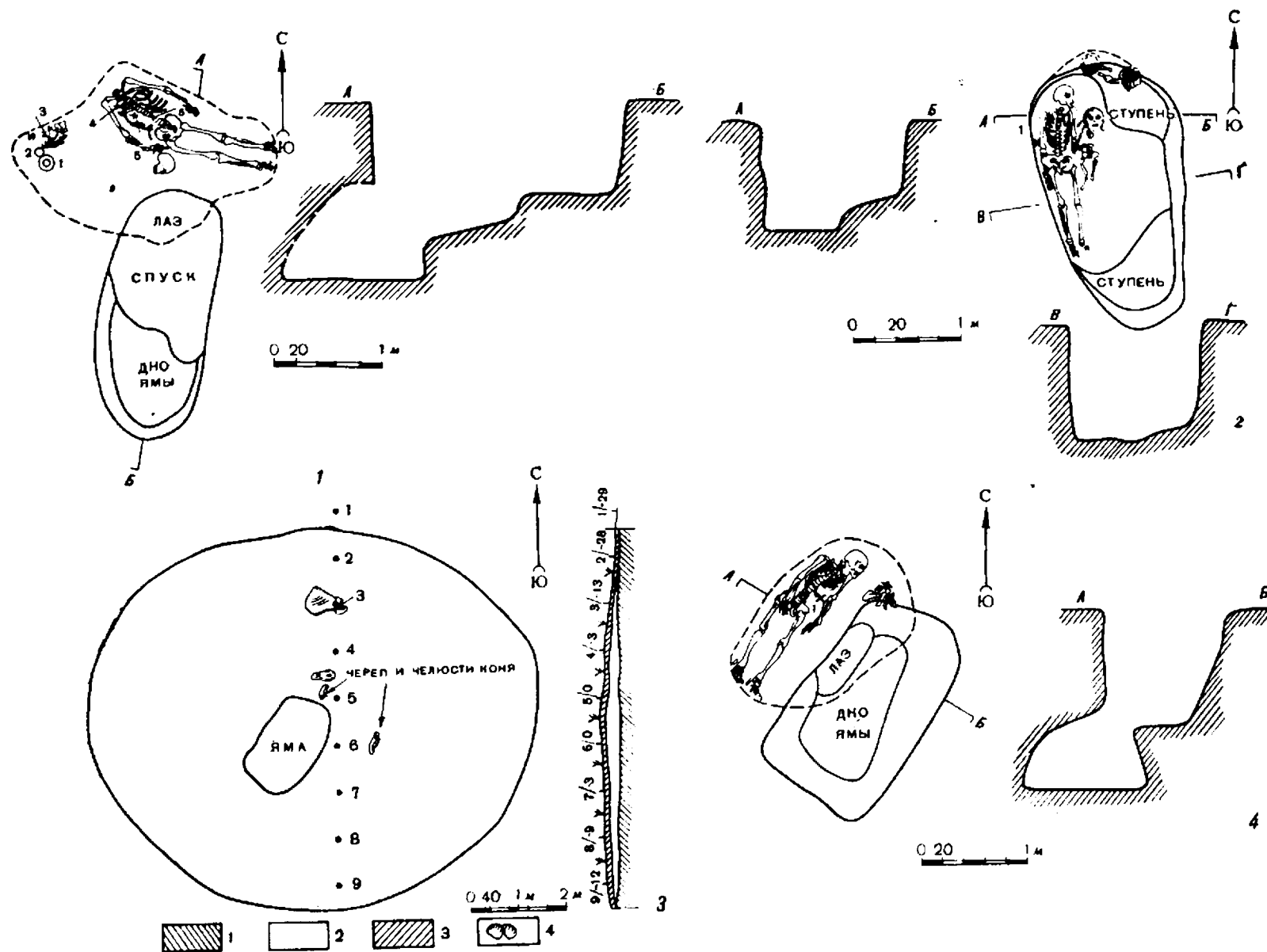

Рис. 16. Типы уйгурских погребений могильника Чааты I, 1959 г.:
1 — катакомба кургана № 13; 2 — яма в кургане № 23; 3—4 — план, разрез и катакомба кургана № 19; (1 — дерн; 2 — лёсс; 3 — материк; 4 — камень)

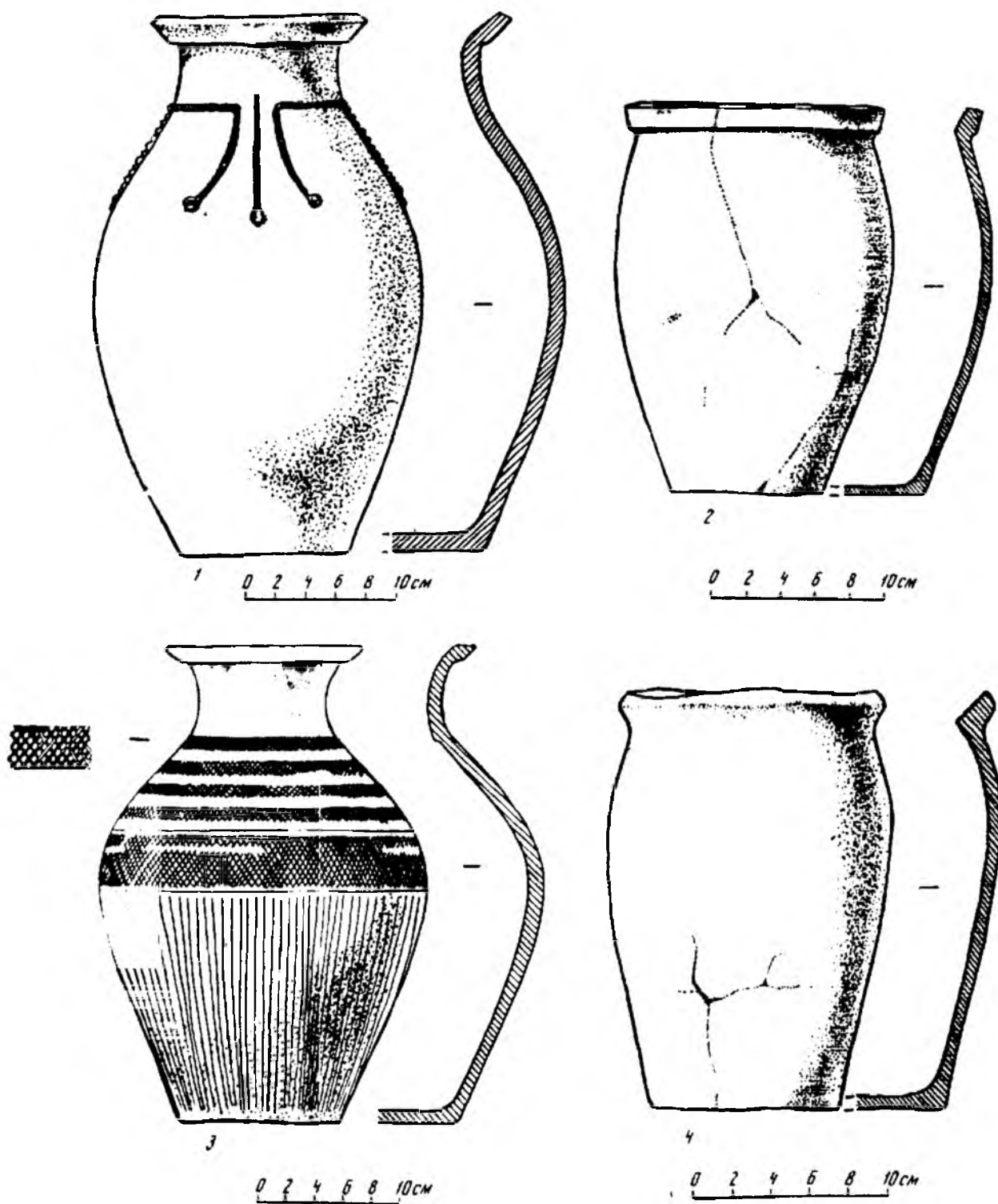
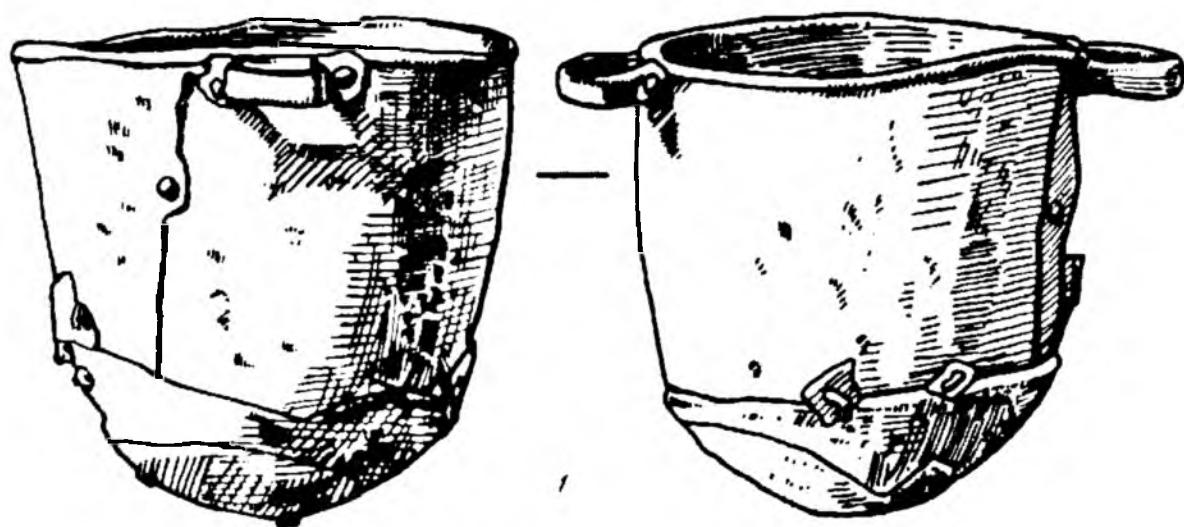

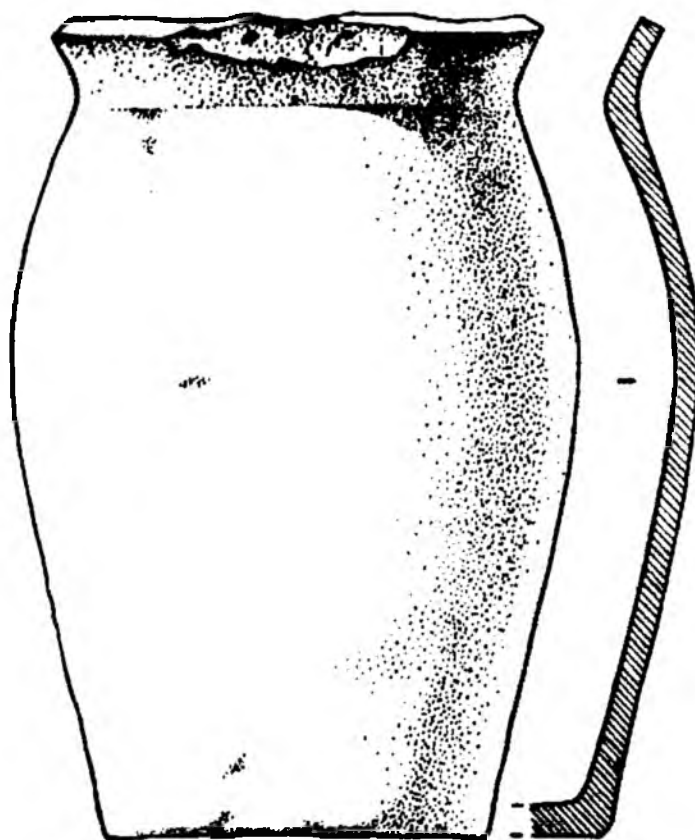
Рис. 17. Вазы и баночные сосуды уйгуров; Чааты I. 1958:
 1, 2, 4 — лепные; 3 — сделана на круге; 1—2 — из кургана № 1; 3—4 — из кургана № 6

Рис. 18. Вазы и кувшины уйгуров; Чааты 1, 1927 и 1959 гг.:
 1, 2 — сделаны на круге; 3, 4 — лепные; 1 — из кургана № 28 (61); 2 — из кургана № 10; 3 — из кургана № 12; 4 — из кургана № 9

0 2 4 6 8 10 cm

0 1 2 3 4 5 cm

Рис. 19. Посуда уйгуров; Чааты I, 1958 г.:
1 — железный котел из кургана № 4; 2 — глиняный сосуд из кургана № 2

Рис. 20. Лепные горшки и баночные сосуды уйгуров; Чааты I, 1959 г.:
 1 — из кургана № 8; 2 — из кургана № 23; 3, 4 — из кургана № 25

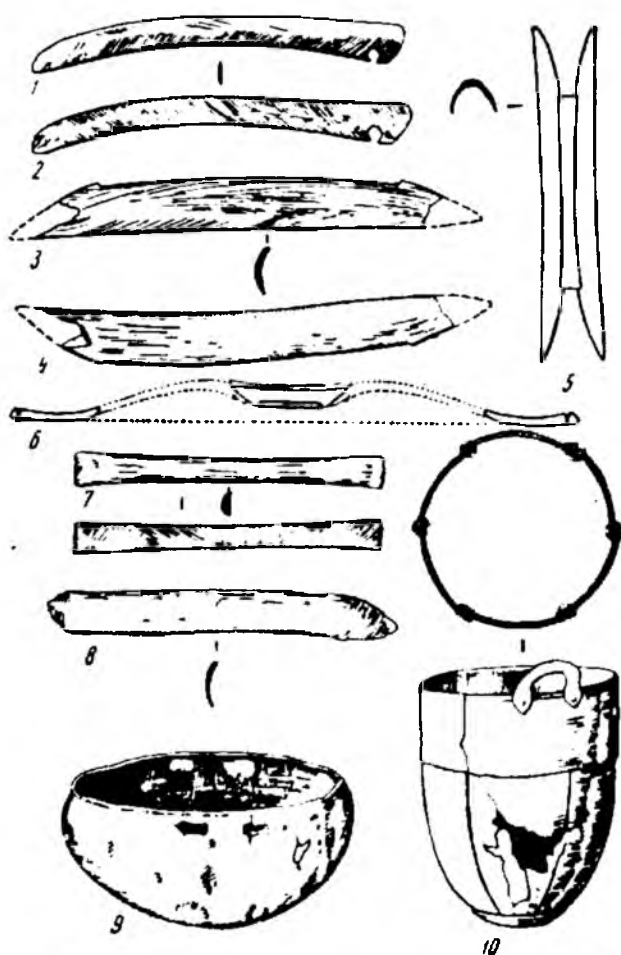

Рис. 21. Котлы и роговые накладки на боевые луки уйгуров; Чааты 1, 1927 г.:

1—7—из кургана № 7 (65); 8, 9—из кургана № 29 (64); 10—из кургана № 28 (61); 9—медь; 10—железо

костяным набалдашником (табл. II, 26—27 и рис. 22, 9; 23, 4). Иногда укладывали целые головы овец и коз. В одном погребении голова овцы и мясо лежали в деревянном корытце. Кроме того, в могилах были найдены остатки деревянных чаш и узкогорлых сосудов (4 экз.).

В женские могилы клали пряслица из белого или зеленого камня (табл. II, 28 и рис. 22, 4), а также пряслица, сделанные из стенок сосудов (в том числе из ваз) и конические глиняные со штампованным орнаментом. При них находят костяные игольники (табл. II, 25 и рис. 22, 2), бусы из стекла и камня (табл. II, 31—33 и рис. 23, 6—8), просверленные подвески, каменные ступочки с костяными просверленными пестиками для растирания красок. В насыпях женских курганов встречаются погребения детей.

При детских костях найдены бусы, мелкие просверленные косточки для ожерелий и в том числе один раз был найден клык медведя (табл. II, 34 и рис. 22, 8). Младенцев хоронили в колыбелях тюркского типа, от которых сохранились мочеотводные трубки из бараньих костей (табл. II, 35 и рис. 22, 1).

С оружием погребали лишь избранных мужчин. В четырех погребениях вдоль правого бока у мужчин были найдены остатки боевых сложных луков гуннского типа с роговыми накладками (таблица II, 13 и рис. 22, 13; 21, 24) и наконечники стрел из железа и кости (табл. II, 14—19 и рис. 25). У одного скелета мужчины, похороненного без лука, обнаружены между ребрами в груди костяной и железный наконечники стрел (табл. II, 18—19), очевидно, погребенный был ими убит. Длина луков с распушенной тетивой — 1,4 м (рис. 21, 6). Других предметов вооружения или конского снаряжения нет.

От одежды сохранились обрывки шелковых и шерстяных тканей, крученых шнурков, бронзовые и железные поясные пряжки (табл. II, 20—24; рис. 22, 5, 6, 11; 23, 1, 2). Найдены железные скобки, гвозди со шляпками (табл. II, 29, рис. 22, 10), пластины и одна бронзовая круглая бляшка со штырьком (рис. 23, 3).

Часто встречаются следы гибели людей на войне. Многие черепа посечены мечами или пробиты стрелами (в височной кости одного черепа оказалось отверстие, пробитое трехлопастным наконечником стрелы, а у другого — кусок черепа был отсечен ударом тяжелого меча), у некоторых костяков отсутствуют отрубленные головы. У иных погребенных рассечены кости рук, ног, шеи, ключицы и т. п. Причем такие несросшиеся повреждения обнаружены не только у мужчин, но и на скелетах женщин и подростков. Все это подтверждает письменные сообщения о частых войнах в тот период. Это же подтверждают и раскопки III Шагонарского городища, которое было захвачено врагом; здания здесь были сожжены и разграблены, а в руинах была найдена верхняя часть двулезвийного меча, сломанного и брошенного там, возможно, в пылу битвы.

Погребенные под земляными курганами относятся по своему физическому типу к брахикранной европеоидной расе с монголоидной примесью и близки по облику к современным уйгурам и узбекам²⁶. Многие женские черепа деформированы²⁷.

Отметим также некоторые данные о поминальном обряде. Под насыпями уйгурских

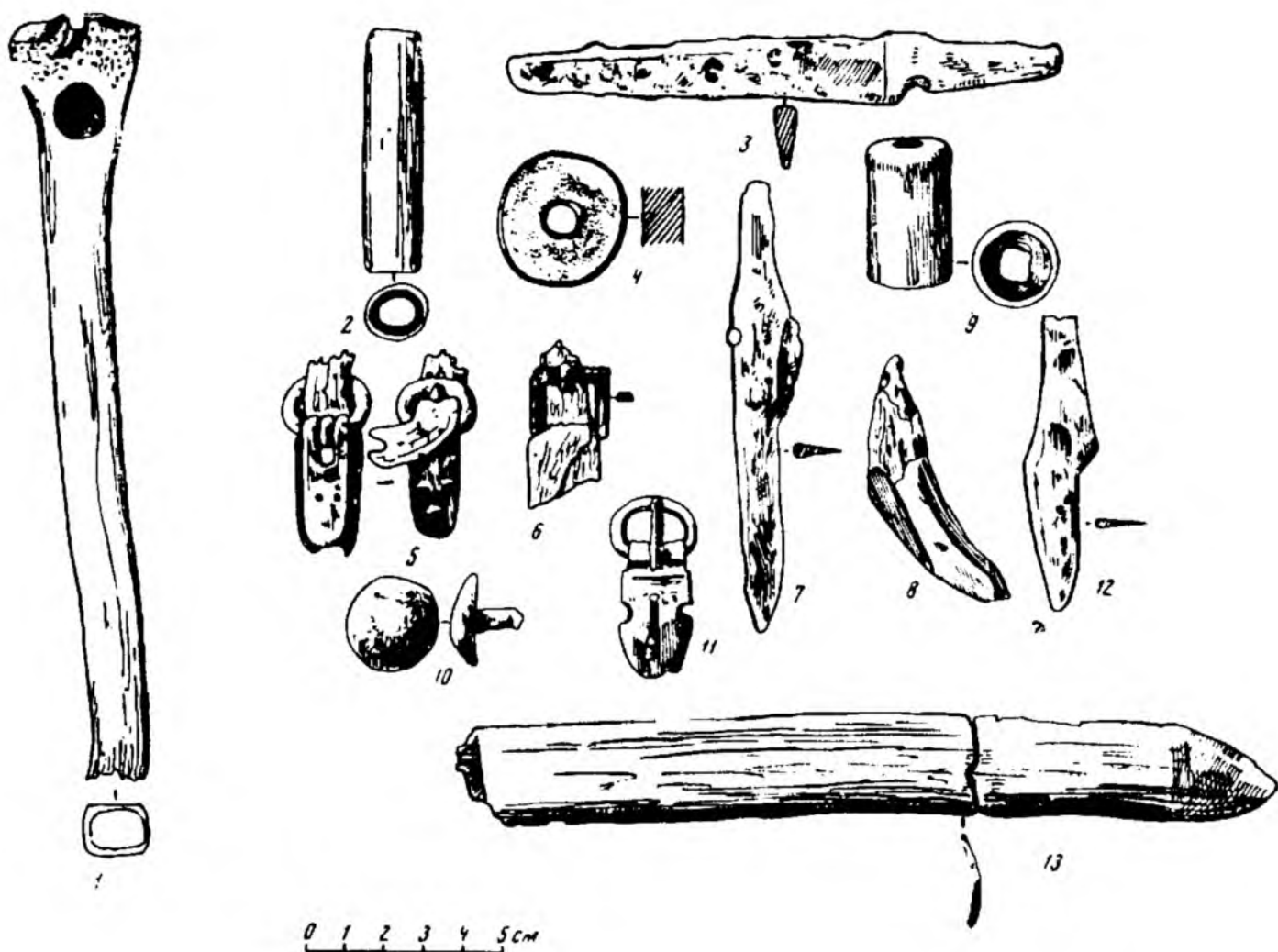

Рис. 22. Предметы быта уйгуров; Чааты I и II, 1927 г.:

1, 2 — из кургана № 20 (66); 3, 4 — из кургана № 19 (78); 5, 9 — из кургана № 28 (61); 6 — из кургана № 24 (60); 7 — из кургана № 27 (63); 8, 10, 11 — из кургана № 7 (65); 12, 13 — из кургана № 29 (64); 1, 2, 8, 9, 13 — кость и рог; 3, 7, 10, 12 — железо; 4 — из стенки сосуда; 5, 6, 11 — бронза и кожа

курганов с северной или северо-западной стороны находятся поминальные жертвенники, выложенные из каменных плиток²⁸. На них сородичи умерших приносили жертвы душе умершего во время погребения. При этом пищу и питье бросали и возливали на небольшой костер.

Остатки жертвенного костра забрасывали затем во входную яму, в засыпке которой обычно встречаются древесные угли и иногда кости животных. Кости находятся на жертвенниках или разбросаны под насыпью. Это кости овец, быков, жеребенка, а в одном кургане были найдены голова лошади, которую положили на краю входной ямы (рис. 16, 3).

Отметим два своеобразных жертвенных кургана с округлыми каменными насыпями,

под которыми в ямах оказались только костяки овец²⁹. Вероятно, это — жертвенные курганы уйгуров, ибо только про уйгуров летописи сообщают: «Любят громовые удары. При каждом громовом ударе производят крик, и стреляют в небо; потом оставляют это место и расходятся. В следующем году, осенью, как лошади пожиреют, опять собираются на место громового удара, зарывают барана (курсив мой. — Л. К.) и зажигают светоч с ножом; шаманка читает молитвы...» Здесь же говорится и об уйгурских жертвенниках: «Если кто умрет от громового удара или от повальной болезни, то молятся о счастье... для принесения благодарности духам заколают множество разного скота и сжигают кости его»³⁰.

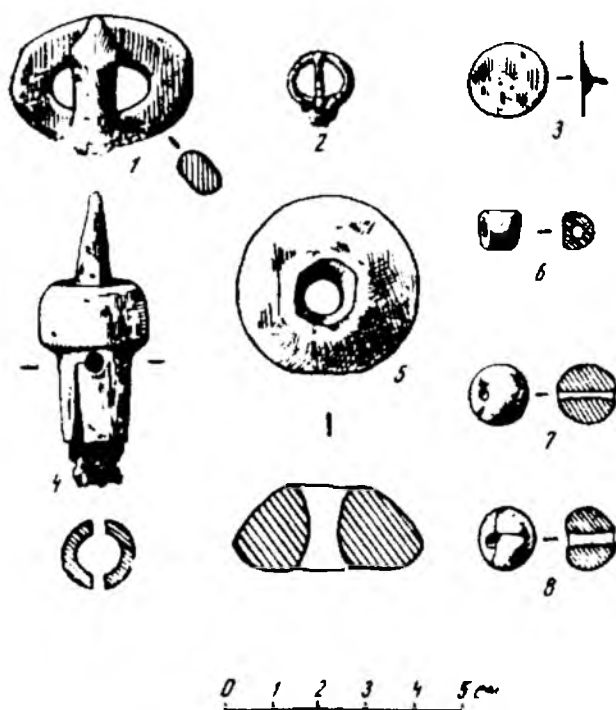

Рис. 23. Предметы быта и украшения уйгуров; Чааты 1, 1958 г.:

1, 2, 4 — из кургана № 4; 3, 5 — из кургана № 1; 6, 7, 8 — из кургана № 3; 1 — железо; 2, 3 — бронза; 4 — кость и железо; 5 — кость; 6 — белая паста; 7 — хрусталь; 8 — зеленое стекло

Таковы памятники, появившиеся в Туве лишь с приходом уйгуров и, к сожалению, еще недостаточно выявленные в Монголии и Забайкалье. Однако там известны аналогичные крепости и города, отдельные уйгурские погребения, а также керамика типа «уйгурских» ваз из погребений и сборов на разведанных поселениях по рекам Селенге³¹, Саве, Чикюю и Онону³², то есть на родине древних уйгуров. Там же найдены черепки баночных сосудов с характерным скобчатым орнаментом³³, сходные с обломками кухонной посуды из III Шагонарского городища.

Посуда типа «уйгурских» ваз, а также другая равнообразная керамика, известна из раскопок развалин уйгурской столицы Орду-Балык (ныне городище Хара-Балгас) на р. Орхон, произведенных В. Л. Котвичем в 1912 г.³⁴ и С. В. Киселевым в 1949 г.³⁵. Катакомбные могилы времени танской династии с вазообразными сосудами, с типично уйгурским орнаментом открыты в г. Лояне³⁶, той самой восточной столице Танов, которую, как говорилось выше, уйгуры захватили и ограбили в 757 г.³⁷. Близкие, но не тождественные по

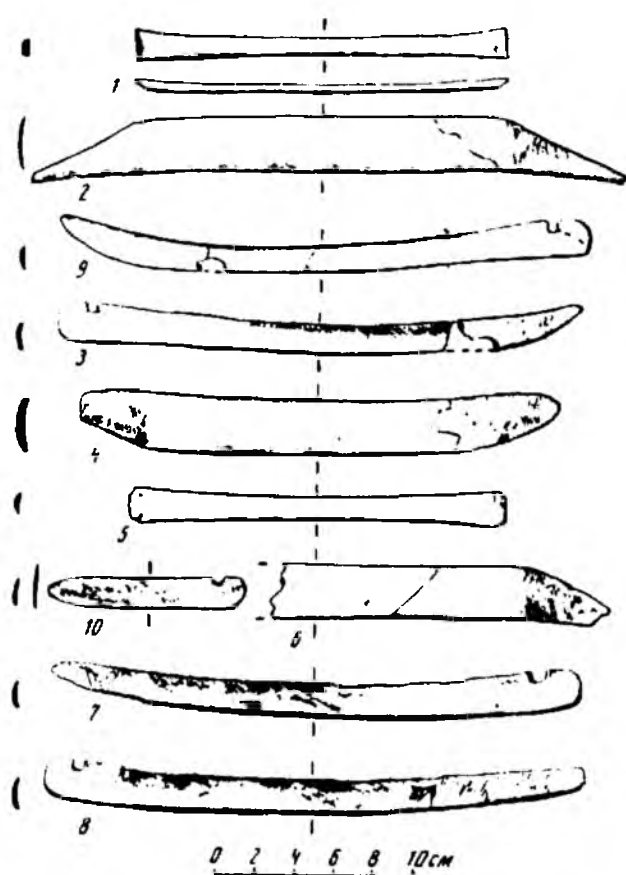

Рис. 24. Роговые накладки на боевые луки; Чааты 1, 1958 г.:

1—3 и 9 из кургана № 1 и 4—8 из кургана № 4

форме, вазообразные сосуды, сделанные на кругу и имеющие сходный поясковый орнамент с отпечатками вписанных друг в друга ромбов, имеются среди танских древностей³⁸. Среди последних встречена и единственная аналогия редкому способу украшения сосудов сплошными высокими налепами-шишками³⁹.

Обломки «уйгурских» ваз (с орнаментом в виде ромбов) были найдены в 1947 г. С. С. Черниковым на дюнах в верховьях Иртыша⁴⁰, куда уйгуры проникали начиная с походов Мююн-чура на карлук.

Таким образом, уйгурская посуда встречается всюду на территории каганата VIII—IX вв., а также там, где побывали уйгуры. Следует указать на определенные черты сходства некоторых типов средневековой хакасской посуды VI—X вв. с уйгурской.

Так, например, уйгурские вазы совпадают по форме с так называемыми «кыргызскими» вазами⁴¹, которые имеют тот же самый профиль горловины и венчика. И те, и другие сосуды сделаны на кругу ленточной техни-

кой, имеют квадратные отпечатки от шипа гончарного круга на дне, отдельно сформованные дно и горло, аморфное тесто глины, дающее при обжиге серый звонкий черепок. Все это, очевидно, заставило С. А. Теплоухова противопоставить их «грубым копиям местного изготовления» после указания, что они «встречаются как под Пекином, в Монголии, так и далеко на севере Сибири», т. е. фактически признать вазы привозными сосудами в Хакасско-Минусинскую котловину⁴². Но огромное количество новых материалов позволило Л. А. Евтюховой отказаться от этого предположения и обосновать тезис об изготовлении ваз в районе Хакасско-Минусинской котловины, почему она назвала их «кыргызскими» вазами⁴³.

Сейчас, после выявления уйгурских ваз, ясно, что, несмотря на указанное выше сходство в формах и технике изготовления, ни одну уйгурскую вазу нельзя спутать с древнехакасской. Уйгурские вазы отличаются деталями орнамента (на них встречается только косая сетка из мелких ромбических углублений, или ромбы, вписанные друг в друга), на них всегда имеются вертикальные полосы от лощения, чего никогда не встречается на древнехакасских вазах. Кроме того, орнаментальные пояса на «уйгурских» вазах располагаются только горизонтальными кругами, не соединяясь между собой вертикальными, наклонными полосами или спиральными фигурами, как на хакасских вазах). Уйгурские вазы отличаются более плохим качеством глины⁴⁴.

Сходство форм и техники изготовления, помимо синхронности этих двух типов ваз, скорее всего свидетельствует об едином центре возникновения этого типа керамики, к которому восходят как хакасские, так и уйгурские вазы. Таким центром была северная Монголия, где протекали ранние этапы этногенеза тюркоязычных племен. В гуннскую эпоху там жили как предки уйгуров, так и ранние кыргызы (гяньгуни), которые в III—I вв. до н. э. были вытеснены в Хакасско-Минусинскую котловину⁴⁵. Именно в северной Монголии в то время бытовали сходные по форме и орнаменту центральноазиатские вазы (но тогда еще изготавливавшиеся от руки), которые, без сомнения, были прототипами описанных средневековых ваз и которые, уже во II—I вв. до н. э. были занесены в Хакасско-Минусинскую котловину⁴⁶.

Отметим, что уйгурские и хакасские лепные баночные сосуды также совпадают по форме, особенно те, которые имеют по четы-

ре выступающих налепа на венчике. Это можно объяснить взаимовлиянием соседей. Другие типы сосудов хакасов и уйгуров не имеют сходства.

В инвентаре обнаруженных в Туве памятников уйгурской культуры имеются некоторые архаичные черты, восходящие еще к гуннскому времени. Они прослеживаются как в керамике (вертикальное лощение поверхности⁴⁷, налепные рассеченные валики, загибающиеся в «усики», редкие волнистые линии, формы кувшинообразных сосудов⁴⁸ и пр.), так и в форме накладок на лук, которые повторяют очертания центральных накладок гуннского лука, имеющих длинные концы, и дополнительные лопаточкообразные узкие накладки (рис. 21, 24)⁴⁹. Эти накладки резко отличаются от накладок тюркских луков.

Весьма вероятно, что квадратный или прямоугольный план уйгурских крепостей также восходит к аналогичному построению укрепленных городищ гуннов⁵⁰.

Все это свидетельствует о глубоких центральноазиатских корнях уйгурской культуры, что вполне закономерно. Ведь аналогичные архаичные черты, восходящие к гунно-сарматской эпохе, встречаются и в материальной культуре родственников уйгуров, живших в Прибайкалье в VI—X вв., тюркоязычных курыкан.

Курыкане имели также городища, в том числе и расположенные группами (по два или по три) в одном месте. Их баночные сосуды украшены накладными валиками, резными линиями в виде фестонов и арок, а также скобчатыми оттисками⁵¹.

Предметы из уйгурских курганов Тувы подтверждают датировку этих могил VIII—IX вв., ибо, несмотря на сравнительную бедность инвентаря погребений рядового населения большинство вещей находит себе полные аналоги среди синхронных культур Азии.

Несмотря на то, что уйгурский лук, несомненно, восходит к гуннскому сложному луку, все же он имеет и определенные отличия позднего характера. Так, у одного лука центральные роговые накладки оказались с вырезом для вставления дополнительной костяной пластинки-лопаточки (рис. 21, 3, 4). Такие накладки с вырезами известны в памятниках VII—VIII вв. в Согде (Пенджикент)⁵² и IX—X вв. в Башкирии⁵³. Следует сказать, что открытие уйгурского лука, имевшего кроме боковых центральных роговых накладок еще третью, с лопаточкообразными расширениями на концах, хорошо объясняет, откуда появились формы накладок сложного лука более

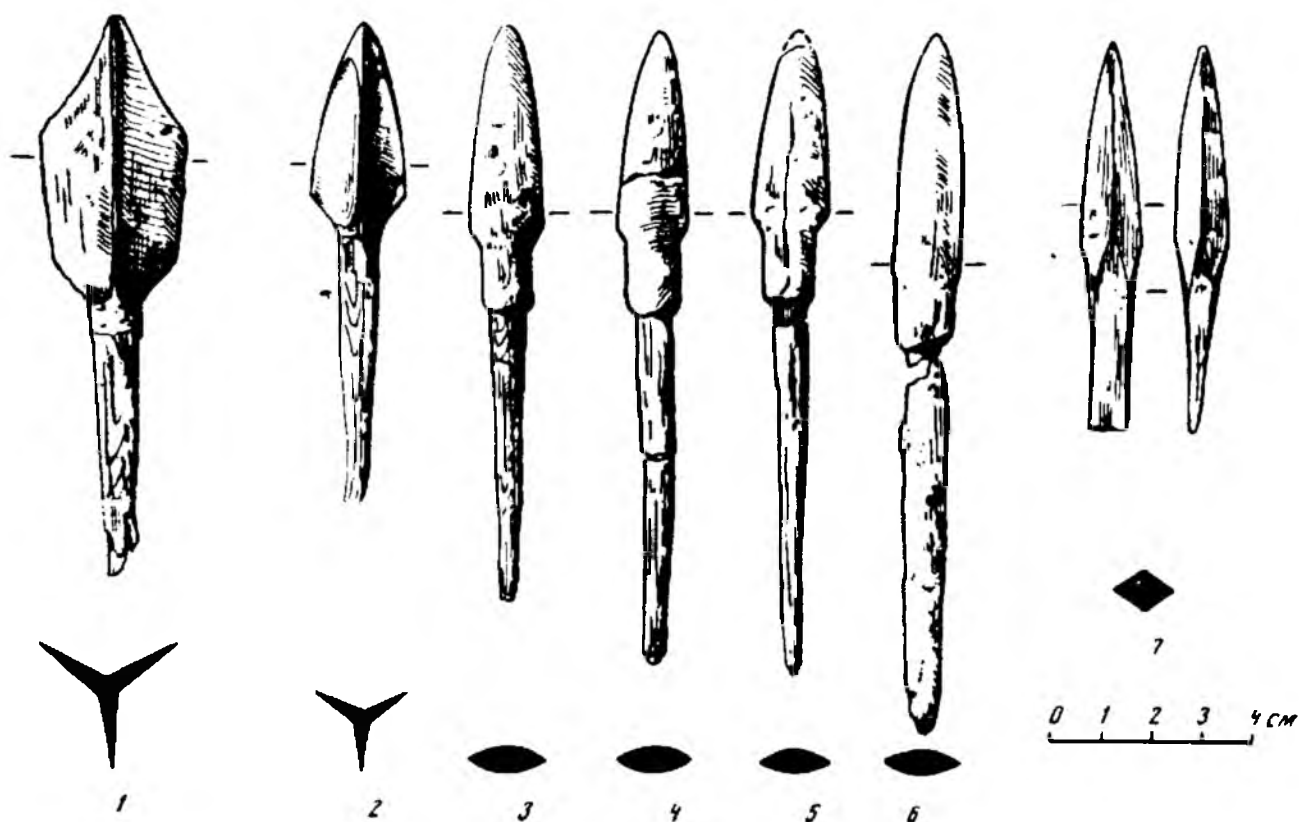

Рис. 25. Наконечники стрел из уйгурских курганов VIII—IX вв.; Чааты 1, 1958 г.:
1—6 — железные из кургана № 4; 7 — костяной из кургана № 1

позднего предмонгольского и монгольского времени (XII—XIV вв.)⁵⁴. Этот поздний тип лука, имевшего среди двух центральных накладок еще третью роговую накладку с двумя большими лопаточкообразными расширениями на концах, был известен от Центральной Азии и Южной Сибири до западных границ Руси. Он происходит от сложного лука уйгурского типа, восходящего к луку гуннов.

Среди наконечников стрел в могилах уйгуров найдены обычные для этого времени трехлопастные, а также появившиеся в начале IX в. трехлопастные, но с треугольным в сечении ударным острием (рис. 25, 1, 2), ставшие особенно распространенными в IX—X вв.⁵⁵

Следует отметить специфичные уйгурские наконечники стрел ланцетовидной формы, имеющие вытянутую уплощенную, овальную в сечении ударную головку (рис. 17, 3—6) с упором у черешка. Подобные наконечники относятся к VIII—IX вв. Они найдены в Монголии⁵⁶, в памятниках бохайцев Дальнего Востока⁵⁷, у курыкан в Прибайкалье⁵⁸ и в курганах кимаков на Среднем Иртыше⁵⁹. Близкие по форме стрелы известны также из

Средней Азии⁶⁰.

Весь остальной инвентарь уйгурских погребений (ножи, пряжки, бусы, пряслица и пр.) не противоречит их датировке VIII—IX вв.

Имеется ряд черт в материальной культуре, которые указывают на некоторое среднеазиатское влияние на уйгуров. Очевидно, это проявилось прежде всего в архитектуре и строительном деле. Можно отметить совпадения в планировке крепостей, в построении округлых оборонительных башен, в сооружении длинных стен и, наконец, в применении в качестве основных строительных материалов сырцовых кирпичей размером 44—42×23—21×10 см, характерных для архитектуры Семиречья, Чача и Согда VII—IX вв.⁶¹. В инвентаре могил это влияние проявляется в наличии нехарактерных для Центральной Азии и Южной Сибири выпуклодонных котлов⁶², в особенности сферических медных (рис. 21, 9) той же формы, что и общеизвестные среднеазиатские глиняные котлы с ручками, восходящие к таким же медным⁶³. Выше мы отмечали среднеазиатские аналогии некоторых предметов вооружения (накладки луков,

наконечники стрел), которые можно было бы продолжить.

Наличие среднеазиатского влияния, и, прежде всего, воздействия согдийской культуры, не может вызывать удивления. Еще в VI—VIII вв. в каганате восточных тюрков жили согдийцы. Количество их колоний в Центральной Азии значительно увеличилось при уйгурах. Об этом говорят следующие факты. Во-первых, в развалинах уйгурской столицы Орду-Балык (городище Хара-Балгас) был обнаружен памятник, поставленный в честь уйгурского кагана Бао-и (808—821 гг.) с надписями на трех языках: китайском, уйгурском (на орхонском алфавите) и согдийском⁶⁴. Памятник, следовательно, был рассчитан на то, чтобы его читали не только уйгуры, тюрки и китайцы, но и жившие здесь в достаточно большом количестве согдийцы. Во-вторых, в уже упоминавшемся памятнике Моюн-чуре говорится, что каган в 757 г. дал приказ «согдам и китайцам» «на берегу Селенги построить город Бай-Балык»⁶⁵.

Таким образом, в первое время каганы привлекали к строительству городов и крепостей непосредственно согдийских архитекторов и строителей, которые, естественно, применяли при этом свойственные им среднеазиатские приемы и строительные материалы. Весьма вероятно, что согдийцы принимали участие также в строительстве городов и крепостей в Туве, которое началось еще при кагане Моюн-чуре.

К работе такого рода, требовавшей больших усилий, привлекались не только согдийские колонисты, но иногда и обращенные в рабство согдийцы, взятые в плен во время походов уйгурских войск в Семиречье и в Фергану, о чем сообщают те же памятники.

К сожалению, из-за недостаточной археологической изученности Центральной Азии уйгурские могилы, да и вообще катакомбные погребальные сооружения на этой территории еще неизвестны. Однако открыты катакомбы суйского и танского времени в Лояне. Они, вероятно, восходят к подбойным и катакомбным могилам гунно-сарматской эпохи, которые известны (в том числе и на Алтае)⁶⁶. Можно предполагать, что в первой половине I тысячелетия катакомбные могилы (отличающиеся наличием дромосов) сооружались также и в нензученной пока Центральной Азии, так как они известны по соседству на Тянь-Шане, в Семиречье и в Восточном Казахстане⁶⁷.

В VIII—X вв. в подбоях и катакомбах погребали своих мертвых различные тюрко-

язычные племена, сохранившие обряд погребения человека с конем (человек в подбое или катакомбе, а лошадь во входной яме или дромосе), жившие в Хакасии⁶⁸, Восточном Казахстане⁶⁹, в Семиречье⁷⁰ и на Тянь-Шане⁷¹.

Катакомбы VIII—X вв. с захоронением останков людей без лошадей также известны в степной зоне Евразии от юго-востока европейской части страны до Тянь-Шаня⁷². На Тянь-Шане имеется даже некоторое число катакомбных погребений под земляными курганами, которые обнаруживают значительную близость к тувинским в устройстве могилы, обряде погребения и в инвентаре, среди которого, к сожалению (за исключением одного баночного сосуда), отсутствует посуда⁷³.

Я убежден, что при дальнейшем накоплении материалов среди тех катакомбных погребений Семиречья, которые теперь совокупно относят к первой половине I тысячелетия, будут выделены поздние катакомбные могилы, относящиеся ко второй половине I тысячелетия. Подтверждают это и еще более поздние погребения с подбоем на Тянь-Шане, которые явно относятся к XIII—XIV вв.⁷⁴

Кстати, напомним, что по данным письменных источников и археологии монголы XIII—XIV вв. также хоронили в могилах с подбоями⁷⁵. Ясно, что этот тип могил зародился в Центральной Азии в более раннее время.

Приведем еще этнографическую аналогию из похоронного обряда современных уйгуров Восточного Туркестана, часть которых, будучи буддистами, до сих пор продолжает хоронить в катакомбах. Они выкапывают входную яму глубиной 1—1,5 м и, затем, в одной из ее сторон, вырывают катакомбу, идущую к яме под прямым углом. После захоронения у могилы разводят небольшой костер, в который бросают хлеб и кропят вином для духа умершего⁷⁶. Все это очень напоминает уйгурские катакомбы и их жертвенники, исследованные нами в могильниках Чааты I и Чааты II в Туве⁷⁷.

В уйгурский период, несмотря на то, что вся власть была в руках уйгуров, преобладающим в численном отношении населением Тувы были местные племена. Археологически выявляются три основные группы населения. Это, прежде всего, оставшиеся в Туве после разгрома тюркского каганата алтайские тюрки, переселившиеся сюда еще в середине VI в., а также, вероятно, их соплеменники, бежавшие сюда после 745 г. из Монголии. Они и при уйгурах поддерживали тесные свя-

зи с тюрками Алтая и Монголии. К этим племенам относится следующая группа погребений.

Б. Погребения восточных тюрков в прямоугольных ямах по обряду трупоположения с конем под каменными курганами (табл. II, В)⁷⁸. Эта этнографическая группа и в VIII—IX вв. продолжала сохранять присущие ей черты погребального обряда. Подобно тюркским погребениям VIII—IX вв., исследованным на Алтае, в Монголии⁷⁹, в Казахстане⁸⁰ и в Киргизии⁸¹, тюрки Тувы погребали умершего человека головой на восток или (с отклонением) на юго-восток⁸² при обратной ориентации положенного в могилу коня. Погребения одиночные, лежащие вытянуто на спине (один раз был обнаружен скелет, скорченный на правом боку)⁸³, изредка прикрытые досками, а под ними войлоком. Лошади лежат на одном уровне со скелетом человека или же на уступе. В одном погребении вместо коня был положен головой на запад целый баран⁸⁴.

С лошадьми находятся остатки арочных седел со стремянами тех же двух типов, широко распространенных в Евразии в VI—X вв. (с пластинчатой петлей на шейке — табл. II, 62 и с восьмеркообразным завершением — табл. II, 61), с подпружными пряжками (из кости — табл. II, 60 и железа — табл. II, 64), а также костяные застежки от пут (табл. II, 67) и железные кольца (табл. II, 63). На головах их — узды с удилами, имеющими железные S-образные (чаще «с сапожками» — табл. II, 56) или прямые роговые с железными петлями псалии. Уздечные ремни обычно украшены бронзовыми (табл. II, 50), иногда золотыми фигурными бляшками (табл. II, 51—52) и костяными подвесками (табл. II, 66).

В головах скелетов в качестве пищи укладывалось мясо овец. Глиняной посуды нет. Один раз был обнаружен железный выпуклодонный котел (табл. II, 57), сходный с котлами уйгуров.

В головных погребениях вдоль правого бока клался сложный лук тюркского типа (1,4 м длиной в распушенном состоянии) с роговыми накладками (табл. II, 48) и берестяной колчан с деревянной основой. Колчаны имели крючья (табл. II, 49) и были украшены нарезным орнаментом или костяными накладками с узорами из нанесенных циркулем кружков. Наконечники стрел трехлопастные или трехгранные (табл. II, 38—41), имеют костяные свистульки на черешках. Найдены черешковый кинжал (табл. II, 59). Из быто-

вых предметов обычно встречаются ножи и топоры-тесла (табл. II, 55 и 58).

От одежды сохраняются обрывки тонкого войлока и кожи от халатов, остатки шелковых и шерстяных рубах и штанов. Часто в погребениях находят наборные пояса с бронзовыми пряжками, бляшками, наконечниками и обоймами (табл. II, 42—47). Есть четырехлепестковые бляшки из плющенного золота. Встречаются и железные поясные пряжки. Находят в могилах шелковые сумочки с войлочной подкладкой и спиральными шитыми узорами, которые носили на поясе. В мужских погребениях встречаются бронзовые и золотые серьги с напускными кольцами из шариков на подвеске (табл. II, 53), деревянные предметы, покрытые черным лаком, танские зеркала, деревянные гробни (табл. II, 54) и глиняные пуговицы. Антропологический тип погребенных смешанный, европеоидно-монголоидный.

Все предметы по материалу и форме обычны для тюркских погребений VIII—IX вв., исследованных на Алтае, в Монголии, Казахстане и Киргизии. То же можно сказать и об обряде, который в деталях отличается от обряда тюркских могил VI—VIII вв., хотя и определяется его дальнейшим развитием.

Как уже говорилось выше, во время подготовки восстания местных племен в 751 г. некоторые тюркские беги совершили предательство, сообщив уйгурам об этом. В результате восстание не удалось. Очевидно, этой ценой тюркская знать, поступив на службу к уйгурам, сохранила многие привилегии и продолжала эксплуатировать своих соплеменников. Некоторые могилы тюрков содержат значительные богатства, которые приобретались также и в результате участия тюркской аристократии в грабительских походах уйгурских войск.

Письменные источники сообщают о набегах тюрков-тугу, живших в период уйгурского каганата на территории Монголии, на китайских купцов, военные колонии и пограничные города (под 752—754, 756, 764 и 837 гг.)⁸⁵. «Они удерживали свое имя» и, как сообщает источник, «томились» под властью уйгуров⁸⁶.

Другие этнографические группы местного населения Тувы составляли тюркоязычные чики и родственные им племена, имена которых остаются пока неизвестными. Они отличались присущими им особенностями погребального обряда как от уйгуров, так и от тюрков. Вероятно, эти племена оставили весьма распространенные могилы с трупоположениями без лошадей, при раскопках которых

выявляются многие архаичные черты, присущие местному населению еще в шурмакское и уюкское время.

Относящиеся к VIII—IX вв. труположения без коня в ямах под округлыми каменными курганами (табл. II, B) разделяются по деталям обряда на две группы.

В. Погребения чиков и других местных племен в ямах. Эти иногда впускные погребения с труположением вытянуто на спине головой на север обычно покрыты настилом из бревен или жердей⁸⁷. Они являются погребениями местного населения, хранящего традиции погребального обряда группы Б периода VI—VIII вв.⁸⁸. Над настилами в засыпке ям встречаются остатки тризны: черепа овец и лошадей, а также их кости. Мужчине на настил клали пару стремян (табл. II, 85); в одном захоронении была найдена костяная подпружная пряжка с железным язычком (табл. II, 86). Из жертвенной пищи обнаружено только просо⁸⁹.

В могиле у мужчин вдоль правого бока лежат остатки сложных луков тюркского или уйгурского типов из дерева и сухожилий, оклеенных берестой и усиленных роговыми накладками (табл. II, 84). Берестяные колчаны обычного для VI—X вв. типа (табл. II, 88) на деревянной основе, укрепленные наклеенными костяными пластинами, иногда украшенные циркулярными кружками в резных треугольниках (табл. II, 87), обычно наполнены стрелами с трехлопастными наконечниками и костяными свистульками.

Обнаружены наборные пояса с бронзовыми пряжками, бляшками разных типов, обоями, концевыми наконечниками, дугообразными накладками и фигурными подвесками с сердцевидными прорезями (табл. II, 68—83). Последние (табл. II, 80) резко отличаются своей выработанной формой от предшествующих подвесок VII—VIII вв.⁹⁰ и встречаются только в поздних памятниках второй половины VIII—X вв. (табл. III, 32)⁹¹ на территории от Киргизии до Дальнего Востока. Некоторые пряжки и бляшки этих поясов гладкие, а другие украшены растительным орнаментом (табл. II, 68—69, 77).

В этих погребениях обнаружены остатки шелковых и шерстяных одежд, кожаной обуви, шелковых шнурков. Из украшений найдена мужская кольчатая серьга из бронзы и сердоликовая граненая бусина.

Г. Одиночные погребения в ямах, под каменными курганами. Судя по старым традициям в обряде, эти погребения принадлежали местному населению, но имели

новую ориентировку скелетов головой на запад⁹². Скелеты лежат вытянуто на спине (55% всех погребений) или же скорченно на правом (один раз — на левом) боку (45%). Скелеты перекрыты настилом из жердей, досок, плит, лежат чаще всего на земле, но иногда — на досках, а один раз — на лаковой подстилке. Одна женщина была захоронена в гробу из тонких досок⁹³. В засыпке ям встречаются древесные угли. В качестве пищи клали только мясо овец, но одной женщине была поставлена в могилу какая-то жидкая пища в баночном сосуде.

Конского снаряжения в погребениях обычно нет, только в одной могиле найдено стремя с восьмеркообразным завершением, да в богатом погребении мужчины справа в ногах было положено седло, от которого сохранились остатки дерева с заклепками, два разнотипных стремени (с восьмеркообразным завершением и с петлей на шейке — табл. II, 104, 106) и две костяные подпружные пряжки (табл. II, 105), а слева у голени в этой могиле была найдена узда с двусоставными удилами с двумя кольцами и третьим подвижным кольцом, с S-образными псалнями (табл. II, 103)⁹⁴. В других могилах были найдены железные кольца, кольца с подвижными щитками для ремней (табл. II, 95), а также бронзовые бубенчики (табл. II, 98).

Из оружия с мужчинами клали стрелы, иногда только их железные наконечники. Все они трехлопастные с костяными свистульками, но разнотипные (табл. II, 89—92). С двумя такими наконечниками была обнаружена центральная роговая накладка лука уйгурского типа с вырезом для лопаточкообразной вставки (табл. II, 97). В одном погребении справа от скелета лежала центральная накладка лука, а слева — берестяной колчан с четырьмя стрелами.

Обрывки черной шерстяной ткани типа «диагонали» и желтого шелка — все, что осталось от одежд. От поясных ремней сохранились железные пряжки (табл. II, 93—94). Немногочисленны орудия труда: нож, тесло, долото, железный крючок в роговой рукоятке, иглы из трубчатой кости и пряслица из стенок сосудов, в том числе одно, сделанное из фрагмента «кыргызской» вазы селочным орнаментом (табл. II, 96, 99, 102, 107—109). Из мужских украшений найдена только мужская золотая серьга. В женских могилах обнаружены были бронзовая серьга, деревянный гребень, заглаженный от длительного употребления, обломок дисковидного латунного зеркала (табл. II, 100). У одного из кур-

Рис 26. Каменное изваяние VIII—IX вв., стоящее на р. Хемчик близ Бижиктиг-Хая у пос. Кызыл-Мажалык

ганов с погребением этого типа стоял каменный столб с енисейской надписью и чикской тамгой, известный в науке как памятник Уюк-Аржан⁹⁵. Надпись — обычная эпитафия, из которой видно, что здесь похоронен человек по имени Яш Ак-баш. И действительно, под курганом было открыто погребение мужчины с довольно богатым инвентарем⁹⁶.

Ясно, что коренное население центральной части Тувы (в первую очередь чики) было тюркоязычным и в уйгурский период уже имело письменность на енисейском алфавите.

Судя по археологическим данным, местные племена были беднейшей частью населения Тувы того времени. Со многими погребенными

положены лишь один-два предмета, пряслице или ножик, а иногда только наконечники стрел. Но есть и сравнительно богатые могилы, вроде кургана № 54 с памятником Уюк-Аржан. Найденные предметы совпадают с находками из тюркских курганов периода тюркского каганата, но в то же время в инвентаре заметно сказывается и уйгурское влияние.

Мужские каменные изваяния. Следует упомянуть еще один вид археологических памятников VIII—X вв. — мужские каменные изваяния (табл. II, 65). При уйгурах в Туве появились изваяния, которые, очевидно, по своему происхождению связаны с предшествующими тюркскими. Это более реалистичные

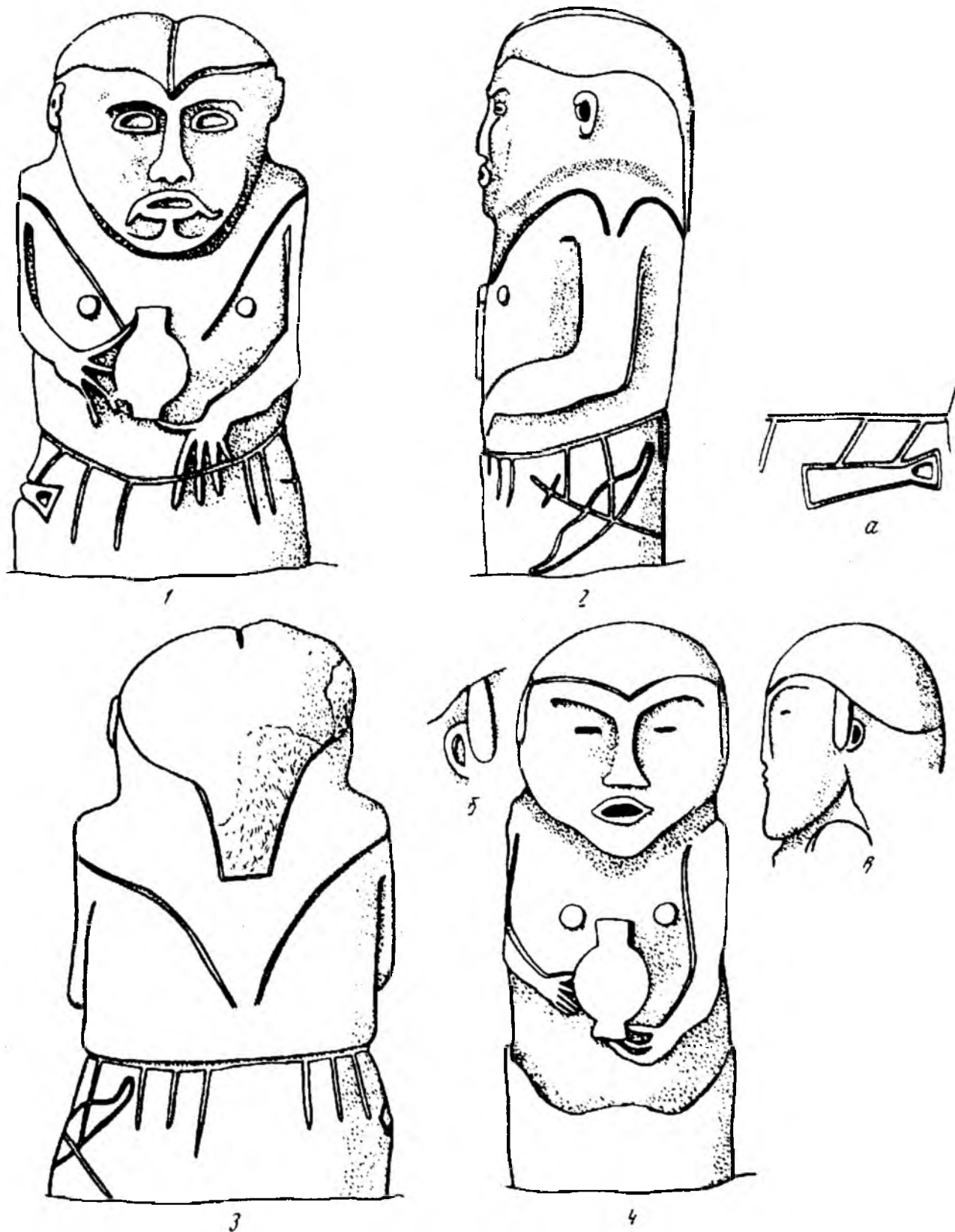

Рис. 27. Каменные изваяния VIII—IX вв., найденные на р. Хемчик в ур. «Эрги-Барлык»:
1, 2, 3 — рисунок первой фигуры человека с трех сторон; 4 — вторая фигура человека; а — положение колчана на поясе; б, в — боковые детали головного убора

и гораздо тщательнее изготовленные скульптуры мужчин — памятники особо отличившимся героям. Они устанавливались одиноко, без оградок и прочих дополнительных сооружений, но по-прежнему всегда лицом на восток. Целый ряд признаков отличает их от каменных фигур тюркского периода: наличие особых шапок или кос, рельефно изображенные сосуды (обычно это узкогорлые кувшины на поддонах), которые фигуры держат обеими руками; пояса, чаще всего, со многими привесками, среди которых обычны фигурные бляшки с сердцевидными отверстиями (типа табл. II, 80). Отсутствие, за редким исключением, изображений сабель, кинжалов и мешочков (только на одном изваянии изображены подвешенные к поясу меч слева и колчан справа — табл. II, 65). Эти изваяния VIII—X вв. высекались только из серого гранита (рис. 26—27) ⁹⁷.

Появление поздней группы каменных изваяний в Туве именно в период уйгурского владычества (750—840 гг.) подтверждается тем, что в Центральной Азии только селенгинские уйгуры ставили мужские каменные изваяния, на которых изображались шапки, поддерживаемые обеими руками сосуды и наборные пояса с многочисленными привесками ⁹⁸. Даже после ухода в 840—850 гг. в Восточный Туркестан уйгуры продолжали носить косы и наборные пояса с многочисленными привесками и сумочками ⁹⁹.

Поздние каменные скульптуры Тувы имеют специфические стилистические особенности и потому мы можем считать, что они сооружались здесь местными племенами, но, очевидно, не всеми, так как статуи найдены только в Овьре, в долине Хемчика и на Улуг-Хеме (до Шагонара на восток). Однако поздние каменные изваяния VIII—X вв. имеются и на соседних территориях, где в это время продолжали жить тюрки, потомки населения тюркских каганатов. Статуи VIII—X вв. есть на Алтае ¹⁰⁰, в Монголии ¹⁰¹, в Казахстане ¹⁰², в Восточном Туркестане ¹⁰³, они известны и в Семиречье ¹⁰⁴. От них же, несомненно, происходят сохранившие многие отмеченные выше признаки каменные скульптуры восточных кипчаков и половцев XI—XIII вв. ¹⁰⁵.

УЙГУРСКИЙ КАГНАТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ ТУВЫ

Население Тувы в VIII—IX вв. В период уйгурского господства в Центральной Азии к северу от Тувы за Саянским хребтом жили древние хакасы, на южном Алтае — остатки

восточнотюркских (телесы и др.) и западнотюркских (тюркеш и азы) племен, а также племен группы телэ (теленгуты и телеуты) ¹⁰⁶. По данным памятника Моюн-чура в 750—755 гг. между верховьями Иртыша и оз. Балхаш главенствовали уже карлуки («три карлука», так как карлуки делились на три племени), которые сменили здесь тюркешей, ушедших в основной своей массе в Семиречье. Какая-то часть тюркешей продолжала оставаться на своих старых землях и упоминается в памятнике Моюн-чура вместе с карлуками ¹⁰⁷.

Как известно, после неоднократного разрома уйгурами карлуки в основной своей массе ушли в Семиречье, где основали свое государство в 766 г. ¹⁰⁸. Но и после этого оставшиеся аулы тюркешей и карлуков продолжали кочевать между Алтаем и оз. Балхаш.

По данным источников, в Туве в VIII—IX вв. продолжали проживать различные тюркоязычные племена: чики (родственные карлукам, у которых было племя чигилей), восточные тюрки-тугю (позднее тюлюши), возможно, группа телэ (позднее телек) и другие местные племена, прежде всего охотники дубо, жившие в восточной горно-таежной части Тувы. К ним прибавились и тюркоязычные уйгуры, господствующая этническая группа того времени.

Уйгуры в то время делились на два основных подразделения: он-уйгуры и токуз-уйгуры (токуз-огузы или тогуз-гузы) ¹⁰⁹.

При этом ядро уйгур составляли он-уйгуры, которые у соседей назывались просто «он» (десять) или во множественном числе «онлар» ¹¹⁰. Очевидно, именно он-уйгуры поселились и остались затем в Туве, ибо среди современных тувинцев имеются родовые группы, называющиеся ондар (переоформление аффикса множественного числа -лар на тувинский аффикс-дар) или ондар-уйгур — этнонимы, безусловно, происходящие от он-уйгуров VIII—IX вв. ¹¹¹.

В этой связи особого внимания заслуживает совпадение данных археологии с тувинским фольклорным материалом. Как говорилось выше, уйгурские городища и могильники расположены в долине реки Хемчик и на Улуг-Хеме (в междуречьи Чаа-Холь и Элегест). А по тувинскому преданию, записанному в 1889 г. П. Ф. Катановым, «уйгуры жили прежде по р. Бом-кемчику и Улу-кему». Кроме того, зафиксированный П. Ф. Катановым современный тувинский род «ондар-уйгур» продолжает и сейчас жить в долине Хемчика ¹¹².

Также уйгурского происхождения, очевидно, родовая группа современных тувинцев, называемая сарыг или сарыглар¹¹³. Племя сары-уйгуров известно по различным средневековым источникам. Кроме того, этнографически выявлены родовые группы кара-уйгуров и сарыг-уйгуров, живущих на границах Тибета¹¹⁴, а также сарыг-уйгуров (желтых уйгуров) в Восточном Туркестане и провинции Ганьсу¹¹⁵.

Может быть, уйгурскими по происхождению являются также тувинские роды куль и пайгара, которые сопоставляются с родами современных уйгуров-кулин и пай¹¹⁶.

Уйгуры, таким образом, оставили значительный след в этногенезе современного тувинского народа, что подтверждается наличием определенных связей тувинского языка с уйгуро-огузским диалектом X—XIII вв.¹¹⁷, а также включением его при общей лингвистической классификации в уйгуро-огузскую группу тюркских языков¹¹⁸.

Нельзя не отметить, что, по данным целого ряда авторов, название «уйгуры» сохранилось не только у тувинских родов ондаров и уйгуров. Иногда этим этнонимом называют тувинцев в целом. Так, Д. А. Клеменц, побывав в восточной Туве, указывал, что «здесь до сих пор живут урянхи, называющие себя то Туба, то Уйгур-олос, а язык свой уйгурер-хель»¹¹⁹. Г. Н. Потанин сообщал, что омонголенные ныне косогольские тюрки-дархаты зовут язык урянхайцев уйгурским: «уйгур кельтей улус», то есть народ уйгурского языка¹²⁰. Есть сведения, что дархаты не только тувинцев, но и себя называли уйгурами, что среди дархатов Монголии сохранилась группа с самоназванием уйгур¹²¹. «Хонр», т. е. уйгур, называют тувинцев буряты¹²², а казахи, живущие в Монголии, называют их уйгурами или ойгурами¹²³.

В целом, как видим, в этот период времени в Туве проживали разные тюркоязычные этнические группы. Но, как говорилось выше, весьма вероятно, что в середине VIII в. сюда вместе с уйгурами проникло сравнительно небольшое количество ираноязычных согдийцев, главным образом из числа архитекторов и строителей, соорудивших крепости, замки и длинные стены.

Уйгурский каганат. В период уйгурского каганата в Туве продолжался процесс феодализации. Верховным сюзереном был уйгурский каган, передоверявший власть над Тувой своему наместнику — тутуку, находившемуся во главе военно-административной знати. После захвата новых земель в Туве их владельцем

стал каган уйгуров, так как «отношение к земле, как собственности, всегда опосредствовано захватом (мирным или насильственным) земель племенем, общиной, имеющей более или менее естественно сложившуюся или уже исторически развитую форму»¹²⁴.

Естественно, что каган раздавал лучшие земли своим феодалам: ышбарам, тарханам и бегам.

Зажатая горными хребтами, сплошь покрытыми лесом, Тувинская котловина привлекала уйгуров как страна богатая издревле разрабатываемыми запасами железа, меди, золота и других металлов, которых не было в сухих степях Центральной Азии. Охотничьи племена тайги могли поставлять в виде дани ценную пушнину, за которую дорого платили на рынках запада и востока.

Кроме того, по берегам Улуг-Хема и его больших притоков степные участки, покрытые тучными и среднетучными черноземами и плодородными каштановыми почвами¹²⁵, издавна использовались местными земледельцами и скотоводами.

По расположению описанных выше городов и крепостей видно, что уйгурские феодалы захватили наиболее плодородные и лучше всего орошаемые земли по долинам Хемчика, Чадана, Ак-Суга и Улуг-Хема (например, районы Чаа-Холя и Шагонара). Тоже, очевидно, было и с наиболее пригодными пастбищами и выпасами в поймах рек.

Создание сильноукрепленного и надежного оборонительного рубежа на северной границе каганата, который немислимо было построить в бескрайних степях к югу от Танну-Олы, наложило известный отпечаток на характер феодального землевладения в этой стране. Но, хотя Тува играла роль военно-оборонительного плацдарма, ее экономическое значение в составе каганата не ограничивалось только поставкой рудного сырья и пушнины. Уйгурские гарнизоны, составлявшие пограничные войска, нуждались в продовольствии. Кроме того, в хлебе нуждались уйгурские феодалы и их армии, действовавшие на южных границах каганата.

Недаром в известном «хара-балгасском» памятнике, стоявшем в уйгурской столице Орду-Балык на Орхоне и прославлявшем победу кагана над древними хакасами, указывается, что захваченные «хлеб и оружие были навалены горами»¹²⁶. Производство хлеба возлагалось и на покоренные племена Тувы, которые закабалялись уйгурскими феодалами. В этом случае закрепощение происходило так, как указывал К. Маркс: «Если

вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостная зависимость»¹²⁷.

Понятно, что уйгурские городища и крепости, как и вся оборонительная линия, были предназначены для прикрытия наиболее плодородных земель центральной и западной Тувы, где находились основные пахотные земли, от вторжения северных врагов — древних хакасов.

Очевидно, городища и крепости были ставками-усадьбами наиболее знатных уйгурских феодалов, которые возглавляли военные гарнизоны и вместе с тем были хозяевами окружающих земель, обрабатывавшихся преимущественно местными закрепощенными крестьянами, но при участии рядовых военных поселенцев — уйгуров. Последние в эту бурную эпоху были вынуждены часто отрываться от плуга и браться за оружие.

В этих центральных усадьбах, помимо жилых и производственных зданий, находились складские помещения для переработки и хранения различных продуктов и в том числе товарного зерна, предназначенного для отправки в метрополию.

Значительную силу в этом обществе, имели и местные феодалы — беги (особенно тюркские), служившие каганату и также получавшие земельные пожалования. Очевидно, что беги в тот период также имели военные дружины, состоявшие из знатных воинов-соплеменников. Эти дружины не только сопровождали бегу в военных походах, организуемых каганом, но способствовали эксплуатации зависящего от бега населения и рабов-военнопленных.

Усилению феодальной эксплуатации всегда большое содействие оказывала религия с ее одурманивающим идеологическим воздействием на сознание людей. Центральнотатарские уйгуры в большинстве своем в середине VIII в. были буддистами. Но буддизм у них все же не получил полного распространения и не смог вытеснить шаманизм.

С 763 г. государственной религией уйгуров становится манихейство, заимствованное ими из Средней Азии через согдийцев¹²⁸. Феодальная верхушка каганата придавала большое значение внедрению этой новой формы идеологического воздействия на массы и ревностно с помощью согдийских миссионеров насаждала манихейство.

В «хара-балгасском» памятнике говорится о том, что манихейские проповедники были

приглашены каганом (который «прежде был невежествен и называл Буддой демонов», т. е. был буддистом), и это учение сначала приняла знать, а потом и рядовое население. «Люди высшие действуют, низшие подражают»¹²⁹ — вот какой формулой утверждается введение новой религии, соответствующей прогрессу феодализма. Манихейство считалось верховной верой, и манихей обычно изображали свое верховное божество гордо восседающим на троне, в то время как Будда омывает ему ноги.

В 764 г. уйгурские войска при нападении на Китай разграбили восточную его столицу г. Лоян и при этом сожгли два буддийских монастыря. В 806 г. уйгуры привезли манихейских проповедников в столицу Китая для распространения там этой религии¹³⁰.

Таким образом, борясь с буддизмом и насаждая манихейство даже на территории Китая, уйгуры, естественно, еще более ревностно действовали на землях, подвластных каганату. Такая политика привела к насаждению манихейского учения среди населения Тувы, и в первую очередь его приняла местная знать. В этом нас убеждает надпись уже упоминавшегося памятника Уюк-Аржан. В начале надписи говорится:

«Мои товарищи, наши наставники, шад мой...

Мой народ, я расстроился и отделился от всех Вас (т. е. умер)».

Здесь «наши наставники» передано словом «марымыз», происходящим от слова «мар», что по-сирийски буквально значит «учитель»¹³¹. Так обычно согдийцы-манихей называли своих вероучителей (проповедников, миссионеров, наставников в вопросах манихейской религии).

Таким образом, манихейские проповедники не только вели свою деятельность в Туве, но и пользовались известным успехом, обращая в свою веру, в первую очередь, местную знать. Насколько сильно проникло манихейство во все слои местного населения, нам неизвестно, но мы знаем, что шаманизм и буддизм не были вытеснены окончательно даже среди самих уйгуров.

Во всяком случае, описанные выше типы погребальных сооружений уйгуров и местного населения свидетельствуют о сохранении этнических особенностей в погребальном обряде каждой группы населения, а не об единой nivelировке погребального обряда по канонам манихейства. Может быть, влиянием манихейства объясняется преобладание новой, западной ориентировки, которая появилась в

погребениях местного населения (чиков и др.) в уйгурский период. Например, скелет Яш Ак-баша, которому посвящена эпитафия Уюк-Аржан, похоронен в яме вытянуто на спине, головой на запад, но при этом здесь же находился погребальный инвентарь, как это было и прежде, до введения манихейства. Впрочем «чисто» манихейские погребения еще не известны, и потому трудно судить об истинно манихейском погребальном обряде.

Важнейшими отраслями хозяйственной деятельности населения Тувы в уйгурский период были по-прежнему экстенсивное кочевое скотоводство и земледелие. Основные средства производства — земля (пашни и пастбища) и скот — находились в собственности уже на основе феодального права. К сожалению, конкретные формы феодальных взаимоотношений того времени реконструировать нельзя из-за отсутствия прямых указаний источников.

Земледелие было плужным с применением тягловой силы животных (прежде всего, волов) и искусственного орошения засушливых степных участков, прилегающих к речным долинам. Это подтверждается не только письменными источниками, но и находками при раскопках на городищах остатков сложного танского плуга с чечевицеобразным отвалом (табл. II, 12), каменных жерновов ручных мельниц и многочисленных зернотерок (табл. II, 11, 37 и рис. 13), а также отпечатков зерен и соломы культурных злаков в сырцовых кирпичках. Остатки проса найдены в могилах местного населения, которое имело давние навыки земледелия. Больше всего земледелием занимались, естественно, оседлые жители городов и поселений.

Однако не следует преувеличивать удельный вес земледелия при общей оценке отраслей хозяйственной деятельности. Большинство населения занималось скотоводством. Ведь и сами уйгуры преимущественно были скотоводами. В их могилы обязательно клали мясо овец, коз и быков. Безусловно, многие из них и в Туве кочевали со скотом и жили в войлочных юртах, имевших так называемую колоколовидную форму (с трубообразным верхом)¹³².

По находкам на городищах и в могильниках уйгуров можно сделать вывод, что среди них были уже специализированные металлурги и литейщики, гончары, изготавливавшие на гончарном кругу великолепные вазы, кузнецы, оружейные мастера и ювелиры. Специализированные группы из местного населения занимались горным делом. Добывались различные руды и, в первую очередь, железная,

медная, а также оловянный камень, золото и серебро. Каменотесы и скульпторы изготавливали каменные памятники (в том числе и скульптуры людей из гранита), жернова, зернотерки, бруски и т. п. Имелись резчики по кости, художники, строители, архитекторы, ткачи.

Наряду с этим большую роль продолжало играть и домашнее производство, которое в значительной степени обслуживало нужды хозяйства рядовых скотоводов (выделка войлока, кож, овчин, одежды, обуви, продуктов питания и т. п.). Следует отметить, что горно-таежные оленеводы и охотники являлись основными поставщиками ценного меха пушных зверей (прежде всего соболя, белки и бобра), который шел в уплату дани уйгурам.

Важное значение в каганате имела торговля с Китаем и Средней Азией, причем в Уйгурии находились в обращении танские монеты¹³³.

Уйгуры были основными поставщиками в Китай лошадей и продуктов скотоводства, а также собольего меха и даже изготавливавшейся у них белой тонкой шерстяной ткани¹³⁴. Обратное в степи шли, главным образом, предметы роскоши и, прежде всего, шелка.

Интересные данные об этой торговле уйгуров приводят письменные источники. В 758 г. уйгуры «сделались очень наглы. Каждую представленную лошадь ставили в сорок кусков шелковых тканей. В один год требовали в уплату несколько десятков тысяч... Приводили лошадей слабых, негодных к употреблению... и привели наконец 10 000 лошадей». Император купил только 6000 лошадей за 240 000 кусков шелка, т. е. по очень дорогой цене¹³⁵.

В 763—779 гг., когда каган уйгуров вступил в брак с китайской принцессой, уйгуры ежегодно посылали сто тысяч лошадей, за которых император платил более миллиона кусков шелка, т. е. по десять кусков за лошадь¹³⁶. В одном сатирическом стихотворении танский поэт Бо Цзюй-и с большим юмором описывает меновую торговлю с уйгурами, при которой хитрые уйгуры получали за лошадь 50 кусков шелка, а не менее хитрые китайцы сбывали им шелк все более худшего качества, причем куски его становились все более узкими. Дело кончилось там, что уйгуры через свою хатун (бывшую принцессу) опротестовали такой торг и китайцы принуждены были покупать лошадей за золото и серебро¹³⁷.

Среди уйгуров были купцы, которые приезжали в Китай «и здесь наживали большое состояние». Они занимались даже тайно скуп-

кой девочек-рабынь, за что один раз у них было отобрано: «несколько тысяч верблюдов и лошадей и 100 000 кусков шелковых тканей»¹³⁸.

Но шелка и другие предметы роскоши уйгуры приобретали и путем грабительских набегов на Китай, а также в виде откупа, дани и подарков, которые вынуждены были подносить им императоры оказавшиеся в стесненных обстоятельствах¹³⁹. В 764 г. уйгурские войска так разграбили два китайских округа, что «в селениях ни одной целой хижины не осталось; жители вместо одеяния прикрывались листами писчей бумаги»¹⁴⁰.

Таким образом, китайские товары, в особенности шелковые ткани, не были особым дефицитом, и они расходились по всей территории каганата, попадая и в Туву. Не удивительно, что в погребениях VIII—IX вв. в Туве часто встречаются остатки одежды из шелка. Торговля со Средней Азией, откуда также поступали шелковые ткани¹⁴¹, велась преимущественно через купцов-согдийцев, живших в уйгурском каганате.

Исследованные в Туве археологические памятники уйгуров, конечно, не дают того разнообразия материалов, которое будет получено при раскопках руин уйгурской многоквартальной столицы Орду-Балык и других городищ на территории Монголии. Ведь Тува была всего лишь окраинной пограничной областью. Однако основные черты уйгурской культуры VIII—IX вв. отчетливо выявлены были впервые здесь.

Памятники говорят о самобытности уйгурской цивилизации. Хотя материальная культура уйгуров имеет глубокие центральноазиатские корни, но именно уйгуры начали серьезно насаждать в центральноазиатских степях оседлую цивилизацию со строительством обширных многоквартальных городов и крепостей. К сожалению, после разгрома уйгуров в Туве, их города и крепости оказались в большинстве своем заброшенными. Городская жизнь и градостроительная культура не привились местному населению и даже оставшиеся на месте уйгуры прекратили строительство оседлых поселений. Но некоторые большие уйгурские города сохранились в восточной части Центральной Азии¹⁴².

Уйгуры в период VIII—IX вв. имели ту же письменность, что и тюрки-тугю в VII—VIII вв., т. е. письменность, основанную на так называемом орхонском алфавите. Из памятника уйгурского кагана — завоевателя Моюн-чура нам известно, что во время его пребывания в Туве летом 750 г. там были вырезаны на

камне приказы этого кагана: «Мои знаки (тамги) и мои письма я там приказал сочинить (и врезать в камень)»¹⁴³. К сожалению, собственно уйгурские надписи в Туве не сохранились для науки. До нас дошли две стелы с эпитафиями, относящиеся к уйгурскому периоду в истории Тувы, но принадлежавшие местному тюркоязычному населению: памятник Уюк-Аржан № 2 и стела № 51¹⁴⁴. Так как обе эти надписи написаны не на орхонском, а на енисейском алфавите, то следует заключить, что местные тюркоязычные племена (в первую очередь чики) позаимствовали письменность не у тюрков-тугю или уйгуров, а у древних хакасов вместе с обычаем ставить стелы с эпитафиями.

Только памятник Уюк-Аржан (№ 2) и стела № 51 имеют взаимосвязанные совпадающие личные тамги¹⁴⁵, которые, как мы выяснили выше, являются тамгами чиков¹⁴⁶.

Писали в те времена преимущественно на бересте, дереве и коже. Изредка в каганат попадала и китайская бумага. Все эти материалы недолговечны. Однако дерево, кожа, и, особенно береста при благоприятных обстоятельствах сохраняются очень долго и поэтому письма на этих материалах еще могут быть найдены при археологических раскопках.

Естественно, что письменность тогда могла быть достоянием лишь богатых и знатных. Большинство населения Тувы продолжало оставаться неграмотным.

Период пребывания племен Тувы в составе уйгурского каганата способствовал укреплению ранее установившихся культурных связей этой области со многими странами от Китая на востоке до Средней Азии на западе. Связи со Средней Азией, в особенности через согдийцев, живших в Согде, Семиречье, Восточном Туркестане и Уйгурском каганате, окрепли не только в результате походов уйгуров в Семиречье и Фергану¹⁴⁷, но и путем торговли, а также в связи с распространением в Туве одной из среднеазиатских религий — манихейства.

Девяностолетнее господство уйгуров в бассейне Верхнего Енисея, несмотря на политический гнет уйгурских феодалов, характеризовалось распространением здесь своеобразной и более высокой культуры древних уйгуров, развивавшейся в контакте с культурой земледельческих государств Средней Азии и Китая. Об ее уровне говорит наличие письменности и городской жизни. Даже в условиях феодального гнета это обстоятельство оказало довольно значительное воздействие на материальную и духовную культуру племен Саяно-Алтай-

ского нагорья, оставило значительный след в их этногенезе, отразилось на особенностях развития их языков, а также на топонимике Тувы и Северо-западной Монголии.

Падение уйгурского каганата привело к раздробленности уйгуров, часть которых осталась на своих исконных землях. Небольшая часть их перекочевала на юг в район Ганьсу, а большинство разбитых уйгуров переселилось в Восточный Туркестан, где в районе Турфана, называвшегося ранее Хочо, они создали новое небольшое государство, просуществовавшее 400 лет (850—1250 гг.)¹⁴⁸.

Уйгуры, оставшиеся на родине в Центральной Азии, продолжали играть заметную роль в культурной жизни переселившихся сюда монголоязычных племен. Они долго жили здесь обособленными этническими группами, не поддаваясь ассимиляции и сохраняя свое

имя вплоть до XIV в. Создав новую письменность на основе согдийского алфавита, северные уйгуры затем передали ее монголам. Так появилась древнемонгольская письменность.

Источники сообщают о разнообразной деятельности местных уйгурских писарей, чиновников, монахов и купцов внутри найманского племенного объединения, среди киданьских и монгольских племен в XI—XIV вв. Известно, что в восточной части Центральной Азии в XI—XII вв. продолжали существовать крупные города, построенные и населенные уйгурами.

Выяснилось также, что в XIII в. сохранявшие свое имя уйгуры продолжали жить обособленно на Улуг-Хеме в Туве. Они по-прежнему предпочитали быть ремесленниками и расселялись преимущественно в древнемонгольских городах.

ТУВА В ДРЕВНЕХАКАССКОМ ГОСУДАРСТВЕ (IX—XII вв.)

Древнехакасское государство в VI—IX веках занимало территорию Хакасско-Минусинской котловины и племена Тувы, присоединенные в это время сначала к тюркскому, а затем — к уйгурскому каганатам, являлись соседями древних хакасов.

Земли Тувы вошли в состав древнехакасского государства лишь после изгнания уйгурской правящей верхушки в 840 г. В нашей книге впервые исследуется новый важный этап в развитии древнехакасского государства, охватывающий период от середины IX до начала XIII века.

ДРЕВНИЕ ХАКАСЫ И ИХ ПРАВЯЩИЙ РОД КЫРГЫЗ

Термины «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI—XII вв. Государство у древних хакасов, живших в Хакасско-Минусинской котловине, возникло в VI в. Хакасы не представляли собой в этот период единого целого в этническом отношении. Они состояли из ряда родов и племен, входивших в одно государство, но различающихся между собой и по происхождению, и по языку. Основное ядро составляла часть отороченных к тому времени местных племен и древняя немногочисленная тюркоязычная группа гянгуней-кыргызов, переселившаяся на земли к северу от Саян в период с конца III — до середины I в. до н. э. из Северо-западной Монголии. Левобережье Хакасско-Минусинской котловины и северный Алтай населяли с древности угорские этнические группы, а правобережье котловины и Восточные Саяны — самодийские племена¹.

В VI в. впервые в исторических источниках для обозначения населения Хакасско-Минусинской котловины появляются термины «хакас» и «кыргыз». Термин «хакас» встречается у очень осведомленных китайских авторов, и

возникает он после того, как, по свидетельству Синь Таншу и Таншухечао, гянгуньские «племена» смешались с динлинями² или, как уточняет Дацзи и-тун-чжи, «их племя смешалось с динлинями»³. В различных китайских сочинениях от эпохи Тан до энциклопедий XVIII в., в зависимости от старого или современного чтения слагающих его иероглифов, этот термин звучит то как: хагас, хягас⁴, то как хагас, сяцзясы, сягэсы, хэгэсы⁵, или же цецзясы, сяцзясы, хэхэ⁶, хякя (сягэ), сяцзясы⁷ и т. п. При этом «сяцзясы» есть обычная транскрипция слова «хакас», «сягэсы» равняется «хагас», «хэхэ» — «хаха(с)» и т. д.

Важно установить первоначальное чтение китайских иероглифов, передающих чужеземное название. По П. В. Кюнеру, предпочтительнее «старинное чтение» хакас вместо современного сяцзясы⁸, ибо «ся» — обычная транскрипция «ха», «цзя» — «ка» и «сы» — «с», то есть сяцзясы есть современная транскрипция термина хакас. Правильность такого чтения обосновал фонетически с помощью южно-китайских диалектов еще В. Шотт⁹. Впрочем за 40 лет до В. Шотта произношение «хакас» отставал уже Ю. Клапрот, критикуя неправильное чтение составляющих этот термин иероглифов, которое давали крупные синологи XVIII — начала XIX в.¹⁰.

Термин «хакас», правильно употреблявшийся в китайской историографии, являлся местным самоназванием, так как в китайской транскрипции его иероглифы употреблены исключительно в фонетической роли и поэтому варьируются, утрачивая присущий им собственный смысл. Так китайцы транскрибируют лишь чужеземные слова.

Западноевропейские, арабо- и персоязычные авторы, а также памятники орхонских тюрков и селенгинских уйгуров употребляли термин «кыргыз», первое упоминание которого относится к VI в. в сообщениях визан-

тийского историка Менандра¹¹. Кроме того, о кыргызах в событиях VI в. повествуют некоторые памятники орхонских тюрок¹².

Каково же взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз»?

Дело в том, что китайцы тоже знали термин «кыргыз», который они еще в ханскую эпоху и позднее транскрибировали как гяньгунь (цзяньгунь), а затем передавали гораздо точнее в форме цинлицзисы (киргис), цинлицзисы (гиргис), хэлицизисы (хэргис), циргайсы (киргайс) и т. п.¹³ Кыргыз (цзяньгунь) китайские историографы употребляли в танскую эпоху совместно с термином «хакас» в одних и тех же источниках VIII в. («Ю-ян цзацзю» и др.), в китайском тексте Харабалгасупского уйгурского памятника IX в.¹⁴ и, наконец, в Тайпинхуаньюцзи (X в.), Синь Таншу (XI в.), а позднее в Таншухэчао¹⁵ (XVIII в.) и др.

Из указаний последних источников [«Хакас есть древнее государство Гяньгунь» (или Цзяньгунь) и после того, как гяньгуньское «племя» смешалось с динлинцами, «северные варвары в своем языке ошибочно (с точки зрения китайского историографа. — Л. К.) сделали хакас», видно, что государство хакасов в эпоху Тан находилось на том же месте, где в эпоху Хань размещалось «древнее государство Гяньгунь», что «хакас» местный термин, очевидно, не тождественный «гяньгунь» (кыргыз), ибо в этом государстве жило разноплеменное население: гяньгуни уже после их смешения с местными племенами динлинов.

Совершенно очевидно, что записанное китайцами в VI—VII вв. чужеземное слово «хакас», вопреки мнению ряда исследователей, нельзя считать транскрипцией тюркского слова «кыргыз», эквивалентом которого является китайское «гяньгунь».

Термин «хакас» в китайских хрониках по значению гораздо шире, чем кыргыз, и точнее, ибо это имя охватывало все разноязычные племена (в том числе и кыргызов), входившие в древнехакасское государство¹⁶. Термин «кыргыз» не был и не мог быть самоназванием всех племен, входивших в состав древнехакасского государства. Тюркоязычные кыргызы, будучи ядром, объединявшим и возглавлявшим разноязычные племена и роды (угорские, самодийские и тюркоязычные), входившие в одно государственное целое, продолжали оставаться малочисленными и в VI—XII вв. Свидетельством тому являются все известные сведения об их численности. Недаром в памятнике древнетюркского полководца

Кюль-Тегина (VIII в.) сказано при описании войны орхонских тюрок с кыргызами: «...мы завели порядок в немногочисленном народе кыргызов»¹⁷. А в Синь Таншу прямо говорится, что «гяньгунь (кыргызы. — Л. К.) есть небольшой род»¹⁸, хотя там же указано, что народонаселение государства хакасов в целом «простиралось до нескольких сот тысяч (человек)». О прибытии в страну «колена (т. е. рода. — Л. К.) по имени хиргиз» или «к поколению Кирцзису», или даже прямо «к роду килигисы» — говорят и другие источники X—XIII вв.¹⁹

Из этого следует, что кыргызы были не особым народом, а немногочисленной, но руководящей родовой группой среди древних хакасов. Из их состава выходили беги, возглавлявшие каждое из древнехакасских племен. Старейшинами, ханами, а затем каганами в этом государстве становились люди из рода кыргызы. Кыргызы составляли феодальную княжескую верхушку в государстве древних хакасов так же, как и позднее в XVII²⁰, а затем и в XIX в. среди современных хакасов и тувинцев²¹.

Именно в силу главенствующей роли кыргызов в государстве, население которого составляли разноязычные родоплеменные группы, орхонские тюрки-тутю, уйгуры, а также западные источники, называли ошибочно все эти племена кыргызами. Потому же государство древних хакасов некоторые современные историки именуют государством кыргызов, упуская, к сожалению, из виду, что подавляющее большинство населения составляли не кыргызы²². Без учета последнего обстоятельства невозможно, однако, изучать конкретную историю древнехакасского государства.

Прямым доказательством того, что китайские источники VI—XII вв. под термином «хакас» понимали разноязычное население этого государства, а не только тюркоязычных кыргызов (которых они обособляли, как гяньгунь), являются языковые данные. В Синь Таншу, Тайпинхуаньюцзи и других источниках VI—XII вв. приведено сравнительно много древнехакасских слов. Анализ этих слов выясняет, что наряду с явно тюркскими в древнехакасском словаре имеются самодийские, которые частично были выявлены еще сто лет назад В. Шоттом²³.

Так, среди упоминаемых древнехакасских слов имеются явно тюркские, по-китайски транскрибированные слова: «гань» (хам) — шаман, «бей» — бег, «кэхань» — каган, «ай» — месяц, «сымо» (сын) — марал, «меу-сзе»

«мус» — лед, «со» (сол) — левый, «маоши» (наачыл) — новый год и т. п. Но в то же время рядом с ними фигурируют и самодийские слова: «кяса» или «цзяша» (кысе)²⁴ — железо (а не тюркское «темир», «мидичжита» (меадн-миди) — место палатки. «Абу» р. Абакан (с явным самодийским топонимом «бу» — вода), «гуду» — ископаемые бивни мамонта и др.

Даже титул государя (кагана) хакасов Ажо (ажэ) не является транскрипцией тюркского «каган» или «хан», а лишь самодийским «ассе» — отец, в значении «отец страны». Вероятно, что и приводимое китайцами название Енисея «Гянь (Кян)», которое нужно читать, как Кем или Ким, происходит от самодийского «ке» или «кы» — река (ср. хакасское «Ким» — Енисей, тувинское и карагасское «хем» — река «Улуг-Хем» — Енисей), так как в тюркских языках кроме языков современных народов Саяно-Алтайского нагорья, такого термина в значении «реки» или «воды» нет, а на территории самодийскоязычных селькупов имеются названия рек Кем и Кемчуг.

Отсюда можно сделать только один вывод: под «хакасами» китайские источники понимали разноязычное население древнехакасского государства VI—XII вв., часть которого была тюркоязычной (гяньгуни — кыргызы и отореченная часть местных племен), а другая — самодийскоязычной. Очевидно, что среди посланников и торговцев, приезжавших в Китай из государства древних хакасов, встречались люди, говорившие как на том, так и на другом языках²⁵. С их слов и были записаны танскими чиновниками древние тюркские и южносамодийские слова хакасов.

Еще сибирский историк П. П. Козьмин предположил, что китайское «хакас» — транскрипция местного наименования каракас (черных кас), а не кыргызы²⁶. Позднее его поддержал известный тюрколог С. Е. Малов, заявив, что термин «хакас» скорее является передачей слова «карагас»: «Ведь китайцы под хакасами — карагасами могли вполне понимать киргизское государство с разными подчиненными ему народами. Я говорю все это как языковед-тюрколог»²⁷. Это предположение близко к истине, однако, оно не может считаться решением вопроса.

Известный синолог П. В. Кюнер, считал, хотя и не без колебаний, что «наименование хагасы, по-видимому, не является транскрипцией имени кыргызы, для которого имеются более ранние транскрипции — гйегу, гйегунь, гяньгунь»²⁸. Позднее он прямо указывал, что «хакасы и кэргызы в монгольскую эпоху

XIII в. могли означать различные группы (части) одного и того же народа»²⁹.

Совершенно ясно, что сохранный китайскими летописями термин «хакас» является местным термином. Как его расшифровать?

Примечательно, что термин «хакас», как доказывают историки и лингвисты, дожил на месте до современности. Об этом писал крупнейший специалист по древней и средневековой истории народов Сибири и Центральной Азии С. В. Киселев, отмечая, что «помещенное в китайской летописи наименование «хагас», по-видимому, отражает самоназвание населения Минусинской котловины, сохранившееся до настоящего времени у качинцев, которые зовутся хаас»³⁰.

Известно, что долгие гласные в современном хакасском языке имеют вторичное образование в результате стяжения двух гласных вследствие выпадения согласного между ними, чаще всего г, ғ, к, х и ц. Сравните: хакасское «оол» и древнетюркское «огул» в значении «сын, парень»; хакасское «аас» и древнетюркское «агыз» — «рот» и т. п.

Поэтому убедительным представляется мнение тюрколога П. Г. Доможакова, показавшего, что древнее имя «хакас» есть нестяженная форма наименования «хаас», в котором теперь выпал звук «к» или «г». А «хаас», как известно, — это самоназвание одной из групп современных хакасов, по-русски именуемых качинцами³¹.

Однако и древнее имя «хакас» и соответствующая ему современная стяженная форма «хаас» не являются изначально тюркоязычными так же, как и «карагас», потому что они не переводятся и не осмысляются с тюркских языков. Первоначально это термины самодийские. Здесь большую важность имеет доказанный исследователем самодийских народов Г. П. Прокофьевым факт, что термин «кас» — «хас» — самодийский и употребляется в значении «человек, мужчина, люди» и что он входит в самоназвание ряда самодийских племен, в древности распространившихся на север от Саяно-Алтайского нагорья (сравни: «хасава» у ненцев и «каса» у энцев). По Г. П. Прокофьеву, «карагас» просто переводится с самодийского: «журавлиные люди»³². Добавлю, что местные для Хакасско-Минусинской котловины южносамодийские племена, ныне полностью отореченные, но еще до XIX в. сохранявшие элементы родного языка (койбалы, маторы, карагасы и часть камасинцев), имели те же обозначения для слова «человек»: «казы» (маторы), «куза» (койбалы)³³ и «хаса» (камасинцы)³⁴.

Помимо самоназвания «хаас» основное ядро хакасской группы хаасов, как известно, составляют секии и их подразделения с наименованиями «хасха»: ах-хасха, паратан-хасха, тайджан-хасха и ўс-хасха, в которые также входит этноним «хас». Этот этноним входит и в наименования качинских (хааскпх) групп, не являющихся родовыми: хара хаас, кок хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы) и т. п.

Следовательно, этноним «хаас», широко распространенный у современных хакасов, имеет несомненное древнее южносамодийское происхождение так же, как и самоназвание ныне тюркоязычных, а прежде, как это нам известно, в основном самодийскоязычных соседних с хакасами тофаларов (роды «хааш» и «сарыг хааш») ³⁵, живущих по Восточному Саяну, и качинцев (хааш) XVII в. ³⁶.

Это доказывает, что основное ядро качинцев составили отторженные в глубокой древности южные самодийцы, сохранившие до нашего времени свое самоназвание. В самом деле, «хасха», т. е. качинцы, упоминаются Юаньши уже под 1293 г. ³⁷.

Судя по древности языка качинцев, процесс их отторжения проходил еще в эпоху древнехакасского государства в VI—XII вв. ³⁸.

Во всяком случае, именно тогда, когда древние хакасы во второй половине IX в. включили в свое государство Туву и часть северной Монголии, они переселялись на новые земли, перенося туда и свое имя. Поэтому оно сохранилось у их отдаленных потомков в самоназваниях родоплеменных групп: тофаларов (хааш), тувинцев и дархатов-монголов (хаасут). Хаасут (хаазут) — та же стяженная форма от «хакас», только оформленная аффиксом монгольского множественного числа (хаас + ут; ср. тюркское оформление: «хаастар» — самоназвание качинцев). Поэтому же у тувинцев и дархатов-монголов имеются также родоплеменные группы «кыргыз» («хиргис»), ибо среди древних хакасов сюда переселялись и представители рода кыргыз.

В самом термине «хакас», таким образом, содержится первое свидетельство участия в этногенезе древних хакасов «касских», то есть еще южносамодийских по происхождению этнических групп. Древность их обитания доказывается самодийской топонимикой на Саянском хребте ³⁹.

Появление термина «хакас» в письменных источниках VI—XII вв. в качестве названия государства и народа свидетельствует, что в древнехакасском государстве наряду с постепенно отторгивающимися угорскими и южно-

самодийскими родовыми группами сложилось новое тюркоязычное ядро местных племен (в него входили и кыргызы), вокруг которого шел процесс перемалывания иноязычных этнических элементов, процесс формирования средневековой народности. Это важнейшее историческое явление способствовало созданию и укреплению сильного централизованного государства древних хакасов с общей экономической базой и единым литературным языком — енисейской письменностью.

Кыргыз — аристократический род средневековых хакасов. Кыргызы в VI—XII вв. представляли собой смешанный по происхождению, немногочисленный аристократический род, входивший в тюркоязычное ядро древних хакасов, от которого он ничем уже не отличался в этническом и культурном отношении, за исключением сохранения своего древнего самоназвания ⁴⁰. И поэтому «кыргыз» (в особенности в том понимании, которое в него вкладывали средневековые персидские и арабские источники) выступает в этот период времени не как этнический, а как политический термин. Сам факт возглавления государства родом кыргыз приводил к тому, что все разноречивое входившее в него население также некоторыми средневековыми авторами называлось ошибочно кыргызамн.

Примером может служить такой известный источник, как персидское сочинение X в. «Худуд ал-Алам», которое относит к кыргызам подчиненные им, но заведомо не кыргызские по происхождению, племена «фури» (то есть курыкан Прибайкалья) и «кесим» (то есть всех кыргызских кыштымов) ⁴¹. Вот этот текст в переводе В. В. Бартольда: «Есть народ Фури, также из киргиз, к востоку от них; они с другими киргизами не смешиваются; они людоеды, безжалостные; языка их другие киргизы не понимают; ...Есть народ Кесим, из киргиз, в горах; ...Есть другой народ из киргиз, язык которого ближе к языку карлуков...» ⁴².

Здесь кыргызы явно политический или географический, а не этнический термин. Институт аристократического рода, его значение в истории племен и народностей Центральной Азии и Сибири еще не исследованы в научной литературе. Однако этот институт был; с ним постоянно приходится сталкиваться при изучении разнообразных исторических источников; его, следовательно, нельзя не учитывать при восстановлении исторического прошлого той или иной области.

Как указывал К. Маркс: «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низ-

шне роды — различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с покоренными племенами»⁴³. Без понимания этого глубокого положения К. Маркса невозможно воссоздать историю развития классового общества и государства в Центральной Азии и Сибири и нельзя раскрыть особенности социально-экономических отношений общества и его политической структуры.

Письменные источники постоянно упоминают аристократические роды у различных племен и народностей, начиная с племенного государства гуннов. Среди 19 гуннских племен лишь племя «тугэ было наиболее сильным и уважаемым. Поэтому оно могло делать (назначать) шаньюя для общего управления всеми племенами». В этом племени выделялись три привилегированных рода. Из них знатнейшим считался Люаньди — род гуннских шаньюев, титул которых передавался по наследству, причем все высшие должности занимали братья и сыновья шаньюя»⁴⁴.

Аналогично у тюрков-тугю VI—VIII вв. (восточных и западных) все каганы и высшая знать происходили из одного династического рода ашина, входившего в племя тюрк⁴⁵. У уйгуров VIII—IX вв. аристократическим родом, из которого происходили все каганы и высшая знать, был род яглакар (кит. «нологэ»), один из девяти родов племени уйгур⁴⁶. У киданей в X—XII вв. правил род елюй.

У чжурчженей в XI в. аристократическим родом был ваньянь, из которого вышел Агуда — основатель чжурчженской династии Цзинь⁴⁷. А вот, что пишет о монголах лучший знаток их истории Рашид-ад-дин (XIV в.): «...слово монгол стало именем их рода, и это название переносят (теперь) на другие народы, которые похожи на монголов, потому что начало обобщения сего слова (с другими народами) произошло с эпохи монголов» и далее, «вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы, — (разные) тюркские племена... из-за самовосхваления называют себя (тоже) монголами, несмотря на то, что в древности, они не признавали этого имени»⁴⁸.

Можно умножить подобные примеры, но и так ясно, что даже в эпоху средневековья, в период становления и развития феодального общества, когда община у народов Центральной Азии давно уже стала по своему экономическому базису не родовой, а семейской, все же было принято называть попавшие в зависимость, различные по этническому происхождению племена и роды, по имени господствующего аристократического рода

или племени⁴⁹. При этом, однако, все роды продолжали чаще всего сохранять свои самоназвания.

Интересно, что в Южной Сибири эта практика прослеживается до современности. У алтайцев до революции существовали «старшие», или «древние», аристократические роды, из которых происходили зайсанские династии, причем эти зайсаны были прямыми потомками тайшей XVII в.⁵⁰ У хакасов в XVII в., по указанию крупнейшего знатока по истории народов Сибири С. В. Бахрушина, «собственно киргизы составляли лишь один «род», который был правящим и потому вся земля называлась «Киргизской землей»⁵¹. И впоследствии, в XIX в., у хакасов имела наследственная родовая аристократия, во главе которой по-прежнему стояли богатейшие бан из рода «хырғыстар» (кыргызов), — прямые потомки и наследники князей кыргызов XVII в. То же отмечается и у тувинцев⁵².

Очевидно, что эта традиция действительно не прерывалась с древнейшей эпохи, когда род кыргызов во II—I вв. до н. э. впервые возглавил динлино-гяньгуньский родоплеменной союз в Хакаско-Минусинской котловине.

Это подтверждается неоднократно указанными письменными источниками о том, что хакаский «правлящий дом» (то есть род кыргызов) в IX—X вв. возводил свое генеалогическое древо к правителю «земли Гяньгунь» по среднему течению Енисея, в I в. до н. э. гуннскому наместнику Ли Лину («и как они, по происхождению от Ли Лин, считали себя в родстве с домом Тан»). Это признавало и танское правительство⁵³.

Чрезвычайно интересно, что в известных древнехакасских надписях VII—XII вв., обнаруженных в бассейне верхнего и среднего течения р. Енисея, не упоминается имени кыргызов. Зато там постоянно встречается термин «эль» (на разных наречиях писался как «эл» или «ил»), переводимый лингвистами, в достаточной степени условно, как «государство, племенной союз, народ» и т. п.⁵⁴.

Внимательно изучавший этот вопрос С. В. Киселев, который, к сожалению, пользовался устаревшими переводами В. В. Радлова, пришел к выводу, что «термин эль имеет как бы два содержания. С одной стороны, это вся кыргызская аристократия... Ее возглавляет кыргызский каган. С другой стороны, это лишь эль данного витязя, локальная группа знатных, вероятно, родственников между собой» и, далее, «в узком же значении — это аристократический род того или иного народа»⁵⁵.

С нашей точки зрения, «эль» древнехакасских надписей есть своеобразный синоним аристократического рода «кыргыз», находившегося у власти в древнехакасском государстве. Для современников, граждан одного государства, слово «эль» не требовало никакой дополнительной расшифровки. Все знали, что такое господствующий «эль». Поэтому имя рода кыргыз не писалось. Кроме того, нельзя было назвать кыргызами и часто упоминающийся в надписях «кара будун», то есть черный или простой народ, ибо он относился к другим родам и племенам. Противопоставления «эля» и «черного народа» в этих эпитафиях довольно обычны. Например, в памятнике Чаа-Холь VII: «я, к сожалению, от моего черного народа, от моего эля... (отделился, т. е. умер)».

Другое дело, когда древним хакасам пришлось поставить каменный столб с эпитафией у могилы знатного чиновника, погибшего за пределами государства, на завоеванных уйгурских землях в верховьях р. Селенги. В этой надписи уже нет упоминания эля, зато ясно сказано: «я — кыргыз». Аналогично («знаменитый кыргыз») — в древнехакасских надписях IX—X вв. в Горном Алтае ⁵⁶.

И это, конечно, не случайно.

Таким образом, из всего приведенного выше вытекает только один вывод. Кыргыз — есть древний аристократический династический род средневековых хакасов. Хакас — есть общее имя слагавшейся в VI—XII вв. средневековой народности Саяно-Алтайского нагорья, процесс развития которой грубо прерван монгольским нашествием в начале XIII в. ⁵⁷. Кыргызов как особого народа на Енисее никогда не было. Нам уже показано, что в IX—XIII вв. все тюркоязычное ядро древних хакасов (включая кыргызов) составляло всего около 50 000 человек. Путать и отождествлять термины хакас и кыргыз между собой или подменять их друг другом — ненаучно. Неверно также называть государство именем династического правящего рода, а не по самоназванию большинства составляющего его трудового населения, которое имеется в источниках.

Создали это государство и населяли его в VI—XII вв. древние хакасы, и поэтому историческая справедливость обязывает нас называть его государством древних хакасов.

ПОЛИТИКА ДРЕВНЕХАКАССКОГО ГОСУДАРСТВА В IX—XII вв.

В течение девяноста лет господства уйгуров в Туве (750—840 гг.) хакасы вели с уйгурами непрерывавшуюся борьбу. Положение

особенно осложнилось в начале IX в., когда хакасский хан, почувствовав себя достаточно сильным, объявил себя каганом. Реакция на это могла быть одна — в Центральной Азии должен быть лишь один каган ⁵⁸. Каган уйгуров Бао-и (808—821 гг.) начал около 820 г. войну с хакасами. Об этом событии сообщается в памятнике, поставленном в честь Бао-и в уйгурской столице Орду-Балыке на реке Орхоне (ныне развалины Харабалгас). В тексте этого памятника говорится, что хакасы (гяньгуни) имели более четырехсот тысяч воинов, что уйгурский «чудесновоевропейский» каган разгромил это войско, убил хакасского кагана (кэхань); «коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами; государственные дела (Гяньгуньского владения) прекратились; на земле не (стало) живых людей» ⁵⁹.

В согдийском тексте того же памятника говорится почему-то только о двухстах тысячах воинов хакасского кагана, которых каган уйгуров «разогнал одной рукой во все направления друг от друга и взял его (хакасского кагана) государство» ⁶⁰.

Очевидная похвальба и преувеличения надписей не позволяют доверять текстам этого памятника. И действительно, Таншу о том же событии сообщает: «Хойхуский хан (уйгурский каган) послал министра с войском, но сей не имел успеха. Хан двадцать лет продолжал войну».

Таким образом, в стране хакасов не только остались «живые люди», но и государство их сохранилось; оно даже имело такие силы, которые позволили ему после двадцатилетней кровопролитной войны ликвидировать уйгурский каганат.

По сообщению Таншу, в этой войне верх одерживали хакасы. Их каган писал кагану уйгуров в те годы: «...твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую твою орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя» ⁶¹.

Древние хакасы в этой борьбе, которая по большей части происходила на территории Тувы, — крайнего северо-западного оплота уйгуров, — выступали, очевидно, не одни ⁶². Их поддерживали многие племена Южной Сибири и в том числе, вероятно, местные племена Тувы, жаждавшие освободиться от ига уйгурских феодалов. Эти племена издавна имели тесные дружеские связи со своими соседями — древними хакасами.

Территория современной Тувы была освобождена в 840 г., когда хакасские войска, воспользовавшись внутренними распрями между уйгурскими феодалами, прорвались в Центральную Азию.

Их армия вместе с войсками восставшего и присоединившегося к хакасам уйгурского полководца Гуйлу Мохэ (Кюлюг Бага Тархан) составляла, согласно письменным источникам, грозную силу в сто тысяч воинов. Уйгурский каган был убит в сражении под столицей своего государства. Город Орду-Балык был разграблен и сожжен, что подтверждается не только сообщениями Таншу, но и археологическими обследованиями его развалин⁶³.

После этого разгрома значительная часть уйгуров (пятнадцать аймаков) во главе с министром Пандэлэ переселилась в Восточный Туркестан, где они создали Турфанское княжество⁶⁴. Уже в 847 г. Пандэлэ объявил себя ханом и получил признание Китая вместе с почетным титулом⁶⁵. На территории Турфанского оазиса уйгурский народ живет и в настоящее время.

Хотя большая часть уйгуров переселилась в Восточный Туркестан, а также, частично, в Среднюю Азию, многие уйгуры не только остались в Центральной Азии, но даже продолжали борьбу с хакасами, и в марте 841 г. избрали нового кагана Угье. При разгроме уйгуров хакасы захватили их хатун, китайскую царевну Тай-хэ и, стремясь установить связи с танским двором, отправили ее с посольством из десяти вельмож, во главе которых стоял тархан Дулюй Шихэ. Угье по дороге догнал и убил послов, захватив обратно хатун. Снова разгорелась война. Каган Угье, будучи оттеснен хакасами на юг, нападал на пограничные крепости и округа Китая, грабил города и деревни. В результате в войну с уйгурами вступили и китайские войска, которые разгромили уйгуров, взяли в плен несколько десятков тысяч их воинов и в августе 846 г. убили Угье. Но на место Угье стал его брат Энянь, который продолжал борьбу. При Эняне часть уйгуров перешла на территорию современной внутренней Монголии к жившим там племенам хи и шивэй.

В 847 г. китайцы разбили хисцев, а хакасские войска, во главе с министром Лбо в количестве 70 000 всадников напали на шивэй и увели в плен оставшихся уйгуров. Последний каган Энянь бежал в Восточный Туркестан⁶⁶.

Так закончилась борьба с уйгурами. Хотя государство уйгуров на территории современной Монголии погибло в 840 г., а к 847 г. были разбиты все боеспособные группы уйгуров в пограничных районах, хотя большая часть уйгуров переселилась в Восточный Туркестан, все же значительное количество их в

X—XII вв. продолжало проживать в восточных районах Центральной Азии к западу от киданей, где они имели свои города, в которых уйгуры составляли большинство населения⁶⁷.

Следует заметить, что хакасы, очевидно, вовсе не стремились изгнать всех уйгуров, захватить всю Центральную Азию и сделать ее центром своего нового государства, как это сделали до них алтайские тюрки и уйгуры. Это видно хотя бы из того, что уже после взятия уйгурского Орду-Балыка, хакасский каган не перенес свою ставку на р. Орхон, где всегда размещались административные центры сменявших друг друга империй Центральной Азии. Его ставка разместилась в 840 г. по южную сторону хребта Танну-Ола, вероятно, в долине Тес-Хем близ озера Убсу-Нур, в которое впадает эта река.

Таким образом, хакасам важно было прежде всего освободить от уйгуров территорию Тувы и разгромить уйгурскую мощь, чтобы ликвидировать возможность нового уйгурского завоевания, а также важно было восстановить после длительного перерыва прямые связи с Танской династией. Эти цели были хакасами достигнуты к 847 г.

В марте 843 г. в китайскую столицу прибыл первый хакасский посланник Чжу-у Хэсу⁶⁸ с письмом от хакасского кагана. В подарок он привел «две прекрасных лошади». Посол был торжественно принят императором Уцзуном. Завязалась оживленная, дошедшая до нас, переписка, из которой видно, что в том же году, кроме Чжу-у Хэсу, прибыло еще три хакасских посольства: в апреле во главе с генералом (по-древнехакасски: «сангун») Та-бу Хэцзу, в июле во главе с генералом Вэнь-у Хэ (он привез в дар 10 пар соколов и 100 лошадей) и в сентябре во главе с генералом Дидэнсы Наньчжу (последний привел в дар двух белых лошадей)⁶⁹.

В переписке говорится о войне хакасов с уйгурами, о их победе и об установлении дружеских взаимосвязей. Император в своих письмах упорно советовал кагану «уничтожить, вырвать с корнем уйгуров», «уничтожить их государство и города», выражал благодарность «за покорение уйгуров» и сожалел, что «нас разделяют различные народы и нашим государствам трудно действовать общими силами».

Тогда же со слов хакасских послов было составлено описание их страны, обычаев, «звуков их языка», а живописец Люй Шу написал картину, изображающую посольство Чжу-у Хэсу⁷⁰.

К хакасам было отправлено ответное посольство с поручением передать императорскую грамоту, признававшую хакасского правителя каганом, в которой он именовался титулом Хюн-ву Чен-мин. Каган Хюн-ву Чен-мин, настоящее имя которого осталось неизвестным, был искусным полководцем и принимал личное участие в сражениях с уйгурами. Кроме того, он был хитрым политиком, ибо, в отличие от тюрков и уйгуров, он с самого начала постарался установить дружественные отношения с Китаем. После его смерти в 847 г. ту же политику проводил его преемник Ин-ву Чен-мин каган. В отличие от тюрков и уйгуров хакасы никогда не нападали на провинции Китая, всегда находились в дружественных связях с Тибетом, карлуками Семиречья и арабами Средней Азии. Они только обменивались посольствами и вели торговлю со всеми этими странами. В 860—873 гг. трижды хакаские послы приезжали к танскому двору. Хакасы не стремились иметь общие границы с Китаем. В их государство в IX—XII вв. входили лишь территории Хакасско-Минусинской котловины, Алтая, Тувы и Северо-западной Монголии. В районах современной Центральной и Восточной Монголии продолжали жить уйгуры, потомки тюрков-тугу и другие племена, которые только в 840—860 гг. были подчинены хакасской администрации, а затем, очевидно, по мирному договору, были предоставлены сами себе.

О том, что в первое время там были чиновники-администраторы, говорит единственная хакасская надгробная надпись, найденная в верховьях реки Селенги, т. е. на древней родине уйгуров. Это надпись кыргызского судьи Бойла, подчинившегося наместнику Бага-Тархану⁷¹. Интересно, что этот старик — судья обязан был, видимо, контролировать земли уйгурского каганского рода яглакар, за населением которых, естественно, нужен был особый присмотр.

Экспансия хакасов в IX в., по данным восточных и западных мусульманских авторов, была направлена лишь в сторону Восточного Туркестана. Уже в 841—842 гг. древнехакасские войска, преследуя убежавших уйгуров, захватили часть Джунгарии⁷², ворвались в Восточный Туркестан и захватили города Бейтин (Бешбалык) и Аньси (Куча)⁷³ и дошли до Кашгара.

Анонимный автор X в. в сочинении «Худуд ал-Алам» подтверждает эти сведения о завоеваниях хакасами восточнотуркестанских владений карлуков, указывая, что город «Пен-

чул расположен в области карлуков; его владетель прежде был в зависимости от тогузгузов, а теперь им владеют киргизы». Название Пенчул, произношение которого не вполне установлено, некоторыми исследователями принимается за «Пятиградие», т. е. Бешбалык, а другими за Учтурфан⁷⁴.

Этим хакасы преследовали одну цель: не дать возможности укрепиться в этом районе своим старым врагам — уйгурам, которые могли бы отрезать хакасов от Средней Азии и тем самым прервать их давние дружественные торговые связи с этой страной, как это было в VIII—IX вв., когда уйгуры отрезали хакасов на целое столетие от Средней Азии, Тибета и Китая.

Восточнотуркестанский поход был сравнительно кратковременным, и к началу X в. хакасы вернулись на территорию Северо-западной Монголии и Тувы. Такой ход событий подтверждается сообщениями письменных источников о дальнейших судьбах Центральной Азии.

В начале X в. в Северном Китае возникло государство монголоязычных племен киданей, известное в истории под именем династии Ляо (916—1125 гг.). Первый император киданей Абаоцзи (храмовое имя Тай-цзу) в 924 г., расширяя границы своего государства, вторгся с большим войском на территорию современной Монголии, где он уже не встретил хакасов. Китайские источники указывают, что он «вступил в область уйгуров» и это подтверждает, во-первых, факт добровольного ухода хакасов из центральных районов Монголии в конце IX в. и, во-вторых, предоставление хакасами этой части страны в управление оставшимся здесь уйгурам и другим местным племенам⁷⁵. Об уйгурах в Центральной Азии, живущих к западу от киданей, сообщал в 953 г. и путешественник Ху Цяо⁷⁶.

В 924 г. Абаоцзи посетил развалины бывшей уйгурской столицы Орду-Балыка. Он приказал стереть надпись на памятнике уйгурского Бильгя-Кагана (до него это не сделали даже хакасы) и высечь на этой плите описание своих подвигов. В том же году киданские войска перешли пустыню Гоби и захватили несколько городов Восточного Туркестана, при этом жившие там уйгуры принуждены были временно им покориться.

Источники не сообщают о завоевании киданями территорий Тувы и Алтая и Северо-западной Монголии; последняя продолжала прочно входить в состав государства хакасов до XII в.

В персидском сочинении X в. «Худуд ал-Алам» указывается, что каган хакасов жил в начале X в. уже не к югу от Танну-Ола, а в городе Кемиджкет (город на р. Кем)⁷⁷, т. е., очевидно, в одном из бывших уйгурских городов-крепостей на Улуг-Хеме в Туве.

В середине X в. ставка хакасского кагана была перенесена из Тувы в северную часть современной Хакасии, видимо, на место слияния рек Белого и Черного Июсов. Такой вывод можно сделать на основании приведенного в книге Гардизи (XI в.) «Украшение известий» интересного описания пути торговых караванов из Восточного Туркестана в ставку кагана хакасов⁷⁸. В этом описании упоминается и Тува, через которую проходили торговые пути того времени. Здесь говорится, что после перехода через пустыню и горы доходят «до горы, которую называют Манбек-Лу (возможно искаженное Монгун-Ола, т. е., в широком понимании, Танну-Ола. — Л. К.); гора высока; на ней много соболей, белок и доставляющих мускус антилоп (т. е. кабарги. — Л. К.), много деревьев и обильная охота; гора хорошо населена». Последующий отрывок также относится к описанию Тувы: «После Манбек-Лу приходят к Кюгмену (Саянам)⁷⁹; по дороге встречаются пастбища, хорошие источники и много дичи; четыре дня идут по такой местности до горы Кюгмен⁸⁰. Гора высока, на ней много деревьев, дорога узка». Далее, после перехода Саянских гор, говорится уже о Хакасии: «От Кюгмена до киргизского стана 7 дней пути; дорога идет по степи и лугам, мимо приятных источников и сплетенных между собой деревьев, так что враг не может проникнуть туда; вся дорога подобна саду, до самого стана киргизов. Здесь военный лагерь киргизского хакана, главное и лучшее место в стране; туда ведут три дороги, по которым можно идти; кроме них доступ отовсюду прегражден высокими горами и сплетенными между собой деревьями. Из трех дорог одна ведет к тогузгузам (т. е. уйгурам), на юг; другая — к кимакам и халлухам (т. е. карлукам), на запад; третья в степь, надо идти три месяца, пока не придешь к большому племени Фури (т. е. курыканам)⁸¹.

Хакасы не только не сталкивались с киданями в начале X в., но, наоборот, и с ними завязали настолько дружественные отношения, что некоторые из них ездили в государство Ляо для того, чтобы получать образование. Так, в одном источнике под 931 г. сказано, что «юго-западная граница (государства киданей) руководила приходом стремив-

шихся к просвещению людей государства Хягясы», а в 952 и 976 гг. хакасы присылали в Ляо свои посольства с подарками⁸², очевидно, стремясь завязать торговые отношения.

О том, что хакасы в XI и XII вв. продолжали удерживать Туву и Северо-западную Монголию в своей власти, можно заключить из следующих известных нам фактов. Во-первых, из восходящего к XI в. сообщению монгольского эпоса о родоначальнике племени мангутов хане Начине, жившем на р. Орхоне, про земли которого говорится: «Соседним государством Начина является государство кергисов»⁸³. Во-вторых из сведений персидского историка Джувейни (XIII в.). Джувейни сообщает, что, когда уходившие в Среднюю Азию после шестилетнего пребывания (1124—1130 гг.) в Монголии кидани во главе с Елюй-даши «подшли к границе киргиз, они нападали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (киргизы) также оказывало им противодействие. Оттуда они тоже двинулись, пока не достигли Памиля». Эти события, естественно, не могли бы произойти, если бы хакасы в то время жили уже только в Минусинской котловине и в Туве. Ясно, что здесь речь идет о столкновениях киданей с хакасами на южных границах Северо-западной Монголии, когда кидани из Центральной Монголии и долины р. Орхон через Монгольский Алтай проходили в Джунгарию к р. Эмель в район современного г. Чугучака⁸⁴.

Наконец, об этом свидетельствует и Рашид-ад-дин. Когда продвигавшиеся на запад найманы в XI—XII вв. вытеснили из района Монгольского Алтая (Эктаг-Алтай) и с верховьев Иртыша тюркоязычных кимаков, они столкнулись на северных склонах Монгольского Алтая с жившими в Северо-западной Монголии древними хакасами, которых найманы разбили в середине XII в. Только тогда было ликвидировано господство хакасов над Северо-западной Монголией. Во второй половине XII в. и позднее хакасы, по Рашид-ад-дину, граничили на юге с найманами, а граница проходила по хребту Танну-Ола⁸⁵.

В 1199 г. разгромленный Чингис-ханом (Темучином) найманский Буюрук-хан бежал со своей земли в Туву, «в область Кэм-Кэмджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов»⁸⁶. Тот же Рашид-ад-дин все время сопоставляет «области киргизов и кэм-кэмджиутов», в которых в XII—XIII вв. жили тюркоязычные племена, и указывает, что в тот период «Киргиз и Кем-

кэмджиут — две области смежные друг с другом; обе они составляют одно владение»⁸⁷.

Таким образом, письменные источники позволяют заключить, что Тува, после ликвидации власти уйгуров, в IX—XII вв. вплоть до начала XIII в. входила в древнехакасское государство. Это подтверждается⁸⁸ и археологическими материалами.

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Погребальные сооружения. Археологические исследования на территории Тувы выявили две основные группы памятников IX—XII вв. Это преимущественно погребения под округлыми каменными курганами. Одни из них, совершенные по обряду трупоположения, принадлежат группе местных племен, другие — переселившимся сюда после 840 г. древним хакасам. Хакасские погребения резко отличаются от всех других типов погребений, существовавших в Туве в предшествующие периоды VI—IX вв. Вместе с хакасами в Туве появился прежде несвойственный населению этой страны, но присущий древним хакасам обряд сжигания трупов и захоронения под курганами кучек пережженных косточек человека, собранных на месте погребальных кострищ. Такой обычай захоронения у хакасов VI—XII вв. отмечают все писавшие о них в это время многочисленные западные и восточные авторы⁸⁹. Эти сообщения подтверждаются и археологическими раскопками на исконной территории хакасов, в Хакасско-Минусинской котловине, где со II в. до н. э., т. е. со времени прихода туда гянгуней-кыргызов, появляется обряд трупосожжения, который становится затем единственным способом захоронения у хакасов во II—V вв. и позднее⁹⁰.

Совершенно такие же погребения хакасов IX—XII вв., подобные открытым теперь в Туве, имеются повсюду в Хакасско-Минусинской котловине⁹¹ и на Алтае⁹², территория которого в тот период тоже входила в хакасское государство, а также встречены в Восточном Казахстане, в Джунгарии⁹³ и Монголии⁹⁴.

Погребения этого типа раскопаны в центральных, западных и южных районах Тувы, даже к югу от Танну-Олы (в долинах рек Уюка, Бий-Хема, Бегре, Улуг-Хема, Элегеста, Мажалыка, Хемчика, Саглы, Каргы и их притоков).

Эти курганы, как и в самой Хакасии, четко разделяются по устройству и найденным в них предметам на памятники IX—X вв.

(ранний этап) и XI—XII вв. (поздний этап).

А. Древнехакасские курганы IX—X вв.⁹⁵ Эти курганы представляют собой округлые насыпи из обломков скалы (реже из булыжников) с землей, иногда же это юртообразные сооружения, с выложенными из плитняка отвесными наружными стенками, засыпанные внутри плитняком (табл. III, А, рис. 28, 29, 30)⁹⁶.

В них встречаются одиночные погребения, но иногда — сожжения двух (рис. 29) или, редко, трех и даже один раз — четырех человек. В отдельных случаях к погребениям взрослых добавлялись захоронения младенцев, которых не сжигали. Пережженные кости людей обычно просто ссыпали кучками. В одном погребении остатки трупосожжения находились в баночном сосуде-урне (табл. III, 2).

В качестве пищи клали в могилы мясо овец, лошадей и, редко, коров. Часто встречаются кости нижних отделов конечностей лошади. Сохраняются также остатки поминальных тризн: необоженные кости съеденных на поминках овец и лошадей. Под насыпью одного из курганов найдены даже черепа двух лошадей, а в одном погребении был обнаружен неполный скелет коня (без головы).

Одиночные трупосожжения либо находятся в ямах (круглых, овальных или неправильной формы)⁹⁷, вырытых до устройства насыпи (44,5% погребений), либо залегают в остатках кострищ на горизонте (48,5%)⁹⁸. При этом рядом с теми и другими нередко обнаруживаются ямки с жертвенной пищей (полужидкая пища в сосудах и мясо животных)⁹⁹ или ямки-тайники (только с вещами — рис. 30)¹⁰⁰. О том, что эти типы курганов относятся к одному этапу, свидетельствуют не только найденные в них вещи, но такие курганы, в которых совместно обнаружены трупосожжения на горизонте и сожжения в ямах (7% всего количества курганов). В некоторых курганах погребения под насыпью окружены были как бы «оградками» из вертикально врытых в материк небольших плиток, установленных с перерывами. Эти «оградки» имеют подчетырехугольную форму и ориентированы сторонами на северо-восток, юго-восток, юго-запад и северо-запад.

Точно так до начала IX в. обставлялись каменными столбами или плитами курганы древнехакасских чаа-тасов и также обставлялись деревянными столбиками находящиеся под ними подквадратные погребальные ямы¹⁰¹. Здесь в курганах IX—X вв. эти низкие «ог-

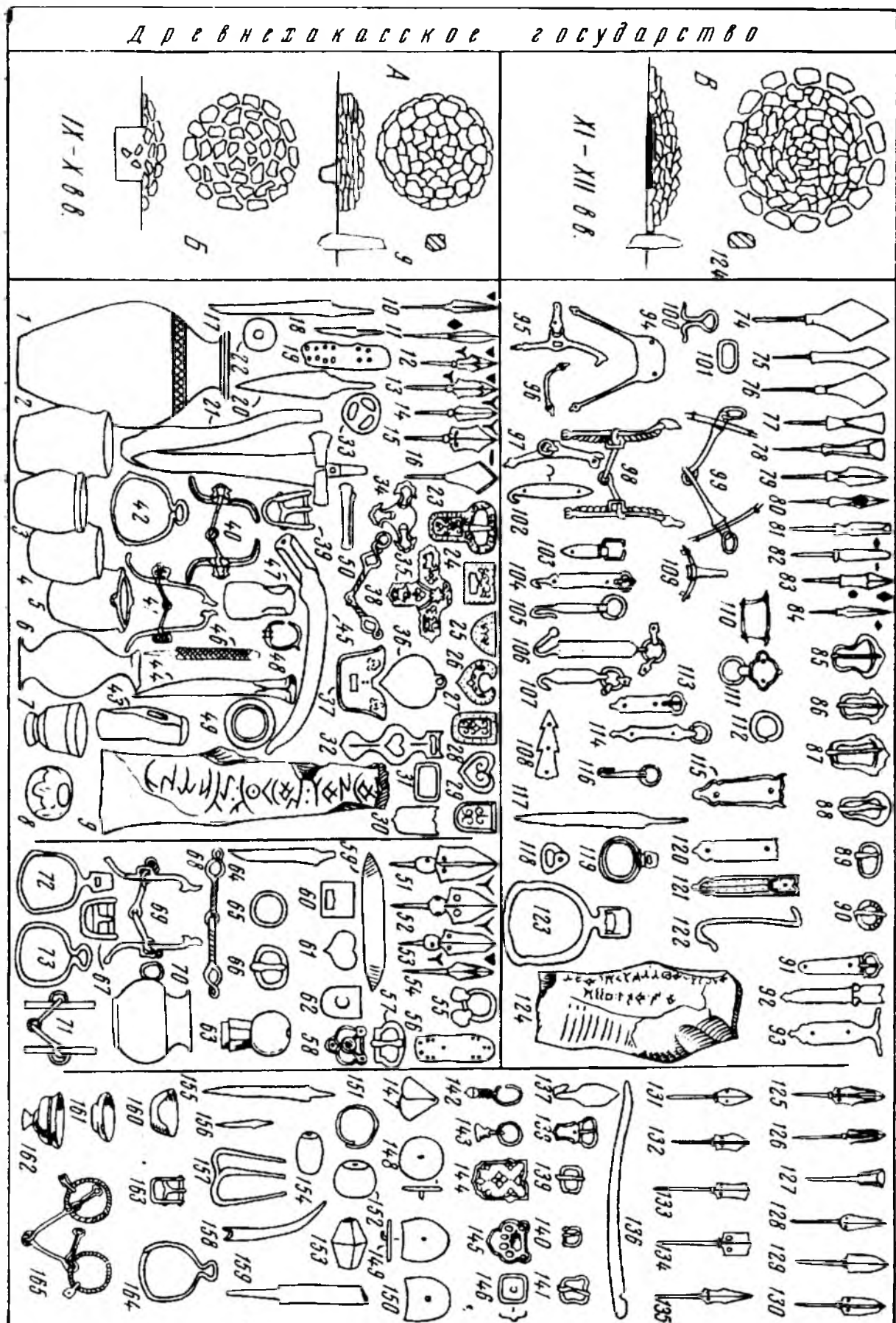

Рис. 28. План Шанчигского могильника на левом берегу р. Элегест:

1 — курганы, раскопанные в 1956, 1957 и 1960 гг.; 2 — нераскопанные курганы; 3 — дорога. Курганы № 4, 15, 16, 18-2 — уюкские; № 3-6 — шурмакские; № 1, 2, 5, 7-14, 17-23, 25 — древнехакаские; № 24 — тувинский

радки» под насыпями сохранились лишь как пережиток прежних конструкций древнехакасских чаа-тасов, по именно этот пережиток наглядно показывает, что каменные погребальные сооружения IX—X вв. тесно связаны с предшествующими чаа-тасами VI—IX вв.

В погребения ставились сосуды с питьем и полужидкой пищей. Обычно это лепные на подставке баночные сосуды (табл. III, 3, 4, рис. 31, 1, 2), среди которых встречаются банки с четырьмя налестами на венчике (табл. III, 5). Иногда сосуды ставились отдельно на горизонте. Нередко клали не сосуд, а лишь несколько черепков. В двух курганах обнаружены были обломки «кыргызских» ваз, сделанных на кругу (табл. III, 1, рис. 31, 3, 4). Кроме глиняной посуды найдены: китайские лаковые чашки и «тарелочки», а также «чернильница» из белого танского фарфора с желто-зеленой глазурью (табл. III, 8) и разнообразные металлические сосуды местного изготовления (блюде, украшенное растительными узорами, чашка, серебряные кружки и чашки, латунная кружка на поддоне, а также железные котлы, сковородки и черпаки из железа и меди).

Особо интересны найденные в одном кургане¹⁰² литые из серебра узкогорлый кувшин с длинным сливом и чашка (оба на полых поддонах; табл. III, 6, 7)¹⁰³. Они явно западного, скорее всего среднеазнатского происхо-

ждения, ибо похожие серебряные кувшины и чашка были также совместно обнаружены в кургане в с. Покровском в Чуйской долине¹⁹⁴. Они датируются специалистами VII—VIII вв.¹⁰⁵.

Кувшин, найденный в хакасском кургане второй половины IX — начала X в. в Туве, положен в могилу после многолетнего использования. Он сильно помят, имеет изъязны в поддоне и следы оторванной вертикальной ручки, некогда соединявшей тулово с венчиком, где, в противоположной сливу стороне, имеется круглое отверстие для вставления конца ручки. Необходимо отметить, что низ поддона обрамлен «перлами». Всеми этими особенностями он особенно близок так называемому «сасанидскому» кувшину, случайно найденному в Пермской области¹⁰⁶ и другим подобным сосудам¹⁰⁷. Ввиду того что датировка так называемых «сасанидских»¹⁰⁸ или среднеазиатских серебряных кувшинов (находимых случайно вне комплекса) до сих пор не уточнена, находка в Туве особенно важна для исследователей.

В курганах обычны находки конского снаряжения, свидетельствующие о том, что на погребальный костер вместе с умершим воином клали седло и узду его боевого коня. Седла снабжались железными кольцами с пробоями, стремянами обычных для VI—X вв. типов (с петлей на шейке и с восьмерко-

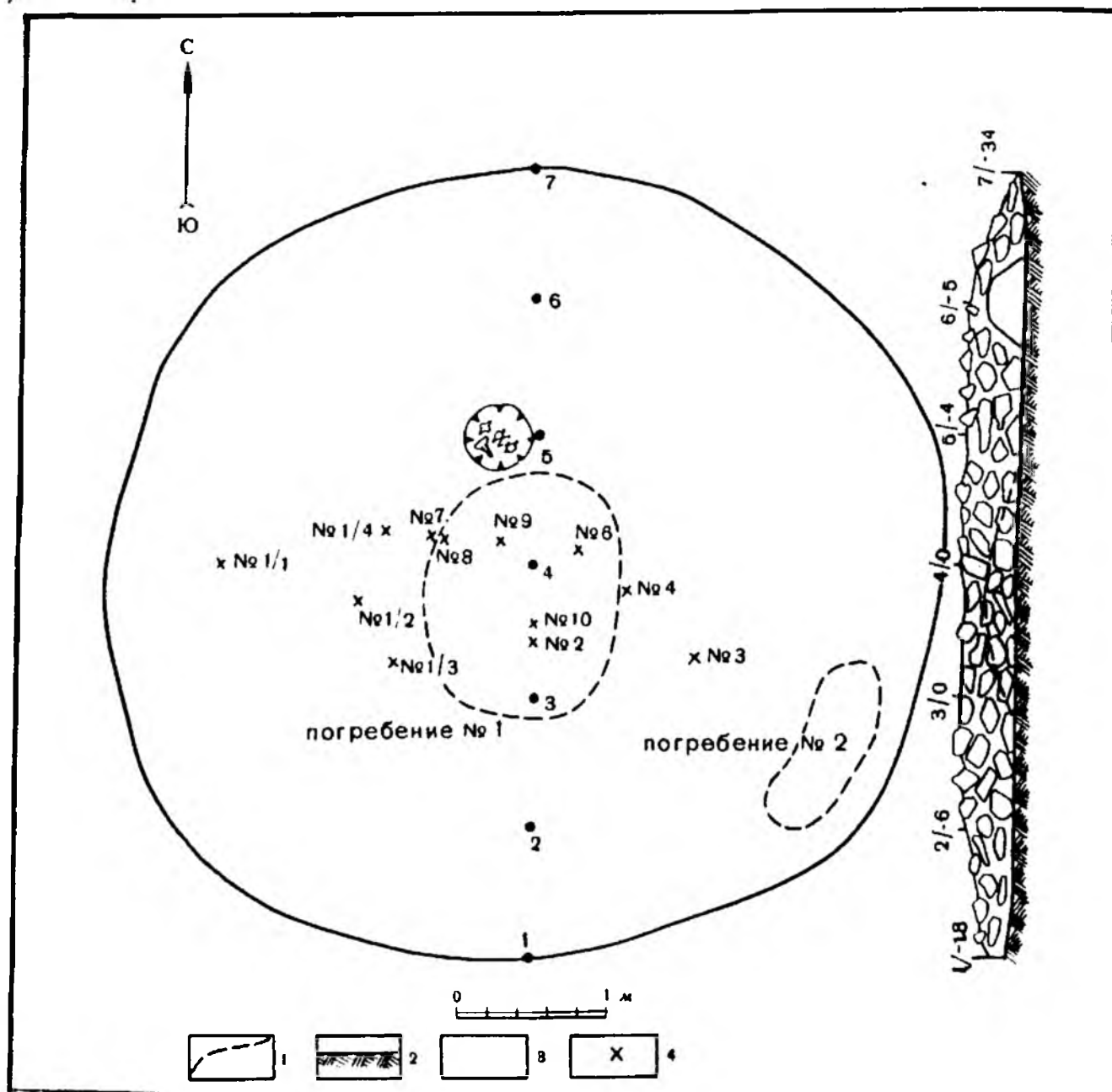

Рис. 29. План и профиль древнехакасского каменного кургана № 8 Шанчигского могильника с двумя погребениями IX—X вв. на горизонте и с ямкой для мясной пищи (1957 г.):

1 — границы распространения угольно-зольного слоя и трупосожжения; 2 — материк; 3 — земля; 4 — находка

образным завершением — рис. 32, 33) и подпружными пряжками (табл. III, 39, 42 и рис. 34,5). Нагрудный и подхвостный ремни украшались подвесными бронзовыми сердце-видными бляхами со львами или рельефными изображениями бубенчиков и растительных узоров (табл. III, 36)¹⁰⁹. Узды имели двусоставные витые удила с восьмеркообразными

петлями и с третьим подвижным кольцом без псалий (рис. 32,1), или с S-овидными гладкими псалиями, или с псалиями, оканчивающимися шишечкой и «сапожком» (табл. III, 38, 40, 41 и рис. 33,1). Ремни уздечек обычно украшены бронзовыми фигурными и сердце-видными бляшками и наконечниками с рельефно изображенными на них фениксами,

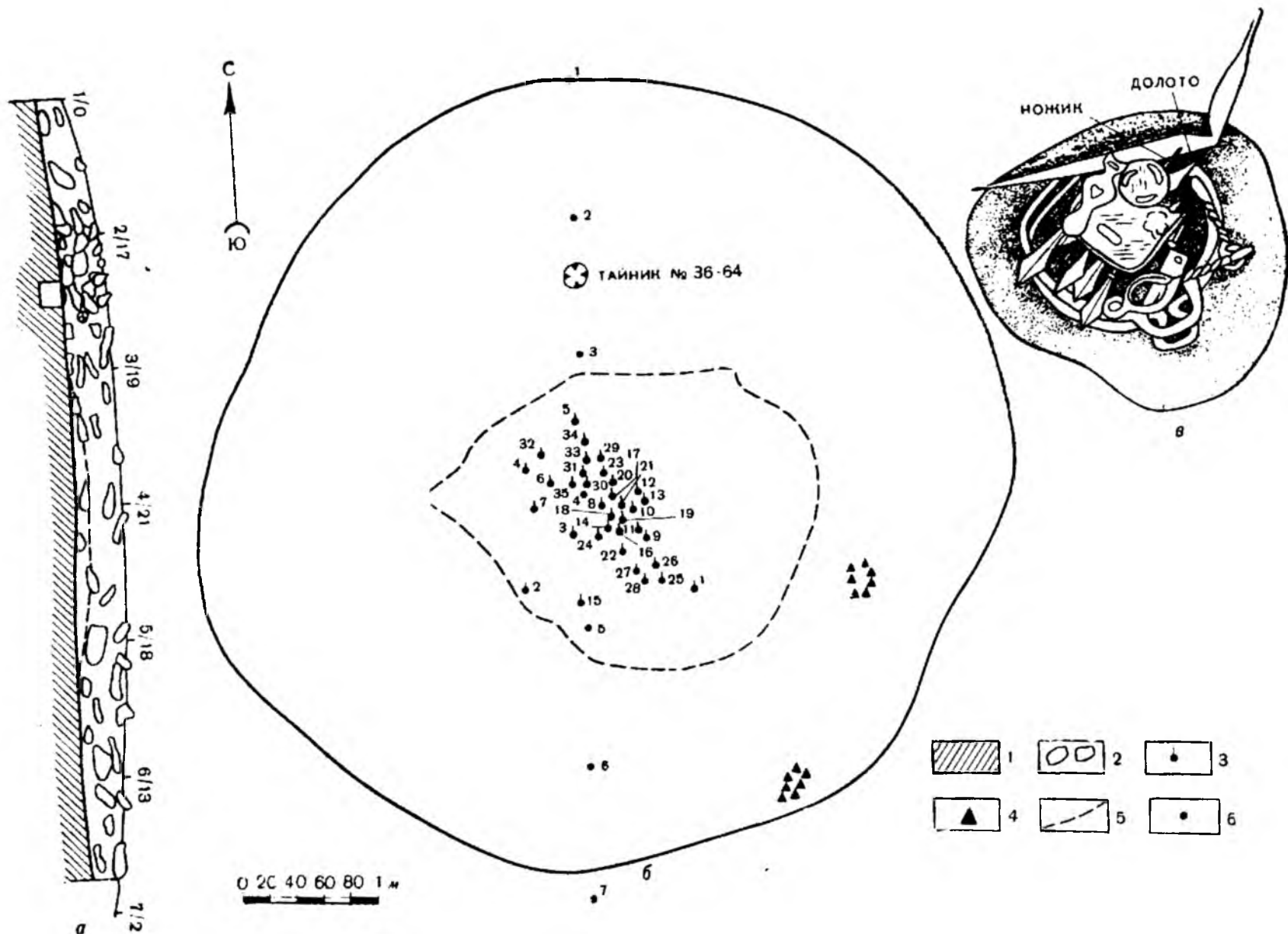
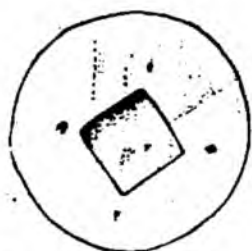
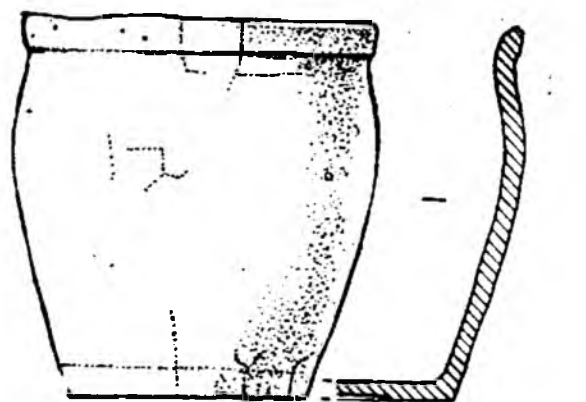

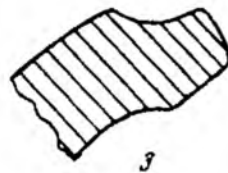
Рис. 30. План и профиль древнехакасского кургана IX—X вв. с тайником (Шончиг, 1960 г., курган № 19); а — профиль, б — план, в — план тайника и вещей; 1 — материк; 2 — камни и земля; 3 — место находки; 4 — уголь; 5 — граница распространения кострища с пережженными костями человека; 6 — колья оси

0 1 2 3 4 5 cm

Рис. 31. Посуда древних хакасов IX—X вв. Баночные сосуды лепные и сформованные на подставке, а также обломки ваз, сделанных на круге. Шанчиг, 1956—1957 гг.:

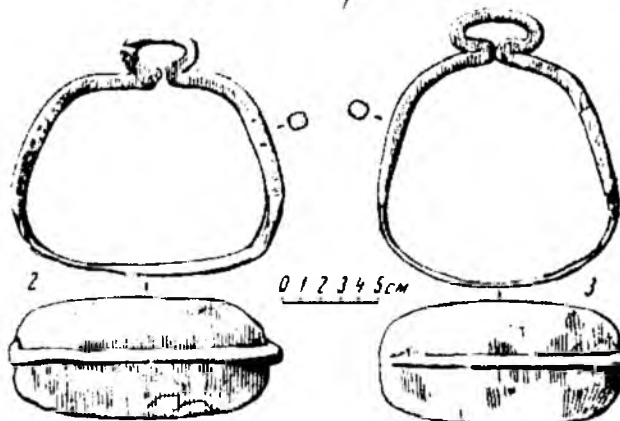
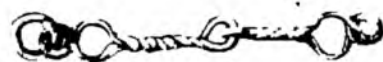
1 — из кургана № 1; 2 — из кургана № 9; 3 — из кургана № 5; 4 — из кургана № 2

0 1 2 3 4 5 cm

ны и остатки костяных застёжек от тороков и пут.

По прокаленным в огне предметам вооружения видно, что трупы воинов сжигались одетыми в панцири вместе с боевыми луками и наполненными стрелами колчанами, изредка с мечами с прямым перекрестьем и черешко-

0 1 2 3 4 5 cm

лежащими или стоящими козлами, с растительным орнаментом и формами блях типа известного Тяхтятского клада (рис. 35, 36)¹¹⁰. Столь же нарядны бронзовые бляхи-тройчатки для перекрестий ремней (табл. III, 34—35 и рис. 35, 2; 36, 2), которые в это время уже часто заменялись железными круглыми бляхами (табл. III, 33, рис. 34, 6; 36, 8, 10, 11) с тремя или четырьмя отверстиями¹¹¹. Пайде-

Рис. 32. Древнехакасские стремена и удила IX—X вв. (Шанчиг, 1957 г., курган № 5)

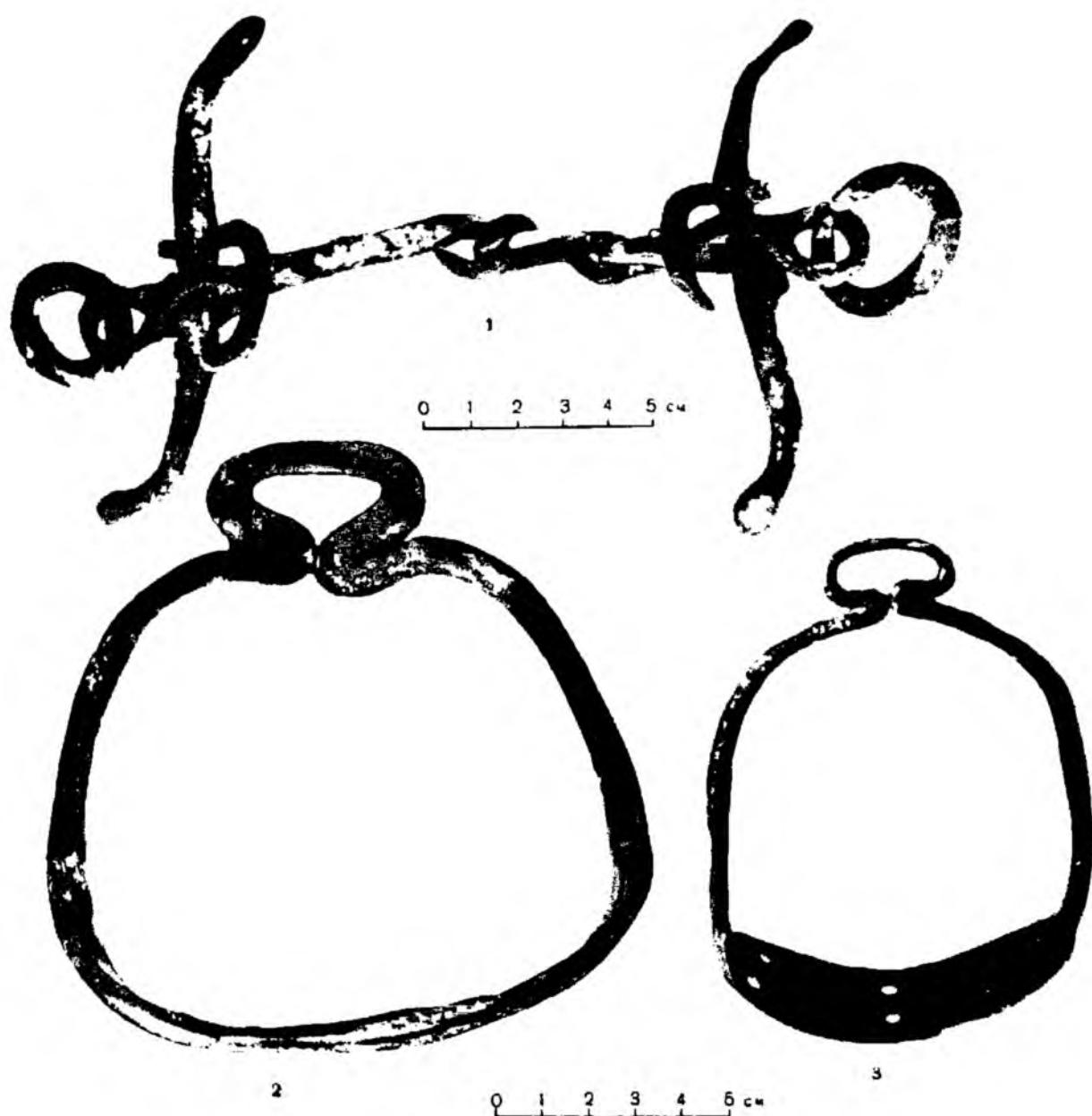

Рис. 33. Удила и стремена древних хакасов IX—X вв. Шанчиг, 1960:
1 — из кургана № 12; 2 — из кургана № 17; 3 — из кургана № 19

выми книжалами тухтятского типа (табл. III, 19—21). Дважды найдены длинные втульчатые копья. В курганах обнаружены панцирные пластинки¹¹², остатки роговых накладок сложных луков, босвые ножи, смятые для захоронения мечи¹¹³, разнообразные наконечники стрел (трехгранные, четырехгранные, трехгранно-трехлопастные, трехлопастные узкие¹¹⁴, трехлопастные массивные с отверстиями и выемками внизу лопастей, плоские асимметрично-ромбические и пр. — табл. III, 10—16, рис. 35,

37, 38) и обломки костяных свистулек от стрел. Найденные мечи, типа палашей, имеют однолезвийные клинки длиной до 0,7 м, которые, однако, на конце заточены на два лезвия. Перекрестия их напускные на черешок для деревянной рукоятки. После пребывания с остатками сжигаемого воина на погребальном кострище их сгибали вдвое и в таком виде помещали в могилу¹¹⁵. В одном погребении была найдена сабля.

Из орудий труда в курганах найдены ин-

Рис. 34. Древнехакасские предметы IX—X вв.:

1 — тесло; 2 — пряслице; 3 — золотая серьга; 4 — бронзовая серьга; 5 — подпружная пряжка; 6 — бляха сбруи; 7 — накладка-огниво на мешочек. Шанчиг, 1960; 1—3 — из кургана № 17; 4 — из кургана № 22; 5—7 — из тайника кургана № 19; 1, 5—7 — железо; 2 — камень

струменты земледельца, плотника и столяра (жернова ручных мельниц из серого гранита, коса-горбуша, проушной топор, тесла, втульчатые долота, бруски из песчаника для правки кос и ножей, нож-резец по дереву и т. п. — табл. III, 43—45, 47 и рис. 34, 1), швеи и

пряжи (пружинные ножницы, пряслица от веретен из стенок сосуда или камня, железные иглы — табл. III, 22, рис. 34, 2; 36, 14).

На поясах в особых кожаных сумочках носили железные огнива с кремнем и трутом. Эти сумки с наружной стороны часто имели

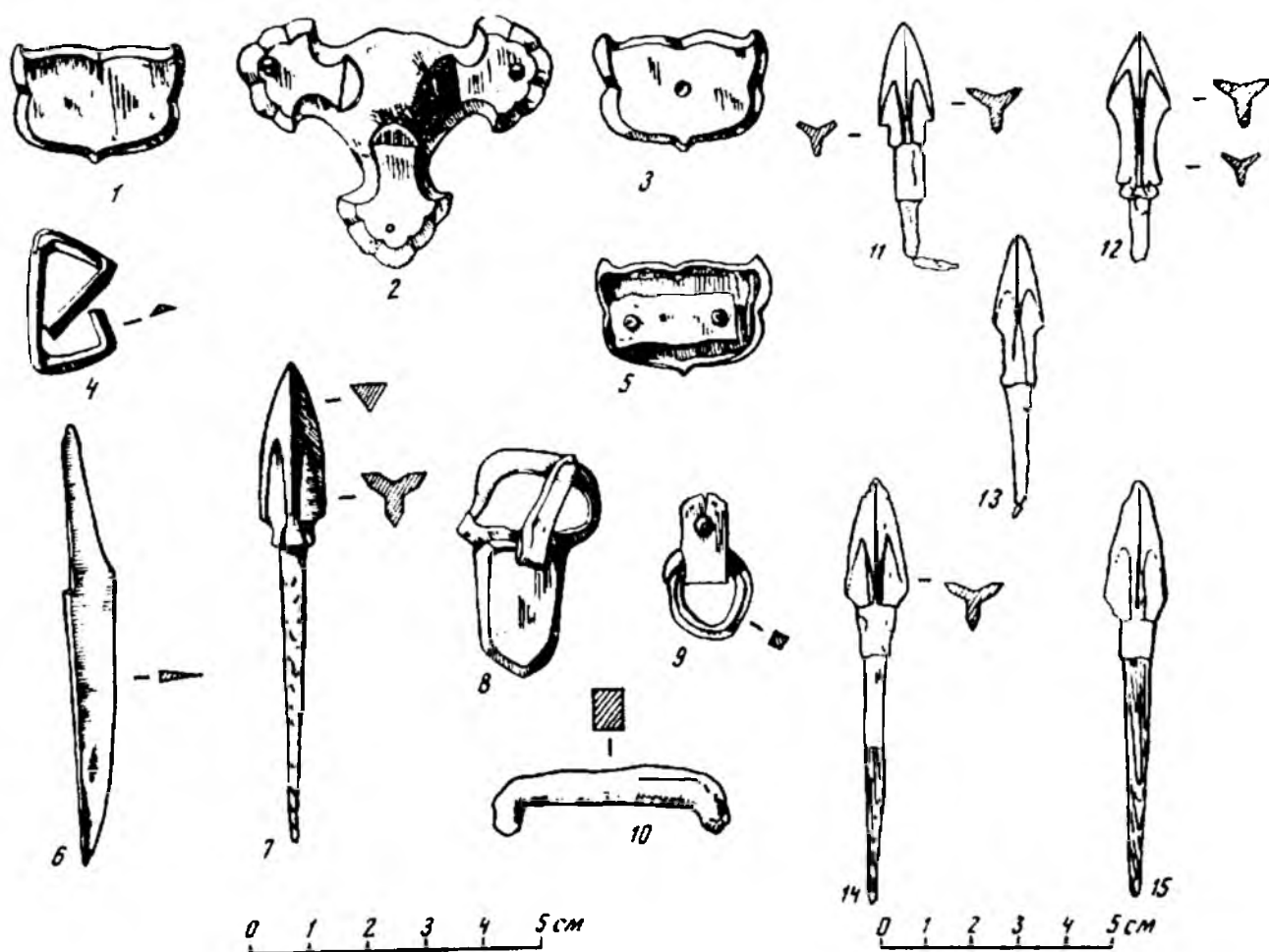

Рис. 35. Древнехакасские украшения узды, миниатюрный ножичек, наконечники стрел, пряжка и скобы IX—X вв. (Шангин, 1956—1957 гг.):

1—6 — из кургана № 8; 7, 9 — из кургана № 9; 8, 10 — из кургана № 10; 11—13 — из кургана № 2; 14, 15 — из кургана № 1; 1—5, 8—бронза; 6, 7, 9—15 железо

фигурные железные накладки с пряжечками (табл. III, 37, рис. 34, 7), низ которых иногда служил огнивом. В подобных сумочках из кожи воины носили также походный инвентарь: шило, миниатюрный стальной ножик и напильник (для заострения наконечников стрел), конец которого иногда служил стамеской (табл. III, 46, рис. 38). Были найдены остатки походного железного котла.

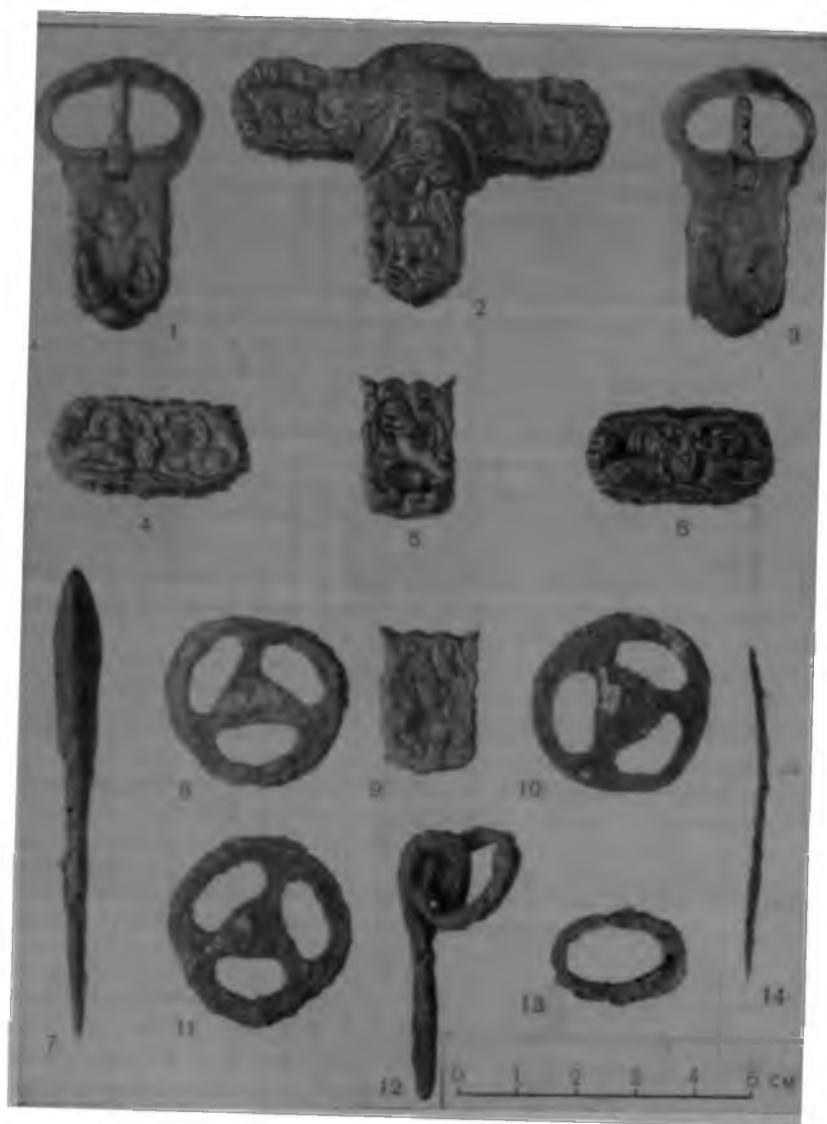
От одежды при сожжении почти ничего не оставалось. Найдены лишь обрывки шерстяных тканей и зеленого шелка, золотые пуговицы, железные поясные пряжки и остатки наборных поясов. Пояса обычно украшены бронзовыми пряжками и разнообразными бляшками (фигурными, квадратными, полукруглыми, сердцевидными), покрытыми растительным орнаментом или гладкими обоями, наконечниками и фигурными подвесками,

имеющими сердцевидные прорезы (табл. III, 23—27, 30—32, рис. 39, 40). Впервые распространяются наборные пояса из железных бляшек тех же форм, украшенных нередко инкрустацией из меди (табл. III, 28—29 и рис. 39). Встречаются и золотые бляшки.

Из бытовых предметов и украшений отметим дисковидные зеркала из белого сплава, пинцеты для выщипывания волос, золотой перстень со вставкой, золотые и бронзовые серьги (табл. III, 48—50, рис. 34, 3, 4).

В двух курганах были найдены бронзовые монеты династии Тан с надписью: «всеобщая драгоценность (правления) Кайюань» (Кайюань тунбао)¹¹⁶. Интересны также находки привезенных издалека раковин-каури (*Surgaea moneta* L.)¹¹⁷.

В этих курганах постоянно встречаются слитки меди, серебра и золота — все, что оста-

*Рис. 36. Древнехакасские предметы IX—X вв. Набор
узды и сбруи коня, наконечник стрелы, пробойчик
седла и игла*

(бронза и железо. Шанчиг, 1960, курган № 18)

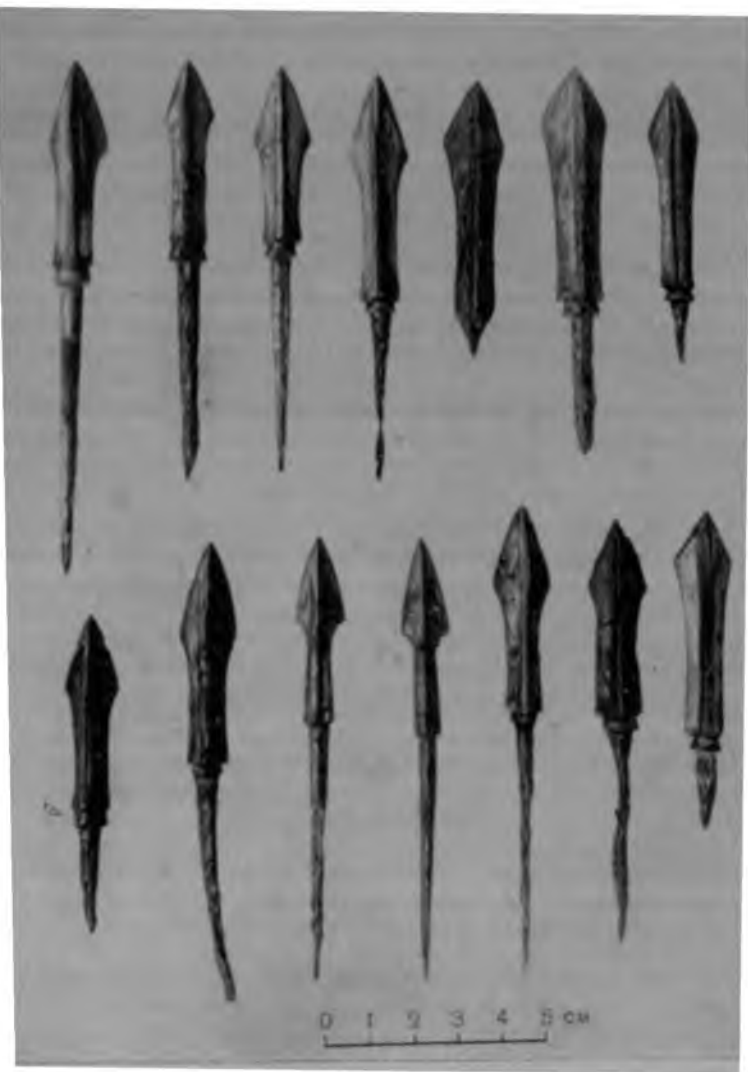

Рис. 37. Древнехакасские бронебойные наконечники боевых стрел IX—X вв.
(Шанчиг, 1960, курган № 19, тайник)

Рис. 38. Древнелакские трехлопастные наконечники стрел IX—X вв. и набор походных принадлежностей дрезнекасского воина

(напильник-стамеска, ножик и шило, Шантг, 1960, курган № 19, тайник)

*Рис. 39 Детали древнехакасских набойных поясов
IX—X вв (Шанчиг, 1960 курган № 19:*

*1, 2, 4, 5, 9, 11, 12 — железо с медной инкрустацией;
3, 15 — железо; 6—8, 10, 13, 14 — бронза)*

Рис. 40. Набор пояса древнехакасского воина IX—X вв. (бронза; Шанчиг, 1960, курган № 18)

лось от расплавившихся в сильном огне предметов.

Среди древнехакасских курганов Тувы имеются как богатые по инвентарю погребения, так и бедные или даже безынвентарные, что является свидетельством значительной социальной дифференциации общества (рис. 41). Однако для всех их характерен этнический признак древним хакасам погребальный обряд и, наряду с общими, многие специфические формы предметов материальной культуры, резко отличные от предметов тюркских или уйгурских.

У девяти раскопанных в Туве древнехакасских курганов IX—X вв. с восточной или юго-восточной стороны их насыпей стояли каменные стелы с тюркоязычными надписями на енисейском варианте алфавита древнетюркской письменности (табл. III, 9, рис. 42). Рас-

копки этих курганов с очевидностью показали, что все эти надгробные эпитафии являются хакасскими ¹¹⁸.

В 1961 и 1963 гг. были раскопаны еще два каменных кургана, у которых стелы с надписями стояли в одном случае — с западной (памятник Саргал-Аксы), а в другом — с северной (памятник Сайгын в урочище Кезек-Тыт) стороны насыпей ¹¹⁹. У раскопанного мною в 1959 г. на р. Межегее кургана Кезек-Хурэ № 1 стела с надписью стояла прямо в северо-западной части насыпи.

Несмотря на отсутствие находок, эти курганы (Саргал-Аксы № 1, Кезек-Тыт № 2 и Кезек-Хурэ № 1), под насыпью которых находили кострища и находились ямки с остатками деревянных столбов, также очевидно являются древнехакасскими. Установка опорных столбиков в ямах обычна для чаа-тасов Хакасии VI—IX вв. ¹²⁰, и, кроме того, аналогичные столбики были обнаружены в древнехакасском кургане № 18 под горой Чинге на р. Элегесте (раскопки А. В. Адрианова, 1915 г.), который, кроме стелы — памятника Элегест I (№ 10) имел еще каменный столб без надписи с северо-западной стороны насыпи ¹²¹.

Б. Памятники древних тюрков IX—X вв. Эти памятники сохранили присущий тюркам обычай погребения с конем. Они еще мало изучены. Потомки тюрков времени тюркского и уйгурского периодов продолжали жить в Туве. Тюркские погребения с конем IX—X вв. известны на Алтае и в Хакасии, которые в этот период были объединены вместе с Тувой в одно древнехакасское государство. В этих погребениях человек и лошадь обычно положены головой на запад или с небольшими отклонениями от этого направления.

Кроме того, письменные источники сообщают, что потомки тюрков-тугу жили в Центральной Азии и сохраняли свое этническое имя в середине X в. Сообщается об их грабительском набеге в 847 г. и о посольствах ко двору китайских императоров в 925, 927, 931 и 941 гг. «После этого никто больше не приходил. К этому времени тугу были крайне слабы», — указывает придворная хроника ¹²². О живших в Центральной Азии в середине X в. тугу и уйгурах сообщал путешественник Ху Цяо в 953 г. ¹²³.

В Туве пока обнаружены только тюркские курганы-кенотафы IX—X вв., в которых погребение лошади головой на север (в яме под округлым каменным курганом — табл. III, Б) не сопровождалось погребением человека (где-то утонувшего или погибшего) ¹²⁴. В двух из этих кенотафов останки человека заменяла

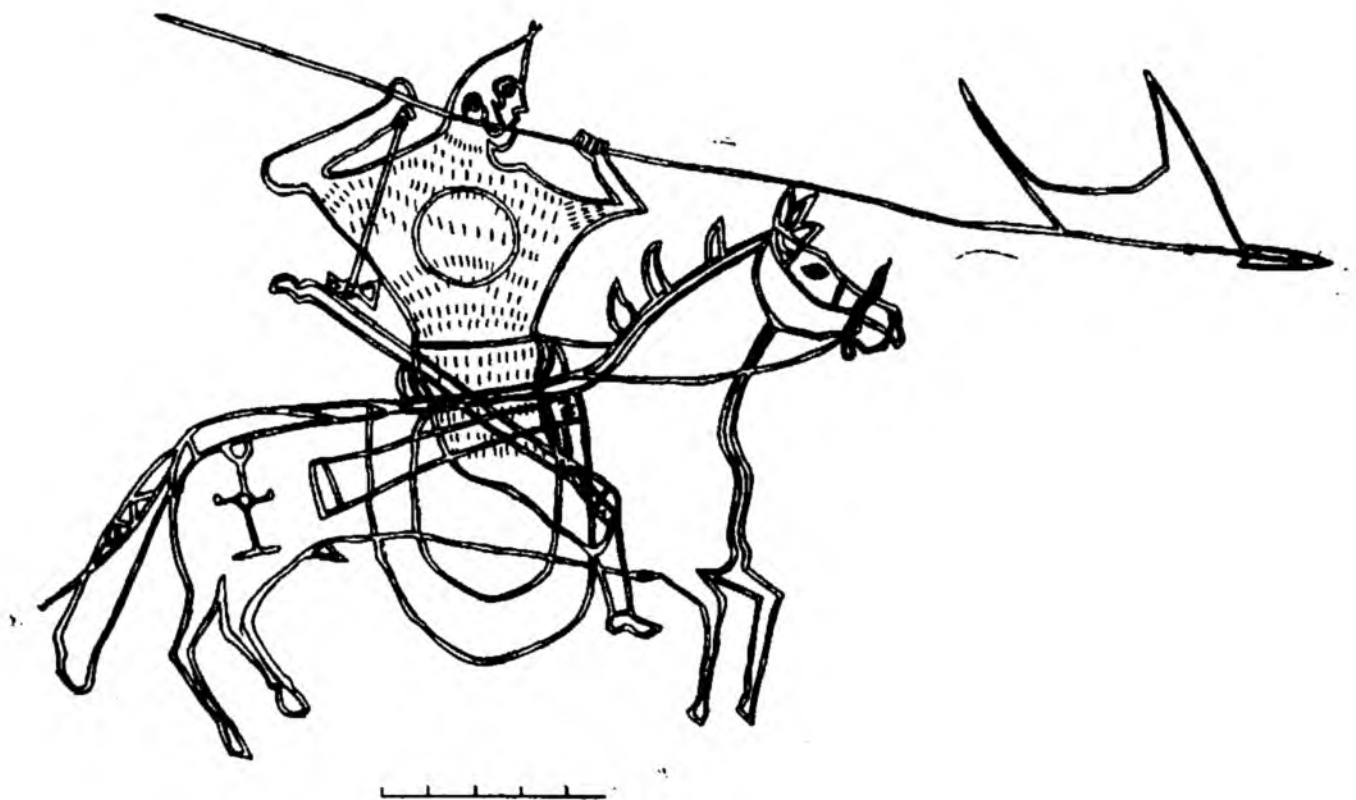

Рис. 41. Древнехакасский рыцарь IX—X вв.
Рисунок на Сулекской писанице в Хакасии

«кукла», лежавшая к западу от коня¹²⁵. Погребальные куклы делались из шелка, набитого пучками травы, покрывались войлоком и опоясывались наборным поясом. При них лежали те же предметы, которые обычно кладут в могилу воина. В других кенотафах подобные «куклы», очевидно, не сохранились.

Лошади клались невзнузданными. Под чрепом или к западу от него лежат стремяна обычных типов (с пстлей на шейке и с восьмеркообразным завершением — табл. III, 72, 73), подпружные пряжки с язычком на вертлюге (табл. III, 67), которые сохраняются в быту до X в.¹²⁶, и удила или двусоставные витые с восьмеркообразными петлями без псалий, или с S-овидными псалиями, заканчивающимися шишечкой и сапожком, или — с прямыми псалиями — табл. III, 68—69, 71¹²⁷.

В этих могилах найдены и остатки жертвенной пищи, положенной для «духа умершего»: кости овцы, которые в одном погребении лежали на истлевшем деревянном блюде, а рядом стояла старая кружка из серебряного сплава на низком поддоне (табл. III, 70).

Из оружия найдены сложные луки тюркского типа, от которых сохранились роговые

накладки (табл. III, 59), берестяные колчаны с железными кольцами, имеющими подвижные щитки для ремней (табл. III, 55), наполненные стрелами с трехлопастными наконечниками и костяными свистульками, а также с плоскими и трехгранно-трехлопастными наконечниками, появившимися в IX—X вв. (табл. III, 51—54). Встречены обычные для этого времени панцирные пластинки и ножи в деревянных ножнах (табл. III, 56 и 64), обтянутых кожей.

От одежд, в которые были одеты погребальные «куклы», сохранились остатки теплого халата из войлока, покрытого овчиной и мехом тарбагана с шелковой подкладкой, обрывки шерстяных тканей и шелка. Наборные пояса имели бронзовые пряжки без щитков, кольца, бляшки из бронзы (сердцевидные, квадратные, наконечники) и фигурные золотые (табл. III, 57, 58, 60—62 и 65). Встречены и железные пряжки (табл. III, 66). В одном кенотафе оказались древко плети с вырезанным из кости круглым набалдашником (табл. III, 63) и бронзовая монета «Кайюань тунбао», аналогичная монетам, найденным в древнехакасских курганах.

Рис. 42. Древнехакасский курган и стела с эпитафией начала X в.
(Ир-Холь, курган № 1, 1962 г.)

Сравнение тюркских кенотафов IX—X вв. с одновременными им древнехакасскими курганами показывает, что различные этнические группы не только продолжают сохранять присущие им черты обряда, но сохраняют на протяжении длительного времени особые выработанные ими формы предметов материальной культуры, хотя хронологические отличия проявляются вполне отчетливо.

В. Древнехакасские курганы позднего этапа XI—XII вв.¹²⁸. Они представляют собой округлые насыпи из обломков скалы, у которых задержаны только полы (табл. III, В)¹²⁹. Под курганами на горизонте залегают остатки погребальных кострищ (угли, зола, головешки), разведенных где-то на стороне, в которых находят пережженные косточки одного человека, вещи и необожженные кости овец и лошадей¹³⁰. Лишь в одном кургане переходного времени оказалось два трупосожжения на горизонте и ямка-тайник с вещами¹³¹.

В хакасских погребениях XI—XII вв. встре-

чаются наборы предметов, сильно отличающихся по материалу и форме от предметов раннего этапа, но связанных с ними в своем развитии. Это, главным образом, предметы конского снаряжения и вооружения. Обычно с воином на погребальный костер помещали один комплект конской сбруи, но наиболее богатым военачальникам — бегам клали упряжь от четырех или даже пяти коней.

Седла с луками арочного типа имели особые железные обивки, пробой и оковки (табл. III, 94, 96, 100, 110), кольца с крючками, фигурные железные наличники и лировидные пряжки от подпруг с фестончатыми краями (табл. III, 102, 108, 122 и 85—88, рис. 43—45). В одном кургане нашли пару массивных стремян с петлей на шейке — наиболее поздний вариант стремян этого типа в Сибири и Центральной Азии (табл. III, 123). Конское снаряжение, в частности узды, в это время украшались не бронзовыми, а только железными фигурными бляшками, обоймами, округлыми пряжками с насечками, подвесками

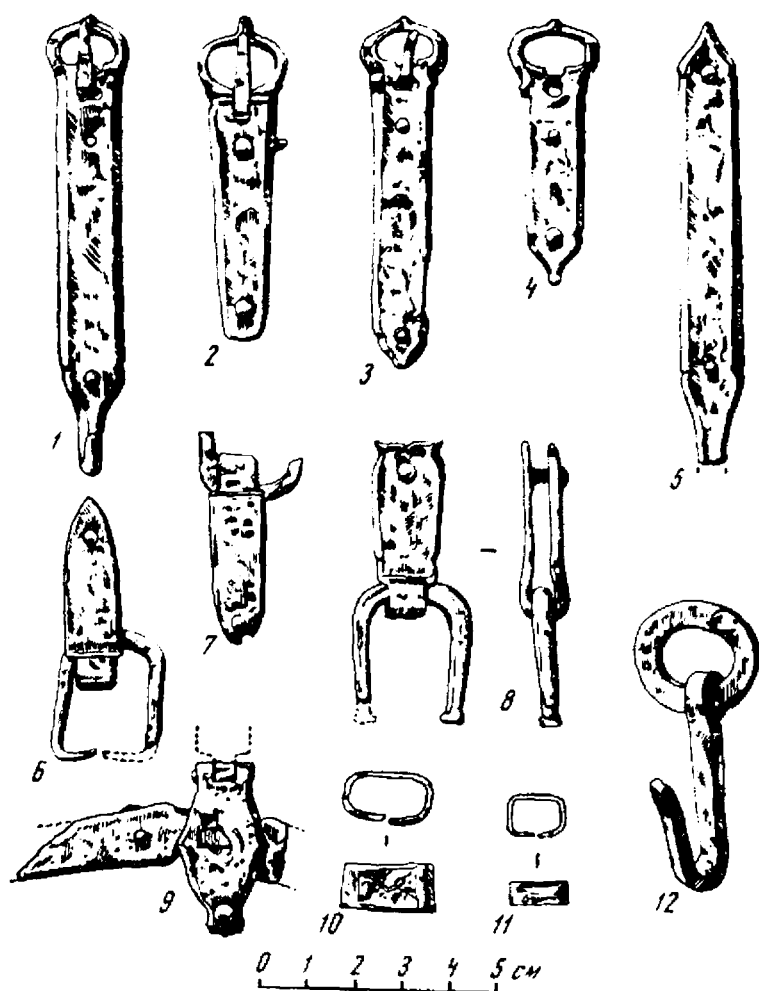

Рис. 43. Детали конского снаряжения XI–XII вв.
(Малиновка, 1955, курган № 1; железо; 9, 10 — с серебряной инкрустацией)

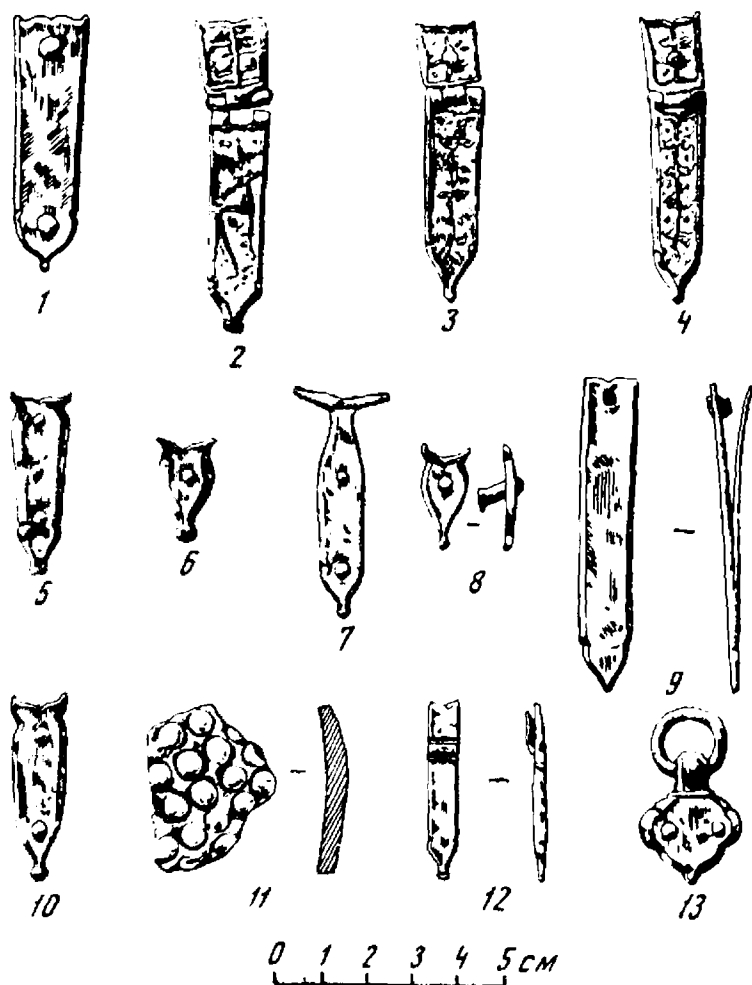

Рис. 44. Ниременные наконечники, бляшки и обломок сосуда из древнехакасского кургана XI—XII вв.

(Малиновка, 1955, курган № 1; 1, 5—10, 12, 13 — железо, 2—4 — железо с серебряной инкрустацией; 11 — глина)

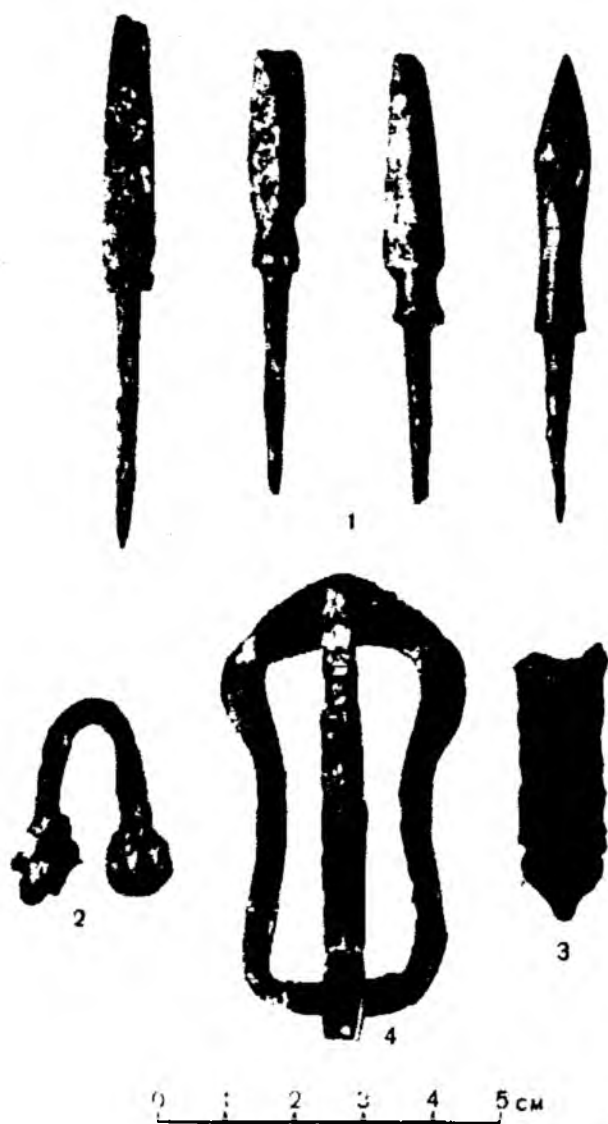

Рис. 45. Наконечники стрел, подпружная пряжка и на-
личники из древнехакасских курганов XI—XII вв.
(1—3 — из кургана № 23 и 4 — из кургана № 14; Шан-
чиг, 1960; железо)

(рис. 44, 45 и т. п.)¹³². Особенно много встре-
чается узких наконечников ремней со щитками
на шарнирах, длинных накладок с пряжками,
крючками или сердцевидными окончаниями
(табл. III, 89—93, 101, 103—107, 111—116,
118—121, рис. 43, 44). Имеются и тройчатки
для перекрестий ремней, а также трубочки-
султанчики (табл. III, 109, рис. 43, 9).

Все эти бляхи были очень нарядными, так
как большинство было украшено серебряной
инкрустацией с геометрическими или расти-
тельными орнаментами. Удила отличались от
удил предшествующего времени. Только в са-

мом раннем кургане встречены трехсоставные
удила со вторым неподвижным перпендику-
лярно расположенным кольцом и третьим под-
вижным кольцом, имеющие S-овидные псалии
с шишечками или оканчивающиеся сапожком
и лопаточкой. Преобладают не кольчатые,
а фигурно-уплощенные удила с пластинчаты-
ми вставками — псалиями или с прямыми
псалиями с шишечкой (или лопаточкой) внизу
и отогнутым сапожком вверх, иногда имею-
щим вид птичьей или звериной головки
(табл. III, 95, 97—99 и рис. 46)¹³³.

От предметов вооружения сохраняются
кальцинированные обломки костяных накла-
док, орнаментированных циркульным узором,
и петель на берестяные колчаны; наконечники
стрел с упором, новых, по преимуществу, ти-
пов (плоские асимметрично-ромбические боль-
шие и малые, долотцевидные, лопаточкообраз-
ные, ромбические, трехгранные и четырехгран-
ные острые, четырехгранные лопаточки, трех-
перые узкие, ланцетовидные и, редко, трех-
лопастные — табл. III, 74—84, 45, 1)¹³⁴. Иногда
встречаются прямые однолезвийные мечи
типа палашей¹³⁵. Отметим находки ножей
(табл. III, 117), шильев и обломка пряжки из
кости, а также слитков и капель меди, серебра
и золота, оставшихся от расплавившихся
предметов.

Особо важен факт обнаружения с юго-
восточной стороны кургана № 1 у пос. Мали-
новки каменной стелы с эпитафией, выпол-
ненной знаками енисейской письменности
(рис. 47, 2)¹³⁶. Под курганом обнаружено тру-
посождение богатого хакасского бега, хорошо
датированное по многочисленному инвентарю
концом XI и началом XII в.¹³⁷. Таким обра-
зом, стелы с надписями продолжали соору-
жаться в XI—XII вв., и малиновская стела
является наиболее поздним памятником ени-
сейской письменности из всех ныне известных
(табл. III, В и 124 и рис. 42, 47, 48).

Г. Памятники местных племен
IX—XII вв. Они не разделяются пока на ран-
ний и поздний этапы ни по обряду, ни по ма-
териальной культуре. Они значительно отли-
чаются от синхронных им древнехакасских по-
гребений устройством могил и погребальным
обрядом, а также инвентарем. Под округлыми
каменными насыпями (табл. III, Б) открыва-
ются покрытые деревом прямоугольные ямы
с одиночными захоронениями, причем останки
погребенных всегда лежат головой на юго-
запад¹³⁸. 80% скелетов лежат, по старой ме-
стной традиции, на правом боку скорченно
или, реже, вытянуто. Остальные 20% — вытя-
нуто на спине¹³⁹.

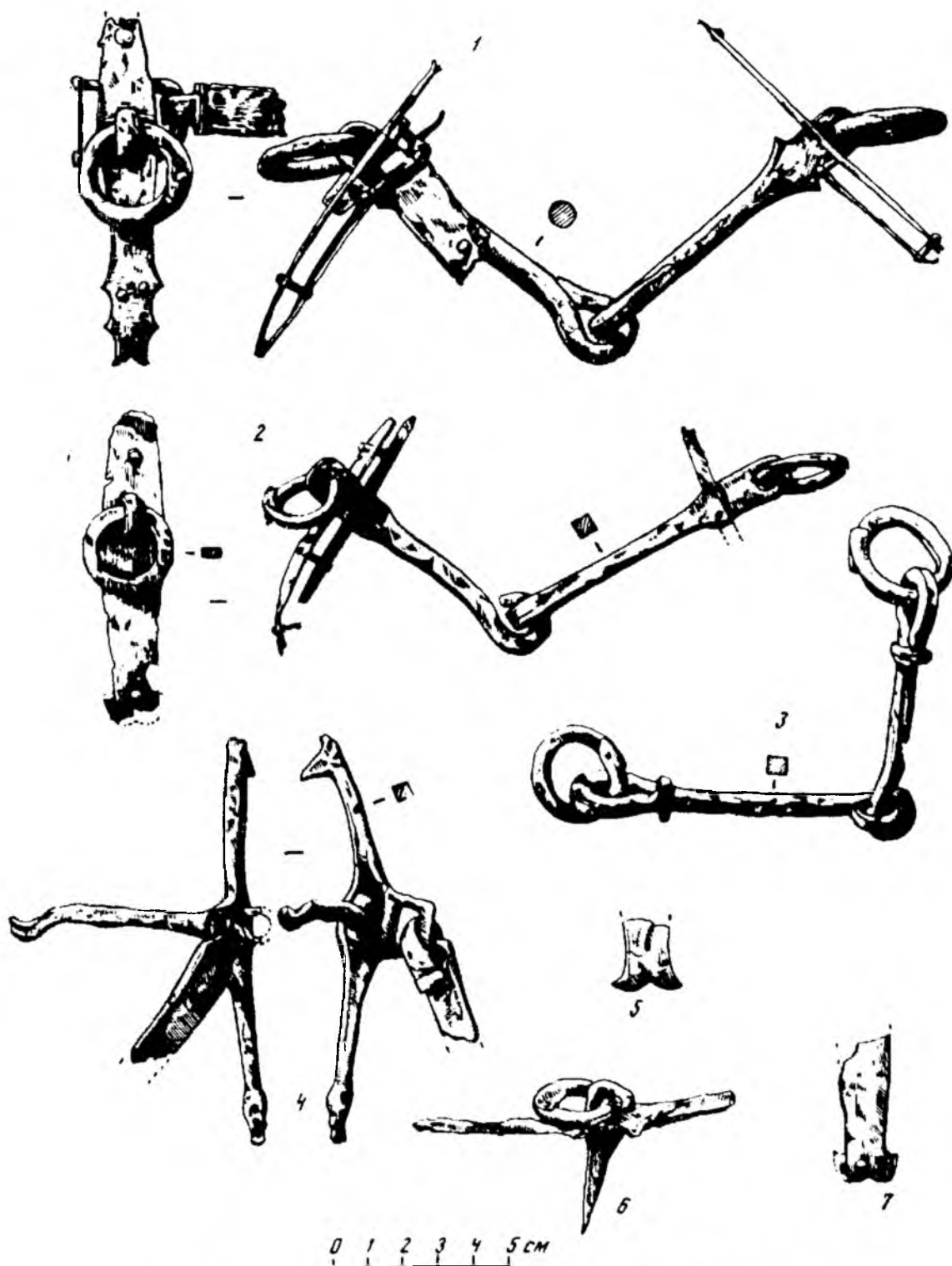

Рис. 46. Древнехакасские удила XI—XII вв. (Малиновка, 1955, курган № 1)

Эта группа захоронений тесно связывается характером погребальных обычаев с теми памятниками местных племен, которые оставили чики в предшествующий, уйгурский период (см. группу Г). Хотя в письменных источниках этноним «чик» в последний раз упомянут в памятнике Моюн-чуру, поставленном в 758 г.¹⁴⁰, и местные племена Тувы в IX—XII вв. могли уже называться по-иному, скорее всего по имени своих родов (сеоков), но, в то же время, этноним «чик» мог сохраняться, хотя бы в имени одного рода¹⁴¹.

С погребенными в качестве пищи укладывали мясо овцы, на которое клали нож (табл. III, 155). Глиняной посуды не было обнаружено, за исключением одного обломка «кыргызской» вазы. Зато в могилы ставили маленькие железные округлодонные чашечки и такие же по размерам чашечки и кубки на ножках, сделанные из олова (табл. III, 160—162).

Из предметов конского снаряжения только один раз были встречены остатки седла со стремени (с восьмеркообразным завершением) и подпругной пряжкой, а также остатки узды, от которой сохранились двусоставные удила с большими витыми кольцами (табл. III, 163—165) — тип удила, появившийся в IX—X вв.¹⁴²

Оружие встречается далеко не во всех курганах. С воинскими клали сложные луки с роговыми накладками (длина в распушенном состоянии 1,5 м) и берестяные колчаны с крючками, наполненные стрелами с характерными наконечниками с упором (трехгранно-трехлопастные фигурные, долотцевидные и трехлопастные удлиненные, вогнутолопастные, прямосрезанные и фигурные — табл. III, 125—137). Пояса обычно имели железные и бронзовые пряжки; найден наборный пояс, украшенный оловянными круглыми и подковообразными бляшками и пронизками (табл. III, 138—141, 148—151).

В мужских и женских могилах найдены серьги из медной проволоки с коническими полыми подвесками из бронзы или олова, а также бронзовые серьги тюркского типа с напускными кольцами из шариков на подвеске (табл. III, 142, 143, 147); к одной серьге была подвешена бусина из белого жемчуга. В качестве украшений употреблялись кольца, бусы из разноцветного стекла, медные позолоченные, литые и штампованные бляшки (табл. III, 144—146, 152—154).

Из орудий обнаружены были только железная трехзубая острога для боя рыбы, напильник, ножи (в том числе и миниатюрные,

как в одновременных хакасских погребениях) и орудия из рогов марала и косули (табл. III, 156—159).

Памятников других этнических групп, населявших в IX—XII вв. территорию Тувы, археологическими исследованиями пока не обнаружено. Вероятно, что они еще будут открыты. Однако уже сейчас можно сказать, что оставшиеся в Туве уйгуры изменили свой погребальный обряд и в IX—XII вв., очевидно, уже не сооружали катакомб под земляными курганами.

Стелы с енисейскими надписями. Мною опубликованы специальные работы, в которых были изложены подробные археологические обоснования датировки известных памятников енисейской письменности, определена этническая принадлежность оставивших их людей, предпринят опыт установления генеалогии древнехакасских бегов, а также границ их феодальных уделов по местоположению памятников письменности и по эволюции выбитых на них личных тамг¹⁴³.

По последним данным из 53 известных в Туве стел с енисейскими надписями 23 стояли у курганов, которые, к сожалению, не все были раскопаны археологами. Однако 15 из них все же были раскопаны. Как говорилось выше, один курган с надписью Уюк-Аржан оказался чикским уйгурского периода, а 14 других курганов были древнехакасскими, относящимися, как и их стелы с эпитафиями, ко второй половине IX—XII вв.

Еще финские археологи Н. Р. Аспелин и Л. О. Гейкель, разыскивая в Туве памятники енисейской письменности в 1888—1889 гг., заметили, что стелы стояли у курганов с «восточной стороны в 2—3 м»¹⁴⁴. Гейкель, обнаружив в 1889 г. новые тогда стелы Хемчик-Чиргаки и Чаа-Холь III у каменных курганов, хотел произвести их раскопки, но не смог из-за запрещения тувинской администрации¹⁴⁵.

Такие же курганы, у которых с юго-восточной стороны стояли стелы с надписями, финны копали в те же годы в Хакасско-Минусинской котловине¹⁴⁶. Впоследствии известный русский археолог А. А. Спицин, докладывая о «каменных плитах из Минусинского края с письмами орхонского типа», сделал вывод, что эти стелы всех видов, «встречаемые вместе при подножии курганов, могут быть, как и курганы, приписаны хакасам»¹⁴⁷.

Естественно, стелы, на которых высечены надгробные эпитафии, стояли у могил тех людей, чьей памяти посвящены были сами надписи. Однако 13 стел стояли одиночно без курганов¹⁴⁸, причем 4 стелы близко друг от

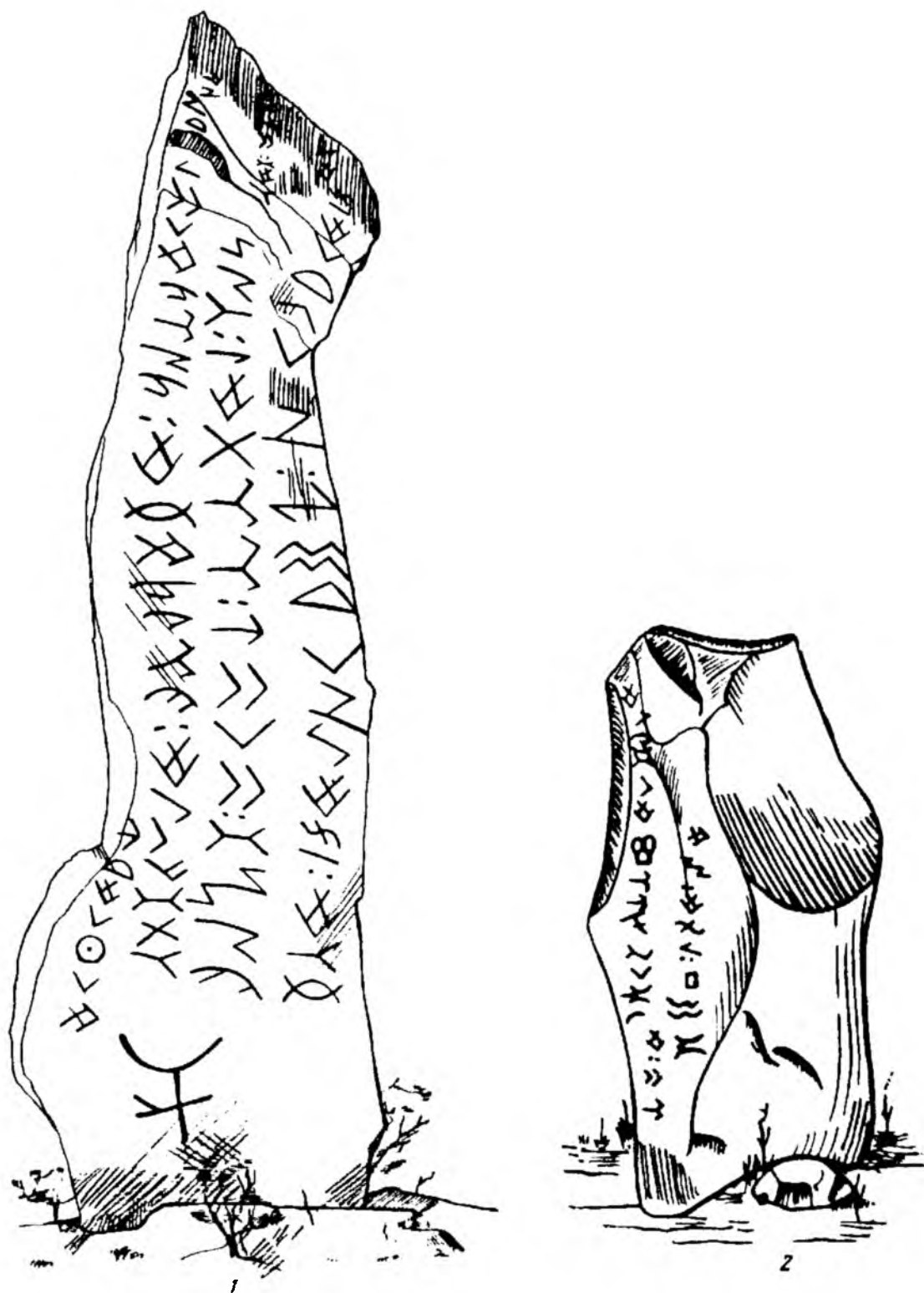

Рис. 47. Стелы с древнехакасскими надписями конца IX в., с р. Телз (1) и XI—XII вв. из пос. Малиновки у кургана № 1 (2)

друга на р. Чаа-Холь (№ 14, 18, 19, 20). Это были, очевидно, памятные столбы с эпитафиями в честь павших на чужбине воинов, прах которых не мог быть найден и погребен¹⁴⁹. В ту эпоху бесконечных войн такие случаи были часты.

8 стел с эпитафиями стояли в рядах каждый из 4 плит, врытых вертикально друг за другом по одной линии: 4 стелы с текстами в Кёжээлиг-Хову на р. Чаа-Холь (№ 17, 21, 22, 23)¹⁵⁰, две стелы с текстами в одном ряду с двумя простыми плитами (одна упала) на р. Барык (№ 6 и 7)¹⁵¹; стела с надписью в ряду с тремя простыми плитами в Кёжээлиг-Хову на р. Эжим¹⁵²; стела с надписью в ряду с тремя простыми плитами в Тёрт-Кёжээ на р. Телэ (рис. 47, 48). Составленные мною в 1955 г. планы расположения последних памятников показывают, что 4 плиты обычно ставились в ряд с север-северо-востока на юго-юго-запад¹⁵³. Сейчас еще трудно сказать, для чего это делалось. Можно только отметить, что аналогично ориентированные ряды плит обычны для средневековых чаа-тасов Хакасии¹⁵⁴.

Наконец, древнехакасские надписи были высечены на скале Хая-Бажы (правый берег р. Хемчик) подобно надписям на знаменитой Сулейской писанице (скала Пичиктиг-Хая) в Хакасии или на Тепсейской писанице по р. Тубе с северной стороны Саянского хребта или на скальным древнехакасским надписям в Горном Алтае.

Как стояли 5 других стел из Тувы (№ 16, 50, 51, Чер-Чарык и № 41 из Минусинского музея), выяснить пока не удалось.

Таким образом, судя по способу установки части стел (хотя и без курганов, но рядами), они являются древнехакасскими. Древнехакасскими являются и одиночные стелы, так как их не ставили ни тюрки, ни уйгуры, да и вообще никакие другие тюркоязычные племена.

Наконец, все эти стелы надежно связаны с хакасской знатью, выявленной нами генеалогией их тамговых знаков, распадающихся на шесть групп, соответствующих шести группам наиболее знатных древнехакасских семейств, владельцев «шести багов» — феодальных уделов Тувы в IX—XI вв.¹⁵⁵

ХОЗЯЙСТВО, РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ

Хозяйство. Основой хозяйственной деятельности населения древнехакасского государства всегда было занятие земледелием и скотоводством. Земледелие у хакасов было высоко раз-

вито, чем они выделялись среди других средневековых народов Центральной Азии и Сибири. Об этом свидетельствуют как письменные, так и археологические источники¹⁵⁶. Синь Таншу сообщает, что хакасы «сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне. Вино квасят из каши»¹⁵⁷. Тайпинхуаньюцзи (X в.) упоминает: «ячмень, пшеница, темное просо, конопляное семя. В 3-ю луну (апрель.— Л. К.) постоянно пахут и сеют, в 8-ю (сентябрь.— Л. К.) и 9-ю луну (октябрь.— Л. К.) собирают урожай, варят кашу, чтобы делать напиток, также чтобы перебродить на водку. Для пшеницы имеется пеший (т. е. он приводится в действие людьми) жернов, которым делают муку. К пище ажэ добавляют хлебцы». Еще упоминаются посевы овса¹⁵⁸. Арабский автор начала X в. Абу Дулаф писал, что этот народ «питается... просом, рисом, говядиной, бараниной, козлятиной и всяким мясом, кроме верблюжьего»¹⁵⁹. Другой арабский автор середины XII в. ал-Идриси, опираясь на данные недошедшего до нас сочинения ал-Джейхани (X в.), писал, что «жители страны построили на реке Менказ¹⁶⁰ мельницы, на которых перемалываются в муку рожь, рис и другие зерновые злаки. Из этой муки пекут хлеб или же их (злаки) едят сваренными каким-либо другим образом — это и составляет их питание»¹⁶¹. Таким образом, у средневековых хакасов были не только ручные, но и сложные водяные мельницы, а в пищу употребляли не только просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень, коноплю, рожь, овес, но и рис, который, очевидно, был привозным из Средней Азии или Китая. Археологические материалы VI—X вв. из Хакасско-Минусинской котловины значительно дополняют письменные известия¹⁶². Выяснилось, что земледелие здесь было плужным, с применением не только сох и деревянных плугов с железными сошниками, но и привозных сложных китайских плугов с чугунными отвалами (с V в. н. э.). Засушливые участки степей орошались при помощи сложных ирригационных систем. Для уборки урожая применяли железные серпы. Крестьяне, занимавшиеся земледелием, жили оседло, целыми поселками. Таншу сообщает, что они «живут в избах, покрытых древесною корою». По указанию ал-Идриси «женщины предаются всякого рода занятиям, а мужчинам остается лишь работать на пахоте и жатве»¹⁶³.

В памятнике хвастливого уйгурского кагана Бао-н (808—821 гг.), якобы добившегося

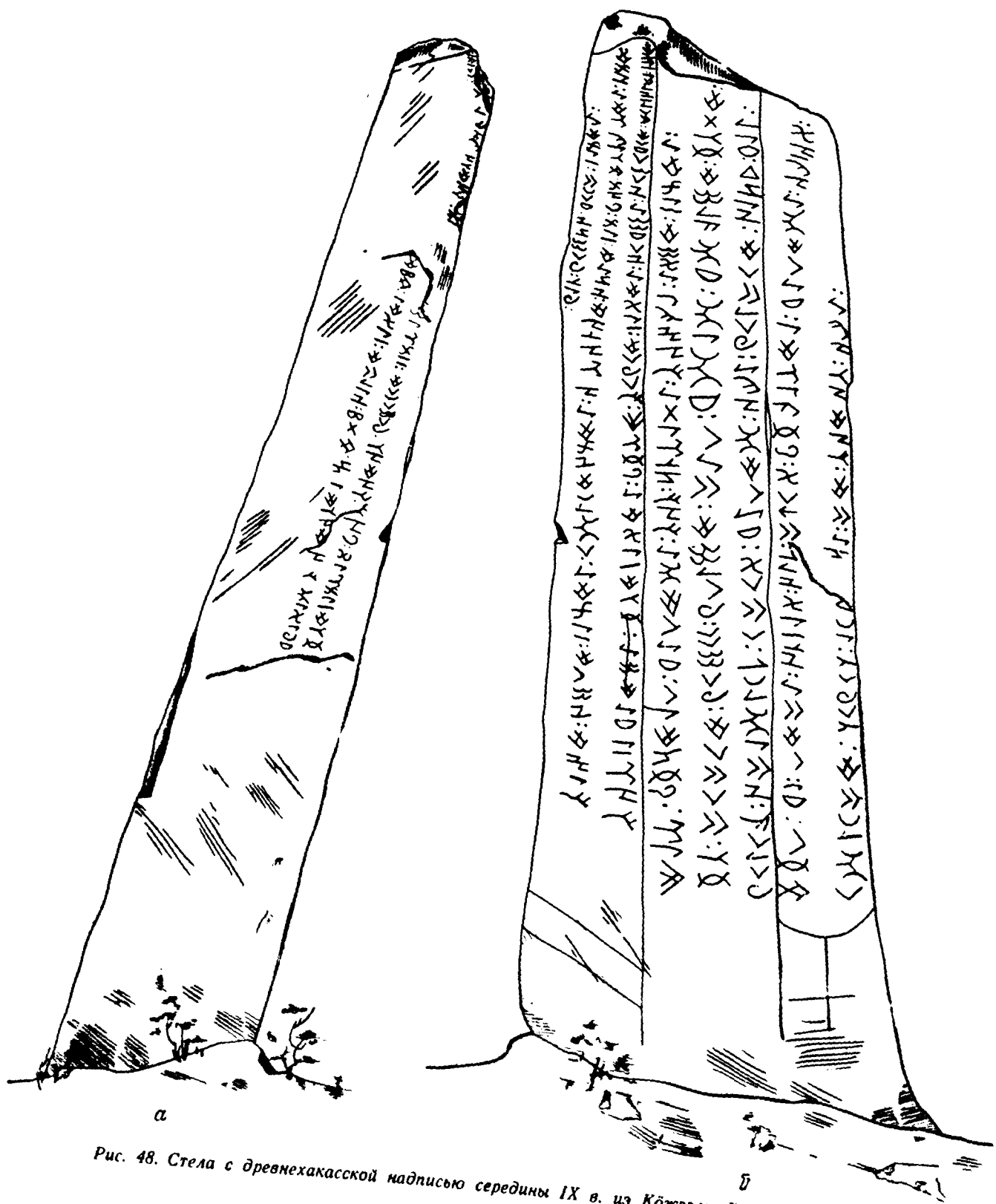

Рис. 48. Стела с древнехакасской надписью середины IX в. из Көжээлиг-Хову на р. Эжим

окончательной победы над хакасами, перечислены все основные продукты скотоводства, земледелия и ремесла хакасов, взятые в виде добычи: «коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами»¹⁶⁴.

Земледельцы занимались также скотоводством. Их скотоводство было пастушеским, причем применялось стойловое содержание скота, так как на зиму заготавливалось сено. Траву косили косами-горбушами. Из танских хроник известно, что хакасы разводили овец, коров, лошадей и верблюдов, причем лошади были плотными и рослыми. Таншу сообщает: «...имеют верблюдов, коров, овец; коровы наиболее многочисленны; у богатых земледельцев достигают несколько тысяч (голов)»¹⁶⁵. Отсюда видно, что наиболее богатыми скотоводами были владельцы крупных земельных наделов — феодалы, в зависимости от которых находились крестьяне-земледельцы. Преобладание коров в стаде явно указывает на отсутствие кочевого образа жизни у многих феодалов¹⁶⁶.

Почти то же о скотоводстве древних хакасов сообщает ал-Идриси: «В этой стране выращивается много лошадей, быков и овец. Лошади имеют очень короткую шею и чрезвычайно жирны. Их откармливают для еды. Что касается быков, то их употребляют главным образом для перевозки тяжестей»¹⁶⁷.

В Тайпинхуаньюцзи мы читаем: «Их лошади чрезвычайно крепки и крупны; тех, которые могут сражаться, называют головными лошадьми» и, далее, «их лошади одеты в щиты от брюха до ног»¹⁶⁸.

Из этих сведений явствует, что хакасы в VI—XII вв. выводили разные породы лошадей, то есть, что их скотоводство было в некоторой степени уже интенсивным.

Кроме небольших лошадок, разводимых на мясо, у них выводились рослые боевые кони, на которых сражались тяжело вооруженные воины, причем сами лошади были одеты в защитные доспехи. Наконец, имелась особая порода прекрасных быстроногих скакунов, которых хакаские послы привозили в подарок танским императорам. Китайские источники называют их «знаменитыми», «прославленными» лошадьми¹⁶⁹ или, в других текстах, «прекрасными скакунами, достойными породы лун-ю», «белыми лошадьми»¹⁷⁰ и т. п.

Так как хозяйство древних хакасов было комплексным, то разделение труда между земледельцами и скотоводами было значительным. Имелись обособленные производственные группы с различным направлением хозяйства: земледельцы, сохраняющие пасту-

шеское разведение скота, и скотоводы по преимуществу.

По малоприспособленности для земледелия засушливым степным участкам и мелкосопочнику размещались полукочевые хозяйства рядовых крестьян, специализирующихся на разведении верблюдов и мелкого рогатого скота.

Часть высшей феодальной верхушки, обеспечив себе приток сельскохозяйственных продуктов за счет эксплуатации труда закрепощенных крестьян и рабов, вела полукочевой образ жизни, переходя со стадами по лучшим пастбищам своих земель, живя летом аалами в войлочных юртах. Для ухода за скотом применялся труд зависимых скотоводов — кыштымов, а также рабов. Имеется сообщение Худуд ал-Алам (X в.): «У них есть повозки, бараны, коровы и лошади; они кочуют (странствуют), ища воды, травы, (благоприятной) погоды и лугов»¹⁷¹.

В древнехакасских енисейских эпитафиях постоянно указывается, что умерший феодал сожалеет о тысячах голов оставшихся его собственных «быстроногих» или «опережающих» лошадей, о «скоте без числа», о «сытом рогатом скоте», о числе загонов для скота и т. п. Говорится о 1000, 4000 и даже о 6000 «моих лошадей», о «множестве» скота¹⁷², но ничего, к сожалению, не говорится о том, как было организовано столь крупное феодальное хозяйство.

Вся эта устойчивая система хозяйства в IX—XII вв. была распространена и на Туву. Именно к этому периоду относится сооружение значительного количества известных на территории Тувы древних оросительных каналов, сеть которых особенно выросла после IX века. В надгробных надписях IX—X вв. встречаются слова «ангыз» — поле, пашня и «тарлаг»¹⁷³, которое в древнем и в современном хакасском языке означает «пашня». Археологически сельскохозяйственные орудия этого периода в Туве изучены еще далеко не достаточно. Однако здесь были найдены косы-горбуши со втулкой (табл. III, 45), совершенно такие же, как и в Хакасии¹⁷⁴. В Туве, наряду с характерными для тюрков топорами-теслами, появились настоящие проушные топоры (табл. III, 43), гораздо более удобные для сооружения деревянных жилых домов. Для той же цели применялись и долота (табл. III, 44).

Несомненно какая-то часть втульчатых лемехов от плугов, случайно найденных в довольно большом количестве на территории Тувы, относится к этому же периоду.

Земледельческая традиция, существовавшая и у местных племен Тувы на протяжении веков, получила в этот период значительное развитие гораздо большее, чем за весь предшествующий период их истории. Однако в Туве всегда имелось очень много полупустынных и гористых земель, непригодных для земледелия, но являвшихся хорошими пастбищами. Это обусловило наличие населения, занятого только экстенсивным кочевым скотоводством и являвшегося основным поставщиком продуктов скотоводства.

Жившие в горно-таежной зоне кыштымы занимались преимущественно охотой, рыболовством и сбором съедобных корней. В качестве домашнего скота они разводили оленей, используя их для переездов верхом и для транспортировки грузов. Письменные источники постоянно сообщают о большом значении охоты на ценных пушных зверей и иную дичь. Из Таншу известно, что «ясачные вносят подати соболями и белкой», что «из зверей находятся тарпаны, козули, сохатые и чернохвостые козы. Чернохвостые козы походят на кабаргу, но имеют большой черный хвост» и что «меха соболей и рысьи составляют богатое одеяние»¹⁷⁵. В Тайпинхуаньюцзи к этим сведениям добавлено: «Эти люди любят охотиться на животных. Все пользуются деревянными конями (лыжами). Когда поднимаются и опускаются по северному склону гор, (так) стремительно несутся, точно летят»; жители «ценят меха соболей и котиков (очевидно, бобров. — Л. К.)». Упоминается и о том, что послы привозили в подарок танским императорам «соболиные шубы и соболиные шкуры»¹⁷⁶.

Сообщая о рыболовстве, все источники акцентируют внимание на вылавливании осетров как особо ценной породы: «Из рыб есть одна, длиной около семи футов, гладкая и без костей, рот под носом»; «из рыб имеются мфе, длиною в семь—восемь чи; рыба мохэнь, у которой рот находится внизу челюсти и без костей»¹⁷⁷. «Водится рыба, так называемая шетрун, похожая на саканкур египетского Нила в момент метания икры. Говорят, что эта рыба имеет очень мало костей, что ее мясо как бы разделяется на отдельные части и не издает никакого специфического рыбного запаха»¹⁷⁸.

Ремесла. Хозяйство в основном было натуральным, и в нем большую роль играло домашнее производство почти всех необходимых в обиходе предметов. Однако в связи с многочисленными материалами, добытыми при археологических раскопках, можно утверж-

дать, что различные ремесла составляли важную по экономическому значению отрасль хозяйства¹⁷⁹.

Как известно, местные племена, начиная с эпохи бронзы, постоянно развивали и совершенствовали горные промыслы. В это время горное дело, которым занимались специализированные группы людей, было особенно сильно развито. Специалисты по поискам находили месторождения необходимых руд, рудопромыслы добывали железную и медную руды, и оловосодержащие минералы, наконец, металлурги выплавляли металлы в особых плавильных горнах. По ал-Идриси, «жители страны занимаются ремеслом и применяют много ухищрений для добычи драгоценных камней»¹⁸⁰.

Любопытно, что в одной из надписей этого времени с правого берега Улуг-Хема упоминаются, судя по переводу С. Е. Малова, шахты¹⁸¹. Таншу, в рассказе о хакасах указывает, что у них «есть золото, железо, олово. В каждый дождь обычно получают железо, называют его: цзя-ша. Делают оружие крайне острое»¹⁸².

Кроме рудного железа древнехакасские кузнецы собирали и использовали также метеоритное железо¹⁸³. Об этом прямо сообщает Тайпинхуаньюцзи (X в.): «Их земля производит золото, железо и олово..., их государство имеет (также) железо небесного дождя, его собирают, чтобы делать ножи и мечи, (оно) отличается от (обычного) железа. Некогда спросили посланного оттуда (как добывается это железо), он скрыл и не ответил. Только сказал: железо очень крепко и остро, работа также отменна и искусна. Ибо их земля производит железо. От бурного дождя леденеют деревья, и появляется (железо). Как только время продлится (т. е. если не искать железо сразу), земля поглощает его. Поэтому (оно) отборно и остро. При этом каждый раз, как вслед за небесным дождем люди собирают (это железо), непременно случаются поражения и убийства. Причина в точности непонятна... обычно производят хорошее железо»¹⁸⁴.

Археологические исследования позволяют установить, что в этот период времени наряду с получением железа, меди, золота и серебра особенно сильно выросла добыча олова. Оно стало настолько распространенным и обычным металлом, что из чистого олова отливали сосуды, украшения для поясов, серьги, кольца и т. д. Поскольку все эти предметы обнаружены в погребениях местных племен Тувы, то, вероятно, именно они специализировались

на добыче и выплавке олова, причем достигли в этом крупных успехов¹⁸⁵.

Нет необходимости перечислять все предметы, изготовлявшиеся кузнецами. Они выделяли все: от земледельческих, деревообрабатывающих и иных специализированных орудий до мельчайших принадлежностей конского снаряжения. Особенно славились оружейники, ковавшие длинные мечи и кинжалы, прочные пластинчатые панцири и шлемы, разнообразные наконечники стрел и копий. Острые концы и лезвия различного оружия имели стальную наварку. Кузнецы освоили не только пlying серебра и золота, но и технику тончайших инкрустаций этими металлами железных изделий, в особенности богатой конской сбруи. Литейщики, которые были и ювелирами, создавали различные предметы из меди, бронзы, различных сплавов и драгоценных металлов. Многие предметы покрывались искусным и излюбленным народным орнаментом (табл. III, 23—29). Гончары наряду с хозяйственной посудой, формованной от руки, создавали стройные высокие вазы, выполненные на гончарном круге (табл. III, 1), схожие по формам с уйгурскими VIII—IX вв., но появившиеся у хакасов еще в VI веке.

Работали, кроме того, строители, плотники, шорники, художники — резчики по камню, кости и дереву, каменотесы и особая категория резчиков надписей на енисейском алфавите. Их нелегкий труд был почетен. В уже упоминавшейся надписи на утесе Хая-Бажы сохранилось даже имя вырезавшего ее мастера: «Писавший это был Аингин».

Торговля. Как известно из письменных источников, хакасы вели оживленную торговлю не только со своими ближайшими соседями, но и со Средней Азией, Восточным Туркестаном и Китаем, до границ которых их войска доходили в середине и во второй половине IX века. Таншу сообщает, что их «женщины носят платье из шерстяных и шелковых тканей, которые они получают из Аль-си (Куча в Восточном Туркестане. — Л. К.), Бэй-тин (г. Бешбалык в Восточном Туркестане. — Л. К.) и Дахя (современный Афганистан. — Л. К.)». Далее говорится, что к хакасам «из Даши (арабы или таджики Средней Азии. — Л. К.) не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями; но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года»¹⁸⁶.

Кроме того, сообщается, что хакасы «постоянно взаимно поддерживали сношения с

Даши (таджики Средней Азии. — Л. К.), Туфань (Тибетом. — Л. К.) и Гэлу (карлуками Семиречья. — Л. К.). При перевозке из Туфань, опасаясь грабежей хуйгу (уйгуров. — Л. К.), непременно отправлялись в Гэлу (Семиречье. — Л. К.), чтобы подождать охраны из Хягясы»¹⁸⁷. Таким образом, в эти бурные времена торговые караваны среднеазиатских и тибетских купцов сопровождали в их долгом пути на Енисей хакасские охранные отряды.

Из Средней Азии и Восточного Туркестана хакасы получали не только шерстяные и шелковые ткани, но и другие предметы роскоши: серебряные «сасанидские» кувшины, чаши для пиров (табл. III, 6, 7), зеркала, бусы, раковины каури и т. п.

В обмен на это хакасы, по данным авторов IX—XII вв., писавших на арабском и персидском языках, продавали на запад много мускуса, меха соболей, куниц, серых белок, древесины дерева «хаданг», т. е. березы (ср. тувинское «хадын» — береза), и другого дерева, называвшегося «халани», а также рог «хуту» (ископаемые бивни мамонта) или же ручки ножей, сделанные из рога «хуту»¹⁸⁸. Именно эти дефицитные в южных странах товары добывали кыштымы, главным образом промышленные в горно-таежных районах Восточной Тувы.

Государство, получая налоги с торговли, вело в это время значительный торговый и культурный обмен с Китаем. О торговле свидетельствуют многие находки предметов китайского происхождения, обнаруженные в Хакасско-Минусинской котловине и отчасти в Туве (лемехи и отвалы плугов, зеркала, шелка, изделия из лака, фарфора, бронзовые монеты и т. д.). При подсчетах всех найденных в Хакасско-Минусинской котловине иноземных монет выяснилось, что больше всего их поступало в IX—XI вв.¹⁸⁹. В то время эти монеты находились в обращении на всей территории древнехакасского государства, так как своих монет хакасы не выпускали. Подтверждением тому является одна из иноземных монет Минусинского музея, на которой вырезана дополнительная хакасская надпись: «бирчиким акча», т. е. «одна расходная монета»¹⁹⁰. Немногочисленные пока находки монет в Туве также свидетельствуют, что время IX — начала XII в. было периодом наибольшего проникновения монет из Китая в Туву (не считая XVIII—XIX вв.). При этом даже после образования в Северном Китае и в Монголии киданьского государства Ляо (916—1125 гг.) в Туву продолжали поступать монеты из собственно Китая периода династии Сун (960—

1126), выпускавшиеся в конце XI и начале XII в.¹⁹¹.

Хакасы продавали в Китай меха ценных пушных зверей, «прекрасных скакунов», мускус, ценное китайцами искусно изготовленное оружие и тот же «рог хуту», т. е. ископаемые кости мамонта, о которых знали и китайцы (гуду или гудуси)¹⁹².

Что касается окружающих кочевых, полукочевых, а также охотничьих таежных племен и народов, то все они покупали у хакасов самые разнообразные товары, но в первую очередь — хлеб, товарное производство которого находилось в средневековой Хакасии на высоком уровне. Многие, даже турки-тугу, покупали прославленное хакасское оружие. Письменные источники сообщают, что хакасы «делают оружие крайне острое; постоянно вывозят к тукюе»¹⁹³.

ТУВА В ДРЕВНЕХАКАССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Общественный строй. Феодалные отношения у местного населения Тувы зародились в VI—VIII вв. Несмотря на смену правящих племен и их династий, развитие феодализма продолжалось. Этот процесс, однако, протекал замедленно ввиду монотонного развития производительных сил в обществе скотоводов и охотников. К. Маркс подчеркивал «резкий контраст» между поразительной устойчивостью экономической структуры «азиатских обществ» и «постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики»¹⁹⁴.

Однако присоединение территории Тувы к более развитому древнехакасскому государству, в котором к IX в. уже сложились феодалные отношения¹⁹⁵, дало дальнейший толчок развитию местной экономики и видоизменению общественных отношений.

У древних хакасов существовало государственное и частное землепользование. В государственные земли входили, кроме пастбищ и пашен правящего рода, все горно-таежное пространство, а также захваченные и присоединенные земли. Закабаленное население этих земель платило натуральный налог (Синь Таншу: «ясачные вносят подать соболями и белкой»), несло воинскую повинность и другие платежи. В частных владениях с крестьян налоги взимались натурой, главным образом,

зерном, производство которого носило, как уже говорилось, товарный характер. Кроме того, имелись трудовые повинности, основанные на задолженности крестьян-хакасов своим феодалам хлеба, скота и т. п., а также государственные повинности: воинская, подводная, постоянная и др.

В начале IX в., за время почти тридцатилетней войны с уйгурами (820—847 гг.), у хакасов наряду с ополчением крестьян и охотников появилось регулярное войско из служилых людей, появилась новая служилая знать. Источники сообщают: «строевого войска 80 000»¹⁹⁶.

В это время шел интенсивный процесс разорения свободного крестьянства, которое все более попадает в зависимость от бега и его дружины. Земли разоренных крестьян и погибших в военных походах переходят под кровительство феодалов и затем раздаются в аренду. В древнехакасских надписях, которые являются в основном эпитафиями знати, постоянно подчеркивается земельная собственность феодалов: «тарлагым» — «моя пашня», умер «на своей земле Эгюк-катун», «от своей земли и своей воды» отделился, «моя благословенная земля», «моя земля и моя вода», не наслаждался «своей пашней» (анызка)¹⁹⁷.

Особенно важна суджинская эпитафия, в которой от имени знатного судьи Бойла сказано: «Моему наставнику (в вере) я дал сто мужей и стоянку (местожительство)», т. е. судья подарил участок земли и сто мужчин, очевидно, крепостных, а не рабов, потому что в тексте употреблено слово «эр» (муж), а не «кул» (раб)¹⁹⁸.

Отсюда можно заключить, что в середине IX в., когда была установлена эта стела, древнехакасская знать имела в частной собственности, на основе феодалного права, не только землю и скот, но и крестьян (в надписях: «кара будун» — черный народ), которых можно было подарить любому лицу.

В этих же эпитафиях знать похвается не только богатством в виде земель или «скотом без числа», но и казной, добытым оружием или тем, что «золото, серебро, дорогие ткани... я приобрел» в походах, что имел «денег без числа». Иногда прямо говорится: «я был богат» или же, перечисляется: «мое блестящее золото, ковры, казна, одежды мои»¹⁹⁹.

В письменных источниках в описании древних хакасов, кроме правящего рода, различаются «подчиненные» люди (в том числе «подчиненные рода»), «низшие» люди, «вассальные племена», каждый род которых «имеет (свое) имя» и, наконец, рабы из людей соседних

таежных племен, которых «хакасы ловят и употребляют в работу»²⁰⁰.

Естественно, что наряду со сложившимися феодальными отношениями в государстве хакасов в IX—XII вв. еще продолжал сохраняться, но уже в меньшей степени, чем в VI—VIII вв., рабовладельческий уклад. Ряды рабов пополнялись за счет военнопленных. Ведь это была эпоха продолжительных войн и широчайшей экспансии хакасов, дошедших до Северного Китая и Восточного Туркестана.

Социальная дифференциация в обществе древних хакасов была очень резко выражена. Кроме «богатых семей» или «богатых земледельцев», являющихся одновременно богатейшими скотовладельцами, источники описывают сложную огромную иерархию правителей и чиновников, свойственную военно-феодальному государственному аппарату.

Во главе стоял Ажо («государь») или каган (в Худуд ал-Алам он назван «киргиз-каганом») ²⁰¹. «Чиновники разделяются на шесть разрядов, как то: министры, главноначальствующие, управители, делоправители, предводители и даганы (т. е. тарханы.— Л. К.). Министров считается семь, главноначальствующих три, управителей десять. Все сии заведывают войсками. Делоправителей считается пятнадцать; предводители и даганы не имеют чинов (штатного числа)» ²⁰². В другом источнике сказано: «В их государстве правительственные чиновники имеют должности цзай-сяна (т. е. министра.— Л. К.), ду-ду (т. е. тутука.— Л. К.), затем звания цзян-цзюня (т. е. сангуна — генерала.— Л. К.), дацияня (т. е. тархана.— Л. К.)» ²⁰³. Относительно трех «главенствующих» в источниках разъясняется особо: «В их государстве великий командующий называется Хэси-бэй, следующий (по чину) называется Ацзюйшэби-бэй, следующий называется А-ми-бэй. (Эти) три человека вместе управляют». В другой хронике они названы министрами (Гйеси Бей, Гюйшабо Бей и Ами Бей) ²⁰⁴.

Таким образом, управление государством осуществлялось с помощью сложной бюрократической машины, на которую опиралась деспотическая власть кагана. Этот «азиатский деспотизм» проявился в нормах древнехакасского права: «Законы их очень строги. Произведший замешательство перед сражением, невыполнивший посольской должности, подавший неблагоприятный совет государю, так и за воровство, приговаривают к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее» ²⁰⁵. Как сообщает Абу Дулаф: «Го-

сударь у них есть имеющий большую власть: в присутствии его не садится никто, кому нет сорока лет от роду» ²⁰⁶.

Представители власти, принадлежащие к верхушке эксплуатирующего класса, отгораживались от народа, жили в укрепленных крепостях и замках.

Ал-Идриси писал: «Город, в котором живет король киргизов, очень укреплен, окружен стенами, рвами и траншеями» ²⁰⁷. Даже временные, полевые ставки древнехакасского кагана были сильно укреплены: «Ажо имеет пребывание у Черных гор. Стойбище его обнесено надолбами. Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками, и называется миднчжы» (в другом тексте: «В ставке ажэ, установив деревья, сделали ограду, поставили большую войлочную палатку, назвали ее цзаодычжи», в третьем тексте указано: «Их правитель называется ажэ, поэтому фамилия дома Ажэ. Живет на горе Яцин») ²⁰⁸. При этом добавляется, что у ставки ажэ «водружено знамя» ²⁰⁹.

Основной опорой правящих кругов государства была армия, о которой источники сообщают: «строевого войска 80 000». При этом указывается, что существовала всеобщая воинская повинность: «Войско набирается из всех поколений» (т. е. родов.— Л. К.). Только во время войны собиралось народное ополчение: «когда набирают и отправляют (войска), то полностью выступают весь народ и все вассальные поколения» ²¹⁰.

Основой армии была тяжело вооруженная конница. Закованные в панцири и латы, одетые в шлемы, конные воины были вооружены длинными копьями, тяжелыми мечами или саблями, щитами, луками и стрелами. На древках их копий развевались флаги и знамена. Крупные и сильные, специально приученные к сражениям, лошади также были одеты в защитную броню ²¹¹.

На скалах по Енисею сохранилось много вырезанных в древности боевых сцен и отдельных изображений этих конных воинов в полном вооружении с плюмажами на шлемах. Они, как по экипировке, так и по своему положению в обществе, очень похожи на рыцарей феодальной средневековой Европы (рис. 41) ²¹².

После освобождения территории Тувы от уйгуров феодальная верхушка древнехакасского государства управляла населением этой земли уже на началах «кыштымства», т. е. подобно известным отношениям феодалов и зависимых от них кыштымов в более позднее время в XVII в.

Это можно установить по некоторым данным древнехакасских надписей Тувы, а также по некоторым другим сообщениям письменных источников. Например, в известной надписи середины IX в., высеченной на скале Хая-Бажы на р. Хемчик, сказано: «Слушайте, все люди, посла из Кара сэнгир. Ради моей геройской доблести я, Ынанчу именитый чигши, начальник в «Черном хребте», я великий у народа шести подразделений в Кешдиме»²¹³. Из этого текста видно, что Кешдим здесь понимается, как территория (местность)²¹⁴, в которой жил народ «шести подразделений (багов)», а «великим начальником» над ним был поставленный «через написанное... ханом» Ынанчу чигши бег.

Другие народы, услышав про кыштымов, полагали ошибочно, что это название особого народа. Впервые хакасские кыштымы Тувы IX—X вв. упомянуты в анонимном сочинении конца X в. Худуд ал-Алам.

В этом источнике говорится, что имеется «род кыргызов» по имени «кесим», который устанавливает свои войлочные юрты по склонам гор. Люди, «кесим» добывают пушнину, мускус, рог «хуту» (ископаемые бивни мамонта. — Л. К.) и тому подобное. Они являются племенем, отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков²¹⁵.

Из этого текста ясно, что речь идет о некоторой части местных тюркоязычных племен Тувы, которые в IX—X вв. стали кыштымами хакасской знати, т. е. зависимыми от них скотоводами и охотниками, поставлявшими важные для экспорта того времени товары: меха ценных пушных зверей, мускус кабарги и ископаемые бивни мамонтов, которые и теперь часто находят в Тодже и Каа-Хеме. Этим же занимались, в основном, хакасские кыштымы и позднее, в XVII в. Указание на то, что язык этих людей (кесим) ближе всего к карлукскому, позволяет заключить, что кыштымами хакасов стали чики.

Сопоставление одновременных текстов приводит к выводу, что Кешдим надписи на скале Хая-Бажы означает не что иное, как «страна (или земля) кыштымов», которых хакасы в IX—X вв., видимо называли «кешдим» (в персидском тексте «кесим»)²¹⁶. Очевидно, этот же термин встречен в тибетском документе IX в. в форме «тесдум»²¹⁷.

Кыштымство, как известно, есть данническая или вассальная зависимость, которая чаще всего возникала в результате победы одного племени над другим. Но имелось и кыштымство внутривременное, как власть од-

ного «верховного» или «аристократического» рода над другими. Чаще эти «роды» были на деле территориальными общинами или административно-военными группами. Иногда «слабые» роды сами вступали в отношения кыштымства, стремясь приобрести военную защиту от «сильного» рода ценой феодальной зависимости и выплаты оброка²¹⁸.

Именно племена кыштымов цитированные выше письменные источники называли «вассальными племенами» древних хакасов, указывая, что «подчиненные рода ... едят только мясо, конину, верблюжатину и ничего другого», что они «прозываются названиями поколений», т. е. родов, что «ясачные вносят подати соболями и белкою» или «что касается их податей, то вносят соболиными шкурами и песцами»²¹⁹.

Совершенно правильно отмечал Н. Н. Козьмин: «Целые племена обезличивались на положении кыштымов, и под этим наименованием известны. У Рашид-ад-дина мы рядом с теленгутами видим кыштымы»²²⁰. Как мы выяснили, это обезличивание началось гораздо раньше, еще в IX в.²²¹.

Земли степных районов Тувы были разделены хакасскими феодалами на шесть багов, то есть на шесть крупных феодальных владений (уделов)²²². Каждый баг был передан каганом в качестве феодального надела во владение семье одного из военачальников — бегов, очевидно, из числа наиболее отличившихся в многолетней войне с уйгурами. Владение всем багом было наследственным и передавалось от отца к старшему сыну, причем какие-то части багов выделялись и для младших братьев. Стоявшие во главе бага крупные феодалы имели различные титулы, определявшиеся их должностным положением в системе каганата. В управлении багом они опирались на своих сородичей из хакасов, свободное мужское население которых составляло военную дружину каждого из таких феодалов (в надписях: кадаш, алып, эр — товарищ, приятель, герой, муж и т. д.). Однако верной опорой хакасских феодалов была также феодальная знать местных племен (в надписях: эш — товарищ, приятель, друг)²²³. Прочее население бага состояло из ряда категорий феодально-зависимых людей и кыштымов (хакасов и местных жителей) и называлось в надписях просто народ или «черный народ» (кара будун).

Все шесть багов степной части, а также, очевидно, кыштымы горнотаежных районов были объединены и названы в надписях IX—

X вв. «народом шести багов», который и заселял в то время всю Туву. В военно-административном отношении все население Тувы было подчинено назначенному каганом владельцу одного из багов. Такие наместники каганов менялись. Сейчас, по сохранившимся надписям того времени, известны только два таких наместника. Наиболее ранним из них (середина IX в.) был Ынанчу чигши бег, от имени которого в надписи Хая-Бажы сказано: «я великий у народа шести багов в Кешдиге». Наместником был и Эль Туган Тутук, в эпитафии которого говорится: «я был князем народу шести багов»²²⁴.

Только в этих двух текстах сказано, что эти люди были «эльчи», то есть «хранителями установлений эля», очевидно, наместниками от имени аристократического рода древних хакасов.

Исследование административной структуры и организации населения Тувы в период ее вхождения в государство древних хакасов оказалось возможным в результате новой датировки значительного количества древних тюркоязычных надписей Тувы периодом IX—XII вв., изучения территории распространения каменных stel с надписями в соответствии с имеющимися на них тамгообразными личными знаками, а также в результате анализа содержания надписей²²⁵.

На основании распространения тамг сейчас можно приблизительно установить территории отдельных феодальных владений — багов. Первый баг (считая с запада на восток) занимал все левобережье Хемчика до водораздела рек по Западному Саяну, второй — междуречье Хемчика и его притока р. Чадана, третий — располагался от реки Чадана по правобережью Хемчика до Чаа-Холя, заходя на правый берег Улуг-Хема (от устья Хемчика до р. Демир-Суг), четвертый — имел центром долину р. Чаа-Холь, занимая пространство от верховьев р. Чадана до р. Торгалыга и Улуг-Хема, пятый — центральный и самый большой — занимал все правобережье Улуг-Хема от р. Демир-Суг до Бий-Хема, переходил на левый берег между реками Торгалык и Элегест и распространялся, затем, к югу на теперешний Овюр; шестой — охватывал земли от Элегеста на восток до рек Бурени и Каа-Хема и, возможно, заходил на юге в Тес-Хем.

С течением времени территории багов менялись. Есть основания предполагать, что третий баг сравнительно скоро был поглощен четвертым, а пятый разделен на два (с границей по Улуг-Хему) и, таким образом, общее

число багов оставалось неизменным. Наибольшие перемены в семьях — владельцах багов произошли после середины X в., но и тогда багов по-прежнему было шесть²²⁶.

Таким образом, основой феодальных отношений в Туве, в IX—XII вв. была феодальная собственность на землю, как на главное средство производства. При этом баг являлся феодальным уделом, собственностью одной семьи (ср. «Я отделился от моего народа, от моего бага») ²²⁷. Следовательно, при разделении страны в основу был положен удельно-территориальный принцип. В тот или иной баг входили различные уже смешанные родоплеменные группы. Роды и племена давно уже утратили свое первобытнообщинное значение, хотя их названия все еще сохранялись. Род — это уже не община кровнородственных семей, а феодальный по своему существу институт.

Высшая служилая знать, получая феодальные наделы (баги) на освобожденных и вновь завоеванных землях, создавала основную опору государства, высший класс феодалов — бегство. Но довольно скоро развиваются центробежные силы и окрепшие удельные беги, владения которых были нередко значительно удалены от административного центра государства, постепенно стараются обособиться, обрести независимость от верховной власти каганата. Именно против этого был направлен существовавший в древнехакасском государстве институт эля — организация власти одного, связанного кровным родством, аристократического рода кыргызы.

Несмотря на все сдерживающие тенденции, при централизованном характере власти в IX—X вв., с древними хакасами постепенно произошло то же, что и с монголами, по замечанию Карла Маркса: «С течением времени оказалось множество князей; каждый из них владел значительной территорией, имел на своей службе наемные войска или состоял в союзе с воинственными номадами пустыни»²²⁸.

В IX—XII вв. древнехакасское государство состояло из следующих крупных княжеств или улусов, которым нам приходится дать условные названия: собственно Хакасия (Хакасско-Минусинская котловина), Кешдим (Тува), Алтай (горный и северный), «Уйгурия» (Северо-западная Монголия). Все они были разделены на феодальные уделы — баги²²⁹.

В XI—XII вв. древнехакасское государство все более и более втягивается в полосу феодальной раздробленности и в первой половине XII в. оно представляло собой уже федерацию княжеств, каждым из которых управляли князья из рода кыргызы — аристокра-

тического и наиболее богатого рода древних хакасов. Каждое древнехакасское княжество, как это и было свойственно феодальной эпохе, вело собственное замкнутое натуральное хозяйство, что сильно ослабляло экономические и политические взаимосвязи всей федерации.

Таким образом, основными причинами слабости древнехакасского государства было, во-первых, то, что оно представляло собой конгломерат различных и даже разноречивых племен, которым не удалось объединиться и создать единую народность, а, во-вторых, то, что в XI—XII вв. это государство переживало далеко зашедший процесс феодальной раздробленности, когда возникшие центробежные силы парализовали политическое и экономическое единство государства, когда отдельные княжества и уделы, заботясь о своих местных интересах, не могли противопоставить внешним врагам объединенные силы всего народа.

В таком положении находилось население Саяно-Алтайского нагорья перед его завоеванием монгольскими феодалами в начале XIII в.

В середине XII в., под натиском найманов погибло княжество Уйгурия в Северо-западной Монголии. В XII в. обособилось княжество Алтай. О том, что на Алтае и позднее продолжали обитать феодалы из аристократического рода кыргызы, нам известно по сообщению Юаньши: «В 1295 г. кыргызов, проживающих в горах Цзиньшань (Алтай), переселили в Шаньдун и дали им поля, быков и семена»²³⁰.

В конце XII в., кроме собственно Хакасии, в древнехакасскую федерацию входила только Тува, которую монголы называли (по рекам Хем и Хемчик) «областью Кэм-Кэмджиут». Она принадлежала «к местностям, входившим в область кыргызов»²³¹. Рашид-ад-дин сообщает, что в XII и начале XIII в. (перед подчинением монголам в 1207 г.) имелись «Кыргыз и Кэм-кэмджиут две области смежные друг с другом; обе они составляют одно владение... В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны. Титул (каждого) их государя, хотя бы он имел другое имя, — инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью, — иди. Государь ее был... (пропуск). Название другой области — Еди-Орун (т. е. Семь урочищ. — Л. К.), государя тамошнего называли Урус-инал»²³².

Из этих данных можно заключить, что хотя улусы Хакасии (монголами назван «Кыргыз») и Кешдим (Тува, монголами названа

«Кэм-кэмджиут») в начале XIII в. еще «составляют одно владение» под эгидой древнехакасского рода кыргызы, но каждый из них уже имел своего государя, который звался инал²³³. Таким образом монголам при завоевании бассейна верхнего и среднего течения Енисея пришлось иметь дело с «двумя государями».

Таковы конечные результаты процесса феодальной раздробленности, протекавшего в средневековом государстве хакасов.

Население и его культура. В IX—XII вв. в улусе Алтай, кроме немногочисленных, подчинивших себе этот улус, древнехакасских феодалов и их войск, продолжали проживать местные племена. Это потомки восточнотюркских (телесы и др.), западнотюркских (тюрешы и азы) и карлукских племен (чыгаты и др.), а также племен группы телэ (теленгуты и телеуты) и северных алтайцев.

В то же время, по данным арабских и персидских авторов IX—XII вв. (ибн Хордадбега, ал-Якуби, Абу Дулафа, ал-Истахри и др.) на верхнем и среднем течении Иртыша, в предгорьях Алтая и Тарбагатай, вплоть до оз. Балхаш, находилось государство полукочевых кимаков. Кимаки были родственны кипчакам, жившим к западу и востоку от них, и находились в контакте с государством древних хакасов, которое в IX—X вв. на юге граничило с карлуками и уйгурами.

В XI—XII вв. кимаки были несколько потеснены к западу найманами, занявшими хребет Эктаг-Алтая (Монгольский Алтай) и верховья Иртыша²³⁴.

В IX—XII вв. в Туве жили различные родоплеменные группы, говорившие на тюркоязычных диалектах и наречиях. Это были потомки чинков, телэ (телек) и другие местные племена, которых в это время стали называть кыштымами. О них говорит аноним X в. «Худуд ал-Алам», называя их «кесим»: «Они являются племенем отличающимся от кыргызов. Их язык ближе всего к карлукскому, а их одежда подобна одежде кимаков»²³⁵.

Здесь же продолжали жить потомки восточных тюрков-тугу (позднее: тюлюши), продолжавшие, как говорилось выше, сохранять свои этнографические особенности, в частности в погребальном обряде. Наконец, после разгрома уйгуров в Туве осталась большая группа он-уйгуров и сары-уйгуров, связавшая свою судьбу навеки с Енисеем, воспринявшая обычаи и культуру местных племен, но сохранившая свои родовые имена (ондар-уйгур, ондар, сарыглар, куль и пайгара).

В горно-таежной восточной Туве и в Тодже продолжали жить потомки охотничьих племен

дубо, ставших кыштымами древних хакасов. В XI—XII вв. они назывались по-монгольски туматы (по данным Рашид-ад-дина) или тубасы (по «Сокровенному сказанию»). Кроме того, по восточным окраинам Тувинской котловины в XII в. жили монголоязычные ойраты, потеснившие туматов.

После разгрома уйгуров в 840 г. на территорию Тувы переселяются древние хакасы, во главе которых стояли феодалы из хакасского аристократического рода кыргызы. Основные группы древних хакасов сохранились в составе современных тувинцев и дархатов Монголии: кыргызы, хаасуты и др. Самоназвание хаасут (с долгим звуком «а») есть современная стяженная форма от древнего «хакас», оформленная аффиксом, монгольского множественного числа (хаас+ут; ср. тюркское «хаастар» — самоназвание качинцев).

Изучение енисейских надписей позволило нам выявить, что древние хакасы говорили и писали в VII—XII в. на двух наречиях²³⁶. Собственно, и древнехакасские памятники Хакасско-Минусинской котловины разделяются на два наречия по употреблению в ряде слов звуков «и» или «э» (ил, эл-аристократический род; бир, бер — дай и т. п.). При картографировании памятников оказалось, что на «э»-наречии говорили тогдашние северные хакасы, жившие на Июсах, Чулыме, по левому берегу Енисея от р. Ташебы до Теси, Ербы и ниже. Северные хакасы жили также на правом берегу Енисея в долине р. Тубы. На наречьи «и» говорили южные хакасы, жившие в междуречье Абакана и Енисея, а также по левому берегу Абакана и по всей долине р. Уйбата.

Важно, что отмечаемое нами наличие в средневековой Хакасии VII—IX вв. двух групп тюркоязычного населения («северного» и «южного» наречий) отражало, очевидно, вполне реальную картину, ибо близкие наречия зафиксированы лингвистической наукой и у современных хакасов: «э»-наречие у северных хакасов (кызыльцы, шорцы, а также бельтиры), «и»-наречие у южных (сагайцы, качинцы) и в литературном хакасском языке²³⁷.

Неудивительно, что после переселения части древних хакасов в Туву в бассейне Верхнего Енисея и Хемчика появились памятники, также отражающие наречия северных и южных древних хакасов²³⁸. При этом, очевидно, основные силы южных хакасов прошли в Монголию, свидетельством чего является известная суджинская древнехакасская стела с надписью на южном «и»-наречии (мен, биртим и пр.)²³⁹, а Тува была поделена между феодалами,

преимущественно северохакасскими и по происхождению и по языку. Это подтверждается преобладанием среди древнехакасских памятников Тувы надписей на северохакасском «э»-наречии и генеалогическими взаимосвязями их тамгообразных знаков.

Ввиду того что древние хакасы сжигали своих умерших, их антропологический тип может быть установлен лишь по данным письменных источников. Эти источники при характеристике внешности хакасов довольно единообразны и указывают на смешанность их антропологического типа. В Синь Таншу говорится: «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались не хорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лин (полководца наместника гуннов в I в. до н. э. — Л. К.). Мужчины были менее, нежели женщины. Мужчины носили кольца в ушах. Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею»²⁴⁰. Почти то же сообщается в Тайпинхуаньюйцзи: «Их жители телом все высокими и велики, с красными волосами, с зелеными глазами. Имеющих черные волосы называют несчастливыми... Имеющие черные волосы и черные глаза — это потомки Ли Лина»²⁴¹. Персидский географ XI в. Гардизи также сообщает, что у кыргызов «красные волосы и белая кожа»²⁴². Таким образом, у древних хакасов, наряду с рыжеволосыми и голубоглазыми потомками европеоидов, были черноволосые и кареглазые или зеленоглазые люди.

Многие приведенные выше данные свидетельствуют о высоком уровне хозяйственного и культурного развития населения древнехакасского государства в период IX—XII вв. Высшим достижением этой культуры было широкое распространение письменности. Об этом красноречиво говорит следующий факт: из пятидесяти трех учтенных на территории Тувы памятников енисейской письменности два — относятся к уйгурскому периоду, два — не могут быть пока датированы, а остальные сорок девять надписей датируются IX—XII вв.²⁴³. Такое большое количество памятников письменности, а также само содержание надписей свидетельствует о широком распространении грамотности не только среди знати, но и среди простого народа. В этом отношении характерно обращение в надписи Хая-Бажы («Слушайте, все люди, посла из Кара сэнгир»), которое явно было рассчитано на чтение этой надписи многими людьми. О распространении

грамотности говорят и надписи (обычно указывающие на имя владельца) на простых предметах (на обломках зеркал, на пряслицах), а также упоминавшаяся выше хакасская надпись, вырезанная на танской монете. Все это позволяет предполагать наличие у хакасов каких-то школ и, во всяком случае, учителей.

Выше говорилось, что в начале X в. знатные хакасы, не удовлетворялись «домашним образованием» своих детей и посылали их для продолжения образования за границу в киданьское государство Ляо (Северный Китай), где в те времена существовали уже академии. Естественно, что в этот период в хакасском государстве имелись не только люди, знающие китайский и киданьский языки, но и люди, получившие иноземное образование. Это объясняет наличие в енисейских надписях заимствованных китайских терминов. Отдельные люди знали и тибетский язык. Во всяком случае, в IX в. известен переписчик в тибетской транскрипции китайских буддийских книг, который был выходцем «из княжеского дома страны Кыргыз»²⁴⁴.

Особо интересна надпись с р. Бегре, посвященная умершему в возрасте шестидесяти семи лет чиновнику Тер-апа. В надписи говорится: «в пятнадцать лет я был взят на воспитание к китайцам» и далее «в мои пятнадцать лет я пошел к китайскому императору ради моих способностей»²⁴⁵. Отсюда видно, что некоторые хакаские юноши к пятнадцати годам уже были достаточно грамотны и наиболее способные из них посылались для продолжения образования в Северный Китай.

Писали, конечно, не только на каменных плитах и скалах. На камне вырезали те надписи, которые хотели увековечить. Из слов Абу Дулафа (есть «тростник, которым пишут») видно, что в конце IX в. обычно употреблялись при письме тростниковые перья (а не китайские кисточки), которыми можно было писать только жидкими чернилами, очевидно на коже, вываренной бересте или на бумаге. К сожалению, такого рода «грамот» пока не найдено, но они еще могут быть обнаружены при археологических раскопках²⁴⁶. Ныне известно, что при дипломатической переписке хакаские каганы пользовались в середине IX в. собственной письменностью, которая тогда, благодаря уйгурам, была широко известна в Центральной Азии и на Дальнем Востоке (ср. данные Синь Таншу: «Письмо их и язык совершенно сходны с хойхускими», т. е. с уйгурско-тюркской руноподобной письменностью²⁴⁷.

Исходя из всего сказанного, можно предполагать, что в древнехакасском государстве была своя литература, были рукописные книги. Некоторые эпитафии на каменных стелах написаны стихами, что позволило лучшему из знатоку, тюркологу С. Е. Малову заявить, что «это кладбищенская поэзия»²⁴⁸. Должна была быть и переводная литература: для распространения манихейства в тюркоязычной среде народов Саяно-Алтая надо было переводить священные тексты манихеев на тюркские языки. Об этом свидетельствует наличие в енисейских надписях терминов, заимствованных из манихейской литературы (мар, баг и др.). Самобытная енисейская письменность в бассейне верхнего и среднего течения Енисея существовала вплоть до монгольского завоевания, то есть до начала XIII в.

Центрами культуры, естественно, были города древних хакасов, которые, к сожалению, еще не изучены археологами. Выше уже приводилось сообщение Худуд ал-Алам о городе Кемиджет, в котором в начале X в. жил каган хакасов, а также сообщения других источников о его ставках и крепостях. Особенно важное сообщение о городах содержится в сочинении знаменитого арабского географа середины XII в. ал-Идриси: «Все города страны киргизов расположены на территории, пространство которой измеряется 3 днями пути. Их четыре, большие, окруженные стенами и фортификационными сооружениями, и обитаемые трудолюбивыми, храбрыми и мужественными народами, которые особенно должны опасаться предприимчивости короля кимаков, желчного принца, который находится почти всегда в состоянии войны со своими соседями»²⁴⁹.

В религиозном отношении древние хакасы были шаманистами. Но к середине IX в. часть знати в результате уйгурского влияния приняла манихейство. Об этом свидетельствует текст единственной на территории Монголии хакасской надписи судьи Бойла, о которой уже говорилось выше. В ней упоминается наставник судьи, для обозначения которого употреблен не тюркский, а сирийский термин «мар»²⁵⁰. Так называли своих проповедников и вероучителей последователи манихейской религии, из чего можно заключить, что этот хакасский вельможа исповедовал манихейство²⁵¹. Ко второй половине IX в. относятся и сведения арабского географа Абу Дулафа. Его сообщение о религии хакасов подтверждает их приверженность к манихейству в этот период. Вот что он пишет: «Есть у них храм для богомоления и тростник, которым пишут.

Народ разсудительный и осмотрительный. Зажегши светильник не гасят его, пока не погаснет сам собою. В молитвах употребляют особую, мерную речь... В год имеют три праздника. Знамена их зеленого цвета. Молясь обращаются к югу. Поклоняются планетам Сатурну и Венере, а Марса считают дурным предзнаменованием»²⁵².

Наличие храма, священного огня, горевшего во время ночных молений, особой «мерной» речи, обращение во время молитвы к югу — все это говорит о манихействе, а не о какой-либо другой религии или, тем более, о шаманизме²⁵³. Чрезвычайно важно указание, что хакасы «поклоняются планетам», так как именно манихейству присущ был астральный культ семи планет — божеств, которые предводительствовали семью днями недели. Очевидно, манихейским является железный алтарь с четырьмя чашечками-светильниками, портативный и разборный, удобный для перевозки, хранящийся в Минусинском музее²⁵⁴.

Таким образом, не остается сомнения в том, что манихейство в Туве было распространено в период от середины VIII до начала X в.

Однако манихейство не пустило глубоких корней ни в Хакасско-Минусинской котловине, ни в Туве. Преобладающая часть простых людей по-прежнему оставалась верной шаманизму, и постепенно (уже, видимо, к середине X в.) манихейские проповедники в бассейне Енисея окончательно уступают место шаманам.

Такой вывод можно сделать на основании анализа последующих источников и, в первую очередь, труда персидского географа Гардизи «Украшение известий». Эта книга была написана в середине XI в., но сообщаемые в ней сведения относятся преимущественно ко второй половине X в. Вот как, в отличие от писавшего на полтора века ранее Абу Дулафа, описывает Гардизи верования хакасов: «Некоторые из них поклоняются корове, другие — ветру, третьи — ежу, четвертые — сороке, пятые — соколу, шестые — красивым деревьям. Среди них есть люди, которых называют фагинунами; каждый год они приходят в определенный день, приводят всех музыкантов и готовят все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагину лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает и большей частью бывает так, как он сказал»²⁵⁵.

Из этого сообщения ясно, что хакасы во второй половине X в. в основном уже вновь были шаманистами, имели шаманов-прорицателей, поклонялись силам природы, что находит выражение в культе орла и культе дерева, которые широко были распространены у народов Сибири еще в недавнем прошлом.

Данные Гардизи подтверждаются арабским автором начала XII в. Марвази, который также пишет о хакасских шаманах-фагинунах и об их предсказаниях²⁵⁶. С ними согласуются и данные Синь Таншу (XI в.): «Жертву духам приносят в поле. Для жертвоприношений нет определенного времени. Шаманов называют гань (кам)»²⁵⁷.

Из других явлений, характеризующих культуру древних хакасов, необходимо отметить наличие самобытного календаря, основанного на двенадцатилетнем животном цикле: «Жители, говоря о начале года, называют (его) «мао-ши», говоря о месяце, называют (его) «ай». Каждые три «ай» составляют один сезон, чтобы различать весну, лето, осень и зиму. С помощью двенадцати животных считают годы; например, если год находится под циклическим знаком «цзы», то называют годом мыши; если под знаком «сюй», то называют годом собаки. Это (у них) одинаково с уйгурами». И еще — «год в знаке «инь» называют годом тигра»²⁵⁸. Этот двенадцатилетний календарь сохранился и у современных хакасов²⁵⁹.

Сообщается также о самобытных музыкальных инструментах, и о наличии цирковых зрелищ: «Из музыкальных инструментов имеют барабан, флейты, свирели, дудки, плоские колокольцы. На больших собраниях бывают еще игры: бег верблюдов, львы, конские упражнения и пр.». О том же говорится в другом источнике: «Из музыкальных орудий имеют флейту, бубен и два неизвестные. Из зрелищ употребительны: верблюд и лев обученные, волтжирование на лошадях и балансирование по веревке»²⁶⁰.

Отметим также, что для переправы через Енисей (Гянь-Хэ, т. е. река Кем) имелись паромы из спаренных судов, т. е. барок²⁶¹.

Для населения древнехакасского государства характерно знакомство с культурой запада и востока. Этому способствовали широкие культурные, торговые и посольские связи. Сами хакасы в ту пору ездили в Среднюю Азию, Восточный Туркестан, Тибет, Китай, киданьское государство Ляо. Расширились и брачные связи знати. Например, известно, что в 20-х годах IX в. каган хакасов был женат на

дочери карлукского ябгу, а мать его была тюркешка²⁶².

В ту пору на Енисей приезжали не только послы и купцы из Средней Азии, Восточного Туркестана, Тибета, Китая и Ляо, но с их караванами прибывали такие путешественники, как, например, известные арабоязычные ученые: географ Абу Дулаф (X в.) и лингвист-тюрколог Махмуд Кашгарский (XI в.), описавшие страну и языки местного населения²⁶³.

Слава о древнехакасском государстве в эпоху его расцвета была распространена очень широко. Представления о его организации, мощи, культуре, общественном устройстве были идеализированы некоторыми крупнейшими деятелями культуры средневекового Востока. Так, великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви, живший в XII в., в своей известной поэме «Искендер-намэ» описал благословенную «страну Хирхиз» в верховьях Енисея, придав ей черты утопического государства всеобщего благоденствия, равенства, братства и счастья²⁶⁴.

Триста шестьдесят лет (840—1207 г.) все обитавшие тогда на Саяно-Алтайском нагорье народы (тюркоязычные, самодийские, угро- и кетоязычные) входили в одно феодальное государство, во главе которого стояла тюркоязычная группа древних хакасов. Высокий уровень хозяйственной жизни и расцвет культуры, падающие на этот период времени, естественно, не могут связываться только с хакасами. Все это было достижением и достоянием всех этнических групп, обитавших в то время на Саяно-Алтайском нагорье. Лишь творческими усилиями всех этих групп были накоплены многие культурные ценности.

Этнические группы, входившие в это государство, являются предками современных тувинцев, хакасов, алтайцев, тофаларов и шорцев. Многие факты, указывающие на родственные связи современных народов Саяно-Алтая в области языка, культуры и происхождения, восходят главным образом к этому времени.

За 360 лет мирного сожительства в одном

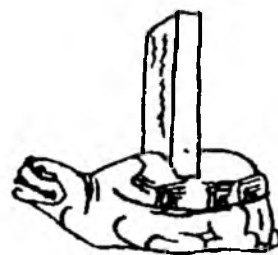
государстве, естественно, некоторые этнические группы или части их передвигались из одного района Саяно-Алтайского нагорья в другой, что приводило к их смешению. Археологами установлено, что в IX—X вв. какая-то часть тюркоязычного населения Тувы и Горного Алтая переселилась в Хакасско-Минусинскую котловину, где появились несвойственные прежде этой местности погребения по древнетюркскому обряду труположения с конем²⁶⁵, характерные для Тувы и Алтая еще в VI—VIII вв. В то же время и в Туве, и на Алтае появились древнехакасские погребения (по обряду трупосожжения с характерными для хакасов формами вещей), а также памятники древнехакасской письменности. Эти же передвижения племен указаны письменными источниками.

Именно перемещением населения в рассматриваемое время и объясняется тот факт, что в составе современных тувинцев, хакасов, алтайцев и тофаларов имеется значительное количество одноименных подразделений, так называемых родовых групп или сеоков.

Так появились, очевидно, общие сеоки современных хакасов и тувинцев: кыргызы, сарыг, хаас (хаазут), иргит, туба и чода (чооду), и др.; алтайцев и тувинцев: куу, тюлюш (телес), иргит, соян, чооду, сарыг и т. д. Даже кыргызы остались в какой-то части на территории Тувы и стали постепенно тувинцами и по языку, и по культуре, но сохранили свое древнее самоназвание. С периодом IX—XII вв. в своем происхождении связана, очевидно, та многочисленная группа тувинцев — кыргызов, которая и теперь проживает в центральных районах Тувы и которая на протяжении многих веков занимала в политическом отношении главенствующее положение среди других тувинских родоплеменных групп²⁶⁶.

Хакасский период в истории Тувы важен тем, что именно тогда возникли глубокие родственные культурные и дружественные связи между предками современных народов Саяно-Алтайского нагорья.

МОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ТУВЫ (XIII—XV вв.)

В начале XIII века на многие страны Старого света, от Китая до Венгрии, обрушилось страшное монгольское нашествие. Одним из первых, еще в 1207 году, монгольскими феодалами было захвачено близлежащее древнехакасское государство. С этого времени в истории Тувы начался монгольский период, внесший решающие коррективы в развитие этногенетического процесса, приведшего к сложению современного тувинского народа. Изучению монгольского периода, закончившегося сложением в начале XVI века собственно тувинской культуры, посвящается заключительная глава нашего исследования истории средневековых племен, обитавших на территории современной Тувы.

ЗАВОЕВАНИЕ САЯНО-АЛТАЙСКОГО НАГОРЬЯ МОНГОЛЬСКИМИ ФЕОДАЛАМИ И БОРЬБА МЕСТНЫХ ПЛЕМЕН ЗА СВОБОДУ

Создание Монгольской империи и завоевание земель бывшего древнехакасского государства. В IX—X вв. монголоязычные племена обитали на восточной и северо-восточной окраинах территории современной Монголии, в треугольнике между реками Хуанхэ, Селенгой и верховьями Амура (Аргунь). К западу от них на остальной территории теперешней Монголии и Джунгарии жили тюркоязычные племена: потомки тюрков-тугу, кимаки-кипчаки, уйгуры и др. Последними тюркоязычными правителями западной части Центральной Азии были древние хакасы.

В X—XII вв. восточной частью Монголии владели кидани. Западным пограничным пунктом их владений был город Хэдунычэн в верховьях р. Орхон, о котором в «Географии» киданьской династии Ляо (916—1124 гг.) сказано, что это «уйгурский город Хэтунь (очевидно, Хатун. — Л. К.), ошибочно названный

Хэдуном»¹. В период киданьского господства оставшиеся в этой части Центральной Азии уйгуры сохраняли свои города, и лишь сменившие киданей чжурчжени (династия Цзинь) завладели ими. Это событие упоминается под 1123 г. в истории династии Цзинь (Цзиньши), где указано, что «три уйгурских города Кэ-чен, Гао-чен и Эн-чен вошли в состав области Средней столицы»².

В XI—XII вв. начался процесс постепенного расселения монголоязычных племен на запад, сопровождавшийся частичным вытеснением и ассимиляцией местных тюркоязычных племен. Однако, как говорилось, даже в восточной части Монголии уйгуры сохранялись до начала XII века.

Двигавшиеся на запад найманы вытеснили в XI—XII вв. из района хребта Эктаг-Алтай (Монгольский Алтай) и с верховьев Иртыша тюркоязычных кимаков-кипчаков, которые отступили на запад в Кипчакскую степь³. В котловине Больших озер между Монгольским Алтаем, Хангаем и Тянну-Олоу найманы столкнулись с древними хакасами. Здесь находилось самое южное древнехакасское княжество, которое мы выше условно называли «Уйгурией». Именно о нем, очевидно, говорит восходящее к XI в. сообщение монгольского эпоса о жившем на р. Орхоне хане мангутов Начине: «Соседним государством Начина является государство кергисов». Это княжество хотя и сохранилось до середины XII в., но было сильно ослаблено войной с монголоязычными киданями, о которой сообщает персидский историк XIII в. Джувейни. Когда в 1130 г. десяти тысячное войско киданей во главе с гурханом Елюем Даши, проходя с р. Орхона в Среднюю Азию, «подшло к границе киргиз, они напали на племена, которые были в тех пределах, а то племя (киргизы) также оказывало им противодействие. Оттуда они тоже двинулись, пока не достигли Имиля. Там они основали

город, от которого теперь остались только развалины»⁴.

В этой войне кидани были разбиты и отброшены в Джунгарию к р. Эмель. Эти события, естественно, не могли бы произойти, если бы древние хакасы в то время жили уже только в Хакасско-Минусинской котловине и в Туве. Здесь речь идет о столкновении киданей с хакасами на южных границах Северо-западной Монголии, когда кидани из центральной Монголии, из бассейна р. Орхона, через Монгольский Алтай проходили в Джунгарию на р. Эмель в район современного г. Чугучука.

Разгром киданей подтверждается и дальнейшим сообщением Джувейни. Когда гурхан обосновался в Семиречье с центром в г. Баласагуне в 1133 г., «он отправил войско на Кашгар и Хотан и покорил их. Затем он послал войско к пределу киргиз, чтобы отомстить за беспокойства, причиненные ими, и взял Бишбалык»⁵, находившийся в Восточном Туркестане.

Хотя детали этой войны остаются неизвестными, несомненно кидани потерпели поражение⁶. Древние хакасы, жившие в Северо-Западной Монголии, сохранили и тогда самостоятельность, но очевидно, дорогой ценой и ненадолго. То, что не удалось киданям, вскоре совершили найманы. Как указывает Рашид-ад-дин, при Эниат-каане в середине XII в. «они разбили племя киргизов». Так как после этого граница найманов с «областью киргиз» прошла по хребту Танну-Ола⁷, очевидно, что найманы захватили тогда Северо-западную Монголию и ликвидировали находившееся в ней с середины IX в. южнохакасское княжество⁸.

В то же время по восточным окраинам Тувино-котловин (в так называемом Семиречье близ истоков Каа-Хема), по водоразделу сибирских и центральноазиатских рек, расселились монголыязычные ойраты, вытеснившие оттуда «в пределы страны киргизов», т. е. в восточную Туву, часть живших там туматов (потомков прежних дубо)⁹.

Таким образом, с середины XII в. на всей территории современной Монголии господствовали уже монголыязычные племена и граница основного размежевания тюрков и монголов стала такой же, как в настоящее время. Однако оставшееся в западной части Монголии и в Джунгарии тюркоязычное население сохранялось на протяжении веков, ассимиляция его протекала очень замедленно, местами тюркоязычные этнические группы сохранились до современности.

В XII—XIII вв. различные тюркоязычные группы западной Монголии и Джунгарии

(главным образом из числа племен прежде входивших в тюркский каганат и родственных соседним алтайским и восточноказахстанским) в память недавних последних своих тюркоязычных правителей приняли объединяющее их имя киргизов, чтобы отличаться от пришельцев-монголов¹⁰. При этом, естественно, происхождение новых центральноазиатских «киргизов» и древних хакасов с их аристократическим родом кыргызы было совершенно различным. Об этом знал еще среднеазиатский историк Абул-Гази, который, опираясь на известные ему письменные источники, совершенно справедливо писал: «Монголы и другие племена, истребив кыргызов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя киргизов. Они сами знают, из какого они рода»¹¹.

Среди найманов, которые, как известно, пользовались уйгурской письменностью, жили и другие тюркоязычные группы, например, остатки кипчакского племени кимаков, а также уйгуры (купцы, писари и т. п.).

В борьбе за объединение раздробленных монгольских племен и создание первого монгольского государства Тэмучин (будущий Чингис-хан) в конце XII в. вел войну и с найманами. В 1199 г. он разгромил близ озера Кызыл-Баш (ныне Улунгур-Нур) на Черном Иртыше найманского Буюрук-хана, который бежал после этого и «ушел в область Кэм-Кэмджнут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов»¹², т. е. в Туву.

В 1204—1205 гг. Тэмучин завершил покорение монгольских племен и, разгромив найманов, завоевал Северо-западную Монголию и Джунгарию. Он поставил там наместником и неограниченным властителем своего друга Хорчи, указав: «Будь темником и управляй этой западной страной до Золотых гор» (т. е. до Алтая). Среди отданных под управление Хорчи монголыязычных бааринцев, адаркинцев и чинисцев, упомянуты и тюркоязычные тооласы и теленгуты, кочевавшие в предгорьях Южного Алтая. В повелении Тэмучина сказано: «Пусть Хорчи невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-эрдышских лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою лесных народов. Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться»¹³.

В 1206 г. Тэмучин на всеобщем курултае был провозглашен Чингис-ханом. Грозная монгольская опасность уже нависла над многими странами Азии и Европы...

Первыми, однако, с этой опасностью встретились соседние тюркоязычные племена и, прежде всего, племена, входившие в IX—XII вв. в государство древних хакасов. Уже в XI—XII вв. задолго до Чингис-хана, им приходилось сражаться с монголоязычными племенами, которые, продвигаясь на запад, постепенно занимали земли местных тюркоязычных и других племен.

Ко времени провозглашения Чингис-хана на курултае 1206 г. федерация древнехакасских княжеств была уже совсем слабой. Обособилось княжество Алтай. Под двойным ударом киданей и найманов в середине XII в. погибло южнохакасское княжество «Уйгурия».

Как указывает Рашид-ад-дин, в конце XII — начале XIII в. от этой федерации сохранилось лишь два княжества: «Киргиз» (коренные земли хакасов, собственно Хакасско-Минусинская котловина) и «Кэм-кэмджиут» (Тува, так ее называли монголы по рекам Хем-Енисей и Хемчик). Текст гласит: «Киргиз и Кэм-кэмджиут две области, смежные друг с другом; обе они составляют одно владение. Кэм-Кэмджиут — большая река, одной стороной она соприкасается с областью монголов (Могулистан) и одна (ее) граница — с рекой Селегой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона соприкасается с (бассейном) большой реки, которую называют Анкара-Мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир. Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов. Племена кори, баргу, тумат и байаут, из коих некоторые суть монголы и обитают в местности Баргуджин-Токум, также близки к этой области. В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны. Титул (каждого) их государя, хотя бы он имел другое имя, — инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью, — иди. Государь ее был... (пропуск). Название другой области — Еди-Орун, государя тамошнего называли Урус-инал»¹⁴.

Из приведенного текста можно заключить, что хотя княжества Хакасия (монголами названа «Киргиз») и Кешдим (Тува, монголами названа «Кэм-кэмджиут») в начале XIII в. еще «составляют одно владение» под эгидой древнехакасского рода кыргыз, каждое из них уже имело своего «государя», который звался инал¹⁵ и монголами при завоевании бассейна верхнего и среднего течения Енисея пришлось иметь дело с «двумя государями».

Из тех же данных совершенно ясно, что монголы, а вслед за ними Рашид-ад-дин, именем Кэм-кэмджиут называли территорию сов-

ременной Тувы, которая, однако, имела и свое, очевидно, местное название. К сожалению, это название пропущено в рукописи Рашид-ад-дина. В одном месте, говоря о пути послов Чингис-хана из Монголии «к киргизским эмирам и начальникам», указано: «Сначала они прибыли в область, название которой... (пропуск), а тамошнего эмира называли... (пропуск). После этого они (прибыли) в другую область, название которой Еди-Урун, а тамошнего эмира называли Урус-инал»¹⁶.

Из сопоставления приведенных данных и географического расположения областей очевидно, что в этом месте упущены местное имя Тувы и ее правителя, а под именем Еди-Урун, т. е. в дословном переводе «Семь мест» («Семь урочищ») была известна Хакасско-Минусинская котловина, населением которой правил в начале XIII в. Урус-инал. Северная граница владений Урус-инала доходила до впадения Ангары в Енисей, где находился город Кикас, о котором сказано: «Город тот принадлежит к области киргизов»¹⁷.

В 1207 г. (как сообщает монгольская хроника 1240 г. «Сокровенное сказание») огромная монгольская армия под командованием Джучи, старшего сына Чингиса, завоевала все так называемые «лесные народы», жившие в Южной Сибири от Байкала и Косогола до Западной Сибири. При этом было захвачено Саяно-Алтайское нагорье и федерация княжеств древнехакасского государства.

В источнике сказано: «В год зайца (1207 г.) Чжочи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Проводником отбыл Буха... Подчинив ойратов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжочи приступил к тумен-киргизам. Тогда к Чжочи явились киргизские нойоны Еди, Инал¹⁸, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и белыми же соболями¹⁹. Чжочи принял под власть монгольскую все лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: шибир, кесдин, байт, тухас, тенлек, тоелес, тас и бачжиги. Взял он с собою киргизских нойонов-темников и тысячников, а также нойонов лесных народов и, представив Чингис-хану, велел бить государю челом своими белыми кречетами, да белыми ж меринами, да белыми ж соболями»²⁰.

После этого, Чингис-хан отдал в удел Джучи-хану все завоеванные «лесные народы».

Однако, как сообщается в ряде источников (Юаньши, Мэнда бэй-лу, Шэн-у цинь-чжэн лу,

в сочинениях Рашид-ад-дина и Абул-Гази)²¹, в конце осени того же 1207 г., после похода на тангутское государство Си Ся, Чингис-хану понадобилось получить подтверждение о подчинении ему тех двух областей, во главе которых стояли кыргызские государи. К ним были направлены послы Алтан и Бура. «Оба эти эмира оказали полный почет упомянутым послам и, послав вместе с ними своих двух послов, имя одного (из которых) Илик-Тимур, а другого Аткирак, отправили обратно с белым соколом и подчинились Чингиз-хану»²².

Судя по этим источникам, правителя области Еди-Урун (бассейн Среднего Енисея) называли Урус-инал, или, иногда Еди-Инал (последнее, видимо, по имени области: инал области Еди). Местное название Тувы отсутствует и в этих текстах, но зато имеется имя князя из рода кыргыз, который владел Тувой. В разных текстах его имя читается как Алдиер («Сокровенное сказание»), то как Алдар (Юаньши), или Алигнер (Атэлила и т. п.).

Так как в других местах тех же источников сообщается о трех кыргызских послах к Чингис-хану (Урут-Утуджу, Элик-Тимур и Аткирак) и о трех кыргызских нойонах (Еди-инал, Алдиер и Олебек-дигин), бивших ему челом через Джучи-хана, то весьма вероятно, что власть монголов тогда признали три древне-хакасских княжества²³. Третьим княжеством, где также правил князь из рода кыргыз по имени Олебек-дигин (т. е. Олебек-тигин, «принц Олебек») был, скорее всего, Алтай.

В «Сокровенном сказании» упоминается, что в 1207 г. Джучи-хан столкнулся на Саяно-Алтайском нагорье с «тумен-киргизами», т. е. с десяти тысячами кыргызами²⁴ и имел дело с «киргизскими нойонами-темниками и тысячниками». Это означает, что еще до монгольского завоевания в древнехакасских княжествах, в том числе и в Туве, население и войско было поделено по азиатской десятичной системе на территориальные воинские единицы (десятки, сотни, тысячи и тьмы или тумены — десятки тысяч)²⁵. Следовательно, имелись десятские, сотники, тысячники и темники. Такая военно-административная организация появилась в древнехакасских землях, очевидно, в период бесконечных внешних и междоусобных войн отдельных феодалов во время появления раздробленных удельных княжеств в XI—XII вв.

После завоевания 1207 г. население Южной Сибири попало под иго монгольских феодалов, которые не ограничивались только сбором дани, но беспощадно эксплуатировали порабо-

щенное население. Гнет этот особенно усилился после того, как Чингис-хан начал свои бесконечные завоевательные войны, напад в 1211 г. на государство чжурчженей (династия Цзинь, 1115—1234 гг.), находившееся в северном Китае.

С этих пор монгольские правители стремились из завоеванных племен выжать все, что могло способствовать монгольским войскам совершать победоносные грабительские походы в богатые цивилизованные страны. Такая политика вызывала постоянные возмущения свободолюбивых племен Саяно-Алтайского нагорья. На протяжении всего XIII в. здесь вспыхивали восстания, шла борьба и лилась кровь.

В восточной Туве жили тюркоязычные туматы (прежде называемые дубо), во главе которых стоял их вождь Тайтула-Сокар. В 1207 г. Тайтула-Сокар вместе с «киргизскими нойонами», после завоевательного похода Джучи-хана, подчинился монголам. Но в 1217 г. (в год быка) туматы, которые «жили в пределах страны киргизов и были чрезвычайно воинственным племенем и войском», восстали.

Чингис-хан послал большую армию во главе с опытным полководцем Борагул-нойоном (Борохул). Завязались «большие сражения», во время которых Борагул-нойон был убит «мятежными» туматами²⁶.

Монгольским войскам было непривычно действовать в тасжных гористых местах, где жили туматы. И потому, назначенный взамен Борагула, нойон Дорбо Докшин (Дурбай-нойон), «вооружив ратников топорами, тесками, пилами и долотами и всяким потребным инструментом... приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пировавших беспечно туматов и полонил их»²⁷. Сто семейств туматов было отдано в рабство семье убитого Борагула. По комментарию Рашид-ад-дина, «так как туматы были злокозненным и недоброжелательным племенем, то (монголы) множество из них перебили»²⁸.

Восстание туматов и расправа с ними взволновали жившие в Туве племена, возглавляемые феодалами из рода кыргыз.

В следующем 1218 г., когда монгольские сборщики дани потребовали для своих феодалов туматских девушек, туматы восстали вторично. Тогда их поддержали другие местные племена: «... в год барса (1218), когда восстало одно (из) племен тумат, сидевшее в Баргуджин-Токуме и Байлуке, для его покорения

(монголы), из-за того, что оно было поблизости от киргизов, потребовали от киргизов войско; те не дали и восстали» — пишет Рашид-ад-дин.

Разразилась серьезная война. Во главе восставших племен встал полководец из рода киргыз по имени Курлун. Чингис-хан послал для подавления восстания большую армию во главе с верховным владетелем «лесных племен» Джучи-ханом. Передовой отряд, как и в 1207 г., вновь возглавлял Буха²⁹.

Фактически в 1218 г. произошло повторное завоевание Саяно-Алтайского нагорья. Буха, как пишет Рашид-ад-дин, «обратил в бегство киргизов и вернулся назад от восьмой реки»³⁰. Отсюда видно, что Буха встретил их войско в пограничной части северной Монголии и загнал этот отряд в Туву, ибо он уже вернулся из Восьмиречья, которое находилось в истоках Каа-Хема.

Джучи-хан с основной армией шел зимой. «Он прошел по льду через Селенгу и другие реки, которые замерзли», а когда он вошел в Туву, то «лед уже сковал реку Кэм-Кэмджиут. Он прошел по льду и, покорив и подчинив киргизов, вернулся назад»³¹.

Очевидно, армия Джучи по льду Енисея прошла тогда в Хакаско-Минусинскую котловину и разгромила там древних хакасов, ибо и в китайском тексте «Шэн-у цинь-чжэн лу» сказано, что он прошел «реку Кянь и вниз по ней. Покорил кэргисы, хапхасы, телянью, кэшидими, хоин и ирган роды»³².

Рашид-ад-дин указывает, что в этом походе Джучи покорил «лесные племена» урасут, теленгут и куштеми, которые «обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов», а также тех из них, страна которых «была расположена по ту сторону киргизов (на расстоянии) около одного месяца пути... Во время (этого) похода и возвращения он также захватил и те племена»³³.

Отсюда видно, что в восстании участвовали почти все племена Саяно-Алтая. Восстание населения бывшего древнехакасского государства получило широкий отклик в Центральной Азии. В том же году взбунтовались некоторые монголоязычные племена и, прежде всего, жившие к югу: найманы, а также меркиты. Чингис-хан, задумавший поход на Среднюю Азию, должен был выслать карательные войска против найманов «и других племен, которые бунтовали по всем углам (его владений)»³⁴. Есть сведения, что карательная армия Джучи-хана прямо с Енисея выступила без передышки на помощь войскам Субэдая для разгрома мя

тежных меркитов, бежавших в Кипчакскую степь³⁵.

В 1227 г. Чингис-хан и его старший сын Джучи-хан умерли. Саяно-Алтайское нагорье, 20 лет находившееся в улусе Джучи (столица которого помещалась на Иртыше)³⁶, отошло теперь к коренному улусу великого хана и перешло во владение Тулуя, младшего сына Чингиса, а после его смерти (1233 г.) — во владение его старшей жены известной Соркуктани-беги (матери Мункэ, Хубилая, Хулагу и Ариг-Буки) и их потомков³⁷.

Во время правления великого хана Угэдэя (1229—1241), старавшегося прослыть «справедливым», монгольская знать пыталась урегулировать отношения с верхушкой немирных покоренных племен, среди которых происходило брожение. С этой целью Угэдэй взял себе в жены меркитку и киргызку (по Юаньши: «цилицизи-хутени»). Последняя была четвертой «главной» женой Угэдэя и, по сообщению Рашид-ад-дина, ее звали Джачин³⁸.

В период вступления на престол великого хана Мункэ (1251—1259 гг.) по всей Монголии прошла смута и были разоблачены заговоры против нового хана. В этих условиях очевидно, опять возникли волнения среди местных племен бассейна Енисея, ибо для предотвращения восстания Мункэ послал Буку-нойона «с двумя туманами войска к границам киргизов и кем-кемджиута»³⁹.

После смерти Соркуктани-беги весной 1252 г. владетелем западной части Монголии и Саяно-Алтайского нагорья стал Ариг-Бука, младший сын ее и Тулуя, брат Мункэ и Хубилая. По Рашид-ад-дину, Ариг-Бука был женат на знатных женщинах из местных западномонгольских племен ойратов и найманов и опирался на эти племена, ибо ойраты составляли ядро его войска. Он обычно жил на своих землях: «его летнее становище было в Алтае (монгольском. — Л. К.), а зимнее — в Теке и Киргизе. Между ними (расстояние в) три дня пути»⁴⁰.

Здесь под областью «Киргиз», очевидно, понимается Тува⁴¹, так как от Монгольского Алтая за три дня пути конному, или тем более кочевому каравану, можно добраться лишь до верховий Енисея, а не до Хакаско-Минусинской котловины.

После смерти Мункэ-хана в 1260 г. началась борьба между претендентами на престол великого хана братьями Ариг-Букой и Хубилаем. Так как Мункэ умер в Китае во время одного из завоевательных походов, а в г. Каракоруме, тогдашней столице Монгольской империи, правителем оставался Ариг-Бука, то его и провоз-

гласили там великим ханом. Тогда находившиеся в Китае царевичи и нойоны провозгласили великим ханом своего полководца Хубилая. Началась междоусобная война.

Осенью войска Ариг-Буки были разбиты. «Ариг-Бука и войска его испугались, обратились в бегство, рассеялись и прибыли в область киргизов»⁴², то есть в личное владение Ариг-Буки. Оттуда он послал в область Тангут новое войско, но и его разбили полководцы Хубилая, «а оставшиеся бежали и присоединились к Ариг-Буке в области киргизов... А Ариг-Бука, расстроенный и растерянный, стоял с отошедшим и голодным войском на границе Кэм-Кэмджинут у реки... (пропуск), из боязни прихода каана он отправил (к нему) гонцов и просил прощения»⁴³.

Когда в 1264 г. Ариг-Бука был вынужден поехать с повинной к Хубилаю в Северный Китай (где и умер в 1266 г.), он оставил свои западномонгольские земли сыновьям.

Народы Саяно-Алтайского нагорья под гнетом Юаньской династии и после ее падения. Официально Саяно-Алтай и вся Монголия вошли во владения монгольской династии Юань (1260—1368 гг.), которую основал великий хан Хубилай (1260—1294 гг.). Хубилай еще в 1260 г. предложил все земли от Аму-Дарьи на юго-запад считать владением его брата Хулагу, земли «с той стороны Алтая» до Аму-Дарьи — владением Алгу, внука Чагатая. «А с этой стороны от Алтая и до берегов моря-океана я буду охранять», — заявил он⁴⁴. Это подтверждает Рашид-ад-дин: «... с восточной стороны непосредственно с побережья океана и до границы области киргизов (каан) не имеет ни одного непокорного»⁴⁵.

По Юаньши, все владения императоров монгольской династии для удобства администрации были разделены на 12 провинций, причем современная Монголия, включая и Саяно-Алтайское нагорье, входила в провинцию Лин-бэй с центром в г. Каракоруме. Каждая провинция — шэн делилась на лу — области, фу — округа, чжоу — префектуры и сянь — уезды⁴⁶.

Бассейн верхнего и среднего течения Енисея также получил административные деления, но с учетом собственных исторически сложившихся районов. По Юаньши, Хакасско-Минусинская котловина называлась областью Киргиз, бассейн р. Ангары — областью Ангара (Анхэла), а Западные Саяны по долине р. Ус — областью Усы.

На территории Тувы были образованы: 1) область Ханьхэна, т. е. современная Тоджа; 2) Кяньчжоу («Енисейский округ») —

земли по среднему течению Енисея, т. е. современные Чаа-Хольский и Улуг-Хемский районы; 3) Иланьчжоу («Змеинный округ») — земли бассейнов Элегеста и Межегея, т. е. современный Тандинский район⁴⁷.

В 1270 г. император Хубилай, придавая особое значение бассейну Енисея, назначил своим правителем-наместником областей Киргиз, Ханьхэна, Кяньчжоу, Иланьчжоу и других мест дуаньшигуаня Лю Хао-ли⁴⁸. Резиденцией его была область Иланьчжоу с главным городом на левом берегу Элегеста, руины которого открыты нами и названы Межегейским городищем. В биографии Лю Хао-ли говорится, что его назначили «в отдаленный край непременно для умиротворения его».

Однако умиротворения не получилось. Как сообщается в этой биографии, в 1273 г. «северные князья подняли мятеж, привели Хао-ли в свое войско и чуть не убили. Их военачальник за то, что Хао-ли был добрым в обращении с людьми, освободил его. Весной 16 года (чжиян, т. е. 1279 г. — Л. К.) мятежный князь пригласил Хао-ли прибыть в Кянькяньчжоу⁴⁹. Сказал: «Император сомневался во мне, это привело к нынешнему». Хао-ли ответил: «Не сомневался. Если бы сомневался в князе, то (когда) пригласил князя в столицу, разве согласился бы на (его) возвращение?»⁵⁰.

Хотя этническая принадлежность «северных князей» здесь не указана, но не подлежит сомнению, что взбунтовались и, по сути дела, освободились от монгольского господства те же князья из рода кыргызов, которые и прежде владели народами, населявшими Саяно-Алтайское нагорье. По упоминанию Кянькяньчжоу очевидно, что восстание возглавлял князь, живший на Улуг-Хеме в Туве (округ Кяньчжоу). Из диалога князя и Лю Хао-ли видно, что этот князь, по приглашению Хубилая, ездил от имени местной знати в столицу императора, которая в 1264 г. была перенесена в новый город Дайду, построенный на месте современного Пекина. Очевидно, князь просил дать ему право на самостоятельное управление в качестве вассала родным краем, но император в нем «сомневался» и прислал в эти земли своего чиновника. Недовольство местной княжеской верхушки вылилось в восстание 1273 г.

Лю Хао-ли ожидал подхода карательных войск монголов, но, не дождавшись, весной 1280 г. «возглавил множество (людей), ушел в другое место, оборонялся в теснине, ожидая прибытия войск». Однако «войска мятежного князя разбили (его). Хао-ли на западе прошел через снеговые горы», т. е., весьма вероятно,

через Монгун-Тайгу⁵¹. Убедившись, что он отогнан в другую сторону, откуда ему не пройти в Монголию, Хао-ли «тогда одеждой подкупил тысячника мятежного князя», который пропустил уходивших китайцев и монголов на восток, «тропинками в горах Теби-Шань» (дословно «Железная стена»). С тысячью своих приверженцев Хао-ли добрался до Китая, где был ласково принят Хубилаем и впоследствии занимал высшие придворные должности⁵².

Разыгравшиеся в середине 70-х годов XIII в. междуусобицы, многолетняя борьба Хубилая и Хайду (внука Угэдэя) за обладание западной Монголией, Джунгарией и Восточным Туркестаном, восстание монгольских князей в 1287 г. во главе с Наяном⁵³ в тылу юаньского правительства на землях теперешней Маньчжурии — все это позволило племенам Саяно-Алтайского нагорья сохранять свою свободу от монгольского ига на протяжении двадцати лет.

Со времени восстания 1273 г. и до 1293 г. на Енисее управляли местные князья из рода кыргызы. Однажды один из сторонников Хайду, нойон Тук-Тимур хотел «напасть на область кыргызов» с целью грабежа, но не успел этого сделать⁵⁴.

Независимые кыргызские князья сумели, очевидно, договориться о поддержке их со стороны Хайду.

В 1292—1293 гг. на Монгольском Алтае и на Енисее действовала мощная армия под командованием кипчака Тутуха, полководца Хубилая. Зимой 1292 г., находясь в Каракоруме, Тутуха получил императорский указ «овладеть кыргызами». Ранней весной 1293 г. его войска достигли Улуг-Хема в Туве и «встали лагерем у реки Кянь» (Улуг-Хем). Обнаружив здесь, что князья из рода кыргызы со своими дружинами бежали за Саяны в Хакасско-Минусинскую котловину к своим сородичам, войска Тутухи «по льду шли несколько дней и только тогда дошли до границ их владений. (Армия Тутухи) полностью овладела всем народом пяти их племен и (монголы) разместили (в их владениях) войска, чтобы охранять их (т. е. оккупировали их земли. — Л. К.). Тутуха доложил о заслугах и был повышен в чине... Хайду, получив известие о захвате кыргызов, послал (им на выручку) на реку Кянь (Енисей) войска. Тутухи снова разбил их и взял в плен полководца Хайду Болоча»⁵⁵.

Так в крови было потоплено двадцатилетнее самовластие кыргызских князей. Под «народом пяти их племен» здесь, конечно, понимается подчиненное князьям из рода кыргызы население пяти административных областей, на

которые юаньские власти поделили бассейн верхнего и Среднего Енисея: 1) область Киргиз, 2) область Усы, 3) Ханьхэна, 4) Кяньчжоу и 5) Иланьчжоу⁵⁶.

Оккупировав страну и казнив многих зачинщиков восстания, юаньские власти приступили к осуществлению жестокого плана ослабления свободолюбивого населения Саяно-Алтайского нагорья. Расправа состояла в высылке отдельных групп населения за пределы родины в далекие чужие земли и в насаждении на их место военных поселенцев.

В том же 1293 г. Хубилай, на землях казенного им за восстание 1287 г. князя Наяна (где-то в Дунбэе при слиянии Сунгари и Амура) основал город Чжаочжоу, который согласно юаньской топографии входил в область Гуаннин-фу. В этот город были переселены люди из трех, живших до того в Туве «племен: усухань (или юаньсухань), ханас и цзилицисы (кыргызы)».

В Юаньши в биографии Хара-батура говорится: «в 1293 г. обращаясь к нему, император Ши-цзу (Хубилай) сказал: «Древние земли Наяна называются Абалаху и доставляют рыбу. Сейчас я в тех землях построил город и поселил там три племена: юаньсухань, ханасы и цзилицисы (кыргызы). Этот город был назван Чжаочжоу. Ты отправляйся туда и займи пост сюаньвэйши» (окружного начальника)⁵⁷. В 1295 г. в Чжаочжоу было создано военно-хлебопашное управление под началом темника Асаия, которому были подчинены тюркоязычные переселенцы⁵⁸.

Юаньские власти выселяли людей не только из Тувы и Хакасско-Минусинской котловины. Выселяли в Китай и кыргызских князей, живших в княжестве Алтай, принимавших также участие в восстании. Выселяли и после смерти Хубилая при хане Тэмуре (1295—1307 гг.). Как сообщает Юаньши: «В 1295 г. кыргызов, проживающих в горах Цзиньшань (Алтай), переселили в Шаньдун и дали им поля, быков и семена»⁵⁹.

К 1293 г. относится другое сообщение: «В сентябре 1293 г. Ши-цзу (Хубилай) разместил на землях Хэсыхэ в качестве военных поселенцев 700 семей чжирхэхусотай (ских) цирцисы». Это место, очевидно, трудно для прочтения и перевода. Приведенное выше в переводе Е. И. Кычанова, оно дополняется в той же работе другим чтением: «700 семей кыргызов ежирхаху разместили в качестве военных поселенцев на землях Хэсыхэ»⁶⁰. Другой переводчик, В. Н. Казин, прочел это место иначе: «Семьсот дворов кыргызов, излишних у джиряхов, поселены в земле хас-ха»⁶¹. Заметим,

что хасха есть правильная реконструкция от хэсыхэ, или, точнее, хэсыхэ есть китайская транскрипция местного названия — хасха. Однако ясно, что земли Хасха находились в Хакасско-Минусинской котловине, где с глубокой древности живут хакасы, одно из племен которых называет себя хаас и имеет многочисленные родовые и территориальные группы с этнонимом хасха⁶².

Таким образом, выселяя «мятежных» кыргызских князей и людей из числа коренного населения с Саяно-Алтайского нагорья, юаньские монгольские власти старались заместить их преданными себе военными поселенцами и таковыми оказались... чжирхэхусотайские (или какие они там будут!) «киргизы».

Было бы непонятно, откуда и каких, изменивших родине кыргызов переселяли монголы в качестве своего оплота, обратно на родную землю, если не вспомнить, что в данном случае речь идет о «киргизах» из Центральной Азии, ничего общего по происхождению и языку не имевших с кыргызами Саяно-Алтайского нагорья, которых они должны были теперь усмирять.

Напомню, что это были различные тюркоязычные группы из числа племен, прежде входивших в тюркский и уйгурский каганаты, родственные алтайским и восточноказахстанским племенам, жившие на территории теперешней западной Монголии и Джунгарии.

В IX—XI вв. эти тюрки, сохранившие свои родовые наименования, входили в состав древнехакасского государства. В XII—XIII вв., попав под владычество монголоязычных племен, они постепенно усвоили объединяющее их имя кыргызов в память недавних своих тюркоязычных правителей, чтобы отличаться от монголоязычных племен.

Так как для монголоязычных племен термин «киргиз» был политическим, а не этническим, и обозначал все население древнехакасского государства независимо от разности происхождения, то, скорее всего, кыргизами этих тюрков сначала стали называть монголы. Затем название привилось и стало самоназванием, несмотря на сохранение старых родоплеменных имен. Примеров подобного присвоения чужих имен отличной по происхождению этнической группой имеется достаточно много⁶³.

Для нас важнее повторить уже цитировавшееся выше свидетельство Абул-Гази: «Монголы и другие племена, истребив кыргызов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя кыргызов. Они сами

знают, из какого они рода»⁶⁴. В отличие от саяно-алтайских или енисейских кыргызов будем называть их центральноазиатскими кыргизами, имея в виду, что собственно кыргызы Енисея были малочисленны, ибо составляли лишь аристократический род древних хакасов, в то время как центральноазиатские кыргызы были сравнительно большим конгломератом родоплеменных групп. Именно они, переселившись в XV в. на Тянь-Шань, составили основное ядро современных кыргызов⁶⁵.

Центральноазиатские кыргызы в эпоху монгольской империи верно служили юаньским феодалам. Будучи тюрками, они входили в одну армию с родственными им кипчаками под командованием кипчакского хана и юаньского генерала Тутухи (Тутук). В период восстания саяно-алтайских племен и их двадцатилетней свободы эта армия размещалась в г. Каракоруме.

О центральноазиатских кыргизах сообщают следующие строки Юаньши: «в 1283 г. было указано передать 600 голов быков, отданных пастись богатым жителям Туле-Ту, бедным из кыргызов»⁶⁶, и далее: «в 1289 г. проинспектировали семьи кыргызов, живущих в Хэлинь (г. Каракорум), и оказали помощь бедным семьям» и, в том же году, «из Хэлинь была отправлена расквартированная там армия цзирцисы (кыргызов)», которой командовал Тутуха, выступивший против коалиции Хайду и Наяна⁶⁷.

Эта армия Тутухи, состоявшая из кыргызов, живших в г. Каракоруме и по реке Керулену в Монголии, оказалась основой тех карательных войск юаньских властей, которые «в огне и воде» или, точнее, в крови, потопили в 1293 г. восстание саяно-алтайских племен, боровшихся за свободу. Часть преданных монголам карателей из числа солдат и относящихся к центральноазиатским кыргизам, Хубилай поселил в качестве военных поселенцев, на древней земле хаасов (качинцев), опустошенной монголами⁶⁸.

Юаньши в отличие от кыргызов (цзилицзисы) называет этих военных поселенцев чжирхэхусотайскими (или ежирхаху?), цзирцисы (или цзирцисы). Очевидно, что написания этих названий значительно различаются в иероглифике. Их надо установить и различать историкам-синологам при разработке вопросов средневекового периода в истории Центральной и Средней Азии, а также Южной Сибири. Окончательно разобраться в этих сведениях о центральноазиатских кыргизах возможно лишь при полном переводе и изучении Юаньши и других источников XIII—XV вв.⁶⁹.

При великом хане Тэмуре (1295—1307 гг.), третья жена которого была кыргызкой, управление провинцией Лин-бэй с центром в Каракоруме было поручено старшему брату императора Камале. В сферу его владений входила и территория Тувы: «Областями Каракорум..., Онон, Керулен, Кем-Кемджиут, Селенга, Баялык, до границ киргизов и великого заповедника Чингиз-хана, называемого Бурхан-Халдун, всеми он ведает»⁷⁰.

Весь XIV в. на территории Монголии происходила борьба между потомками знатных семей Чингисидов. Огромная монгольская империя, раздираемая внутренними противоречиями, взрывами восстаний угнетенных народов против ига монгольских феодалов, распадалась. Восставший китайский народ в 1368 г. ликвидировал монгольскую династию Юань, изгнав монгольского хана, его чиновников и войска за пределы Китая. В 1380 г. войска династии Мин вторглись в Монголию и разрушили г. Каракорум, а на западе русские войска наголову разгромили орды Мамай и Куликовом поле. Монгольская империя была разрушена, и на ее месте возникли мелкие феодальные княжества.

В конце XIV и в XV в. на землях западной Монголии и в Джунгарии основным населением были ойратские племена. Ставки их феодалов находились к юго-западу от Монгольского Алтая. Западные монголы-ойраты постоянно враждовали с восточными монголами и нередко одерживали победы. В конце XV в. Монголия на короткий срок была объединена под управлением Даяна-хана (1488—1543 гг.) и затем окончательно распалась на самостоятельные мелкие владения.

XIV—XV вв. — темное время в истории племен Саяно-Алтайского нагорья. До сих пор мы не имеем письменных источников этого периода⁷¹. Очень скудны и данные археологии. Что происходило в это время на Енисее, мы можем только предполагать. После разгрома и выселений восставших племен в 1293 и 1295 гг. Саяно-Алтайское нагорье, обескровленное и придавленное пятой оставленных монголами военных поселенцев, вновь вошло в юаньскую провинцию Лин-бэй, которой управлял Камала. В 1309 г. наместник Лин-бэя предлагал императору на северной стороне Алтая устроить военно-пахотные поселения⁷². По-видимому, поселения такого рода существовали и на Енисее вплоть до падения Юаньской династии в конце XIV в.

После этого, насильственно переселенные на Саяно-Алтайское нагорье военные поселенцы выехали в родные края или были изгнаны,

и местное население в конце XIV и начале XV в., очевидно, было предоставлено самому себе.

Хотя и не имеется прямых сведений, но некоторые исследователи думают, что в период могущества ойратов во второй половине XV в. Алтай и Тува попадают в сферу политического влияния западных монголов⁷³.

Население Хакасско-Минусинской котловины в XV—XVI вв. было независимым и свободным от ига иноземных феодалов. Здесь продолжался период феодальной раздробленности. Отдельные княжества и феодальные вотчины по-прежнему находились в руках князей из рода кыргызов — аристократического рода хакасов, эксплуатирующего зависимое население и кыштымов таежных районов. Все княжества составляли федерацию. Именно такое положение зафиксировано источниками начала XVII столетия⁷⁴.

ДРЕВНЕМОНГОЛЬСКИЕ ГОРОДА— ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ И СЫРЬЕВАЯ БАЗА ИМПЕРИИ

Для того чтобы закрепиться в беспокойных северных землях Монгольской империи, завоеватели уже в начале XIII в. стали проводить политику насильственной колонизации этих территорий. С этой целью создавались ремесленно-хлебопашеские поселения, в которых поселяли захваченных в плен и угнанных на север чжурчженей и китайцев, особенно ремесленников. Эта политика колонизации преследовала две цели — нейтрализовать местных жителей и создать базы для снабжения монгольских армий хлебом и изделиями ремесленников.

Уже после 1211 г. где-то на восточном склоне Монгольского Алтая в северо-западной Монголии у горы А-бу-хань была создана колония из 10 тысяч молодых пленных китайцев обоего пола, среди которых было много ремесленников и мастеров. Эти колонисты построили город, который был назван Чингай балгасун, так как во главе колонии был поставлен один из младших сподвижников Чингис-хана, кэрэит Чингай, впоследствии министр великого хана Угэдэя⁷⁵.

Подобные ремесленно-хлебопашеские поселения тогда же были созданы на территории Тувы, первые сведения о которых относятся к 1220 году. Вызванный к Чингис-хану даосский мудрец Чан-чунь, будучи в то время на р. Орхон в Монголии, уже отметил в своих путевых записках: «Отсюда на северо-запад, за 1000 слишком ли, находится страна Кянь-

МОНГОЛЬСКИЙ

период

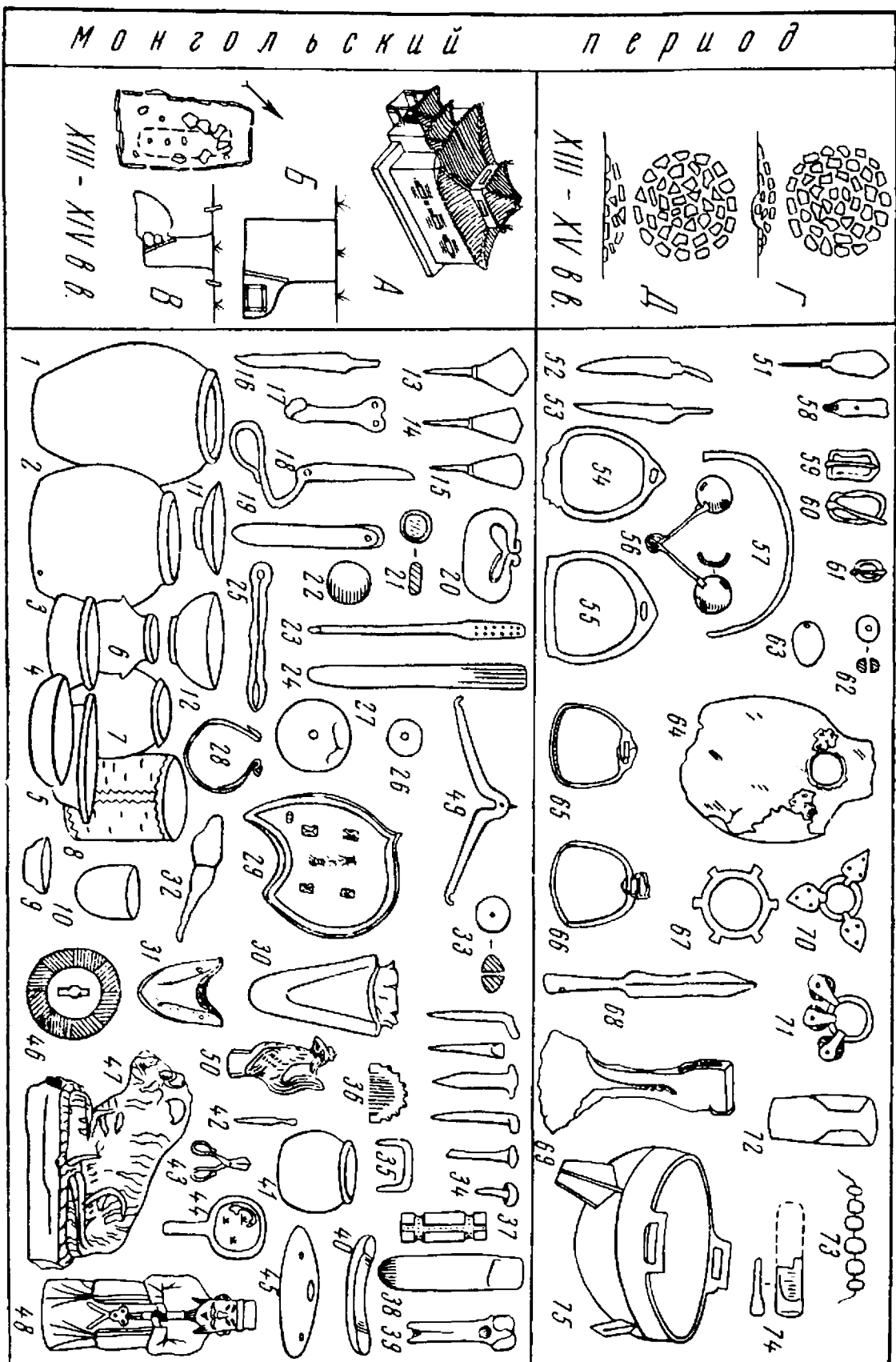

Таблица IV

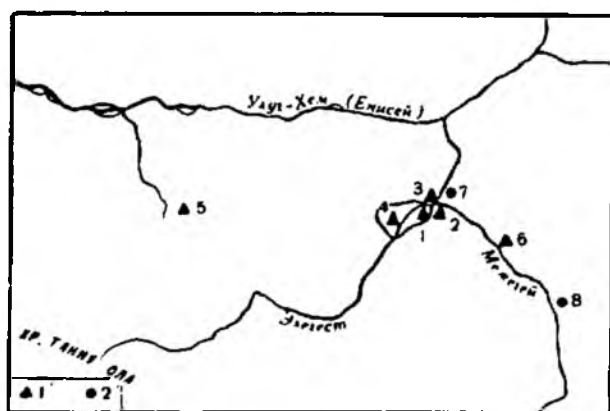

Рис. 49. Расположение древнемонгольских городов XIII—XIV вв. в центральной Туве:

1 — Дён-Терек; 2 — Могой; 3 — Межегейское; 4 — Элегестское; 5 — Оймак; 6 — Эртине-Булак; 7 — Шахты; 8 — поселение у Сосновки. 1' — города; 2' — поселения

кяньчжоу⁷⁶, где добывается доброе железо и водится много белок; там также сеют пшеницу; китайские ремесленники живут во множестве, занимаясь тканьем шелковых материй, флера, парчи и цветных материй»⁷⁷. Богатство Тувы полезными ископаемыми, в особенности железом, давнее развитие орошаемого земледелия — все это позволило монголам создавать в Туве ремесленно-хлебопашеские поселения, переселяя сюда пленных китайцев и других жителей Северного Китая, возможно, чжурчженей. Так была создана база для снабжения хлебом, оружием и ремесленными изделиями монгольских армий, ведущих новые завоевательные походы. Так, в Туве в начале XIII в. появились города, поселки и хутора земледельцев.

Колонисты, совместно с местными жителями — ремесленниками и земледельцами (среди них хроники упоминают хакасов и уйгуров), основали в Центральной Туве не только земледельческие поселения, но и города, просуществовавшие здесь весь период древнемонгольского государства с начала XIII до конца XIV в. При монголах в Туве появились фактории мусульманских купцов, которые проживали и в городах, ведя широкую караванную торговлю⁷⁸. Но не горожане и оседлые поселения, а местные тюркоязычные кочевники и другие лесные племена составляли большинство населения.

Таким образом, население Тувы в монгольский период было пестрым по национальному составу и религиозной принадлежности, и культура его была синкретичной.

В Центральной Туве в 1956—1962 гг. нами открыты и исследованы остатки шести городов

и двух поселений⁷⁹. Это не имеющие стен городища: Дён-Терек (30 га)⁸⁰, Оймак (40 га), Межегейское (42 га), Могойское (11 га), Элегестское (37,5 га), Эртине-Булакское (44 га), земледельческий хутор близ деревни Сосновки и шахтерский поселок на старых Межегейских угольных шахтах (рис. 49, 50).

Раскопки выявили, что большинство архитектурных сооружений (жилые, административные и храмовые здания, пагоды и рядовые фанзы) были построены по общим для всей юго-восточной Азии строительным канонам эпохи Сун (960—1279 гг.) и Юань (1260—1368 гг.), характерным для градостроительной культуры городов Монгольской империи. Но здесь же имеются здания, построенные местными тюркоязычными, а также среднеазиатскими мусульманскими строителями.

На этих материалах мы наглядно видим, какие формы оседлой городской культуры стали складываться уже в ранний период монгольской империи⁸¹.

Оказалось, что на территории Тувы были два основных района, в которых создавались монголами такие города и поселения. Это районы центральной части Тувы, расположенные на левобережьях Улуг-Хема и его притоков, лучше всего по своим природным и климатическим особенностям пригодные для пашенного земледелия. Памятники других типов, но также связанные с культурой этих городов и поселений, известны и в других районах центральной и западной Тувы.

Улуг-Хемский и Чаа-Хольский районы современной Тувы, расположенные по течению Улуг-Хема, в XIII—XIV вв. назывались, как сообщает Юаньши, округом Кяньчжоу, т. е. «Енисейский округ». Главным центром Кяньчжоу был город, остатки которого исследованы нами в 1957—1958 гг. на левом берегу Улуг-Хема в урочище Оймак в верховьях пересыхающей р. Боянкольчик (25 км к юго-востоку от г. Шагонара; см. рис. 51, 1, 2). Из других памятников этого времени назовем известную буддийскую нишу — часовню с барельефными фигурами, высеченную в скале горы Сюме по левому берегу р. Чаа-Холь (рис. 52)⁸².

В географическом разделе Юаньши вместе с областями Киргиз, Ангара, Усы, Ханьхэна, Иланьчжоу кратко описан и округ Кяньчжоу: «Кяньчжоу»⁸³. Эта местность также получила свое название от имени реки. От Великой столицы⁸⁴ она находится на расстоянии 9000 ли, к юго-востоку от цилинзисы и к юго-западу от реки Кянь, к северу от хребта Танлу. В этой местности живет несколько тысяч семей, глав-

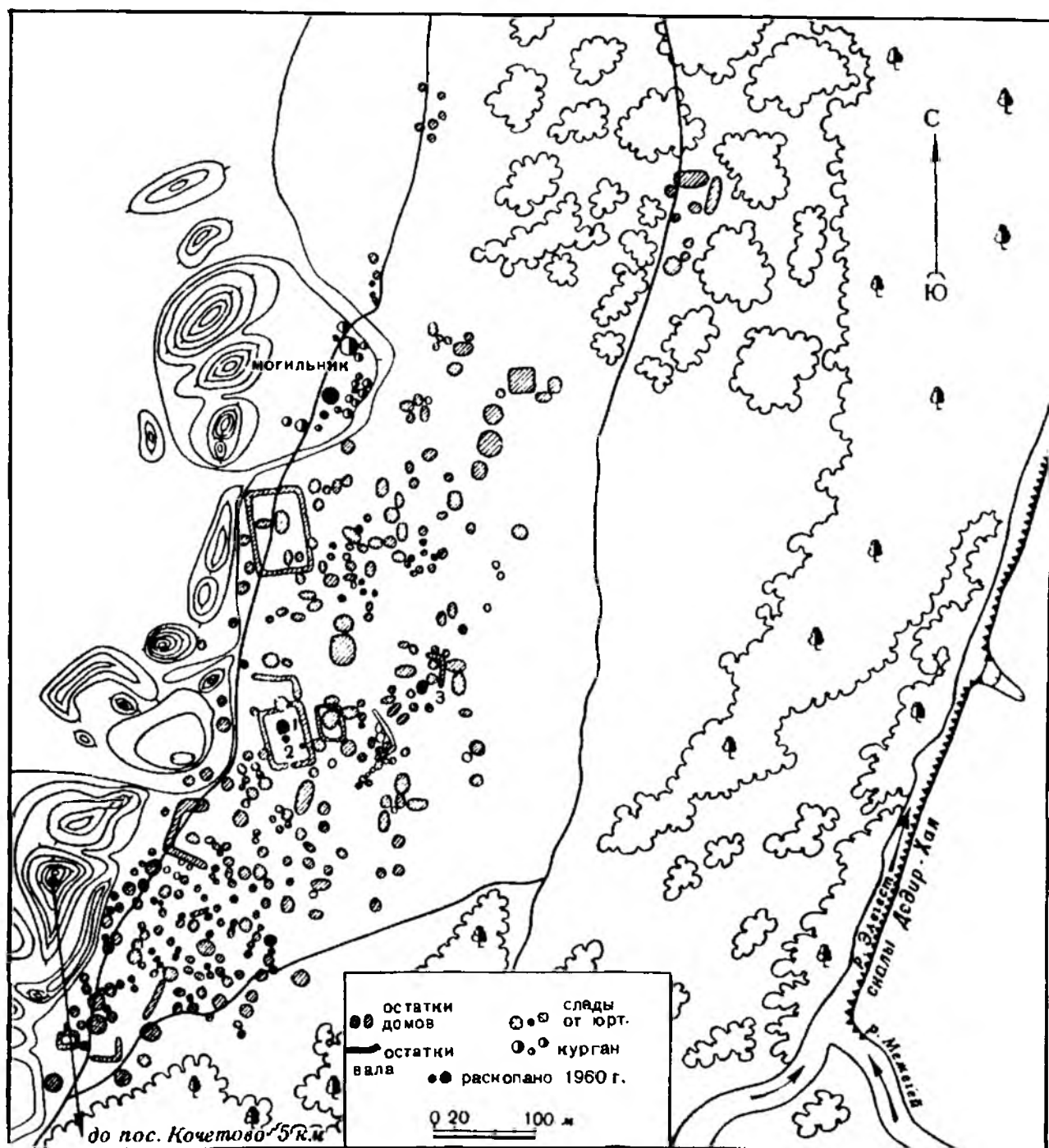

Рис. 50. План Межегейского городища XIII–XIV вв.

пым образом монголов и уйгур. Есть несколько ремесленных мастерских, поскольку при основании династии были переселены туда китайцы. Земли Кяньчжоу плодородны и годны для земледелия. Летом сеют и осенью хлеба вызревают, не требуя тщательной прополки и взрыхления почвы»⁸⁵.

Локализация Кяньчжоу, с моей точки зрения, совпадает с местоположением Чаа-Хольского и Улуг-Хемского районов Тувы в сравнении с расположением по Юаньши областей Киргиз, Усы и Ханьхэна. Эти земли действительно расположены к юго-востоку от киргизов (Хакаско-Минусинская котловина), к югу и

Рис. 51. Памятники монгольского периода:

1 — расположение городища Оймак XIII—XIV вв. на лесной поляне в верховьях р. Боянкольчик, левого притока Енисея; 2 — раскопки жилого здания № 1 на городище Оймак; 3 — верхний жернов из здания № 2 городища Оймак; 4 — голова рогатого и крылатого дракона с крыши здания № 4 городища Дён-Терек (терракота)

юго-западу от р. Улуг-Хем и к северу от хребта Танлу, т. е. Танну-Ола⁸⁶.

Именно здесь обитало большинство местных уйгур, оставшихся со времени уйгурского каганата. Здесь же, как видим, стояли большие монгольские гарнизоны и жили ремесленники — китайцы, поселенные там монголами «при основании династии», т. е. еще при Чингисхане (Тай-цзу) о чем свидетельствует Чанчунь.

Земли Тандинского района современной Тувы и части Кызылского района (между реками Бурень, Каа-Хем и Улуг-Хем и хребтом Танну-Ола), расположенные в бассейне Элегеста, Межегея и Мажалыка, назывались, по Юаньши, округом Иланьчжоу, т. е. «Зменным округом»⁸⁷. Здесь на берегах р. Элегест, нами исследованы в 1956—1962 гг. остатки четырех разновременных городов (городище Элегестское у совхоза Элегест и Межегеевское при устье Межегея на левом берегу Элегеста, Дён-Терек и Могойское на правом берегу Элегеста близ пос. Кочетово), из которых центральным был сначала Дён-Терек (начало XIII в.), а затем Межегеевское (вторая половина XIII—XIV в. — рис. 50). Остатки пятого города (Эртине-Булакское городище) открыты и исследованы нами в 1962 г. на правом берегу Межегея близ пос. Алаак (совхоз Межегей).

Небольшое поселение того же времени обнаружено к востоку от с. Бай-Хак близ деревни Сосновки. На этом памятнике в 1947 г. случайно были обнаружены бронзовый лемех плуга, четыре чугунных плужных отвала и половина бронзовой литейной формы для лемеха, свидетельствующая об отливке лемехов на

месте. На одном отвале есть нероглифическая дата его изготовления: «23 год чжюань» (правления императора Хубилая, т. е. 1286 г.)⁸⁸.

Кроме того, нами обследованы остатки поселка на старых Межегейских угольных шахтах (правый берег Элегеста в 3 км ниже устья Межегея), в котором жили шахтеры, добывавшие здесь уголь в XIII—XIV вв. (рис. 53,1)⁸⁹.

В Юаньши указано: «Илань — название змеи» (тюркское: чилан) и приводится легенда о гигантской змее, которая, якобы, жила «на горе, расположенной на границе округа» (очевидно, на Танну-Оле). По имени змеи округ получил название Иланьчжоу. Описания этого округа нет в Юаньши, зато говорится, что именно здесь была резиденция Лю Хао-ли, наместника Хубилая, о котором говорилось выше.

Вот этот текст: «В 1270 г. правителем цзилнзисы, Ханьхэна, местностей Кяньчжоу и Иланьчжоу был назначен Лю Хао-ли. Именно в это время здесь были созданы склады и зернохранилища, устроены почтовые станции и учреждены управления. До этого, по обычаям нескольких местных племен, чашки и всю прочую домашнюю посуду делали из дерева. У дерева выдалбливали ствол и изготавливали корыта, в которых держали воду. Не умели плавить металла, чтобы изготавливать сельскохозяйственные орудия. Обо всем хорошем они (местные народы) узнали от правящей династии Юань. Тогда-то и были посланы ремесленники, которые обучили население этих двух местностей (подразумевается Кяньчжоу и Иланьчжоу. — Л. К.) гончарному делу, плавке

Рис 52. Буддийская ниша XIII—XIV вв. в горе Сюме
близ устья р. Чаи-Холь (Чурумал-бурханныг)

металлов, изготовлению лодок. Все это помогло местным жителям»⁹⁰.

В другом разделе Юаньши, в биографии Лю Хао-ли, говорится, что император назначил его «в седьмом году чжюань» (1270 г. — Л. К.) правителем «пяти племен (областей)»: «Столицу (он установил) в Илань. Эта земля отстоит от Великой столицы на 9000 ли. Народ не знал гончарных изделий, плавки металла, на реке не имели лодок. Хао-ли попросил у императорского двора мастеров, чтобы обучить этот народ. Донные говорят, что удобно. Некто (из его приближенных) говорил, что, установив (для местных жителей) налог на соль и вино, можно улучшить финансы. Хао-ли ответил: «Императорский двор назначает чиновника в отдаленный край непременно для умиротворения (его), неужели (ты) желаешь отнять их добро?» Говоривший устыдился»⁹¹.

Из этих текстов мы узнаем, что в начале 70-х годов XIII в. в Туву вновь были переселены колонисты-ремесленники, строились новые города, было развернуто ремесленное производство и земледелие. Теперь области по Енисею получили такое же административное управление, как и всюду в Юаньской империи, почтовые станции, определенные повинности и налоги, за исключением налогов на соль и вино⁹².

Следует, однако, отметить, что в этих сведениях не все точно и многое преувеличено, ибо китайские историки по традиции, считали соседние народы «варварами». Правда, что основная домашняя посуда у местных племен делалась из дерева, но мы знаем, что в VIII—XII вв. здесь существовала и собственная глиняная посуда, как сделанная от руки, так и на гончарном кругу. Были не только лодки, но и паромы. Задолго до Лю Хао-ли еще в начале XIII в. в Туве жили ремесленники, о которых сообщал Чан-чунь и город которых (Дён-Терек) исследован археологически. Уже они изготовляли все то, о чем здесь пишется как о нововведении Лю Хао-ли.

Конечно, местные племена отлично умели добывать различные руды и плавить разнообразные металлы. Здесь речь идет о плавке металла для сельскохозяйственных орудий, т. е. о выплавке чугуна, ибо именно из него в средневековый период отливались чугунные лемехи и отвалы плугов, в изобилии найденные как при раскопках, так и в числе случайных находок на территориях Тувы и Хакасско-Минусинской котловины.

Плавить чугун местные племена не умели и их металлурги, очевидно, действительно научились этому лишь в XIII в. от мастеров-

колонистов, умевших сооружать домницы для выплавки чугуна с помощью кокса. Это видно хотя бы по вышеупомянутой находке деталей плугов с датой 1286 г., среди которых, наряду с чугунными, отлитыми колонистами и не бывшими в работе отвалами найден бронзовый лемех плуга и форма для отливки таких плугов на месте. Очевидно, не умея отливать чугунные лемехи, местные металлурги отливали их по привычной технологии из бронзы. У гуннов же, начиная еще с рубежа н. э., отливались уже чугунные лемехи плугов⁹³. Только в период монгольской империи бронзовые лемехи отливались местными металлургами в Монголии, Туве и в Забайкалье⁹⁴.

Таким образом, сведения средневековых источников от Чан-чуна до Юаньши полностью совпали с археологическими данными о расположении городов и поселений XIII—XIV вв. в Туве, что позволило не только установить местоположение областей Кянчжоу и Илань-чжоу, но и существенно расширить наши представления о роли и значении этих поселений и городов, о которых лишь очень кратко сообщают письменные источники. К сообщениям такого рода относится и свидетельство Рашида-ад-дина о том, что в областях «Киргиз и Кэм-кэмджиут много городов и селений»⁹⁵.

Любопытно, что все шесть городов XIII—XIV вв., известные ныне на территории Тувы, не имели укреплений в виде крепостных стен и не являются, строго говоря, городищами. В результате этого их руины сравнительно мало заметны на местности. Однако размеры и вскрытые раскопками сооружения не оставляют сомнений в том, что это были именно города, а не поселения. Отсутствие укреплений, как свидетельствуют источники, закономерно для городов, сооружавшихся монголами на завоеванных землях. Вот как об этом сообщает Марко Поло: «Во всех областях Китая и Манги (т. е. в северном и южном Китае. — Л. К.) и в остальных его (великого хана Хубилая. — Л. К.) владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народа, содержать войска; их располагают вне города, в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота (курсив мой. — Л. К.) дабы не могли препятствовать вступлению войск... Так взнузданные народы остаются спокойны и не возмущаются»⁹⁶.

Отсюда ясно, почему на территории часто восстававших против монголов племен Енисея в XIII—XIV вв. города не имели стен.

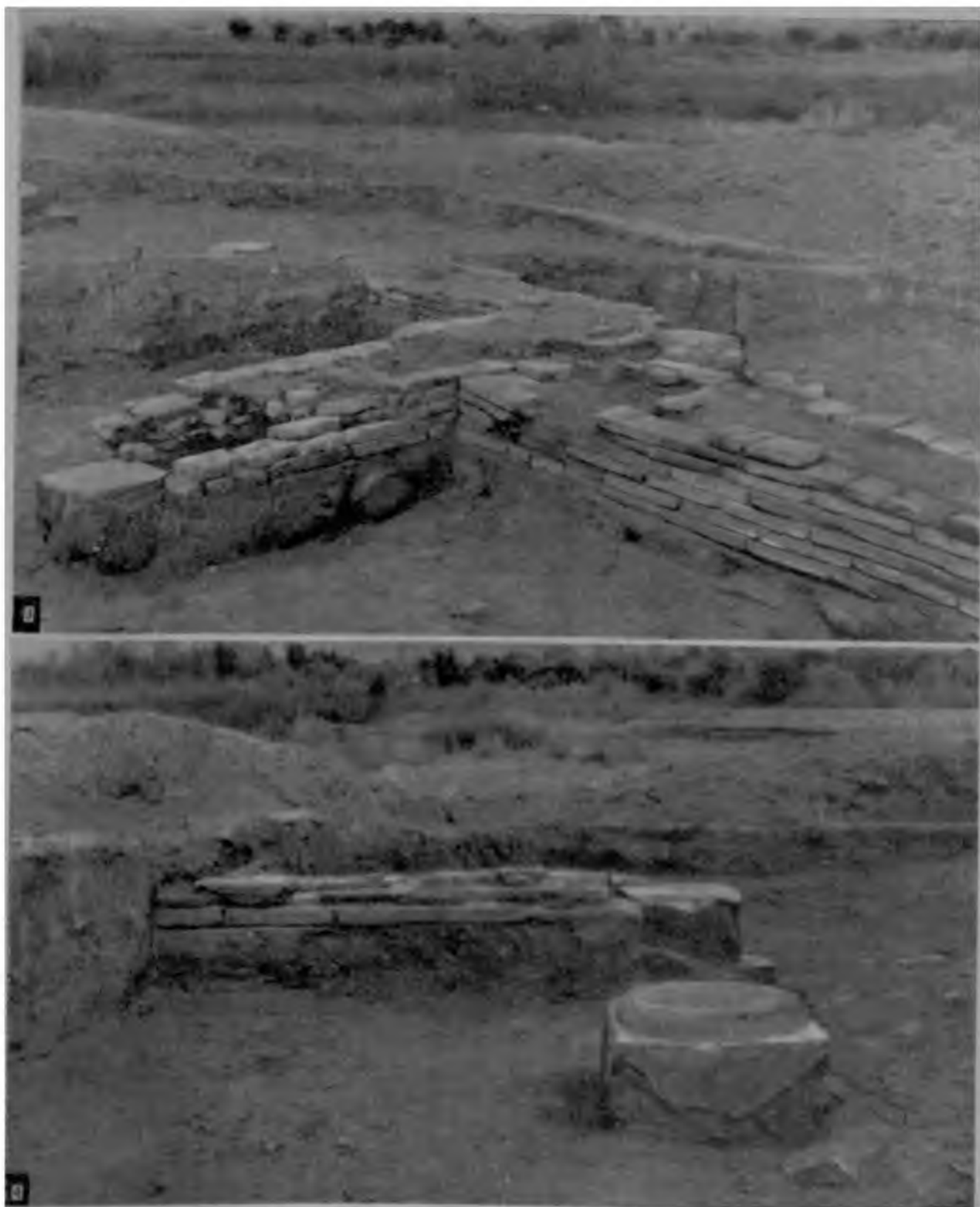

Рис. 53. Памятники монгольского периода:

1 — расчищенный вход в каменноугольную шахту XIII—XIV в. (пос. Межегейские шахты на правом берегу Элегеста); 2, 3, 4 — остатки основания здания № 7 на городище Дён-Терек (начало XIII в.; 3, 4 — видны каменные базы колонн)

Жилищем рядового поселенца служил прямоугольный дом столбовой конструкции с каркасными деревянными стенами, обмазанными с обеих сторон глиной и оштукатуренными алебастром. В доме, по трем его стенам, располагалась обогреваемая лежанка-кан, внутри которой проходили сложенные из плит каналы-дымоходы. Печь и труба находились по разным концам кана (рис. 54). Они также были сложены из тонких каменных плит на глиняном растворе. На канах лежали тростниковые циновки. Пол таких помещений был глинобитным, а потолок перекрыт крышей из тростника и соломы или из желобчатой черепицы. Тип рядовых жилищ явно близок северо-китайским или чжурчженским жилищам. У чжурчженей каны вокруг всех стен жилища сооружались еще в XI в.

У зажиточных горожан каны в домах строились из обожженного, прямоугольного и квадратного, крепкого кирпича (рис. 53, 2—4), а под столбовые опоры подкладывались округлые или квадратные обработанные каменные базы (рис. 53, 3, 4). Такие дома имели крыши из хорошо обожженной черепицы в виде желобов и узких полуцилиндров, а на белой штукатурке их стен встречаются росписи.

Наиболее богатые жилые здания имели от трех до пяти смежных комнат, расположенных анфиладой. Каркасные стены этих зданий возводились на кирпичном фундаменте, а их колонны опирались на квадратные каменные базы с круглыми «подушками» сверху. Такие здания с черепичными крышами имели спальни с кирпичными канами и приемные залы, обогреваемые жаровнями. Кухни размещались в особых пристройках.

Административные здания иногда строились целиком из кирпича на известковом растворе. Полы их были выстланы плитами квадратного обожженного кирпича. Такие здания состояли из одного квадратного парадного зала с колоннадой из деревянных столбов, опиравшихся на хорошо обработанные каменные квадратные базы с круглыми «подушками». Административные здания, как и буддийские храмы, имели входные портики с южной стороны (табл. IV, А; рис. 55—56): и крыши из богато украшенной черепицы особенно тщательного изготовления. Крыша состояла из черепичных желобов с орнаментированными «воротничками» или фигурными капельниками и полуцилиндров с круглыми налечами, на которых были оттиснуты штампами личности рогатых и клыкастых демонов (рис. 57, 1).

Коньки и углы крыш были украшены многочисленными скульптурными группами из

обоженной глины в виде больших извивающихся драконов с разверстыми пастьми, красивых фениксов — «птиц счастья», изображений холодного пламени и разнообразных животных (рис. 51, 4, 57, 58). Стены таких зданий снаружи покрывались облицовочными плитами с рельефными изображениями драконов⁹⁷.

Эти богато декорированные драконами здания (табл. IV, А) с белыми стенами стояли в городах по течению Элегеста и, вероятно, производили большое впечатление на местное тюркоязычное население. Поэтому, возможно, эта область и была названа Иланьчжоу, так как по-тюркски дракона, как и змею, называют «чилан».

Некоторые поздние архитектурные сооружения были воздвигнуты на высоких глинобитных платформах и имели глинобитные стены, но в их строительстве применялся и сырцовый кирпич (рис. 54, 59).

Дома имели дворы с глинобитными стенками или же с заборами из жердей. При жилищах были устроены загон для стойлового содержания скота, конюшни и свинарники. Здесь же в городах располагались металлургические, кузнечные, гончарные и другие мастерские.

Посредине центральных площадей городов стояли четырехгранные каменные стелы на искусно изваянных из песчаника черепахах (рис. 60, 1, 2). На таких стелах вырезались тексты указов.

Почти во всех городах находились буддийские храмы (рис. 56), часовни и пагоды, чаще всего в особых дворах с глинобитными стенами и пристройками, в которых жили буддийские монахи. И поселенцы и монголы были тогда буддистами. Буддийские храмы были в Каракоруме уже в середине XIII в.⁹⁸ Буддизм в Монголии особенно распространился после принятия его Хубилаем в 1269 г.⁹⁹

Многочисленные памятники свидетельствуют, что в XIII—XIV вв. буддизм впервые получил распространение и в Туве. Храмы, кроме богатого наружного архитектурного декора, имели квадратные с колоннадами залы для богослужений (рис. 55, 56). Здесь, на особых пьедесталах, восседали искусно вылепленные скульпторами из глины статуи буддийских божеств, расписанные по алебастровой подгрунтовке различными красками с преобладанием позолоты. Кроме того, на городище Оймак найдены обломки гранитной статуи будды, а также высеченная из песчаника буддийская львинообразная химера, так называемая «собака Будды» (рис. 60, 3).

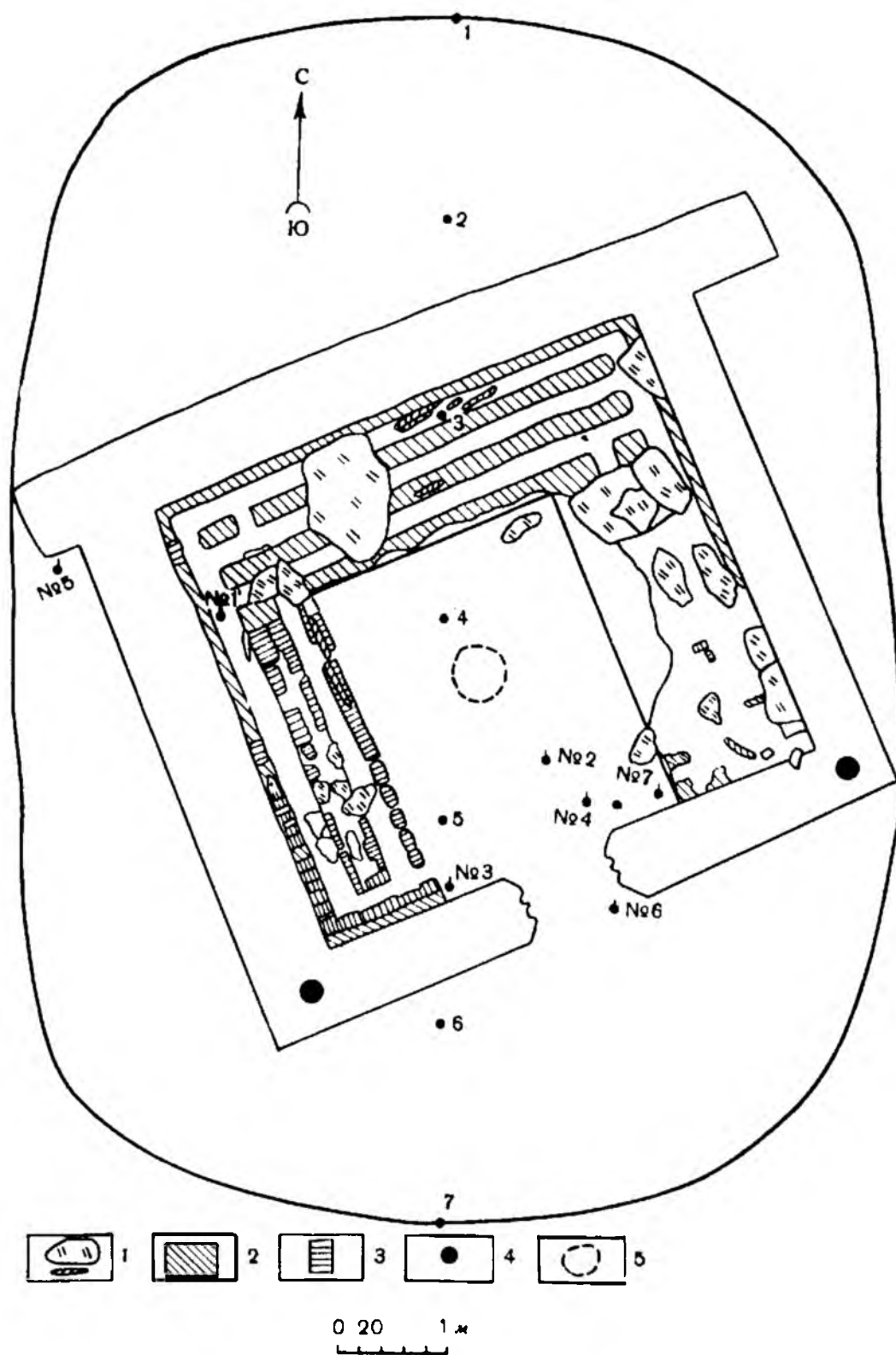

Рис. 54. План жилого дома на Эртине-Булакском городище XIII—XIV вв. (раскопки 1962 г.):
1 — плиты; 2 — глина; 3 — кирпичи; 4 — деревянный столб; 5 — место жаровни

Рис. 55. Раскопки на Межегейском городище в 1960 г.:

1, 2, 3 — вскрытие буддийского храма (здание № 1); 4 — остатки жилого здания № 3 с жерновами

К этому же времени относится высеченная в скале близ устья реки Чаа-Холь буддийская часовня в виде ниши с изображением будды, двух бодисатв и двух стражей, стоящих в устрашающих позах, как это обычно в сунских буддийских пещерах (рис. 52)¹⁰⁰. В других районах Тувы известны нарисованные красками на скалах изображения будд и субурганов. Например, на скале Бижиктиг-хая на Хемчике (близ современного пос. Кызыл-Мажалык), в естественной нише оказалось искусно нарисованное кистью изображение будды, сидящего в окружении облаков, дракона и птиц. Из имеющейся здесь же нероглифической надписи видно, что изображение выполнено летом 1358 г.¹⁰¹

Следует отметить, что возле двух городов (Дён-Терек и Оймак) обнаружены кладбища с наземными каменными статуями монгольских чиновников, львов и баранов (табл. IV, 47, 48), стоявших парами, образуя проход, ведущий к могилам (рис. 61, 1, 3). На одном из таких кладбищ (Чурумал близ Оймака) найден разбитый граненый обелиск с нероглифической надписью, вероятно, биографией умершего. Многочисленные находки нероглифических и монгольских надписей на уйгурском алфавите на скалах, обелисках и на других предметах (например, на посуде) позволяют установить, что в XIII—XIV вв. наибольшее распространение в Туве имели письменности, принесенные сюда монголами и колонистами. Эти письменности, однако, оставались чуждыми

покоренному местному тюркоязычному населению.

Особого внимания заслуживают навыки жителей тогдашних городов вести поиски и разработку местных полезных ископаемых и строительных материалов. В раскопанных жилищах обнаружено большое количество каменного угля, которым отапливались зимой каны. При остатках металлургических мастерских найдено много кокса, выжженного, как показали анализы, из элегестинского угля. В заброшенных ныне Межегейских шахтах, на правом берегу р. Элегест, были открыты древние штольни (рис. 53, 1), которые по найденной там посуде относятся к XIII—XIV вв., и, кроме того, там же обнаружены остатки поселка, в котором жили шахтеры того времени¹⁰². Уголь добывали тогда и открытым способом в горах по правому берегу Улуг-Хема близ Эрбека. Интересно, что тогдашние шахтеры знали и добывали лучшие угли, ибо, как показали современные исследования в Туве, металлургический кокс можно получить лишь из тех же Усть-Элегестского и Межегейского месторождений¹⁰³.

Анализы найденных кусков железной руды и металлургических шлаков позволили установить, что металлурги использовали разные руды, добывавшиеся рудокопами в рудниках Тувы. Так, использовался магнитный железняк из месторождений на р. Ондум (близ Кызыла) и на р. Деспен (южный склон Танну-Олы), а также бурый железняк из известного Карасук-

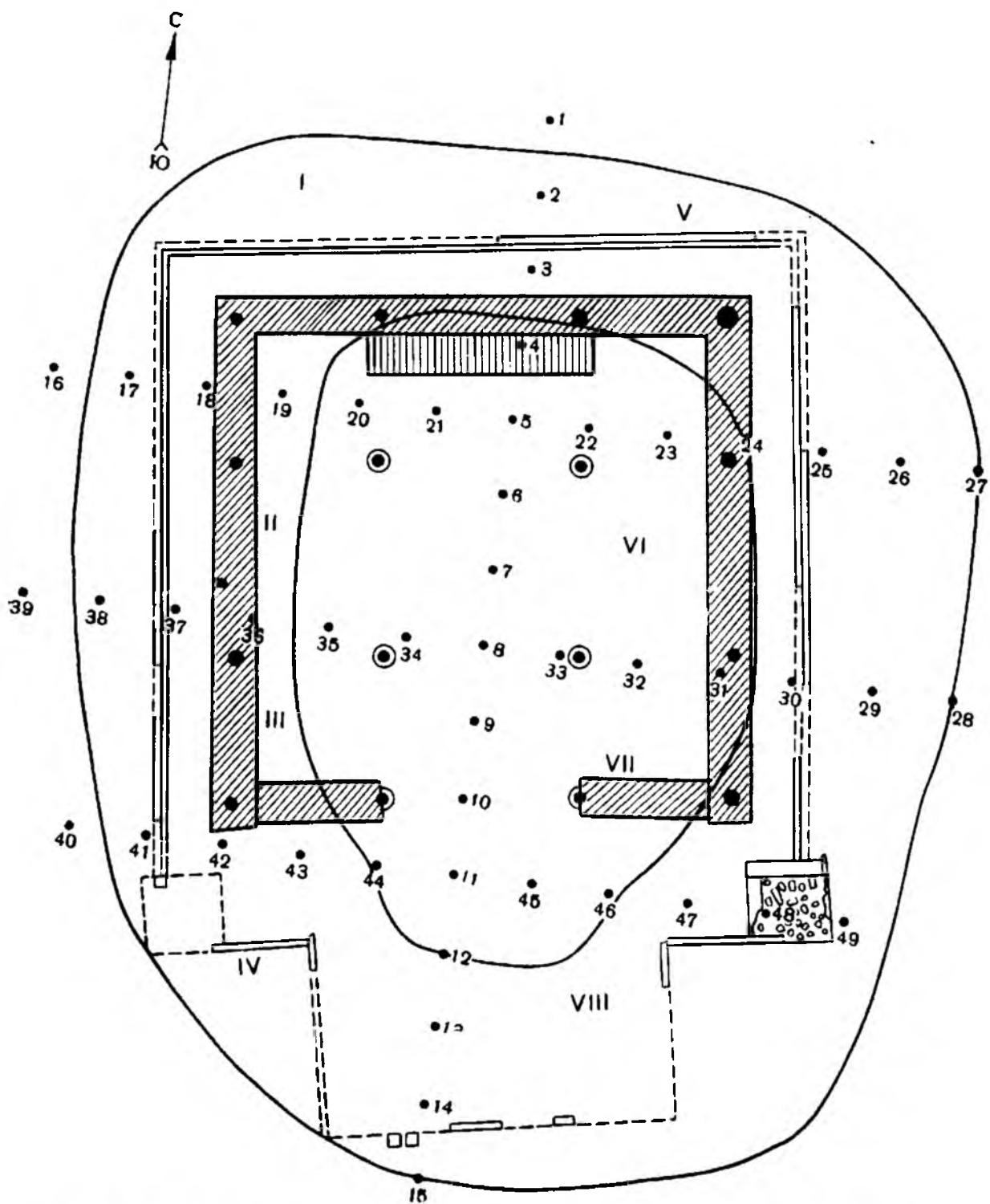

Рис. 56. План буддийского храма № 1, открытого на Межегейском городище (XIII-XIV вв.)

Рис. 57. Скульптурные детали крыши с административного здания № 4 городища Дён-Терек (терракота, начало XIII в.)

Рис. 58. Скульптурная голова дракона с крыши здания № 4 городища Дён-Терек (терракота, начало XIII в.)

ского месторождения. Это соответствует указанию Чан-чуна, что в стране Кянь-кяньчжоу «добывается доброе железо».

Рудокопы в то время уже добывали соль в Дус-Даге (Соляной горе) близ оз. Убсу-нур¹⁰⁴, которую через перевалы в верховьях Элегеста и Торгалыка доставляли в Кяньчжоу и Иланьчжоу.

Из стройматериалов, кроме алебаstra, гилса и камня, городским мастерам были известны хорошие местные глины, из которых с примесью железистых илов они изготавливали превосходную посуду (табл. IV, 1—7), звонкую синюю черепицу, крепкий кирпич (рис. 53, 55) и облицовочные плиты, а также обожженную скульптуру (рис. 57, 58).

Многочисленные находки, сделанные при раскопках городищ XIII—XIV вв. свидетельствуют, что это были крупные центры ремесленного производства. Металлурги не только получали железо в глиняных сыродутных гор-

нах, но и выплавляли чугун в небольших домницах с использованием кокса. Куски чугуна найдены при раскопках городов. Они же плавили золото и серебро в особых небольших глиняных тиглях (табл. IV, 10). Кузнецы изготавливали самые разнообразные железные изделия, начиная от гвоздей, ножей и пожниц до оружия и сельскохозяйственных орудий.

Особо высоким было гончарное ремесло горожан. Гончары применяли ножной круг, на котором искусно и в большом количестве изготавливали доброкачественные серые сосуды разных форм, от больших глиняных бочек до изящной столовой посуды (табл. IV, 1—7, 9, 11, 12). Близкую посуду имели и чжурчжени.

Но кроме посуды местного изготовления в быту горожан были разнотипные по форме, привозные из Китая, разноцветные глазурованные сосуды, чаши из высококачественного селадона, а также фарфоровая и стеклянная посуда.

Каменотесы изготавливали жернова для мельниц самых разнообразных размеров (диаметром от 14 см до 2 м — рис. 51, 3, 62, 3), статуи божеств, людей, животных, базы колонн (рис. 63), высекали в скалах буддийские ниши, вырезали точильные бруски и т. п. Большое развитие получило и ткацкое ремесло. В вышеприведенном сообщении Чан-чуна подчеркивается, что поселенцы в Туве занимались «тканьем шелковых материй, флера, парчи и цветных материй»¹⁰⁵. Работали и мастера-костерезы.

Жители поселений и городов занимались не только горным делом, ремеслом и строительством. В сообщении Чан-чуна говорится, что в стране Кянь-кяньчжоу «также сеют пшеницу». Сеяли, конечно, не одну пшеницу, но и ячмень, просо и другие культуры. Зерна и солома ячменя и пшеницы были встречены, как примесь в сырцовых кирпичах, а чешуйки проса вместе с кучками зерен конопли неоднократно найдены при раскопках жилых зданий. Земледелием здесь занимались не столько китайские поселенцы, сколько местные тюркоязычные племена, у которых земледелие, основанное на искусственном орошении, было высоко развито в предшествующий период древнехакасского государства. В источниках часть этих тюркоязычных племен собирательно называлась кыргызами. Так, Юаньши указывает, что земледелием в Туве занимались и местные «кыргызы», жившие в тех же созданных монголами городах и поселениях¹⁰⁶. В путеводителе «Шомоту» указано, что, если пройдешь 500 ли от «известного» озера Ачжигли, «достигнешь па-

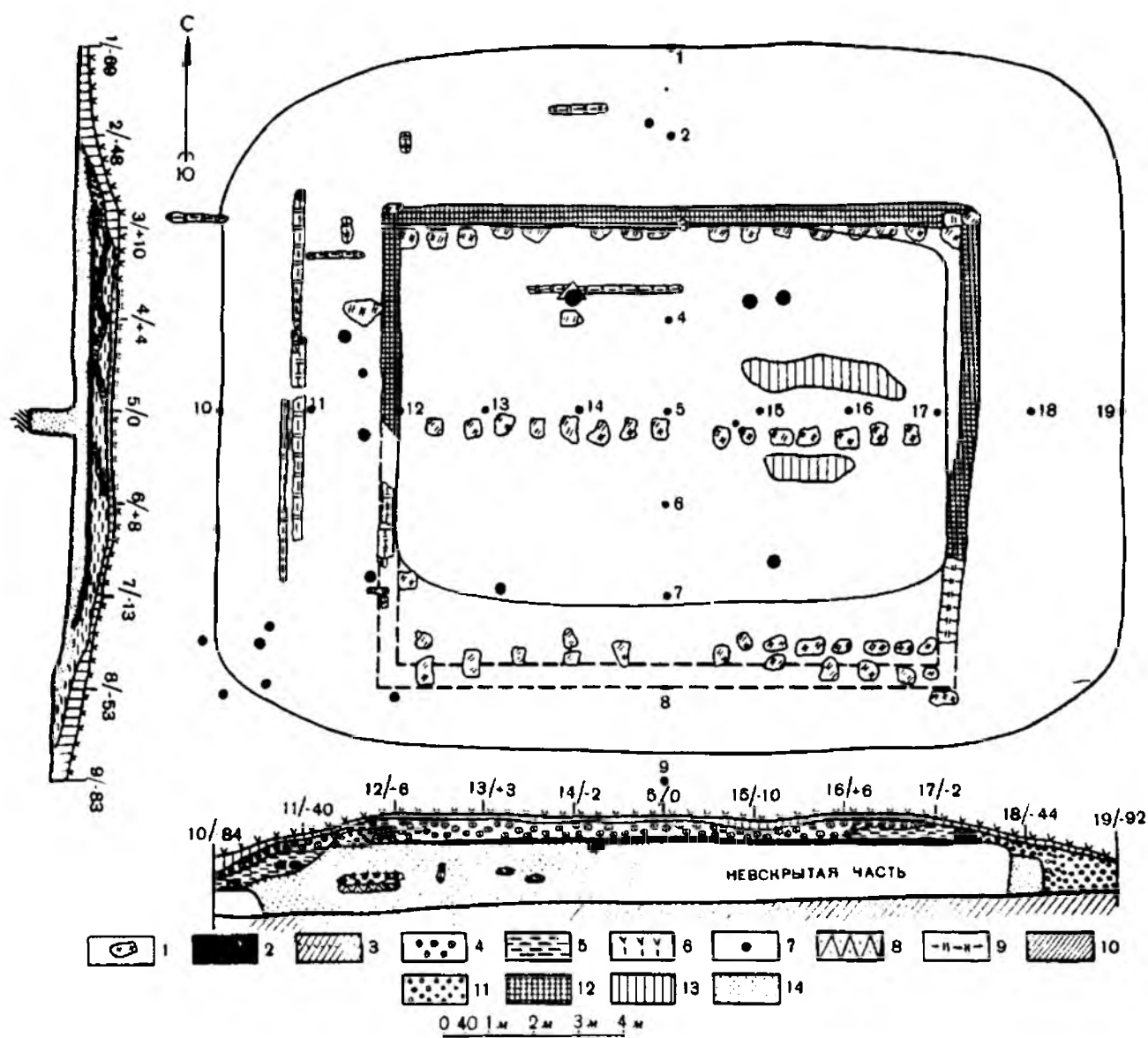

Рис. 59. План и разрезы здания № 3 городища Оймак (раскопки 1958 г.):

1 — плита; 2 — пол; 3 — зола; 4 — песок; 5 — глина; 6 — дёрн; 7 — столбы; 8 — угли; 9 — дерево; 10 — материк; 11 — размыв сырца; 12 — сыровый кирпич; 13 — участки прокаленного пола; 14 — насыпная платформа

шенных земель цилицизмы (кыргызов) в Кянь-кяньчжоу¹⁰⁷. Отсюда ясно, что вся оросительная сеть созданная в Туве в период древнехакасского государства, продолжала эксплуатироваться и в период монгольского владычества. К этому времени относятся находки железных кетменей, особенно удобных для расчистки каналов и выпуска воды на поля (табл. IV, 64). Лучшие, хорошо засеваемые, пахотные земли того времени лежали по прилавкам северного подножья хребта Танну-Ола, где как раз расположена большая сеть древних оросительных каналов. В Тандинском рай-

оне это покрытые каналами земли от пос. Элегест до пос. Кочетово и далее на восток до Бай-Хака, Сосновки и оз. Чагатай. В Улуг-Хемском районе каналы и пашни находились по долинам рек Торгалык, Шагонарчик, Чааты и Боянкольчик. Существовали и богарные посевы по пологим склонам небольших безлесных гор Центральной Тувы.

Пахали в основном изготовленными в Туве плугами с железными и бронзовыми лемехами и чугуными чечевицеобразными отвалами. Части плугов того времени неоднократно находили на территории Тувы и случайно и при

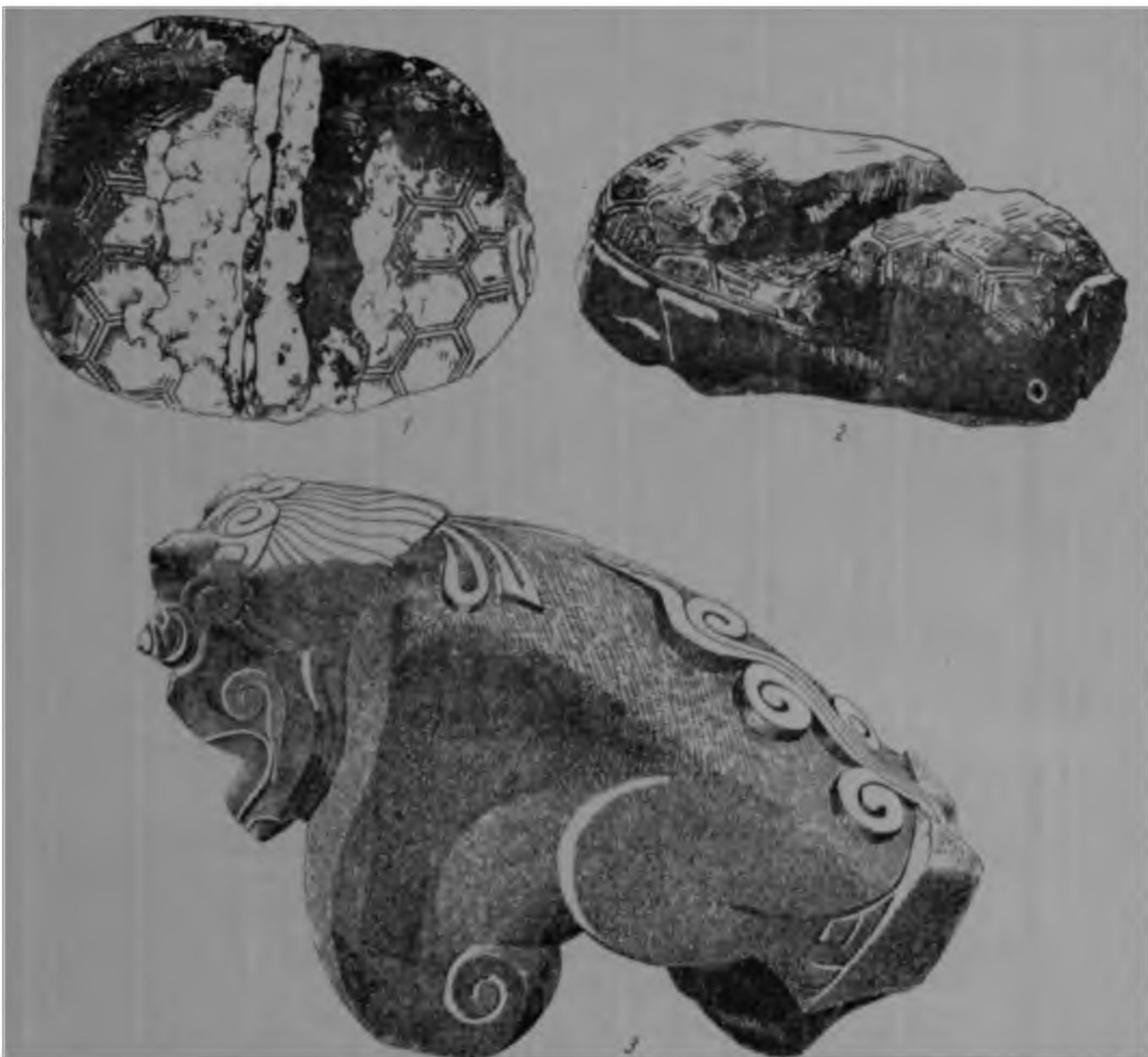

Рис. 60. Изваяния XIII—XIV вв. с городища Оймак (песчаник):
1, 2 — пьедестал для стелы в виде черепахи (голова утрачена); 3 — буддийская химера

раскопках описанных городищ (табл. IV, 31). Среди них особенно важны обнаруженные на поселении у деревни Сосновки бронзовый лемех и 4 отвала от плугов, на одном из которых имеется надпись с датой изготовления — 1286 г., а на другом — надпись: «Напрягайте все усилия к обработке полей» (табл. IV, 29—30).

Жали хлеба железными серпами, обломки которых найдены на городищах (табл. IV, 32). Для помола, как говорилось, употребляли различной величины ручные жернова дальневосточного типа (плоские с насечками), а также местные небольшие жернова и даже

зернотерки (рис. 51, 3, 62), вероятно, для изготовления толокна. Кроме того, при раскопках городищ были найдены каменные большие песты для ступ-крупорушек, подобные современным хакасским и тувинским (даш-бола, рис. 62, 2). Эти местные предметы, а также найденные на городищах обломки древнехакасских и уйгурских лепных сосудов, мочеотводных трубок от колыбелей тюркского типа — все это является свидетельством того, что в городах жили и местные тюрки.

Судя по многочисленным костным остаткам, население городов и поселений занималось животноводством, охотой и рыбной ловлей.

Рис. 61. Памятники XIII—XIV вв.:

1, 3 — лев и пьедестал для статуи человека с кладбища Чурумал близ городища Оймак (песчаник); 2 — сосуд из могилы-кенотафа № 1 кладбища Чурумал (раскопки 1958 г.)

При раскопках найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, верблюдов, собак, сибирской косули, оленей, лисиц, рыб и однажды домашнего осла.

Следует отметить многочисленные находки кости свиньи, которую в Туву завезли с собой поселенцы, так как до начала XIII в. домашняя свинья в Туве не была известна. Свиноарники находились при жилищах.

Из других предметов, найденных при раскопках, отметим железные наконечники боевых стрел монгольского типа, крючки от колчанов, ножи, многочисленные гвозди, строительные костыли и скобы, ножницы, чашечные весы и гири, глиняные пуговицы и шарики, огнива, оселки, пряслица, браслеты (табл. IV, 13—22,

26—28, 34, 35, 49), а также туалетные принадлежности: пинцеты, костяные щеточки, шпатели для растирки красок и гребешки для усов (табл. IV, 23—25, 36).

У населения городов, судя по находкам на городищах, в ходу были медные монеты с квадратным отверстием, выпущенные в конце XII в. чжурчженской династией Цзинь. Все они (11 экз.), хотя и найдены на разных городищах¹⁰⁸, имеют на аверсе одну легенду Да дин тунбао. Они были выпущены в 1178—1189 гг. при чжурчженском императоре Ши-цзуне, который правил под девизом Да дин в 1161—1189 гг. Из одиннадцати монет восемь имеют гладкий реверс, у двух на обороте стоит нероглиф «шэнь» (выпущены в 28 го-

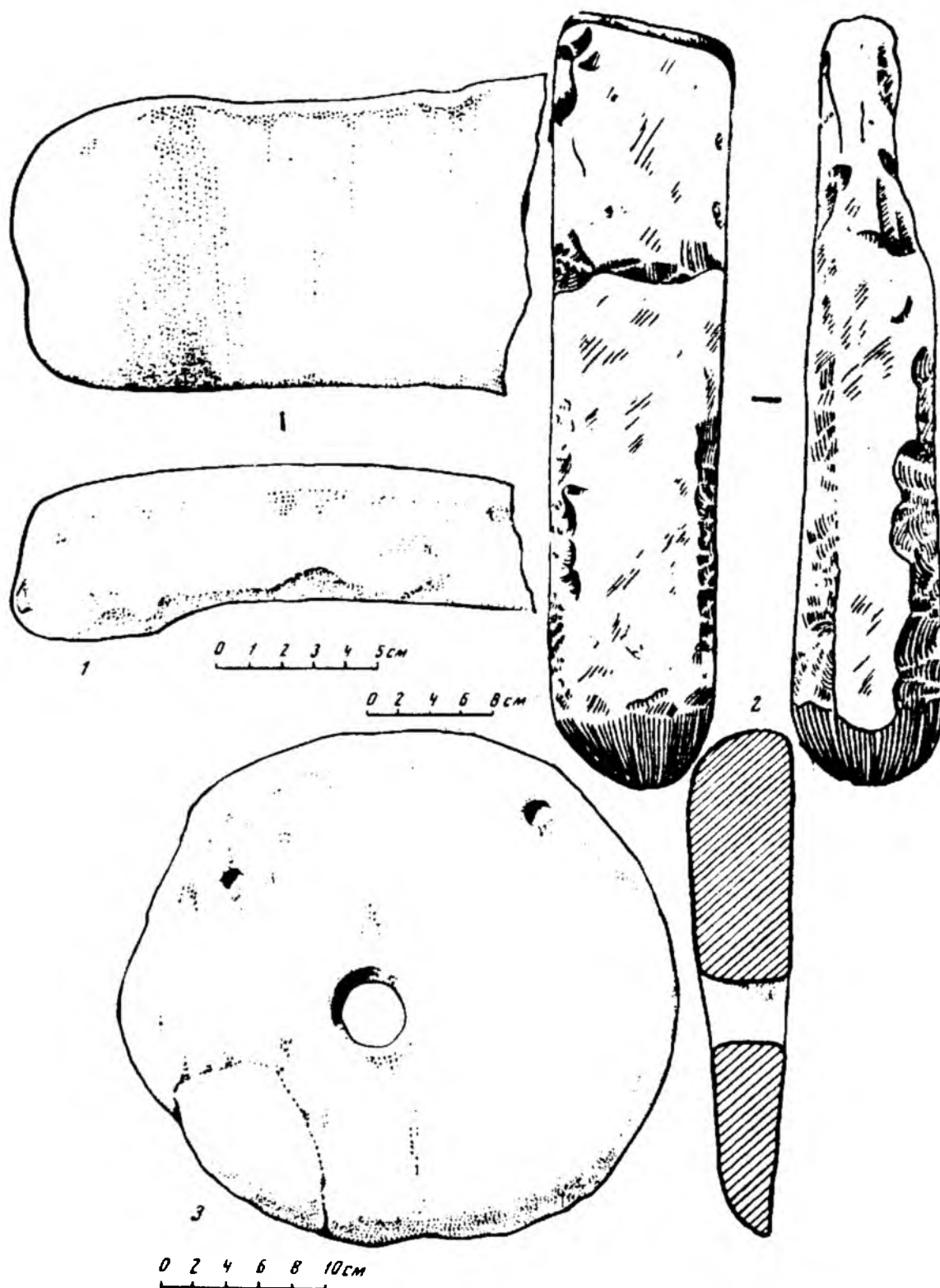

Рис. 62. Орудия XIII—XIV вв. для размолу зерна и рушения проса из городища Оймак:
 1 — обломок куранта зернотерки; 2 — пест для ступы; 3 — верхний жернов ручной мельницы
 (здание № 1, 1958 г.)

Рис. 63. Каменные базы XIII—XIV вв.:

1 — для обелиска на Элегестском городище; 2 — база колонны здания на Эртине-Булакском городище

ду правления Да Дин, т. е. в 1188 г.) и у одной стоит иероглиф «ю» — выпуск 1189 г.

Чжурчженьские монеты особенно широко стали проникать в Центральную Азию после вторжения полчищ Чингис-хана на территорию государства чжурчженей в 1211 г. В 1234 г. монголы окончательно захватили земли этого государства. При раскопках столицы Монгольской империи г. Каракорума в 1948—1949 гг. было найдено 19 чжурчженьских монет, из которых 14 являются монетами Да Дин тунбао¹⁰⁹. 8 чжурчженьских монет были найдены в кладе у с. Каптырево к северу от Саян и хранятся в Минусинском музее¹¹⁰.

Следует также отметить, что в Туве неоднократно были найдены шестеренкообразные пуны (втулки к осям) от больших телег¹¹¹, на которых в Монголии перевозилось сырье, продовольствие и армейское снаряжение и на которых стояли передвижные походные юрты. Встречены также монгольские боевой топор и чугунные котлы на трех плоских ножках¹¹², а также втульчатое копье (табл. IV, 67—69, 75).

Таким образом, жители городов и поселений, как свидетельствуют все виды источников, производили в значительном количестве продукты разнообразных ремесел и земледелия. Казалось бы, страна должна была процветать, однако всем этим пользовались не непосредственные производители, а монгольские феодалы. В том-то и заключался смысл создания военно-пахотных поселений, чтобы, опираясь на охраняемые гарнизоны, вывозить хлеб, оружие и ремесленные изделия в Монголию как для материального обеспечения новых завоевательных походов монгольских войск, так и для удовлетворения потребностей крупных феодалов.

О том, до какой степени ограблялись военные поселенцы, можно судить по тем данным Юаньши, в которых сообщается, что монгольским властям иногда приходилось выдавать обедневшим от разорений поселенцам просо, рис и скот¹¹³.

Необходимо отметить, что XIII—XIV вв. в истории средневековой Тувы были периодом принудительного развития городов и оседлых поселений, подневольного развития ремесла, торговли и земледелия. Все это необходимо учитывать при изучении сложных процессов развития феодальных отношений в Монгольской империи и у населения Тувы в средневековую эпоху.

Однако с падением Юаньской династии, когда военно-пахотные поселения перестали играть отводившуюся им до этого роль, когда уехали на родину насильственно переселенные в Туву китайские ремесленники и военные поселенцы, города и оседлые поселения опустели и постепенно разрушились. Этому, безусловно, способствовало также изменение торговых караванных путей, уменьшение потребностей в изделиях высоко квалифицированного ремесла, усиление роли скотоводства, по сравнению с земледелием.

Западные монголы-ойраты, в сферу политического и военного влияния которых стала входить теперь Тува, по характеру и техническому уровню своего хозяйства ближе всего стояли к скотоводческому полукочевому населению Тувы. Они не могли возродить и поддержать существование в Туве оседлых селений и городов, вызванных к жизни административными мерами Монгольской империи и династии Юань.

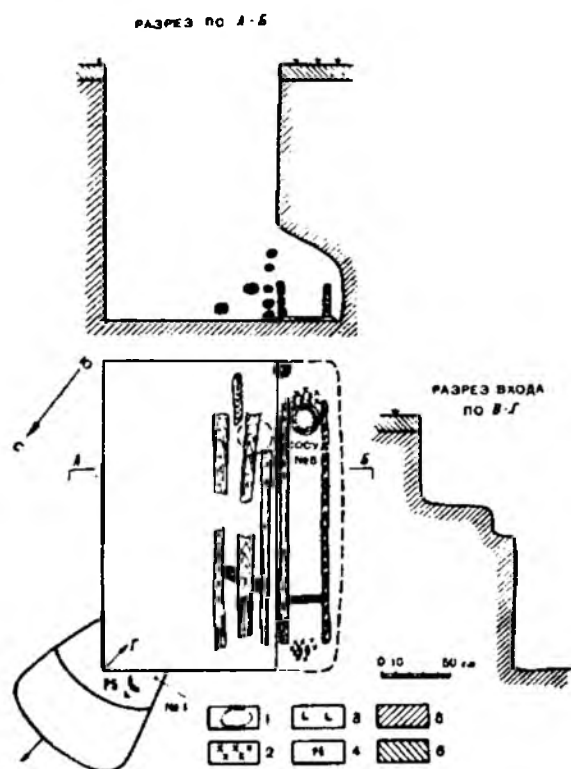

Рис. 64. План и разрезы могилы № 1 на кладбище Чурумал XIII—XIV вв. близ Оймака (раскопки 1958 г.):

1 — место находок № 2—4; 2 — остатки проса; 3 — угольки; 4 — ребро овцы; 5 — материк; 6 — дёрн

НАСЕЛЕНИЕ ТУВЫ, ЕГО ЗАНЯТИЯ И КУЛЬТУРА

О сложности и пестроте этнического состава населения Тувы в XIII—XIV вв. свидетельствует разнообразие исследованных археологических памятников этого периода и прежде всего погребальных сооружений.

Погребальные сооружения XIII—XIV вв. Погребальные сооружения делятся на несколько типов: а) редкие грунтовые могилы с подбоями на городских кладбищах; б) мусульманские оградки с ямами и подбоями; в) древне-хакасские каменные курганы с трупосожжениями; г) впускные погребения местных кочевников по обряду трупоположения с конем; д) каменные курганы с трупоположением на горизонте; е) каменные курганы с трупоположением в ямах.

А. Городские кладбища. Возле двух городов (Дён-Терек и Оймак) обнаружены кладбища с каменными статуями монгольских чиновников и изваяниями львов и баранов, стоявших парами, образуя проход к могилам

(табл. IV, 47, 48, рис. 61, 1, 3)¹¹⁴. Скульптуры были сделаны из местного песчаника, причем человеческие фигуры укреплялись на шипах в массивных, имевших пазы, прямоугольных пьедесталах¹¹⁵. Время их сооружения определено нами при помощи раскопок. В урочище Чурумал близ Оймака на кладбище найдены обломки граненого обелиска с иероглифами и раскопана одна грунтовая могила (табл. IV, Б; рис. 64). Это была прямоугольная яма, вытянутая с юго-востока на северо-запад¹¹⁶. С северного угла в нее вели две ступени. Дно было глинобитным и близ южного угла лежали в кучке женские туалетные принадлежности: ножницы, ухвертка-ногтечестка и круглое бронзовое зеркало с ручкой местной ремесленной работы (табл. IV, 42—44)¹¹⁷. Все эти вещи находились в шелковых чехлах и футлярах.

Под юго-западной стенкой прикрытый деревянной решеткой, сбитой гвоздями, находился подбой. В нем стоял пустой деревянный гроб-ящик, обсыпанный просом, а также сделанный на кругу серый сосуд (табл. IV, 41, рис. 61, 2), совершенно аналогичный сосудам, найденным на городищах. Могила оказалась кенотафом. Очевидно, прах умершего чиновника или его супруги был отправлен на родину. Неподдалеку от Оймака (в урочище Эль-Бажин близ горы Хайыракан на лесном берегу Улуг-Хема) находились еще две скульптуры того же времени, изображающие «тигра»¹¹⁸ и сидящего льва¹¹⁹. Обе они сейчас уничтожены. Неизвестно, какова была их связь с окружающими памятниками, но возможно, что это также были надмогильные скульптуры.

Наконец, в музее г. Кызыла имеется обломок верхней части плиты с остатками иероглифической надписи XIII—XIV вв. на лицевой стороне и гравированным изображением будды на узкой грани. Из текста (испорченного позднее высеченным изображением всадника с копьем и в шлеме-шишаке) видно лишь, что стела в свое время была поставлена в честь «заместителя консула Кундуна»; в тексте упоминаются какой-то округ (чжоу), офицеры и армия. Где первоначально стояла эта стела, неизвестно, но, очевидно, в бывшем округе Кяньчжоу, так как в 1887 г. она находилась в буддийской пещере близ устья р. Чаа-Холь¹²⁰.

Б. Мусульманские погребения. Мусульманские могилы найдены в Туве в двух местах: кладбище торговой фактории Саадак-Терек на р. Хемчике и кладбище у мавзолея (рис. 65) в мусульманском квартале Элегестского городища (рис. 66)¹²¹. На поверхности земли могилы отмечены подпрямоугольными,

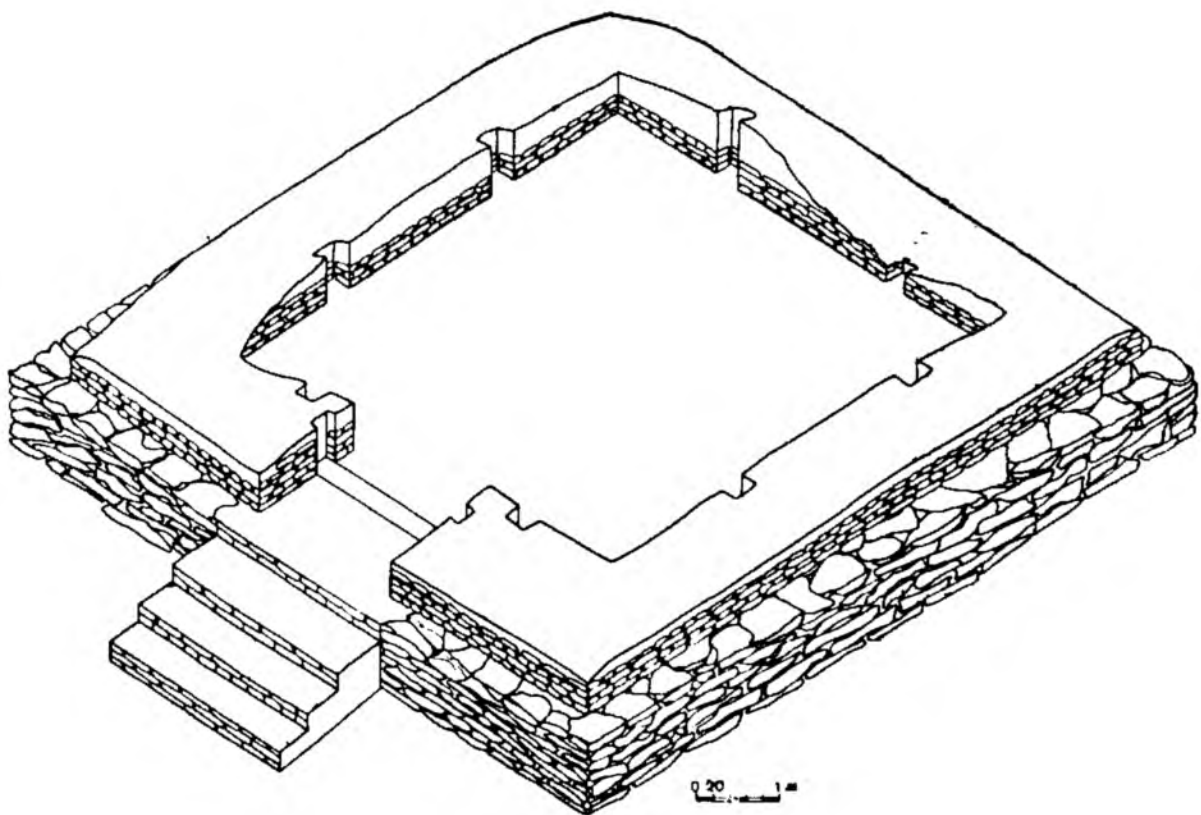

Рис. 65. Остатки мавзолея на Элегестском городище XIII—XIV вв. (раскопки 1962 г.)

вытянутыми с северо-запада на юго-восток оградками, из врытых на ребро каменных плит (рис. 66), или, редко, округлыми плоскими каменными курганчиками¹²².

В оградках находятся ямы с подбоями под юго-западной стенкой (табл. IV, B), в которых вытянуто на спине или, реже на правом боку, лежат скелеты мужчин, женщин и детей. Их хоронили обычно одиночно головой на северо-запад, а лицом непременно повернутым на юго-запад в сторону Мекки. Трижды при захоронениях в обычных ямах останки людей находились в гробах из досок¹²³. Лазы в подбоях закрыты досками или деревянными решетками, а иногда камнями, комками лесса или сырцовыми кирпичами. Никаких предметов, как того и требует догма ислама, в этих могилах не оказалось.

Погребенные относятся в основном к европеоидной расе¹²⁴.

Как устройство погребальных сооружений, так и обряд, зафиксированный в этих могильниках, безусловно, являются мусульманскими. Общеизвестно, например, что у исповедующих ислам народов Средней Азии и Восточного Туркестана умерших обычно хоронят в подбоях, укладывая вытянуто головой на северо-

запад или север, но с лицом, непременно повернутым на юго-запад на кыблу¹²⁵. Иногда, впрочем, умерших хоронили и в простых ямах, изредка в деревянных гробах, но при том же положении тела и, согласно догме ислама, без всякого сопровождающего инвентаря и жертвенной пищи¹²⁶. Сооружение оградок («мазаров») над могилами также обычно для мусульман. Аналогичные оградки из каменных плит на мусульманских кладбищах известны на Памире¹²⁷, в Казахстане и в Туркмении¹²⁸.

Появление в Туве в столь позднее время небольшой группы европеоидного в целом населения хорошо объясняется явно пришлым характером мусульман. Небольшая группа мусульман-торговцев с их своеобразной культурой была сравнительно изолированной от местного населения и ислам не получил тогда распространения на Саяно-Алтайском нагорье.

В. Хакасские курганы. Еще одним свидетельством проживания хакасов в древне-монгольских городах Тувы является открытое нами в северной части Межегейского городища одновременное ему хакасское кладбище XIII—XIV вв., состоявшее из двадцати плоских каменных округлых курганов. В насыпи и на

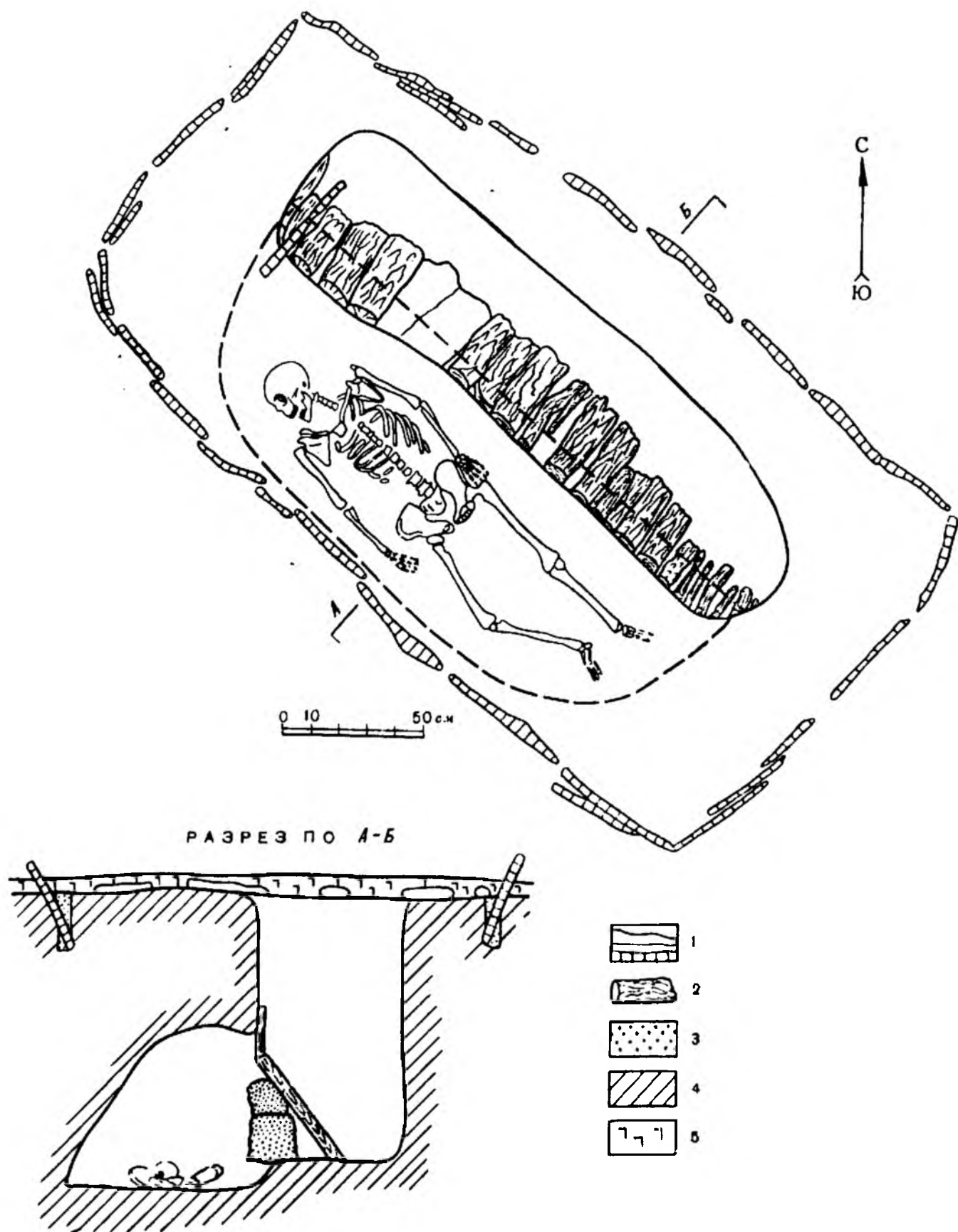

Рис. 66. Могила № 1 на мусульманском кладбище близ мавзолея (Элегестское городище, раскопки 1962 г.):
1 — каменные плиты, 2 — плахи и брусья, 3 — лёсс, 4 — материк, 5 — заплыв сырца

горизонте обнаружены кости и зубы лошади, кусочки кокса и угольки. В одном кургане найдено небольшое кострище на горизонте и неглубокая ямка с трупосожжением, перекрытая жердочками¹²⁹. В другом — два трупосожжения на горизонте в зольных пятнах и перекрытая ими ямка (табл. IV, Г). При погребениях найдены кольца-тройчатки со щитками, тесло (табл. IV, 70—72), обломки круглой пряжки и пожа, а также обломок серого сосуда, характерного для культурного слоя городищ. В яме, перекрытой центральным трупосожжением, лежал фрагмент стенки чернолощеного сосуда. Таким образом, это наиболее поздние известные курганы древних хакасов, тогда уже мирных горожан употреблявших даже в погребальном обряде изготовленную городскими ремесленниками на кругу рядовую посуду.

Г. Погребения кочевников с конем. Пока известно только одно погребение этого времени по обряду трупоположения с конем¹³⁰. Оно влущено в насыпь древнего кургана шурмакской культуры. Здесь головой на восток лежал на левом боку скорченно скелет старой женщины, а в одном метре к югу, также на левом боку головой на восток находился скелет лошади. При лошади обнаружены остатки седла в виде оковки луки, подпружная пряжка (табл. IV, 57, 59) и витые ремни от пут на ногах. Другие предметы конского снаряжения оказались перед лицом и у темени человеческого скелета. Это были характерные для монгольского периода (XIII—XIV вв.) стремена с отверстием в заостренной кверху уплощенной дужке, удила с чашечковидными псалиями, овальные пряжки и оковки с крючками (табл. IV, 54—56, 58, 60, 61). У груди погребенной лежал нож, а на шее остатки большого ожерелья из 584 стеклянных бус голубых, сиреневых и зеленых (табл. IV, 53, 62, 63).

Этот памятник является одним из наиболее поздних средневековых погребений по обряду трупоположения с конем, свидетельствующем о сохранении потомками древних тюрков присущего им обряда и в XIII—XIV вв.¹³¹ Известно, что этническое имя племени — «тюрк» существовало и в XIII в.¹³²

Д. Трупоположения на горизонте. Эти погребения (табл. IV, Д), ориентированные головой на северо-запад, вытянуты на спине. Они почти всегда оказываются впускными в ранние каменные курганы, за исключением одного случая, когда над скелетом был насыпан округлый плоский курган из камня¹³³. Погребения одиночные, часто без инвентаря. При скелетах найдены: плоский наконечник стрелы, нож, обломок сланцевого бруска и бу-

сы из красного стекла (табл. IV, 51, 52, 73, 74).

Е. Каменные курганы с ямами. Под округлыми насыпями этих курганов обнаруживаются прямоугольные ямы, вытянутые с северо-запада на юго-восток¹³⁴ с одиночными трупоположениями, вытянутыми на спине, головой на северо-запад, под покрытием из досок (в одном случае тонкие узкие доски лежали в четыре слоя крест накрест). Жертвенная пища, судя по костям, состояла из конины. Один курган без инвентаря датируется по стратиграфическим условиям: он был сооружен сверху на полотне так называемой «дороги Чингис-хана», т. е. на остатках уйгурской стены VIII—IX вв. и потому моложе X в. В других курганах найдены: стремена, типичные для XIV—XV вв. (с отверстием в уплощенной дужке и с вертящейся верхней петлей на вертлюге — табл. IV, 65, 66)¹³⁵ и круглые золотые бляхи уздечного набора.

Население и его культура. Как видно из сообщенных выше фактов, население Тувы в XIII—XV вв. было очень пестрым по своему национальному составу и религиозной принадлежности в связи с проникновением сюда монголов-буддистов, их пленных поселенцев и мусульманских купцов. Понятно, что и культура этого населения была синкретичной — слагалась из многих элементов, среди которых основными были культура горожан и оседлых поселенцев и культура местных тюркоязычных кочевников.

Нам известно, что вместе с поселенцами и монголами, в городах и поселениях жили оседло и занимались ремеслом и земледелием потомки местного уйгурского и хакасского населения¹³⁶. К сожалению, о положении, быте и культуре кочевого населения письменные источники не содержат никаких сведений.

Немногочисленные археологические источники позволяют заключить, что тюркоязычные кочевники, оттесненные на непригодные для земледелия горные пастбища, по-прежнему занимались экстенсивным скотоводством, кочуя с летних пастбищ на зимние, жили аалами в юртах, дополнительно промыслили охотой и собирательством. Они вели обмен с жителями городов, выменивая на продукты скотоводческого хозяйства хлеб и ремесленные изделия. Они, видимо, так же, как все покоренное население монгольской империи, были разделены на десятки, сотни и тысячи, так же платили подати скотом и выполняли различные службы и повинности монгольским феодалам.

Могила кочевников содержит очень бедный инвентарь или же лишена его совсем, но в обряде продолжают сохраняться старые черты

местного населения. К этому времени относятся впускные погребения по обряду трупоположения с конем и с архаичной чертой: скорченные на боку скелеты людей, лежащие головой на восток. Лошадь также укладывалась головой на восток параллельно человеку.

Погребения с конем XIII—XIV вв. по всем их особенностям являются памятниками местного для Тувы тюркоязычного кочевого населения, впрочем, так же как и подкурганные одиночные погребения в ямах (погребения типов Г и Е) с принадлежностями конской сбруи (узды и стремяна). Найденные в этих погребениях черепа (при этом не учитываются хакасы, хоронившие по обряду трупосожжений) позволили антропологам заключить, что местное население Тувы в XIII—XIV вв. имело смешанные европеоидно-монголоидные особенности и сильно отличалось по своему физическому типу от современных тувинцев, являющихся классическими представителями центральноазиатского типа монголоидной расы.

Письменные тибетские источники этого времени, имея в виду, очевидно, в первую очередь хакасов, пишут о европеоидах в Туве в эпоху правления хана Хубилая: «Народ Кинча, или по-монгольски Кемкемче, страна которого лежит на северо-запад за Торгутом... Люди этой земли, по большей части владели богатствами. Именно, многие из них были владельцами десяти тысяч прекрасных лошадей. Они имели голубые глаза и рыжие волосы, были безобразны по виду (с точки зрения тибетцев. — Л. К.) и постоянно навешивали на себя оружие различного рода».

Монголизация населения, таким образом, далеко еще не завершилась к XIV в., а процесс образования физического типа современных тувинцев приходится в основном на XIV—XVI вв.¹³⁷

По данным письменных источников, в Туве в это время, наряду с местными тюркоязычными кочевниками и охотниками, появились монголоязычные кочевники и охотники, которые приняли участие в процессе этногенеза местного населения, в монголизации его физического типа.

Впервые зафиксированные нами курганы с трупоположением на горизонте (тип Д), которых не было в Туве в VI—XII вв., вероятно, оставлены появившимися здесь монголоязычными племенами. По буддийским требованиям они уже не закапывали труп умершего в землю, а укладывали его на поверхность земли, но еще обкладывали камнями по кругу так, что получался округлый плоский каменный курган.

Очень важно, что описанные нами выше под литеррами В, Г, Д и Е типы погребальных сооружений полностью сохранились среди тувинских погребений XVI—XVII и даже XVIII—XIX вв. (на последнем этапе лишь без трупосожжений — тип В)¹³⁸.

Ясно, что эти выявленные нами археологически, этнические группы населения XIII—XIV вв. приняли активное участие в процессе сложения современной тувинской народности и образовали ее основу.

Необходимо иметь в виду, что далеко не все термины, которые применяются в письменных источниках в качестве названий тех или иных групп местного населения, действительно являются этническими. Часть из них оказываются собирательными географическими наименованиями, данными по названиям рек, гор или лесов (кэм-кэмджиут; «лесное племя» или, по-монгольски, хойин-иргэн¹³⁹; туматы, тубасы или тухасы; усы или урасуты, урсуты; хабханы, ханасы или ханьхэна и т. п.).

Другая часть терминов представляет собой названия, в которые вкладывалось политическое содержание (кыргызы, куштеми или кесдинн, кэшидими и т. п.).

Монголы называли все тогдашнее население Тувы, вне зависимости от происхождения и языка — кэм-кэмджиут, т. е. буквально, «кэм-кэмчикцы», по рекам Кем и Кемчик — основным водным артериям горно-стенной части Тувы.

В монгольском языке известна тенденция передавать племенные или географические названия человеческих коллективов во множественном числе. Например, ойрат, меркит, керейт, баргут, тумат, урасут, теленгут, бант, сахаит и т. п., где суффикс — «т» означает групповую совокупность людей, следовательно, является детерминативным показателем наименования племени¹⁴⁰.

Таким образом, монгольское кэм-кэмджиут означает кем-кемчи (к) + (у)т, т. е. «кем-кемчикцы» — «люди, живущие на Кеме и Кемчике»¹⁴¹. Потому Рашид-ад-дин называет Туву «областью Кэм-кэмджиут», т. е. в первоначальном смысле областью кем-кемчикцев. Монгольское «область Кэм-кэмджиут» в китайских источниках закономерно передается как Кянь-кяньчжоу, т. е. «округ Кем-кемчик».

Политическое господство в областях Кыргыз и Кэм-кэмджиут в XIII в. (а фактически вплоть до XVI в.) принадлежало феодалам из рода кыргызы — выходцам из аристократического рода древних хакасов. Но монголы в ту пору кыргызами называли всех древних хакасов, т. е. вкладывали в термин «кыргызы» поли-

тическое или территориальное географическое, а не этническое содержание.

По Юаньши, это народ смешанного происхождения, что видно из легенды о браке 40 девушек земли Хань с мужчинами Усы. Далее описывается территория Хакаско-Минусинской котловины, которая отстоит от Дайду (Пекина) на 10 000 ли¹⁴². «С приходом к власти династии Юань этот народ разделили и сделали 9 тысячников (или 9 тысячныхеств)», т. е. населения хватило для разделения на 9 военно-административных тысяч, как были разделены и сами монголы (на десятки, сотни, тысячи и тьмы)¹⁴³.

Эта цифра, очевидно, соответствует истинному числу воинов свободных древних хакасов без кыштымов, ибо в «Сокровенном сказании», в повествовании о событиях 1207 г., когда монголы столкнулись с древними хакасами, их называют «тумен-кыргызами» — десяти тысячными кыргызами, т. е. по численности в военно-административном отношении составлявшими один тумен (10 тысяч)¹⁴⁴.

Далее в Юаньши говорится: «Обычаи цзилицзисы отличаются от обычаев всех других владений. Их язык похож на язык уйгур. Живут цзилицзисы в хижинах и юртах. Занимаются скотоводством и кочуют в зависимости от наличия воды и пастбищ. Имеют значительные сведения об обработке земли. Как выпадает снег, верхом на деревянных конях (т. е. лыжах. — Л. К.) выезжают на охоту. В их землях есть породистые лошади, а также белые и черные охотничьи соколы»¹⁴⁵. В других редакциях этого места указывается еще: «Страна разводит прославленных лошадей: белых, черных, зеленых, как море», а в одном источнике особо говорится о «пашенных землях цзилицзисы в Кянь-кяньчжоу», т. е. в Туве¹⁴⁶.

Из этих скудных данных видно, что в XIII—XIV вв. часть хакасов была оседлой, живя в хижинах (очевидно, деревянных избах, покрытых берестой или корой лиственницы) и занимаясь земледелием. Другая часть занималась скотоводством со специализацией на выпедении породистых прославленных лошадей и вела полукочевой образ жизни. Часть населения с наступлением зимы, охотилась на лыжах в тайге за пушным зверем, причем на летней охоте употреблялись специально выращиваемые охотничьи соколы, которые, как мы видели, вместе с лошадьми шли на приношение в виде дани и на продажу.

Об употреблении лыж в областях «кори, киргиз, урасут, теленгут и тумат» сообщает и Рашид-ад-дин, который описывает охоту на

лыжах с пешими нартами для перевозки добычи и даже приводит их тюркское название — «чанэ»¹⁴⁷ (ср. хакаское «сана» — лыжи, тувинское «шанак» — сани и шорские «шана» — «лыжи» и «шанак» — охотничьи нарты). Добавлю, что в записках одного монгольского посла середины XIII в. указывается, что по слухам кыргызы на Енисее ездят по снегу на саях, запрягая в них собак вместо лошадей¹⁴⁸, что едва ли соответствовало истине.

О том, что хакаский род кыргызы занимал руководящее политическое положение среди местного населения и после монгольского завоевания, говорят данные Юаньши о том, что «ангарцы (т. е. племена, проживающие по берегам р. Ангара. — Л. К.) получили свое имя от этой реки и находятся в вассальной зависимости от цзилицзисы», что кыргызы на Енисее владели «всем народом пяти их племен» или «пяти областей» (т. е. Киргиз, Усы, Ханьхэна, Кяньчжоу и Иланьчжоу). Наконец, об этом же говорит и наличие у кыргызов кыштымов, т. е. феодально-зависимых племен, чаще всего инородного происхождения (иногда даже иноязычных), обитавших в горной тайге.

В разных источниках название термина кыштым (хакаское «хыстым») ¹⁴⁹ варьируется как «кесутами» — «куштемн» (у Рашид-ад-дина; по Березину «кестемн»), «кесдинн» (Сокровенное сказание), «кэшидинн» (Шен-у цинь-чжэн лу). «Сокровенное сказание» относит кыштымов к «лесным народам» Саяно-Алтая, которые были завоеваны Джучи-ханом в 1207 г.¹⁵⁰ Рашид-ад-дин пишет, что кыштымов «называют лесным племенем, потому что они обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджнутов»¹⁵¹. Но как мы знаем, кыштымы — это социальная категория и этим именем назывались многие лесные племена разнородного происхождения, часть которых жила на Саянах и в горно-таежных районах современной Тувы. Именно с этими кыштымами кыргызских князей столкнулись русские на Енисее в начале XVII в., описывая их как «черных людей, ясачных мужиков, а по-киргизски кыштымов», которые у них «вместо русских крестьян»¹⁵².

В числе «лесных племен», которые «обитают по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджнутов», Рашид-ад-дин вместе с кыштымами называет еще племена урасут и теленгут. Так как монголы (а за ними Рашид-ад-дин) приняли ошибочно термин кыштым за название особой этнической группы, то можно было бы заключить, что лесные племена урасут и теленгут не являлись кыштымами князей из кыргызского рода. Но сами кыштымы, безус-

ловно, имели определенное этническое имя, которое монголы могли знать наряду с их социально-бытовым прозвищем. И потому именно племена урасут и теленгут сами были этими кыштымами, хотя ими же являлись и многие другие тюркоязычные и самодийские группы северного Алтая, Кузнецкого Ала-Тау и Саянских гор.

Как уже говорилось, (у)т — аффикс монгольского множественного числа и потому теленгут восстанавливается как тюркское теленг или телег. Это тем более верно, что «Сокровенное сказание» отмечает группу тенлек, а «Шэн-у цинь-чжэн лу» — группу телянбу, что одно и то же с теленгут или телек. Телек (делег) — это самоназвание одной из современных групп тувинцев, происхождение которой восходит к древней тюркоязычной общности, племен телэ (телек или теле+ук; где «ук» — род, поколение по-тувински, алтайски и монгольски)¹⁵³.

Точно так же урасут или урсут восстанавливается, как урас что вероятно соответствует названию современной тувинской группы «урат». По аргументированному мнению Л. Амби, «урасут» Рашид-ад-дина и «урсут» «Сокровенного сказания» соответствуют «усы» или «усухань» Юаньши¹⁵⁴. Однако наличие современной группы урат делает, кажется, это сопоставление сомнительным, ибо ясно, что округ этот и его население названы монголами по имени реки Ус, протекающей в Западном Саянском хребте и поныне сохраняющей свое название¹⁵⁵.

По Юаньши мы знаем, что «(народ) усы также получил свое имя от названия реки и проживает к востоку от цзилицзисы, к северу от реки Кянь. По существующему у них обычаю, каждый год в первой декаде 6-го месяца убивают белую лошадь, быка и барана, разбрызгивают кумыс; все (усы) омываются в реке, чтобы почтить духов реки, потому что, по преданию, оттуда вышел их родоначальник»¹⁵⁶.

Таким образом, усинцы, т. е. жители Западных Саян того времени, были скотоводами подобно степным полукочевникам и даже имели косяки кобылиц, получая от них кумыс. Праздники, подобные описанному, сопровождающиеся закланием лошади, быка или барана (тайэлга, тайых и др.), до недавнего времени устраивались всеми народами Саяно-Алтайского нагорья. Почитание духов реки и воды (сух эзи) также обычно для саяно-алтайцев, и других тюркоязычных народов¹⁵⁷.

Находки XIII—XIV вв. из «Усинского края», хранящиеся в Минусинском музее, свидетельствуют о посещении в это время долины

Уса монголами и среднеазиатскими купцами, очевидно, приезжавшими за данью и пушниной¹⁵⁸.

Каковы были родовые имена усинцев, мы не знаем, но скорее всего в это время здесь жили уже тюркоязычные этнические группы и среди них, возможно, группа «урат», ныне живущая в соседней горно-таежной Тодже (северо-восточная Тува). Люди Усы (усухань), участвовавшие в восстаниях саяно-алтайских племен против монгольского ига, также были частично выселены в 1293 г. Хубилаем в округ Чжаочжоу в Маньчжурii вместе с кыргызами (цзилицзисы) и ханас (сокращение от хабханас)¹⁵⁹.

В «Сокровенном сказании», среди «племен» Саяно-Алтайского нагорья покоренных Джучи-ханом в 1207 г. упоминаются хабханасы, тухасы и тубасы. Что касается хабханасов или кабканасов «Сокровенного сказания»¹⁶⁰, то этот термин соответствует ханьхэна Юаньши, т. е. одному из «пяти родов»¹⁶¹ или «пяти округов», вошедших в состав административной территории Лю Хао-ли в 1270 г.

Вот что сказано в Юаньши: «Ханьхэна. Говорят, что (это слово) похоже на название мешка из холста, у которого «рот» маленький, а «живот» большой. Форма такого мешка подходит на рельеф местности, в которой живут ханьхэна. Поэтому их и называли так. Живут на восток от усы, у истоков реки Кянь. В их владениях есть только два горных прохода, через которые можно проникнуть к ним или уйти с их территории. Страна их гориста, с множеством рек, покрыта густыми лесами и изобилует опасными и труднодоступными местами. Там очень много дичи, а у них (ханьхэна) мало домашнего скота. Все ханьхэна делают хижины и юрты из коры березы, а поклажу грузят на белых оленей. Пьют оленьё молоко. Собирают и едят плоды сосны (кедровые орехи), коренья (*Lilium concolor* и *Racoma albifera*). В зимние месяцы также на деревянных конях (т. е. лыжах) выезжают на охоту»¹⁶².

Это точное описание в письменных источниках быта населения горно-таежной северо-восточной части территории Тувы (современный Тоджинский район), занимавшегося с глубокой древности оленеводством и охотой. Очертания Тоджинской котловины действительно напоминают очертание мешка с узким горлом, по которому протекает р. Бий-Хем. Бий-Хем является одним из истоков Кема (ныне Улуг-Хем), образующегося от слияния Бий-Хема и Каа-Хема у г. Кызыла.

Тоджа находится к востоку от долины Уса. Она очень труднодоступна летом, и доныне все

грузы туда доставляются самолетами. В Тоджу ведут лишь опасные конные тропы, непроходимые зимой, весной и осенью; пробираться по ним верховому очень долго. Выбраться из Тоджи можно по р. Бий-Хему на плоту или на лодке, но это очень опасное дело из-за быстроты течения, порогов, перекатов и подводных камней.

В сжатом тексте Юаньши отлично охарактеризованы важнейшие черты жизни полукочевых оленеводов и охотников Тоджи, живущих в крытых берестою чумах, едущих верхом на саянских оленях (среди которых и теперь встречаются совершенно белые особи), занимающихся заготовкой съедобных корней, кедровых орехов и охотящихся зимой на лыжах. Таким образом, тувинцы-тоджинцы сохраняли основные особенности быта и своеобразной культуры своих далеких предков XIII—XIV вв. до недавнего времени¹⁶³.

Китайское написание Ханьхэна образовано от монгольского Хабханас (кабканас), множественного числа от Хабхана (Кабкана), так как аффикс «с» также является показателем множественности в монгольских названиях этнических групп¹⁶⁴. Л. Амби считает Кабканас (по-тюркски по его мнению будет звучать как Капканас) производным от тюркского «кап» — мешок и сопоставляет это с разъяснением текста Юаньши: «Ханьхэна. Говорят, что (это слово) похоже на название мешка из холста, у которого «рот» маленький, а «живот» большой»¹⁶⁵.

Действительно, «хап» — мешок по-тувински и по-хакасски. Но вероятнее всего «Хабханас» — производное от хапхан (хак.) — капка (тув.), что значит западня, ловушка, капкан¹⁶⁶. Очевидно, здесь имеется в виду «хапхан», или охотничья ловушка из холщового мешка с узкой горловиной, на которую была похожа по очертаниям большая Тоджа с узким и опасным входом. Попастъ в Тоджу было трудно, а выбраться оттуда оказывалось еще трудней. Отсюда сходство Тоджи с капканом, особенно понятное для монгольских сборщиков дани, вынужденных ездить туда за пушниной к воинственным горцам-олeneводам. Поэтому монголы прозвали северо-восточную Туву, а заодно и ее жителей хабханас (капканщики).

О том, что «хабханасы» бунтовали против ига монгольских феодалов, свидетельствует упоминавшийся выше факт высылки их зачинщиков в 1293 г. в Манчжурию вместе с частью мятежников кыргызов и усуньцев.

Вместе с «капканщиками» в северо-восточной Туве и у оз. Косогол, как указывает Рашид-ад-дин, жили туматы, потомки древних

дубо, являвшиеся, скорее всего, частью безымянных «капканщиков» Тоджи, если не полностью тождественных им, ибо Рашид-ад-дин никаких хабханасов не знает.

Однако туматы в «Сокровенном сказании» фигурируют вместе с тубасы и тухасы¹⁶⁷. Если учесть, что монгольские показатели множественности в этнических названиях выражаются аффиксами «т» и «с», то в единственном числе мы получим названия: тума¹⁶⁸, туба и туха. Нетрудно видеть, что все они являются лишь диалектными вариантами одного и того же названия туба, восходящего к древнему дубо и воспроизводимого ныне самоназвания тувинцев (тыва-туха), карагасов (тофа-туба), тубаларов Алтая (туба) и хакасского рода Туба. Ибо звуки м, б и х (точно также в, ф и б) обычно взаимозаменяются в позициях между двумя гласными в различных диалектах как тюркских, так и монгольских языков.

Еще Н. Н. Козьмин отождествляет термины тумат, тубас и т. п.¹⁶⁹. Ныне об этом пишет Л. В. Гребнев¹⁷⁰. Но ни тот, ни другой не расшифровывают этого термина. Хотя этот термин местный, однако в том разъяснении, которое ему можно дать с позиции тюркских языков, он выступает не как этническое самоназвание, а как географическое понятие.

Возможно, прав был якутский историк Г. В. Ксенофонов, писавший о семантике термина туба-тува-дубо: «Слово «туба» и «йыш» когда-то были синонимы и обозначали одно и то же понятие тайга, чернолесье, горы, покрытые лесом»¹⁷¹. Однако он неубедительно раскрывает это положение неправомочными с языковых позиций сопоставлениями из различных тюркских языков. Представляет интерес лишь созвучие современного произношения самоназвания тувинцев «тыва кижин» с приводимым упомянутым автором якутским «тыа кистэ» — таежный человек, причем известно, что якутское «тыа» образовалось от древнетюркского «таг» — гора¹⁷².

Таким образом, известные в монгольском произношении туматы, тубасы и тухасы письменных источников XIII—XIV вв. по-тюркски, вероятно, означали тогда (и ранее) только «житель горной тайги», подобно монгольскому хойин-иргэн («лесное племя»). Эти названия не определяли ни этноса, ни языка. Поэтому среди туматов оказались как тюркские, так и монголоязычные этнические группы¹⁷³.

Среди других племенных групп Саяно-Алтайского нагорья «Сокровенное сказание» (§ 239) называет тоелес и ханхас (кангкас). Что касается тоелесов, то это наименование потомков одного из подразделений древних

тюрков-туго, живших в XIII—XV вв. на южном Алтае (где поныне живет группа телесов у Телецкого озера) и в Туве. Как говорилось выше, эти тоелесы сохраняли свои этнографические обычаи в погребальном обряде и в XIII—XV вв. продолжали хоронить своих умерших по древнетюркскому обряду трупоположения с конем. Они сохранились в составе современных тувинцев в качестве группы, которая по современному произношению называет себя тюлюш.

Что касается группы ханхас (кангкас)¹⁷⁴, название которой в «Шэн-у цинь-чжэн лу» воспроизведено как ханьхас (т. е. через тюркский носовой звук «нг», ср. здесь же «теляньу» — от теленгут!)¹⁷⁵, то, без сомнения, мы имеем здесь дело с одной из древнехакасских племенных групп, однако не с аристократическим родом кыргыз и не с племенной группой сагай, название которой в форме сахаит или сакаит (в оформлении монгольского множественного числа от саха-сагай) уже имеется как в «Сокровенном сказании», так и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина¹⁷⁶.

Здесь, очевидно, речь идет о «тележных хакасах», ибо ханг(а)хас есть современное хакасское ханъаахаас от ханъаа-канга (ср. у Махмуда Кашгарского «кигли» и у Рашид-ад-дина: «повозку по-тюркски называют «канлы»)¹⁷⁷—телега, и «хаас»—стяженная форма от древнего хакас. Именно так (хаас) называют себя качинцы — крупнейшая группа современных хакасов, из диалекта которых взято в литературный язык слово «ханъаа» (телега), термин не применявшийся в других диалектах.

Вероятно, здесь под «тележными хаас'ами» понимались именно степные качинцы в отличие от таежных хасов, ибо в тайге на телеге не проедешь.

Вообще, хаасы (качинцы), как и сагайцы, в ту пору уже сложились в определенную племенную группу. Напомню, что в Юаньши упоминается уже их основная родовая группа — хасха. Часть хаасов (качинцев), находясь в составе древних хакасов, проживали тогда в Туве, и поэтому среди современных тувинцев имеются их потомки, которые в монголоязычном оформлении называются ныне хаазут или хаазыт (множественное число от хаас: хаас + ут)¹⁷⁸.

Таким образом, мы закончили рассмотрение этнического состава населения Тувы в XIII—XV вв. и с необходимостью должны прийти к выводу об отсутствии на этой территории единой народности и общего самоназвания. Тува заселялась тогда разноязычным конгломератом этнических групп, среди которых даже тюрко-

язычные группы назывались по имени родов или по прозванию своих племен (хаас, тоелес, кыргыз, урас, уйгур, тенлек или телек и др.).

В силу такой дробности родоплеменных названий монголы после завоевания называли племена Тувы объединяющими географическими прозвищами: кэм-кэмджиут (кем-кемчикцы), хабханас (капкашчики), усы (усинцы), туматы-тубасы-тухасы («жители горной тайги») и т. п. Иногда ими употреблялись и социально-политические термины (кыргыз, кыштымы).

Следует подчеркнуть, что в период XIII—XV вв. никто не называл еще жителей Тувы урянхайцами. Лесные и степные урянкаты или урянхи того времени по описанию Рашид-ад-дина и «оренган» Г. Рубрука¹⁷⁹ были монголоязычными племенами и ближайшие из них к Туве жили в Баргуджин-Токуме или, точнее, в Барге (так при юаньской династии называлось Забайкалье)¹⁸⁰.

После монгольского завоевания Саяно-Алтайского нагорья в 1207 г. на территории Тувы впервые появляется монголоязычное население. Вслед за армией Джучи-хана и карательными экспедициями в Туве начали оседать монгольские чиновники и охранные гарнизоны, а также военные поселенцы. В Юаньши прямо говорится, что в округе Кяньчжоу, т. е. на Улуг-Хеме, «живет несколько тысяч семей, главным образом монголов и уйгур»¹⁸¹.

Из каких племен происходили монголы, поселившиеся и оставшиеся затем в Туве, мы не знаем. Без сомнения, именно они при смешении с местными племенами способствовали формированию того центральноазиатского физического типа, который характерен для современных тувинцев и, следовательно, они вошли в состав современного тувинского народа.

Следует согласиться с Л. В. Гребневым, что части таких монгольских племен XIII—XIV вв., как дункаит, салджиут и маигут, описанные Рашид-ад-дином и в «Сокровенном сказании», вошли затем в состав тувинцев, сохранив свои названия в тюркском оформлении, как названия современных родоплеменных групп: донгак (моол-донгак), салчак и монгуш¹⁸². К этому, очевидно, надо добавить небольшие подразделения: эльдзиген (юго-восточные тувинцы) и баяут (южные тувинцы)¹⁸³, происходящие от монгольских племен эльдзигин и баяут.

Как это было и в других странах, завоеванных монголами в XIII—XIV вв., попавшие в Туву монголоязычные группы постепенно восприняли не только многие формы культуры местных племен, но и язык. Таким образом, они приняли активное участие в этногенезе ту-

винцев, восприняв тюркскую речь и забыв те древнемонгольские диалекты, на которых некогда говорили их предки. Процесс ассимиляции монголоязычных групп особенно усилился после падения монгольского господства в Туве в конце XIV в. Период XIII—XV вв. в истории тувинского народа имеет важное значение. Именно тогда была заложена основа для возникновения современного племенного состава и физического типа тувинцев.

Торговля. В Монгольской империи почти всю торговлю держали в своих руках среднеазиатские и уйгурские купцы. Уже ранние источники первой половины XIII в. свидетельствуют о том, что мусульманские купцы проживали в Монголии и занимались не только торговлей, но и ростовщичеством¹⁸⁴. Они имели свои фактории, караван-сарай, специальные кварталы и даже города.

Особенной активностью в колонизационной деятельности отличались жители г. Самарканда, потомки согдийцев, издревле торговавших с центральноазиатскими племенами, жившими в их среде. В то время последними мусульманскими областями, пограничными с Центральной Азией, были Семиречье и Восточный Туркестан.

По сообщению Джувейни (XIII в.) и Рашид-ад-дина (XIII—XIV вв.), в 7 дней пути от Бешбалыка (Урумчи), на пути из Каракорума в город Имиль (близ г. Чугучака на р. Эмель), находился город Самарканд. В нем в 1248 г. во время своего путешествия из Каракорума в Имиль умер великий хан Гуюк¹⁸⁵.

Очевидно, этот город, располагавшийся где-то на южных склонах Монгольского Алтая, был построен в качестве крупного торгового пункта и перевалочной базы выходцами из среднеазиатского Самарканда и даже носил одинаковое с ним название. Г. Рубрук, посетивший монгольскую столицу Каракорум в 1254 г., свидетельствует, что в этом городе был специальный мусульманский квартал с базаром и даже две мечети¹⁸⁶. Мусульмане жили и в захваченной монголами стране тангутов (Си Ся), где обратили в свою веру некоторое количество монголов и имели свои мечети¹⁸⁷. В период монгольской династии Юань (1260–1368 гг.) выходцы из Средней Азии расселились даже по Северному Китаю. По сообщению Рашид-ад-дина, при императоре Хубилае, в одном из северокитайских городов (г. Симали) большинство жителей составляли самаркандцы, которые «развели по обычаю Самарканда много садов»¹⁸⁸.

Из этих данных видно, что в эпоху монгольской империи мусульманские купцы, главным

образом выходцы из Средней Азии, пользовались со стороны монголов покровительством и в благоприятных условиях широко развернули торгово-ростовщические операции не только в собственно Монголии, но и во всех покоренных монголами землях, создавая там свои поселения и фактории.

Именно в это время через Туву проходит новый торговый путь, соединяющий завоеванные монголами территории Алтая и Хакасско-Минусинской котловины с г. Каракорумом на р. Орхон. Об этом первым сообщает мудрец Чан-чунь, посетивший Орхон в 1220 г. В своих записках он описывает (под именем Кянь кянь чжоу) территорию Тувы, заселенную колонистами и находящуюся от Орхона «на северо-запад за 1000 слишком ли». Затем он указывает: «мука приходит сюда (на Орхон.—Л. К.) из-за северных гор, более чем за 2000 ли; торгующие варвары западных стран доставляют ее вьюками на верблюдах»¹⁸⁹.

Свидетельство Чан-чуна показывает, что в начале XIII в. еще при Чингис-хане, среднеазиатские купцы (их китайские писатели называли «варварами западных стран») скупали муку у хакасов-земледельцев в Хакасско-Минусинской котловине и затем, через Саянский хребет и Туву, доставляли ее караванным путем в Центральную Монголию. При этом именно на Хемчике, где был открыт мусульманский могильник Саадак-Терек, должен был быть перевалочный пункт, служивший одновременно торговой факторией для местного населения. Дело в том, что с давнего времени главными путями, ведущими из Хакасско-Минусинской котловины в Туву, были караванные пути, сходящиеся в долине Хемчика: 1) зимний путь по льду Енисея; 2) Арбатская тропа (ныне действующая) — от Арбатов на Абакане по рекам Джебашу, Тебе и Тессе на Манчурек и Ак-Суг; 3) тропа вверх по р. Ане (правый приток Абакана) в долину Ак-Суга или же с Аны на оз. Кара-Холь и по р. Алаш на Хемчик¹⁹⁰.

Свидетельство Чан-чуна о новом для начала XIII в. торговом пути из Хакасско-Минусинской котловины в Каракорум и даже далее до юаньской столицы Дайду (Пекин) подтверждается арабским географом ал-Омари для первой половины XIV в., т. е. для периода монгольской династии Юань. В своей книге, ссылаясь на свидетельства купцов-мусульман, ал-Омари сообщает, что есть земля «Сибирь и Ибирь, потом за ними земля Чулыман (бассейн р. Чулым.—Л. К.). Когда путешественник едет от Чулымана на восток, то он приезжает к городу Каракоруму, а далее в землю

Хатайскую, в которой (находится) — Великий Кан»¹⁹¹.

По сообщению Рашид-ад-дина, в конце XIII в. «во времена везирства (уйгура) Санке в столицу каана (императора Хубилая.—Л. К.) прибыло несколько купцов-мусульман из областей Кури, Барку и киргизов. Они преподнесли каану белого красногокрявого кречета и белого орла». Это прямое свидетельство весьма авторитетного автора о приходе в Дайду, по описанному выше пути, мусульманских купцов «из области киргизов» (т. е. хакасов) не оставляет сомнений, что они жили на Енисее. Подтверждается это и тем, что одного из них, неоднократно упоминаемого Рашид-ад-дином, звали Омар Киргизи, т. е. Омар из Киргизии (из средневековой Хакасии, в которую входила и Тува)¹⁹².

Сообщение Рашид-ад-дина повторено в персидском сочинении начала XV в., известном под названием «Аноним Искандера»: «Во время его везирства (речь идет об уйгуре Санке.—Л. К.) к каану прибыла группа купцов-мусульман из областей Кури, Барку и Киргиз»¹⁹³.

Указание на прибытие купцов-мусульман из областей Кури и Барку (Прибайкалье и Забайкалье) свидетельствует, что в эпоху Юань и в тех областях имелись торговые фактории среднеазиатских купцов. Это сообщение источников также хорошо подтверждается археологическими раскопками поселения при устье р. Темник, левого притока Селенги, в Бурятии¹⁹⁴ и Нижнего Унгинского поселения в Прибайкалье¹⁹⁵.

Все эти факты позволяют установить для XIII—XIV вв. большое значение постоянно действующего торгового пути из Хакасии, с берегов Чулыма и Енисея, через Туву в монгольскую столицу Каракорум на Орхоне. После того, как в 1264 г. великий хан Хубилай перенес столицу, этот путь удлинился до Дайду (современный Пекин), просуществовав, очевидно, до падения монгольской династии Юань¹⁹⁶.

Кроме военно-пахотных поселений и ремесленных городов в Туве в XIII—XIV вв. существовали фактории мусульманских купцов, развивших широкую торговую деятельность в Центральной Азии и Южной Сибири. Об этом мы знаем по археологическим данным.

Мусульманский могильник Саадак-Терек на правом берегу Хемчика (близ устья Барлыка) был кладбищем стоявшей здесь купеческой фактории, являвшейся перевалочной базой для товаров, транспортировавшихся через Саяны¹⁹⁷. Но мусульманские купцы жили и в описанных выше ремесленных городах.

В 1962 г. на Элегестском городище наряду с домами монгольской архитектуры нами обнаружены остатки зданий среднеазиатского типа с типичной среднеазиатской керамикой XIII—XIV вв., резко отличавшейся от обычной серой посуды, сделанной китайскими ремесленниками. Кроме того, на юго-восточной окраине городища были раскопаны остатки мавзолея, построенного из сырцовых кирпичей. Вокруг него обнаружено еще одно мусульманское кладбище, на котором было изучено несколько погребений¹⁹⁸. Очевидно, в этом городе на р. Элегесте был центральный пункт среднеазиатских купцов в Туве, ибо на остальных городищах нами не обнаружено следов их проживания.

Что скупали здесь эти купцы? По сведениям Чан-чуня, в начале XIII в. они скупали в Южной Сибири муку и вывозили ее в Каракорум. Но в основном у местного населения Саяно-Алтайского нагорья приобретались меха ценных пушных зверей (соболь, белка, бобр и т. п.), лучшие кречеты для распространенной тогда соколиной охоты, а также лошади и другой скот. Все это вывозилось не только в Монголию, но и в Китай, Среднюю Азию и даже в Иран. Рубрук, описывая монголов, указывает, что «из Керкиса и из многих других стран с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в наших странах и в которые они одеваются зимою»¹⁹⁹.

«История Вассафа» среди приношений, правившему в Иране в начале XIV в. Газан-хану, особенно выделяет: «Соклов дальнелетных и охотничьих, разные меха — белок киргизских, ласок (фенек) карлукских... и другие красивые подарки»²⁰⁰.

На Саяно-Алтайское нагорье ввозились в основном те же товары, которые среднеазиатские купцы доставляли в Монголию. Из Средней Азии шли караваны «с различными родами товаров, состоящих из тканей зарбафт, зендани, карбас и других сортов» (парча и хлопчатобумажные ткани)²⁰¹, с серебряными сосудами и иранскими зеркалами²⁰². Из Китая доставлялась дорогая посуда (селадон, фарфор, различные глазурованные и стеклянные сосуды), шелка, зеркала, лаковые предметы и т. п.

На Енисей тогда попадали не только предметы китайского, среднеазиатского и даже иранского происхождения, но и монеты династий Сун, Цзинь и Юань²⁰³, среди которых отметим редкую, найденную на р. Иджим, левом притоке Уса, крупную серебряную монету-

медаль гулагидского чекана 1320 г. из города Иезда²⁰⁴.

Упомянем также найденные нами в слоях городища Оймак (XIII—XIV вв.) на Улуг-Хеме кости одной особи домашнего осла. Они могли принадлежать только ослу, пришедшему в Туву с юга летом с торговым караваном, так как местные зимние условия это теплолюбивое животное не может выдержать.

Таковы данные, позволяющие с большей определенностью оценить широкую торговую деятельность мусульманских купцов в Южной Сибири и Центральной Азии, их посредническую роль в торговле этих стран со Средней Азией, Ираном и Китаем в эпоху Монгольской империи.

* * *

Монгольское завоевание резко оборвало закономерное поступательное развитие исторического процесса среди племен, населявших Саяно-Алтайское нагорье. Оно разрушило их самобытную государственную организацию, прервало процесс консолидации отдельных племен в единую народность, привело к разрушению производительных сил и массовому истреблению местного населения. Население Саяно-Алтайского нагорья испытывало те же бедствия, что и другие народы Азии и Европы, пережившие ужас завоеваний армиями Чингисхана и его потомков²⁰⁵.

Решительное сопротивление свободолюбивых племен Саяно-Алтайского нагорья проявлялось в постоянных восстаниях против монгольских угнетателей на всем протяжении XIII в. Эти восстания жестоко подавлялись специальными карательными армиями, вторгавшимися в бассейн верхнего Енисея.

Безжалостный военный разгром, физическое уничтожение больших масс населения, высылка «бунтовщиков» в чужие земли — все это губительно сказалось на высокой культуре государства средневековых хакасов. Была разрушена созданная многовековым трудом система оросительных каналов (особенно на террито-

рии Хакаско-Минусинской котловины), в связи с чем значительно сократилось земледелие. Упало самобытное художественное ремесло и производство металлических изделий. Было потеряно и высшее достижение местной культуры — енисейская письменность. Имея в виду засушливые страны Востока, Ф. Энгельс справедливо указывал: «Плодородие земли достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок... достаточно бывало одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет»²⁰⁶.

Паразитическая феодальная верхушка Монгольской империи использовала бассейн верхнего Енисея как постоянную базу для производства рудного сырья и строительных материалов (здесь добывались железоз, медь, золото, серебро, каменный уголь, алебастр, гипс, камень, лес, гончарные глины для производства посуды, кирпичей, черепицы, скульптур и облицовочных плит), производства разнообразного продовольствия (хлеб, крупы, соль, мясо, молочные продукты), продуктов скотоводства (шерсть, кожи, шкуры и т. п.), охоты (ценная пушнина, дичь и др.) и разнообразного ремесла (чугунное литье, оружие, защитные доспехи, бытовые предметы, изделия ювелирного, кузнечного, костерезного ремесел и ткачества).

Все это вывозилось в Монголию на потребу феодалов и для обеспечения новых завоевательных войн.

После падения империи монголов население Саяно-Алтайского нагорья было сильно ослаблено и истощено, переживало глубокий экономический и культурный упадок, исторические связи между отдельными племенами, а также внешние культурные взаимоотношения оказались разорванными. Таким образом, не только было остановлено поступательное движение вперед, но саяно-алтайские племена были отброшены в своем развитии назад по сравнению с культурным уровнем государства средневековых хакасов. В XV в. на Саяно-Алтайском нагорье жило сравнительно малочисленное население, составлявшее разрозненные мелкие феодальные улусы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе были затронуты и некоторые общие проблемы истории центрально-азиатских обществ, среди которых наиболее важной представляется проблема зарождения и развития феодального способа производства в так называемом «кочевом обществе». Известны недавние споры со сторонниками теории «кочевого феодализма», который якобы настолько специфичен, что основным средством производства в условиях кочевого скотоводства является скот, а не земля¹.

Наши материалы подтверждают противоположную точку зрения о том, что основным или главным средством производства у кочевников или полукочевников является земля, что основой феодализма и у кочевых и у оседлых народов была феодальная собственность на землю, так как собственность на скот не была монополией только феодала.

Приведенные нами факты свидетельствуют об ошибочности мнения, высказанного некоторыми исследователями о том, что вся история Тувы есть история чисто кочевого населения. На самом деле чистых кочевников в Туве никогда не было. Известная часть населения Тувы всегда специализировалась на земледелии и вела оседлый образ жизни, производя продукты земледельческого хозяйства, без которых невозможна и жизнь кочевников.

Особенно большое развитие земледельческая культура в Туве получила в VI—XIV вв., когда там существовало высокоразвитое пашенное земледелие с применением совершенных плугов с отвалами, с использованием тяговой силы животных, а также искусственного орошения некоторых плодородных, но засушливых участков.

Естественно, что была развита и земельная собственность, хотя конкретные формы землепользования и феодальной эксплуатации да-

леко не всегда удается выявить из-за отсутствия прямых, особенно письменных источников.

Другая часть населения Тувы вела полукочевой образ жизни, переходя со скотом с летников на зимники, ибо непрерывному круглогодичному кочеванию препятствовало отсутствие широких степных пространств в этой горной стране. В классовом обществе здесь полукочевая община являлась параллелью сельской общине оседлых народов, ибо так называемые родоплеменные деления представляли собой только военно-административные, а не кровнородственные единицы.

С развитием феодализма в IX—X вв. страна была разделена по удельно-территориальному принципу на феодальные уделы — баги, за которыми было закреплено определенное смешанное феодально-зависимое население. Безусловно, имела место и феодальная рента в ее разных формах — отработочная рента и рента продуктами и иногда денежная рента, в их исторической последовательности.

Археологические исследования последних лет доказали, что в Туве (так же как в Монголии и Забайкалье) в средние века происходит зарождение и развитие ремесленных городов и городской культуры, то есть развитие феодализма шло здесь тем же путем, что и процесс сложения феодального общества у оседлых народов государств Европы и Азии². И здесь в связи с ростом городов и ремесленного производства разделение труда и развитие обмена между городом и кочевым аалом сделали большой шаг вперед.

Таким образом, следует заключить, что никакого особого пути развития феодализма в условиях преобладания полукочевого или кочевого хозяйства нет, как нет и особого «кочевого феодализма»; что развитие феодализма в лю-

бом обществе в основном подчинено действию одних и тех же экономических законов. Это, конечно, не отрицает известного своеобразия, присущего конкретным формам общественного развития того или иного общества. Однако детальное исследование рассмотренных проблем является еще делом будущего.

Подробно анализируя все источники исследуемого периода, мы пришли также к выводу, что исторические судьбы населения Тувы в средневековый период были тесно связаны с племенами и народностями Южной Сибири и Центральной Азии, а не с Китаем, в сферу политического влияния которого Тува тогда не входила.

Необходимо остановиться еще на двух взаимосвязанных вопросах. Во-первых, нужно рассмотреть этническое взаимоотношение средневекового населения и современных тувинцев, т. е. затронуть проблему происхождения тувинцев. II, во-вторых, необходимо указать на выявившееся в процессе исследования исторически сложившееся родство этнических групп современного населения Саяно-Алтайского нагорья.

Тувинская культура в присущем ей этнографическом комплексе появляется в XVI в. Однако разнообразие известных ныне типов погребального обряда XVI—XVII вв. свидетельствует о незавершенном процессе консолидации различных этнических групп, составивших тувинский народ³.

Очевидно, что тувинцы начинают складываться в народность в конце XV—начале XVI в., ибо, как мы видели выше, в XIII—XV вв. различные этнические группы населения Тувы еще резко отличались друг от друга культурой и погребальным обрядом. В XIII—XIV вв., что является весьма важным обстоятельством, среди населения Тувы еще не преобладал центральноазиатский монголоидный антропологический тип, который присущ современным тувинцам⁴. Очевидно, что физический тип тувинцев в целом сформировался позднее. Но археологических и исторических материалов XV—XVI вв. в настоящее время известно еще так мало, что вопрос о происхождении тувинского народа в целом пока решен быть не может.

Несмотря на недостаток материалов для окончательного решения вопроса, имеются основания наметить некоторые вполне реальные этногенетические линии, связывающие тувинцев с их отдаленными предками. Сравнение палеоэтнографических особенностей погребальных памятников различных эпох выявляет,

что типы тувинских погребальных сооружений XVI—XVII вв. и детали их обряда вполне сопоставимы с предшествующими.

Из приведенной таблицы видно, что тувинцы сохранили особенности тех основных этнических групп, которые образовали этот народ. Основу его составили: 1) древние местные тюркоязычные племена, восходящие ко времени шурмакской культуры (II в. до н. э.—V в. н. э.), в основном чики и их потомки (см. погребения в ямах и впускные без коня); 2) тюрки-тугю, поселившиеся в Туве в VI в. (погребения в ямах и впускные с конем). Затем с середины VIII в. появились уйгуры (с середины IX в. они изменили свой обряд и катакомбы не сооружали), а с середины IX в. — древние хакасы (хоронили по обряду трупосожжения), отувинившиеся потомки которых (особенно группа кыргызов) в XVI—XVII вв. еще резко выделялись своим обрядом трупосожжения. С XIII в. в этот процесс активно включаются монголоязычные племена (вероятно, с ними связано появление курганов с трупоположением на горизонте).

Такова схема, построенная на археологических данных, которая по мере накопления материалов может быть уточнена и дополнена. Однако она уже сейчас в основном совпадает с теми представлениями об этногенезе тувинцев, которые складываются при изучении письменных источников. Подробно эти материалы мы уже разбирали в тех разделах нашей работы, которые посвящены изучению этнического состава населения.

Подобно тому как вплоть до XVIII—XIX вв. отдельные родоплеменные группы тувинцев сохранили особенности доламаистского погребального обряда, так они, несмотря на общность языка, хозяйственных и культурно-бытовых черт, сохранили свои древние родовые имена. В этом убеждает нас рассмотрение тувинских родоплеменных названий.

Древнейшими из них, восходящими к древнетюркским племенам VI—VIII вв., являются тувинские группы тюлюш и телек (делег), а также группа тумат, восходящая к дубо VI—XII вв. К составу уйгуров, поселившихся в Туве в VIII—IX вв. и в XIII—XIV вв. сохранявших свое общее имя, восходят тувинские группы ондар, уйгур, ондар-уйгур, сарыглар, куль, пайгара. Из состава древних хакасов IX—XII вв. вышли тувинские группы, называющие себя кыргыз, хаазут, и, вероятно, иргит. Очевидно, из состава монгольских племен периода XIII—XV вв. вышли тувинские группы, сохранившие монгольские имена донгак (моол-донгак), монгуш,

ТАБЛИЦА V

Даты в веках	Типы погребений				
	в ямах и впускные без коня	в ямах и впускные с конем	трупосожжения	трупоположение на горизонте	прочие
XVIII—XIX	впускные, на СВ и В вытянуто	человек на В, СВ, ЮВ конь на Ю, ЮВ, СВ	нет	на СВ на спине	«воздушные» погребения на столбах и ламаистские погребения
XVI—XVII	на ЮВ вытянуто	человек на В, СВ конь на ЮЮВ, ЮВ	сожжения	на Ю, ЮЗ и З на спине	нет
XIII—XV	на СЗ вытянуто	человек на В конь на В	сожжения	на СЗ на спине	могилы мусульман
XI—XII	на ЮЗ вытянуто и скорченно	нет	сожжения	нет	нет
IX—X	на ЮЗ вытянуто и скорченно	кенотафы конь на С	сожжения	нет	нет
VIII—IX	на С и З вытянуто	человек на В, ЮВ конь на З, СЗ	нет	нет	катакомбы уйгуров
VI—VIII	на СЗ скорченно	человек на С, СВ конь на Ю, ЮЗ	нет	нет	погребения дубо на деревьях

салчак, эльджиген и баяут. К этому же времени восходит тувинский род урат.

Таким образом, сопоставление археологических и письменных источников с родоплеменным составом тувинцев позволяет прийти к выводу, что тувинский народ имеет местное происхождение. Его основу составили различные тюркоязычные древние этнические группы, в которые влились монголоязычные группы, подвергнувшиеся со временем полному отторчению, но сильно повлиявшие на физический тип древнего населения Тувы. Это, в конечном итоге, привело к сложению центральноазиатского монголоидного физического типа современных тувинцев, к завершению процесса консолидации родовых групп и образованию тувинского народа.

Еще Н. Ф. Катановым было выявлено, что язык и родоплеменной состав тувинцев наибо-

лее близки и родственны их северным тюркоязычным соседям: хакасам, тофаларам и части алтайцев⁵. В современных классификациях тюркских языков тувинский, хакасский, тофаларский и североалтайские языки также относятся к одной «уйгурской группе» восточной ветви тюркских языков (Н. А. Баскаков)⁶ или же к одной группе «древних тюркских языков» (С. Е. Малов)⁷. Это языковое родство, как теперь выясняется в результате проделанного нами исследования этнического состава населения Тувы за тысячу лет средневековья, сложилось исторически закономерно. Оно подтверждает этническую родственную близость современных народов Саяно-Алтайского нагорья, выразившуюся в наличии в их составе одноименных подразделений или так называемых сеоков (костей). Так, у современных хакасов и тувинцев общими являются подраз-

деления кыргыз, сарыг, хаас (хаасут), иргит, чода (чооду), саин (соян) и др.; у тувинцев и алтайцев — куу, тюлюш (телес), иргит, соян, сарыг, чооду, телек (теленгет), кыргыз, тумат, тюрбет (тербет), хобалык, тодут (тодош) и др.; у тувинцев и тофаларов — чогду, хара-чогду. Наконец, имеется и общее самоназвание — туба, известное у тувинцев (тува, тыва, туха), тофаларов (туба, тофа, туха), черневых алтайцев-тубаларов и у хакасского рода туба.

Древние культурные связи, усиленные периодическими взаимными передвижениями отдельных групп населения в средневековый период, а также общие исторические судьбы населения всего Саяно-Алтайского нагорья, входившего в IX—XIV вв. в одни и те же государственные образования (древнехакасское

государство и монгольская империя), — таковы исторические факторы возникновения глубоких родственных, языковых и культурно-бытовых взаимосвязей современных народов Южной Сибири. Тувинский народ является кровнородственным братом современных тюркоязычных народов Южной Сибири: алтайцев, хакасов, тофаларов и др.

История, таким образом, наглядно показывает, как с глубокой древности возникали и укреплялись родство, братство и дружба между народами нашей многонациональной Родины, объединившимися в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в единое государство победившего социализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ПРЕДИСЛОВИЮ

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9. М., Изд.-во АН СССР, 1949; 2 изд., 1951.

² Площадь Тувы более 170 тыс. кв. км, что превышает общую площадь Бельгии, Дании, Нидерландов и Швейцарии; сб. «Природные условия Тувинской автономной области». ТТКЭ, вып. 3. М., Изд.-во АН СССР, 1957.

³ См. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, М., Изд.-во АН СССР, 1949.

⁴ См. рецензию Л. Р. Кызласова в СЭ, 1961, № 4, стр. 226; его же. Краткая история археологического изучения Тувы. ВМУ, история, 1965, № 3.

⁵ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). ВМУ, историко-филологическая серия, 1958, № 4. Так как книга находилась в печати, нам не удалось более полно использовать работы, вышедшие в 1966—1968 гг.

К ГЛАВЕ I

¹ Сб. «Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636». М., ИВЛ, 1959, стр. 58.

² См. Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3; его же. Тува в составе уйгурского каганата. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, вып. VIII. Кызыл, 1960.

³ «Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.». СПб., 1882, л. 17.

⁴ Д. А. Клеменц. Археологический дневник поездки в среднюю Монголию в 1891 году. СТОЭ, вып. II. СПб., 1895, стр. 72.

⁵ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 3. МАР, № 15. СПб., 1894, приложения, стр. 75 и 78.

⁶ В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 80.

⁷ В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 75.

⁸ Находится на левом берегу р. Чаа-Холь в урочище Карабей в 5 км к северо-западу от пос. Чаа-Холь. Фотографию и чертеж см. С. Р. Минцлов. Памятники древности в Урянхайском крае. ЗВОРАО, т. 23. Пг., 1916, табл. VI, рис. 2; Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы, рис. 10.

⁹ В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 76.

¹⁰ В. В. Радлов. Ук. соч., стр. 75—77, рис. на стр. 79.

¹¹ Л. Р. Кызласов. Начало сибирской археологии. «Историко-археологический сборник, посвященный

А. В. Арциховскому к 60-ю летию со дня рождения». Изд.-во МГУ, 1962.

¹² В. В. Радлов. Ук. соч., т. I, вып. I. МАР, № 3. СПб., 1888. Приложения, стр. 13—15 (14 января, 12 и 18 февраля). Ср. D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727, Bd. I. Berlin, 1962.

¹³ В. В. Радлов. Ук. соч., т. I, вып. 3, МАР № 15. СПб., 1894, приложения, стр. 78.

¹⁴ В. В. Радлов. Ук. соч., т. I, вып. 2. МАР, № 5. СПб., 1891, приложения, таблицы I и V, рис. С; Ср. F. I. Strahlenberg. Das Nord-und östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. На стр. 28 и 46 Ф. И. Страленберг ошибочно пишет, что эти находки происходят из часовни при устье Кемчика.

¹⁵ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. 2. Л., 1926, стр. 802, примечание.

¹⁶ В. В. Радлов. Ук. соч., т. I, вып. 3, приложения, стр. 74—81.

¹⁷ «De scriptis Tanguticis in Sibiria repertis». Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae, t. X, 1747, pp. 420—468, tabl. VII.

¹⁸ Г. Ф. Миллер. Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных. «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах за декабрь 1764 г.» СПб.; ср. Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 522.

¹⁹ I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733—1743, v. 3. Göttingen, 1752, S. 323, ср. В. В. Радлов. Ук. соч., т. I, вып. 3, приложения, стр. 79, примечание I.

²⁰ Публикацию ее см. H. Appelgren-Kivälö. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von I. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887—1889. Helsingfors, 1931, SS. 334—339; ср. С. Р. Минцлов. Ук. соч., табл. IV, рис. 2. Пыле скульптуры львов находятся в Кызыльском музее, а остальные скульптуры уничтожены.

²¹ I. Klaproth. Asia polyglotta. Paris, 1823.

²² Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. 2. СПб., 1881, стр. 73 и табл. XVIII, фиг. 35.

²³ См. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952, рис. 27—29 (№ 45—47) и стр. 116.

²⁴ Раскопано мною. См. Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМУ, исторические науки, 1960, № 1, стр. 65—67.

²⁵ Г. Н. Потанин. Ук. соч., вып. 3. СПб., 1883, стр. 130; ср. А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. «Записки РГО по общей географии», т. II. СПб., 1888, стр. 407.

²⁶ З. Б. Арагаачи. Новые эпиграфические находки в Туве. «Уч. зап. ТНННЯЛИ», вып. X. Кызыл, 1963, стр. 247—248.

²⁷ В. А. Обручев. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947.

²⁸ А. В. Адрианов. Ук. соч., табл. 2—4; о его работах см. И. С. Боголюбский. Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губернии в 1881 г. ИВСОГО, т. XIII, № 3. Иркутск, 1882, стр. 45—46.

²⁹ И. С. Боголюбский. Исследование древностей Минусинского округа и верховьев реки Енисей в 1882 г. ИВСОГО, т. XIV, № 3. Иркутск, 1883; его же. Исследование древностей Красноярского и Минусинского округов 1881, 1882 и 1883 гг. СПб., 1890.

³⁰ Инн. Кузнецов. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889, табл. XVI—XVIII. Обломок стелы хранится в Кызыльском музее; черновик отчета И. П. Кузнецова «Поездка по северо-западной Монголии летом 1887 г.» и оригиналы рисунков хранятся в архиве Минусинского Музея (№ 29).

³¹ H. Appelgren-Kivalo. Op. cit., Vorwort; ср. I. R. Aspelin. Fels-und Steininschriften am oberen Jenissei. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 19. Berlin, 1887.

³² H. Appelgren-Kivalo. Op. cit., SS. 29—34, 318—339.

³³ I. R. Aspelin. Die Steppengräber im Kreise Minussinsk am Jenissei. «Finnisch-ugrische Forschungen», Bd. XII, H. 1. 2. Helsingfors, 1912, F. 11.

³⁴ I. R. Aspelin. Tschudische Inschriften am oberen Jenissei. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 20. Berlin, 1888.

³⁵ «Inscriptions de l'Jenissei recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie». Helsingfors, 1889; ср. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, № 1—4, 9—10, 12, 14, 16—24.

³⁶ H. Appelgren-Kivalo. Op. cit., S. 44; O. Donner. Wörterverzeichnis zu den «Inscriptions de l'Jenissei». Helsingfors, 1892, S. 66. (Mémoires de la Société Finnoougrienne, IV); ср. С. Е. Малов. Ук. соч., № 15 и 41.

³⁷ I. R. Aspelin. Die Jenissei-Inschriften. Zeitschrift für Ethnologie, Bd. 21. Berlin, 1889; A. Heikel. Die Sibiriska Jenissinskriftern. «Finskt Museum», V. Helsingfors, 1898.

³⁸ I. R. Aspelin. Tschudische Inschriften am oberen Jenissei.

³⁹ I. R. Aspelin. Die Jenissei-Inschriften; ср. «Отчеты по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1889 год». Минусинск, 1890, стр. 10.

⁴⁰ A. M. Tallgren. Sibirien, Bronzezeit. «Reallexikon der Vorgeschichte von M. Ebert». Bd. XII (писаницы и оленные камни); A. M. Tallgren. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures. «Eurasia Septentrionalis Antiqua», VIII. Helsinki, 1933 (писаницы, оленные камни и пр.); H. Appelgren-Kivalo. Vogelkopf und Hirsch als ornamentsmotive in der Vorzeit Sibiriens. «Finnisch-Ugrische Forschungen», Bd. XII, H. 1—2, Helsingfors, 1912; H. Appelgren-Kivalo. Altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.

⁴¹ Voyages de Dnuitri Klementz en Mongolie occidentale de 1885 à 1897. «Bulletin Société Géographique», XX. Paris, 1899; Д. А. Клеменц. Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 году. СТОЭ, II. СПб., 1895; его же. Письмо на имя академика Радлова. СТОЭ, т. I. СПб., 1892.

⁴² С. Е. Малов. Ук. соч., № 5—8.

⁴³ Д. А. Клеменц. Объяснительная записка. В кн.: В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. 2. СПб., 1893. Эстампажи надписей из Тувы изда- ны также В. В. Радловым в «Атласе древностей Мон-

голии», вып. 3, СПб., 1896, а первые их переводы см. W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. SPb., 1895.

⁴⁴ В. Ошурков. Из странствований по земле урянхов. «Сибирский сборник». Приложение к «Восточному обозрению» за 1892, вып. 1. Иркутск, 1893; ср. также «Отчет РГО за 1893 год». СПб., 1894, стр. 75—76; С. Е. Малов. Ук. соч., № 11 и 13.

⁴⁵ Изданы: В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. 3, табл. XCVI—XCVII.

⁴⁶ В. Ошурков. Ук. соч.; ср. «Отчеты по Минусинскому местному музею за 1892 год». Минусинск, 1893, стр. 5.

⁴⁷ Ныне хранится в Гос. эрмитаже — см. «Отчеты по Минусинскому Мартыновскому музею за 1913 г.». Минусинск, 1914, стр. 1 и определение М. Е. Массона (см. М. Е. Массон. Неопубликованные монетные находки. Материалы ЮТАКЭ, I. Ашхабад, 1949, стр. 143).

⁴⁸ «Отчет по Минусинскому местному музею за 1893 год». Минусинск, 1894, стр. 6 и «Отчет... за 1896 год». Минусинск, 1897, стр. 6; П. Е. Островских. Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли. ИРГО, 1898, т. XXXIV, вып. 4, стр. 432.

⁴⁹ ОАК за 1894 г., СПб., 1896, стр. 36, рис. 29. Хранится в отделе Востока Гос. Эрмитажа СК-566.

⁵⁰ «Отчет по Минусинскому местному музею за 1900 год». Минусинск, 1901, стр. 13—14; рис. статуи см. Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 40, 3.

⁵¹ «Отчет по Минусинскому местному музею за 1901 год». Красноярск, 1902, стр. 12.

⁵² А. В. Адрианов. Писаница Боярская. Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 6. СПб., 1906, стр. 57.

⁵³ «Отчет по Минусинскому городскому Мартыновскому музею за 1907 год». Минусинск, 1908, стр. 10.

⁵⁴ «Исследования Ф. Я. Кона в земле урянхов». «Русский антропологический журнал», кн. XII, № 4. М., 1903; Ф. Кон. За 50 лет. Собр. соч., т. III. М., 1934, стр. 263—278; ср. «Отчет по Минусинскому местному музею за 1902 г.». Минусинск, 1903, стр. 16 и «Отчет по Минусинскому местному музею за 1903 г.». Красноярск, 1904, стр. 16. Памятник Чер-Чарык теперь опубликован: См. Д. М. Насилов. О некоторых памятниках Минусинского музея. НАА, 1963, № 6, стр. 128—129 (III).

⁵⁵ В. А. Ошурков. Отчет о поездке, совершенной летом 1902 года в Западные Саяны и западную часть хребта Танну-Ола. «Записки Красноярского под-отдела Вост.-Сиб. отдела РГО», т. I, вып. I. СПб., 1906.

⁵⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 70—74.

⁵⁷ I. G. Granö. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVI. Helsinki, 1909; ср. «Отчет о поездке в северозападную Монголию, Минусинский край и Алтай магистра И. Г. Гранэ, ассистента при географическом заведении Гельсингфорского университета». «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», № 7, СПб., 1907; ср. H. H. Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler, S. 33; по С. Е. Малову (С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 38) это «четвертый памятник с Чаа-Холя» (№ 16).

⁵⁸ Б. М. Порватов. Медные руды Урянхия. «Вестник общества сибирских инженеров», 1917, т. II, № 1—2; ср. К. П. Планицкий. Медные руды в Урянхасе. В сб.: «Естественные производительные силы России», т. IV, вып. 7. Петроград, 1920.

⁵⁹ «Землеведение. Периодическое издание географ. отделения Общества любителей естествознания, антро-

пологнии и этнографии», кн. IV, М., 1914, стр. 146—147. Об этнографической коллекции см. «Тувинские коллекции в этнографическом музее Казанского университета». СЭ, 1957, № 3 и «Краткие путеводители по университету. Этнографический музей». Казань, 1957.

⁹⁰ В 1914 г. планировались археологические экспедиции в Туву А. В. Адрианова («Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, серия II, № 3. Пг., 1914, стр. 40) и О. Б. Згерского-Струмило (ИАК, прибавление к вып. 57, 1915, стр. 54—55), которые не состоялись.

⁹¹ С. Р. Минцлов. Секретное поручение (Путешествие в Урянхай). Рига, б/г; см. также К. Д. Минцлова. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Приложение к журналу «Всходы», № 3 и 14 за 1915 г.

⁹² ИАК, прибавление к вып. 57, стр. 55—58. По незнанию «археолога Минцлова» путали с П. Савенковым (см. там же, стр. 58).

⁹³ С. Р. Минцлов. Памятники древности в Урянхайском крае. ЗВОРАО, т. 23, Пг., 1916.

⁹⁴ ИРГО, 1915, т. 51, вып. 11.

⁹⁵ А. В. Адрианов. Ученое хулиганство. Газета «Сибирская жизнь» № 12 от 16 января 1916 г.

⁹⁶ Коллекция С. Р. Минцлова, вероятно, погибла. Им были опубликованы только фотографии бронзового котла из Бай-Тайги, а также 32 предметов VII—III вв. до н. э. См. С. Р. Минцлов. Секретное поручение, стр. 208—209.

⁹⁷ «Сибирская жизнь», 1915, № 220; 1916, № 224.

⁹⁸ ИАК, прибавление к вып. 58, 1915, стр. 75—76; ИАК, прибавление к вып. 59, 1916, стр. 37; «Итоги археологических исследований в Урянхайском крае». Енисейские епархиальные ведомости, 1916, № 3, стр. 30.

⁹⁹ ИАК, прибавление к вып. 64, 1917, стр. 53.

¹⁰⁰ Характеристику А. В. Адрианова как политического деятеля см. Ф. Я. Кон. За 50 лет. т. 1—2, М., 1936, стр. 504.

¹⁰¹ Оригиналы дневников А. В. Адрианова (№ 78) и коллекция из 363 предметов (№ 6041) хранятся в Музее истории материальной культуры Томского гос. университета.

¹⁰² О передаче Иркутскому музею А. В. Адриановым в 1905 г. трех эстампажей с камней, вывезенных из Тувы, см. ИАК, прибавление к вып. 16, 1905, стр. 46. О семи камнях с рунами, найденными им в 1915 г., и об отправке трех из них в Минусинск см. ИАК, прибавление к вып. 59, 1916, стр. 37.

¹⁰³ Материалы ныне определены, см. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, № 3.

¹⁰⁴ Архив ИА АН СССР, 1915, дело № 120. Бай-Булуи I и Бай-Булуи II у С. Е. Малова (С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков) обозначены соответственно, № 49 и 42. О памятнике Улуг-Сайыр других сведений нет.

¹⁰⁵ Архив ИА АН СССР, 1915, д. № 120. В Минусинском музее инв. № 19, 22, 38, 39; Оттук-Даш II не имеет номера.

¹⁰⁶ Архив МИМК ТГУ, № 79 (опись фотографий 1915—1916 гг.); ср. С. Е. Малов. Ук. соч., № 43—46.

¹⁰⁷ В Минусинском музее инв. № 20, 21, 40, 37 (37а, 37б, 37в); возможно им же были привезены памятники Чаа-Холь VII; № 36, 36а и разбитая плитка № 42 и 42а (по С. Е. Малову, № 19, 51 и 50). Памятник № 37 Эль-Бажи теперь опубликован, но без учета четвертого обломка; см. Д. М. Насилов. Ук. соч., стр. 125—128 (стела II).

¹⁰⁸ Д. Н. Лев. К истории горного дела. «Труды Института антропологии и этнографии», вып. 2, Л., 1934, рис. 32; ср. В. И. Равдоникас. История первобытного общества. ч. 2. Изд-во ЛГУ, 1947, стр. 291, рис. 109

и Л. П. Левитский. О древних рудниках. М.—Л., 1941.

¹⁰⁹ А. Ермолаев. Краткий отчет об исследованиях в Урянхайском крае в 1915—1918 гг. «Сибирские записки», № 4—5. Красноярск, 1919.

¹¹⁰ «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 г.» т. II, Л., 1928, стр. 264—265; «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1929 г.» т. II, Л., 1930, стр. 14—16; см. также «Осведомительный бюллетень Комиссии экспедиционных исследований АН СССР», 1929, № 1—2, 7 и 24.; ср. Архив ИА АН СССР, фонд № 2, дд. № 228, 231. Рукопись полного отчета и полевые дневники хранятся в архиве МЭИ СССР.

¹¹¹ С. А. Теплоухов. Каури в Урянхайском и Минусинском крае. ИГАНМК, т. VI, вып. 8—9, Л., 1931, прил. II, стр. 101; С. А. Теплоухов. Металлический период. «Сибирская советская энциклопедия», т. III, 1932, табл. II.

¹¹² Г. П. Сосновский. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири. КСИИМК, вып. VII, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 87; ср. Н. А. Бергера. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 81, 1960, стр. 84.

¹¹³ А. А. Иессен и Г. П. Сосновский. К истории использования олова в Приенисейском крае. КСИИМК, вып. V, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940.

¹¹⁴ «История СССР» (макет), чч. I—II, М.—Л., Изд. ИИМК АН СССР, 1939, стр. 420—421. Г. П. Сосновский пытался разобраться в тувинских древностях, о чем свидетельствуют архивные материалы (Архив ИА, фонд № 42).

¹¹⁵ С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936.

¹¹⁶ С. В. Киселев. Неизданные надписи енисейских кыргызов. ВДИ, 1939, № 3; у С. Е. Малова (С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков) А—№ 49, Б—№ 50; В—№ 4; Д—№ 51; Г—см. Д. М. Насилов. Ук. соч., стр. 124—125 (стела I).

¹¹⁷ Н. Богатырев. О тувинских памятниках древности. ПЗЛС, № 2. Кызыл, 1942 (публикацию см. Н. Л. Членова. Несколько писаниц юго-западной Тувы. СЭ, 1956, № 4; рецензию Л. Р. Кызласова в СЭ, 1958, № 1, стр. 202—203) и Л. В. Даныш-оол. Сведения о старинных памятниках на территории Тувинской автономной области, 1946 г. (рукопись). Архив музея г. Кызыл, дело № 101.

¹¹⁸ А. Пальмбах. О чем говорят древние памятники Орхона и Енисея («К 50-летию выхода в свет трудов акад. В. В. Радлова по расшифровке орхон-енисейских надписей на территории Монголии, Тувы и Южной Сибири»). ПЗЛС, № 1—2 и № 3. Кызыл, 1944.

¹¹⁹ Сб. «Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию». М., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 70 и 164.

¹²⁰ С. В. Киселев. Работа в области археологии ИИМК АН СССР. ВДИ, 1946, № 2, стр. 200.

¹²¹ Л. Р. Кызласов. Саян-Алтайский археологический экспедиционный Газ. «Тыныны аныктары», № 47, 24 августа 1946 г. (на тувинском языке); ср. ВДИ, 1947, № 1, стр. 192.

¹²² Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVI, М., Изд-во АН СССР, 1949. Все эстампажи енисейских надписей переданы были С. Е. Малову.

¹²³ Л. А. Евтюхова. Ук. соч.; см. П. Ардов. В стране голубой реки. «Вокруг света», 1948, № 5. О стелах из Малиновки и Кезек-Хурээ см. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 10.

¹²⁴ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМУ, историко-филологическая серия, 1958, № 4.

стр. 74, табл. I, рис. 17—24; ср. П. Голосовский. В центре Азии. «Огонек», № 12, март 1958.

⁹⁶ Э. Р. Рыгдылон. Новые рунические надписи Минусинского края. ЭВ, 1951, IV, стр. 87—89; его же. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея. ЭВ, 1951, V, стр. 114—116; его же. О знаках на плитах с руническими надписями. ЭВ, 1954, IX.

⁹⁶ Ю. Л. Аранчын. Сайгынская плита с древнетюркской надписью. ЭВ, 1951, V, стр. 76—77; его же. О древних енисейских каменных памятниках на территории Тувинской автономной области. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 1. Кызыл, 1953.

⁹⁷ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков.

⁹⁸ С. П. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 2. Кызыл, 1954; его же. Памятники скифского времени в западной Туве. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 3. Кызыл, 1955.

⁹⁹ А. Д. Грач. Обследование археологических памятников Западной Тувы. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 2; его же. Археологические исследования в западной Туве. КСИЭ, 1955, вып. 23; его же. Каменные изваяния западной Тувы. «Сб. МАЭ», 1955, т. 16; его же. Петроглифы Тувы, I. «Сб. МАЭ», 1957, т. 17; его же. Петроглифы Тувы, II. «Сб. МАЭ», 1958, т. 18; его же. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-ула. КСИЭ, 1958, вып. 30.

¹⁰⁰ Опубликована: Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМУ, историко-филологическая серия, 1958, № 4; его же. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМУ, исторические науки, 1960, № 1; его же. Этапы средневековой истории Тувы. ВМУ, история, 1964, № 4; его же. Курганы тувинцев. ВМУ, история, 1964, № 5.

¹⁰¹ Л. Р. Кызласов. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня, ТКАЭЭ, III. Фрунзе, 1959; его же. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «Уч. зап. ТННННННН», т. VIII. Кызыл, 1960; его же. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. «Уч. зап. ТННННННН», т. VIII. Абакан, 1960; его же. Новая датировка памятников енисейской письменности СА, 1960, № 3; его же. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. СА, 1964, № 2; его же. Новый памятник енисейской письменности. СЭ, 1965, № 2; его же. Южная Сибирь в эпоху владычества уйгуров. В сб.: «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964; его же. Краткая история археологического изучения Тувы. ВМУ, история, 1965, № 3; его же. Из истории племен Саяно-Алтайского нагорья в XIII—XV вв. «Уч. зап. ТННННННН», т. XI. Абакан, 1965; его же. О значении термина «балаб» древнетюркских надписей. «Тюркологический сборник. К 60-ю А. И. Кононова». М., «Наука», 1966; его же. О численности древних хакасов в IX—XI и XIII веках. «Уч. зап. ТННННННН», вып. XII. Абакан, 1966; его же. История Тувы в средние века. Автореф. докт. дисс. Изд-во МГУ, 1966.

¹⁰² Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3; его же. Памятник мусульманского средневековья в Туве. СА, 1963, № 2; его же. Городище Ден-Терек. «Древнемонгольские города». М., «Наука», 1965; его же. Культура и быт населения Тувы в XIII—XIV вв. В сб.: «Материалы по древней истории Сибири». Улан-Удэ, 1964. См. также о наших материалах: С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы. СА, 1959, № 3; его же. Новые данные о жизни городов в районе Забайкалья и Южной Сибири. «Каогу», 1960, № 2; Е. Средов. Тайна сломанного клинка. «Вокруг света», 1965, № 7.

¹⁰³ С. П. Вайнштейн. Археологические исследования в Туве в 1955 году. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 4. Кызыл, 1956; его же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского ПННННННН в 1956—

1957 гг. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 6. Кызыл, 1958; его же. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 7. Кызыл, 1959; его же. Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 10. Кызыл, 1963.

¹⁰⁴ М. Х. Маннай-оол. Археологические исследования в Овюрском районе в 1960 г. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 9. Кызыл, 1961; его же. Итоги археологических исследований ТННННННН в 1961 г. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 10. Кызыл, 1963; его же. Археологические памятники Тувы. Кызыл, 1964 (на тувинском и русском языках); его же. Новые материалы скифского времени в Туве. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 11. Кызыл, 1964.

¹⁰⁵ Л. П. Потапов. Некоторые итоги работ Тувинской экспедиции. СЭ, 1959, № 5.

¹⁰⁶ А. Д. Грач. Древнетюркское погребение с зеркалом Циньвана в Туве. СЭ, 1958, № 4; А. Д. Грач, Л. Г. Печасова. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭПЭ. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 8. Кызыл, 1960; С. П. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 8. Кызыл, 1960; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., Изд-во АН СССР, 1961. См. рецензии Л. Р. Кызласова и Я. А. Шера на эту книгу в СА, 1964, № 1; С. П. Вайнштейн. Древний Пор-Бажин. СЭ, 1964, № 6.

¹⁰⁷ «Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы». ТКАЭЭ ИЭ АН СССР, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960; см. рецензию Л. Р. Кызласова в СЭ, 1961, № 4; «Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика». ТКАЭЭ ИЭ АН СССР, т. 2. М.—Л., «Наука», 1966.

¹⁰⁸ Я. П. Сунчугашев. Изучаем родную Туву. «Преподавание истории в школе», 1961, № 1; его же. Древние горные выработки в Хову-Аксы. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 9. Кызыл, 1961; Е. П. Захаров и Я. П. Сунчугашев. Древние горные работы на медь в Хову-Аксы. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 10. Кызыл, 1963; он же. Опыт применения геологических поисковых методов в археологической разведке. СА, 1964, № 1; Я. П. Сунчугашев. Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры. СА, 1964, № 3; его же. Древние сыродутные горны на р. Бай-Сют в Туве. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 11. Кызыл, 1964; его же. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. Автореф. канд. дисс. М., 1964; его же. О выплавке меди в древней Туве. СА, 1966, № 4; его же. Памятники древней металлургии меди в Хову-Аксы. КСИЭ, вып. 107. М., 1966.

¹⁰⁹ И. Л. Членова. Древняя бронза Западных Саян. «Уч. зап. ТННННННН», т. 8. Кызыл, 1960; ее же. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других скифских культур Евразии. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 9. Кызыл, 1961.

¹¹⁰ Сб. «Археологические открытия 1965 года». М., «Наука», 1966, стр. 22—32.

¹¹¹ А. М. Шербак. Новая руническая надпись на камне. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 9. Кызыл, 1961; A. Sčerbak. L'inscription runique d'Oust—Eléguesle (Touva). Ural—Altäische Jahrbücher, vol. 35. f. B. 1964.

¹¹² З. Б. Арагачи. Новые эпиграфические находки в Туве. «Уч. зап. ТННННННН», вып. 10. Кызыл, 1963.

¹¹³ Л. Р. Кызласов. Новый памятник енисейской письменности. СЭ, 1965, № 2.

¹¹⁴ И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа. Памятник из Йиме. В сб.: «Материалы по тюркологии и дунгановедению». Фрунзе, 1964.

¹¹⁵ Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности. СА, 1965, № 3. См. И. А. Бат-

манов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962; Сб. «Памятники древнетюркской письменности Тувы», под редакцией И. А. Батманова и А. Ч. Кунаа, вып. 1 и вып. 2. Кызыл, 1963; вып. 3. Кызыл, 1965; А. М. Шербаков. Памятники рунического письма енисейских тюрков. НАА, 1964, № 4; L. Bazin. L'inscription d'Uyug-Tarliq. Acta orientalia, vol. XXII, Copenhagen, 1957.

¹¹⁶ В. И. Дулов. О некоторых итогах и задачах изучения истории Тувы. «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. 6. Кызыл, 1958, стр. 9 и 12.

¹¹⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, том 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии, Л., 1926.

¹¹⁸ См. А. И. Ярхо. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947, стр. 114—120.

¹¹⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., стр. 356—357 и стр. 495.

¹²⁰ А. И. Ярхо. Ук. соч., стр. 116.

¹²¹ С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, вып. 65. Л., 1933, стр. 33.

¹²² Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаа-тасус. Колёны. ТГИМ, вып. XI. М., 1940.

¹²³ Р. Кабо. Очерки истории и экономики Тувы. М.—Л., 1934, стр. 51—52.

¹²⁴ «История СССР» (макет), ч. III—IV, стр. 490—498.

¹²⁵ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 94—97, 99—101.

¹²⁶ Л. П. Потапов. Тувинцы. В сб.: «Народы Сибири». М.—Л., 1956, стр. 421—423.

¹²⁷ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция, стр. 126.

¹²⁸ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 120.

¹²⁹ А. Д. Грач. Каменные изваяния западной Тувы, стр. 431; его же. Петроглифы Тувы, I, стр. 427.

¹³⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 564.

¹³¹ С. И. Вайнштейн. Об исторических границах расселения кыргызов в южной Сибири. «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. V. Кызыл, 1957; его же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы.

¹³² Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы; его же. Тува в период уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. VIII. Кызыл, 1960.

¹³³ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы; ср. его же. Городище Ден-Терек. В сб.: «Древнесмонгольские города», М., «Наука», 1965.

¹³⁴ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 66; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 603.

¹³⁵ См. Г. Ф. Дебец. Краниологический очерк тунгусо-тувинцев. «Северная Азия», 1929, № 5—6; его же. К палеоантропологии Тувы. КСИЭ, 1950, вып. X; В. П. Алексеев. Череп из древних погребений на территории Тувы. «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. 3. Кызыл, 1955; его же. Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области. «Антропологический сборник», вып. 1, ТИЭ, т. 33, 1956; его же. Палеоантропологический материал скифского и сарматского времени с территории Тувы. «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. 7. Кызыл, 1959; его же. Череп из мусульманских погребений в Туве. «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. 8. Кызыл, 1960; его же. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы. ТТКАЭЭ, т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960; его же. Основные этапы истории антропологических типов Тувы. СЭ, 1962, № 3. Приношу глубокую благодарность В. П. Алек-

сееву за определение палеоантропологических материалов нашей экспедиции.

¹³⁶ Определение костных материалов нашей экспедиции принадлежит доктору биологических наук В. И. Цалкину, которому выражаю глубокую благодарность.

¹³⁷ «История Тувы», т. I—II. М., «Наука», 1964; см. рецензию Р. Ф. Итса и С. Г. Кляшторного в ВИ, 1965, № 8.

¹³⁸ Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «История Тувы», т. I, гл. IV; его же. Тува в составе государства древних кыргызов (IX—XII вв.). Там же, гл. V; его же. Хозяйство, культура и быт населения Тувы в XIII—XIV вв. Там же, гл. VI.

К ГЛАВЕ II

¹ «История Монгольской Народной Республики». М., Изд-во АН СССР, 1954; «Очерки истории СССР» (III—IX вв.). М., Изд-во АН СССР, 1958; «Всемирная история», т. III. М., Изд-во АН СССР, 1957; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники, как источник по истории Средней Азии. М., «Наука», 1964, Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. «Наука», М., 1967.

² Л. Р. Кызласов. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. «ИАИ Каз. ССР», № 108, серия археолог., вып. 3. Алма-Ата, 1951; его же. О связях кыргызов Енисея и Тянь-Шаня. ТКАЭЭ, т. III. Фрунзе, 1959; Л. Ф. Семенов. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. «Вести. Центрального музея Казахстана», 1930, № 1; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., Изд-во АН СССР, 1951; Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2; Г. О. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. В сб.: «Северная Монголия», II. Л., 1927; Н. В. Силицын. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, вып. 32. М., Изд-во АН СССР, 1950; В. И. Спришевский. Погребение с конем середины I тыс. н. э., обнаруженное около обсерватории Улугбека. «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. 1. Ташкент 1951; ТИИАЭ, т. 7. Алма-Ата, 1959; Я. А. Шер. Памятники влтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане. СА, 1963, № 4; Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. СА, 1964, № 2.

³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 220—229; Liu Mau-t'ai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'u-kü). Wiesbaden, 1958, I, S. 8; Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМУ, исторические науки, 1960, № 1.

⁴ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). ВМУ, историко-филологическая серия, 1958, № 4.

⁵ На Алтае обряд погребения человека с конем в одной могиле появился еще в эпоху «ранних кочевников» (VII—I вв. до н. э.). В тот период нигде — ни в Центральной, ни в Средней, ни в Северной Азии — подобного обряда не существовало и потому этот обряд являлся специфическим и этнически своеобразным лишь для племен Алтая (включая его юго-западные отроги). На Алтае он существовал с V—X вв. н. э. до современности. В VI в. алтайские тюрки, создав свое эфемерное, но гигантское по территории государство, разнесли этот обряд на обширные пространства от Великой китайской стены до Каспийского моря, и от Алтая (на севере) до Тянь-Шаня и Сино-Яна (на юге). Этот, археологически засвидетельствованный факт подтверждает, что тюр-

ки-туго всюду в VI—VIII вв. хоронили по обряду труположения с конем. Указание китайских хроник о трупосожениях с конем относятся лишь к самой верхушке тюрок, что и отмечено было Н. Я. Бичуриным. (См. Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 230, прим. 1: «Здесь описываются похороны хана, и по нем знатных и богатых людей»). Хорошим подтверждением этому являлись данные Ташу о том, что в 634 г. труп кагана Хйели был сожжен, но прах уже был погребен под курганом, а тюрки, умершие от эпидемии, были погребены без сожжения (Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 256). Сожжение трупа Хйели было, вероятно, последним погребением по этому обряду даже среди каганов тюрок, так как еще в 628 г. император Тайцзун в одной своей речи говорил о том, что знатные тюрки оставили свой обычай сжигать трупы умерших и погребают их под курганами: См. Li u Ma u-t-sai. Op. cit., Bd. I, SS. 193, 196, 197; S. 464.

⁶ Диаметр от 4,5 м до 16,5 м и высотой от 0,2 м до 1,5 м. Мне известны 18 курганов: Улуг-Хову, 1926, № 54 и № 55; Бай-Даг, 1927, № 84 (25) и № 90 (31) — раскопаны С. А. Теплоуховым; Кара-Чога, 1953, № 4 и Ак-Туруг, 1957, № А-5 — раскопаны С. И. Вайнштейном; МТ-57-XXXVI, МТ-58-VIII, БТ-59-I, ОВ-60-19, 22 и ОВ-61-25, 26 — раскопаны А. Д. Грачом; Кокзель, 1959, № 2, 13, 22, 23, 47 — раскопаны С. И. Вайнштейном и В. П. Дьяконовой. Данные об этих курганах см. в следующих работах: Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата; С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. «Уч. зап. ТНННЯЛИ», вып. 2, Кызыл, 1954; его же. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского ННННЯЛИ в 1956—1957 гг. «Уч. зап. ТНННЯЛИ», вып. 6, Кызыл, 1958; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве. ТТКАЭЭ, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1960; его же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. ТТКАЭЭ, т. I, М., Изд-во АН СССР, 1960; А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭНЭ. «Уч. зап. ТНННЯЛИ», вып. 8, Кызыл, 1960; С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы. ТНННЯЛИ, вып. 8, Кызыл, 1960; ТТКАЭЭ, т. II, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1966.

⁷ В отличие от С. В. Киселева (См. С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 493, 530, 551—558), разделяющего древнетюркские курганы Алтая на курганы V—VI, VI—VIII и IX—X вв., я выделяю в Горном Алтае: а) раннетюркские курганы V—VI вв. (Кудыргэ); б) памятники тюркского каганата VI—VIII вв.; в) памятники уйгурского времени VIII—IX вв. и г) памятники древнехакасского государства IX—XII вв. Различия между курганами VII—VIII и VIII—IX вв., по-моему, достаточно существенны.

⁸ Бай-Даг, 1927, № 90 (31); МТ-57-XXXVI, МТ-58-VIII, БТ-59-I; Кокзель, 1959, № 2; ОВ-60-20, ОВ-61-26. Ямы размерами от 2,1×1,55 и 2×2 до 3,5×4,3 м и глубиной 0,3—1,8 м.

⁹ Улуг-Хову, 1926, № 54 и № 55; Бай-Даг, 1927, № 84 (25); Ак-Туруг, 1957, № А-5; Кокзель, 1959, № 13, 22, 23, 47 и в ОВ-61-25 яма вытянута СЗ—ЮВ. Размеры ям от 2×1 до 2,6×2,1 м и глубина 1—2,5 м.

¹⁰ Бай-Даг, 1927, № 90 (31); см. Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, табл. III, 64.

¹¹ Улуг-Хову, 1926, № 54.

¹² МТ — 57 — XXXVI.

¹³ Кара-Чога, 1953, № 4 (Это единственное погребение, где лошадь лежала справа от человека, т. е. к юго-западу) и ОВ-60-19.

¹⁴ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, М., 1952, рис. 65, 4;

А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953—1960 гг. М., ИВЛ, 1961, рис. 4 и 23.

¹⁵ А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве, рис. 32.

¹⁶ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. ТГНМ, вып. XVI, 1941, стр. 96, рис. 16 и 27.

¹⁷ В этом обряде погребения с конем нет различий по полу и возрасту. Мужчины, женщины и дети (за исключением младенцев) — все погребались с лошастью или жеребенком. Только малым детям иногда взамен коня клали барана.

¹⁸ А. К. Кибиров. Работа Тянь-шаньского археологического отряда. КСНЭ, вып. XXVI, М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 86.

¹⁹ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. Изд-во МГУ, 1960, стр. 130.

²⁰ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 516—518; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 140;

Т. Higuchi, S. Nishitani, S. Onoyama. Otani. Report of the Excavation of the Ancient Burial Mound. Department of archaeology Kyoto University. Japan, 1959; «Kokogaku zasshi», Journal of the archaeological Society of Nippon, v. LII, July, 1966, No. 1.

²¹ С. И. Руденко. Культура населения центрального Алтая в скифское время. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, табл. 73.

²² С. Руденко, А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927, рис. 10—10. Датировка здесь ошибочна.

²³ С. Руденко, А. Глухов. Ук. соч., рис. 16—9.

²⁴ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, рис. 47, 3 и табл. IV, 121.

²⁵ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, табл. III, рис. 119 и 135.

²⁶ А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева. Ук. соч., табл. III, рис. 1, № 2; ср. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Ук. соч., рис. 41 и 59; С. В. Киселев. Ук. соч., табл. 50, рис. 13.

²⁷ Ю. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. ТТСКОРГО, т. I—2, М., 1899, табл. XIV—XV; Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади. СА, 1946, VIII, рис. 13.

²⁸ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, табл. III, рис. 113.

²⁹ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 511—512, 534, 622—624; Н. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935; М. П. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, 1958, № 62, рис. 25; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62, стр. 159.

³⁰ Улуг-Хову, 1926, № 54.

³¹ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Северного Алтая. ТГНМ, 1941, вып. 16; ее же. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, стр. 110—112; С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 520—521.

³² Бай-Даг, 1927, № 90 (31). Аналогичная пара каменных жерновов найдена также в насыпи тюркского женского погребения VIII—IX вв. на Алтае. См. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 100 и рис. 21.

³³ Кокзель, № 13, 22, 23.

³⁴ С. Руденко, А. Глухов. Ук. соч., рис. II; А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1965, стр. 37.

³⁵ «История Тувы», т. I, стр. 43, рис. 7.

³⁶ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 527, 536.

³⁷ С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г., табл. VIII; 9; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге, рис. 34а и стр. 32.

³⁸ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Ук. соч., рис. 40 и табл. III, стр. 114.

³⁹ О них см. рецензию Л. Р. Кызласова в СА, 1964, № 1, стр. 351—352.

⁴⁰ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 527 и 536.

⁴¹ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 532—533 и табл. 50, рис. 7.

⁴² Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 85, рис. 30; С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Ук. соч., стр. 195; «История Тувы», т. 1, стр. 53.

⁴³ Девиз правления Кайюань был у танского императора Сюань-Цзуна в 713—741 гг. и потому ошибочно эти монеты некоторые исследователи относят только к этому периоду. На деле монеты с этой легендой выпускались с 621 по 927 г. и они находились в обращении с VII по XX в., не имея, таким образом, датирующего значения, за исключением тех монет, на которых имеются дополнительные знаки, уточняющие годы выпуска. См. М. В. Воробьев. К вопросу определения старинных китайских монет «Кайюань тунбао». ЭВ, XV. М.—Л., 1963.

⁴⁴ Улуг-Хову, 1926, № 54.

⁴⁵ Диаметр 8—9 м и высотой 0,35—0,6 м. Мне известны четыре погребения: у д. Успенская, 1926, впускное в уюкский курган № 23 (раскопки С. А. Теплоухова); у пос. Черби, 1956, Б—18 и Б—23 (раскопки С. И. Вайнштейна); Морен, 1961, № 50 (раскопки В. П. Дьяконова).

⁴⁶ Ямы размерами 1,95×0,78 м и 1,8×1,45 м; глубина 0,5—1,3 м и до 2,45 м.

⁴⁷ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, стр. 91.

⁴⁸ Исходя из этого, вероятно, еще будут найдены погребения по этому обряду, относящиеся к IV—V вв. Успенская, 1926, впускное в курган № 23.

⁴⁹ Находки в одной могиле разнотипных стрел — частое явление для памятников кочевников от VI в. и вплоть до современности.

⁵⁰ Об этом приходится говорить ввиду заблуждения некоторых исследователей: см. А. Д. Грач. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге стр. 147—148.

⁵¹ Исследованы только два кургана: Уюк-Тарлык, № 53, (диаметр 10,6 м и высота 0,34 м), раскопанный в 1916 г. А. В. Адриановым, и курган у с. Атамановка № 14, раскопанный С. А. Теплоуховым в 1926 г. (диаметр 6 м и высота 0,3 м).

⁵² Уюк-Тарлык, № 53 — насыпь имеет воронку от грабительских раскопок и ряд из шести каменных столбиков (до 0,35 м высотой), растянувшийся на 19 м на запад. В статье 1960 г. (Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 56—57 и прим. 20, рис. 34—35) я, на основании фотографии поломанных наконечников стрел и ряда каменных столбиков, относил к этой группе и раскопанный А. В. Адриановым в 1916 г. курган Уюк-Тарлык, № 41. Однако осмотр наконечников стрел в музее ТГУ весной 1961 г. заставляет меня относить теперь этот курган к древнехакасской эпохе IX—X вв.

⁵³ Яма вытянута с востока на запад (1,94×1,4 м).

⁵⁴ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 545—546; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 114—117; М. П. Грязнов. Раскопки на Алтае. СГЭ, I. Л., 1940, стр. 20, рис. 4; А. В. Адрианов. К археологии западного Алтая. ИАК, вып. 62. СПб., 1916, стр. 45—48; С. И. Руденко. К палеоантропологии Южного Алтая. В сб.: «Казаки», Л., 1930, стр. 138—139; Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Северного Алтая. ТГНМ, XVI. М., 1941. W. Radloff. Aus Sibirien, II. Leipzig, 1893, S. 72.

⁵⁵ Эти оградки (с каменными статуями и балбалами) распространены по всей территории, занимавшейся в

VI—VIII вв. тюрками-туغو. Они открыты в большом числе в Монголии, северо-западной части Сибиряна, в Киргизии, Восточном и Центральном Казахстане. См. Л. Р. Кызласов. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. «ИАН Каз. ССР», № 108, серия археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951; А. К. Кибиров. Работа Тянь-Шанского археологического отряда, стр. 86; Я. А. Шер. Археологические разведки на озере Сон-Куль. КСИА, вып. 98. М., «Наука», 1964; В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. «Зап. АИ» по ист.-филол. отделению. I, № 4. СПб., 1897, стр. 44, 55, 57; ТИИАЭ, т. 7. Алма-Ата, 1959, стр. 13 и т. п.

⁵⁶ Редко при отсутствии плитняка, устраивались квадратные «площадки», выложенные валунами и не обставленные плитами по сторонам. Все остальное аналогично — вплоть до установки каменных изваяний с восточной стороны «площадок» (например, 4 площадки у г. Кара-Тей на р. Чадане близ Бажын-Алака; исследованы Л. Р. Кызласовым в 1957 г.).

⁵⁷ Это отклонение естественно для зимнего периода, так как компаса тогда не было.

⁵⁸ Видимо, такие ряды связаны с семейной преемственностью совершения поминок в одном месте. Имеется еще один ряд, вытянутый с северо-запада на юго-восток, а другой — с запада на восток.

⁵⁹ В пос. Кызыл-Тей на р. Саглы и в его ближайшем окружении нами в 1957 г. обследовано 40 оградок, а в котловине Деспен (Танну-Ола) в 1947 г. обнаружено 22 оградки.

⁶⁰ Следует также учесть, что многие оградки утратили (за 1200 лет) такие сооружения.

⁶¹ Столбиков было: 1, 4, 5, 8, 15, 22 (длина ряда 71 м) и 66 (длина 400 м).

⁶² Их было намного больше, так как простые оградки, за редким исключением, никто специально не фиксировал. Археологи преимущественно искали каменные изваяния и описывали попадавшиеся «пустые» оградки лишь попутно.

⁶³ См. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 9—10, 13—2, 15, 17—1; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, рис. 5, 16, 21, 25, 32, 34, 45, 48, 49, 56, 58, 68, 72, 73—75, 82, 87, 95.

⁶⁴ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 8—2, 11, 12, 14, 16, 17—2, 18, 19, 22, 23—2, 27, 28, 30, 31; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, рис. 2, 4, 11, 14, 18, 23, 27, 29, 35, 40, 50, 51, 64, 65, 70, 76, 79, 89, 90; Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, табл. I, рис. 22, рис. 2, рис. 5.

⁶⁵ Количество столбиков: 3, 10, 12—16, 19, 24, 32, 35, 36, 41, 43, 62, 79, 81, 94, 157; длина некоторых их рядов: 40, 60, 100, 170, 200, 350 м; высота столбиков от 0,1 до 0,7 м и поставлены они с интервалом в 0,5—1 до 2—4 и 5 м.

⁶⁶ Имеются еще случайно расставленные или перемещенные фигуры, стоящие лицом на северо-восток — 2, юг — 2, запад — 1, юго-запад — 1 и северо-запад — 1. При этом две фигуры были явно переставлены и стояли внутри оградок, а две другие — у каменных курганов с восточной и юго-восточной сторон. Три фигуры VI—VIII вв. оказались без оградок, так как последние были давно разрушены распахкой.

⁶⁷ Еще есть два ряда на юг и два — на северо-восток.

⁶⁸ С. М. Абрамзон. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов. В сб.: «Белек С. Е. Малову». Фрунзе, 1946.

⁶⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 59, 61.

⁷¹ А. Левшин. Описание киргиз-казачьих орд и степей. ч. III. СПб., 1832, стр. 110.

⁷² Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ИОНАЭ, т. XII, вып. 2. Казань, 1894, стр. 130.

⁷³ С. И. Руденко. Чувашские надгробные памятники. МЭ, т. I. СПб., 1910, стр. 84.

⁷⁴ Пос. Кызыл-Тей на р. Саглы, 1952, № 2; пос. Ак-Тал на р. Хендерге, 1960, № 1 (раскопки Л. Р. Кызласова) и КХ—58—VII (А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, стр. 37, № 31).

⁷⁵ 25 изваяний опубликованы Л. А. Евтюховой. (См. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии), 56—А. Д. Грачом. (См. А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы и рецензию Л. Р. Кызласова в СА, 1964, № 1), 4—Л. Р. Кызласовым. (См. Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, табл. I, рис. 22 и рис. 25; его же. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей). К 1962 г. мне было известно в Туве еще 16 неопубликованных изваяний VI—VIII вв., из которых 5 хранятся в музее г. Кызыла и 1 — в музее г. Абакана.

⁷⁶ Поминальные оградки вообще сооружались только в память мужчин.

⁷⁷ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 12, 14, 17—2, 18, 19, 22, 28.

⁷⁸ П. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 230 и 277; ср. Liu Ma-t-sai. Op. cit., I, SS. 9, 42, 179, 228; II, S. 500.

⁷⁹ По данным письменных источников, входы в юрты тюрков-тугов были «с востока, из благоговения к стране солнечного посхождения» (П. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230).

⁸⁰ Одна раскопана А. В. Адриановым (Салдам, 1915, № 10), пять — С. А. Теплоуховым в 1926 г. (пос. Элегест, № 16—17; Саадак-Терек, № 43 и 45 и на берегу Хемчика, № 44), четыре — Л. Р. Кызласовым в 1935 г. (Бижиктиг-Хая на р. Хемчик, № 1 и Шурмак-Тей, № 2) и в 1957 г. (пос. Кызыл-Тей на р. Саглы, № 1—2), десять — А. Д. Грачом в 1957—1960 гг. (МТ—57—XXXVIII, МТ—57—40, БТ—58—2; МТ—58—16, 17; КХ—58—3, 7; Биче-Шуй-59, 4, 5; Он-60-6); четыре — С. И. Вайнштейном и В. П. Дьяконовой в 1959—1960 гг. (Кокзель, № 18, 19, 20, 70); четыре М. Х. Маннай-оолом в 1960—1961 гг. (Салчурский могильник, № 8 и Ак-Даш, № 1—3), десять — В. П. Дьяконовой в 1961—1962 гг. (Эрзин-Хондей, № 2а, 2б, 3а, 3б; Морен, № 5, 6; Ак-Даш, № 1а, 1б, 1в).

⁸¹ Из них 8 оградок не имеют плит, 1 — с простым изваянием (лицо на камне), 2 — с «главными» плитами и 2 — с «главными» плитами и рядами столбиков.

⁸² Зольные пятна диаметром 5—10 см. Кызыл-Тей, 1957, № 1 и МТ—58—17 (А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, рис. 10).

⁸³ Соответственно, Хондей № 2а; Ак-Даш № 1б и в.

⁸⁴ Бижиктиг-Хая № 1 (см. Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, рис. 3); с восточной ее стороны есть остатки двух округлых скульптур, не встречавшихся у других оградок (см. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии, рис. 30—31).

⁸⁵ КХ—58—3, Биче-Шуй № 4, 5 (А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, рис. 45—47 и 54); Морен № 5 и 6.

⁸⁶ Пос. Элегест, 1926, № 16 и 17; берег Хемчика, 1926, № 44; Салчурский могильник № 8; Кокзель, 1960, № 19.

⁸⁷ Эрзин, Ак-Даш № 1а.

⁸⁸ Шурмак-Тей № 2 (см. Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 62 и рис. 4).

⁸⁹ Размеры ямы 1,2×0,7 м, глубина — 0,26 м.

⁹⁰ Под южной насыпью ямка (диаметром 0,3 м и глубиной 0,4 м) была засыпана булыжником с углями и обломками челюсти овцы. Еще найден зуб коня. При

раскопках восточной насыпи найдены отдельные угли, обломок конской челюсти и фаланга коня.

⁹¹ А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. ТГИМ, вып. I, 1926, стр. 73—74.

⁹² W. Radloff. Op. cit., S. 72.

⁹³ А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая, стр. 45—48.

⁹⁴ С. И. Руденко. К палеоантропологии Южного Алтая, стр. 139.

⁹⁵ Liu Ma-t-sai. Op. cit., I, S. 42.

⁹⁶ Ibid., S. 10.

⁹⁷ Хондей, 1961, № 26 и Ак-Даш, 1961, № 1 (см. М. Х. Маннай-оол. Итоги археологических исследований ТНННЯЛН в 1961 г. «Уч. зап. ТНННЯЛН», вып. 10. Кызыл, 1963, стр. 243—245; Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 81).

⁹⁸ М. Х. Маннай-оол. Ук. соч., стр. 244—245 (Ак-Даш, № 2).

⁹⁹ Совершенно аналогичные серьги изображены в ушах изваяний с р. Саглы (пос. Кызыл-Тей, оградка № 1, изваяние хранится ныне в Кызыльском музее, № 2839 и скульптура с ручья Мугур, сданная в музей кафедры археологии МГУ). Эти изваяния открыты нами в 1957 г.; см. здесь — рис. 3, 2, 4.

¹⁰⁰ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 22.

¹⁰¹ 40 фигур держат сосуд в правой руке и только 2 фигуры — в левой (очевидно, они изображали левшей).

¹⁰² Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей, стр. 36.

¹⁰³ А. Д. Грач. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула. КСИЭ, 1958, вып. XXX, рис. 2. Предпринятая попытка объяснения сцены неудачна, так как автор исходит из ошибочных предпосылок (ср. А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, рис. 11).

¹⁰⁴ Описанная выше ограда Бижиктиг-Хая, № 1.

¹⁰⁵ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 30—31. Сидящие фигуры характерны для найденных в Монголии поминальных сооружений знати восточных тюрков.

¹⁰⁶ Вал насыпан из песка со щебнем. Высота его 0,26 м; ширина 3,2—3,8 м. Ориентирован сторонами на ССВ, ВВЮ, ЮЮЗ и ЗЗС, вытянут с запада на восток. Ориентировочный план кургана см. Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 69 и ср. Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 64—67 и рис. 6.

¹⁰⁷ Высота насыпи 0,77 м. Сверху грабительский колодец (2,2 м в диаметре и глубиной до 3 м).

¹⁰⁸ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 27—29. В 1955 г. изваяние № 4б и львы оказались еще более разбитыми, чем в 1947 г.

¹⁰⁹ Поминальными же являются и все обнаруженные в Монголии аналогичные по устройству сооружения знати орхонских тюрков VII—VIII вв. вплоть до «могил» восточнотюркских каганов.

¹¹⁰ Аналогично устроены крыши деревянных юрт хакасов и алтайцев.

¹¹¹ П. В. Дьяконова, О. П. Смирнова. К вопросу об истолковании пенджикентской росписи. «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика П. А. Орбели». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 175, прим. 21.

¹¹² Некоторые этнографы ошибочно считают, что деревянные граненые юрты у народов Саяно-Алтая появились только под влиянием русских построек, не принимая во внимание, что юрты и юртообразные постройки из дерева, сыра, камня и дерна широко распространены у тюркоязычных и монголоязычных народов (хака-

- сов, алтайцев, тувинцев, монголов, бурятов, якутов, казахов лесостепи, киргизов).
- ¹¹³ Из наших раскопок, см.: Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. ТКАЭЭ, т. II. М., 1959; В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. По материалам раскопок на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг. ТКАЭЭ, т. IV. М., 1960, рис. 3.
- ¹¹⁴ E. G. Pulleyblank. A Sogdian Colony in Inner Mongolia. *Toung Pao*, 31, 1952; ср. Liu Ma-u-t'ai. Op. cit.; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, стр. 93—101.
- ¹¹⁵ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, стр. 117.
- ¹¹⁶ А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, стр. 22, 55, рис. 12—13.
- ¹¹⁷ Обнаружен мною в 1960 г., не опубликован.
- ¹¹⁸ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 13—14; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, рис. 14—15.
- ¹¹⁹ В Деспене на линии в 278 м осталось 16 балбалов, в Суглуг-Аксы-Шоль—12 балбалов, в Ак-Тале—66 балбалов на протяжении 400 м (через 2—4 м, высота столбиков 0,3—0,5 м), причем ряд их с середины пути загибается дугой на север.
- ¹²⁰ В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СТОЭ, IV. СПб., 1897; Б. Я. Владимирцов. Занятия памятниками старины. В сб.: «Северная Монголия», вып. 2. Л., 1927; Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. В сб.: «Северная Монголия», вып. 2. Л., 1927; В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. 1—4. СПб., 1892—1899.
- ¹²¹ См. Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей. СА, 1964, № 2 и рецензию Л. Р. Кызласова на книгу А. Д. Грача «Древнетюркские изваяния Тувы». СА, 1964, № 1, стр. 349—355.
- ¹²² См. Л. И. Альбаум. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов». КСИИМК, вып. 80. М.: Изд-во АН СССР, 1960; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы.
- ¹²³ Например, С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 12—13 и 368; В. М. Насилов. Язык орхо-енисейских памятников. М., ИВЛ, 1960, стр. 25, 42, 46, 77; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 212; И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 198.
- ¹²⁴ Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбабах». ЗООИД, вып. 32. Одесса, 1915.
- ¹²⁵ W. Kotwicz et A. Samoilovitch. Le monument turc d'Ikhe-khuchotu en Mongolie centrale, RO IV. Lwow, 1928, pp. 79—80; W. Kotwicz. Les tombeaux dits «kerekurs» en Mongolie. RO, VI. Lwow, 1929; W. Kotwicz. Kilka uwag ot zw. babah kamennych. «Sprawozdania Polskiej Akademji Umiejetnosci». Kwiecien, 1928, No. 4; W. Kotwicz. Quelques remarques encore sur les statues dites «babas» dans les steppes de l'Eurasie. RO, XIII. Lwow, 1937.
- ¹²⁶ В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 7; W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, I. III. SPb., 1895, SS. 243, 252, 454; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 11; О балбале на Ойгине см. В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, III. СПб., 1896. LXXXIII, 5; фото балбала Бильяг-кагана см. в «Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890». Helsingfors, 1892, t. 40; В. В. Радлов переводил также «каменный столб шада тблэсов» W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften. Neue Folge. SPb., 1897, SS. 234—235, 243, 252; A. von Gabain. Altürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 300 (лучше было бы — «Schandpfahl» — позорный столб).
- ¹²⁷ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230; Liu Ma-u-t'ai. Op. cit. I, SS. 10, 42; II, S. 500.
- ¹²⁸ Л. Р. Кызласов. О значении термина «балбал» древнетюркских надписей. «Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова». М., «Наука», 1966; Ряды камней по числу убитых врагов ставились и воинами архипелага Фиджи. См. Джек Лондон. Собр. соч., т. 9. М., «Правда», 1961, стр. 27—28.
- ¹²⁹ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230.
- ¹³⁰ Р. Ф. Итс. О каменных изваяниях в Синьцзяне. СЭ, 1958, № 2, стр. 102.
- ¹³¹ Liu Ma-u-t'ai. Op. cit., I, S. 42.
- ¹³² Liu Ma-u-t'ai. Op. cit., II, S. 500, прим. 56.
- ¹³³ В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме; L. Yisli. Vyzkum Kulteeginova pamatniku v Mongolské Lidove Republice. «Archeologické rozhledy», 1960, XII, 1.
- ¹³⁴ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 64—67.
- ¹³⁵ В Суйшу, например, использованы три основных источника о тюрках: 1) «Доклад об обычаях северных дикарей», 2) «Доклад об обычаях варваров», 3) «Доклад о нравах и обычаях, существующих у тугю». В Чжоушю явно по рассказам самих тюрков приведены разные варианты легенд об их происхождении. См. Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 221.
- ¹³⁶ Г. В амбери. Первобытная культура тюрко-татарских народов. ЗЗСОГО, т. VI. Омск, 1884, стр. 22.
- ¹³⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 369.
- ¹³⁸ Там же, стр. 43; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. ЗВОРАО, т. XII, вып. 2—3. СПб., 1899, стр. 78.
- ¹³⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 92.
- ¹⁴⁰ A. von Gabain. Op. cit., S. 302.
- ¹⁴¹ Например, из 58 фигур, приведенных в книге А. Д. Грача. (См. А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы), 25 скульптурами не являются, так как просто прорисованы на камнях. У Л. А. Евтюховой таких фигур 15. (См. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии рис. 2, 8—3, 13—2, 15, 17—1, 39, 50—3, 51—1, 71—1, 2, 7, 8, 10).
- ¹⁴² П. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 277; Liu Ma-u-t'ai. Op. cit., I, SS. 179, 228—229.
- ¹⁴³ L. Yisli. Op. cit., I, 49 u 51.
- ¹⁴⁴ Liu Ma-u-t'ai. Op. cit., II, SS. 620—621, прим. 999; W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften, II. SPb., 1894, S. 173; ср. СТОЭ, вып. 3. СПб., 1897, стр. 14.
- ¹⁴⁵ Р. Ф. Итс. Ук. соч., стр. 102.
- ¹⁴⁶ Liu Ma-u-t'ai. Op. cit., I, SS. 473—475.
- ¹⁴⁷ Р. Ф. Итс. Ук. соч., стр. 102—103.
- ¹⁴⁸ Liu Ma-u-t'ai. Op. cit., I, S. 10.
- ¹⁴⁹ Общеизвестно, что вместо оградки у высшей знати был жертвенник и сооружался поминальный храм (в котором и была найдена статуя Кюль-Тегина с жертвенными ямами перед ней), а балбалы, по указанию Л. Нисла (L. Jisl. Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kül-tegin-Denkmal. Ural-Altaische Jahrbücher. B., XXXII, 1—2. Wiesbaden, 1960, S. 67) составляли ряд длиною свыше 3 км и их было насчитано 169 штук.
- ¹⁵⁰ В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 7.

- ¹⁵² В. Л. Котвич. Поездка в долину Орхона летом 1912 года. ЗВОРАО, т. XXII, вып. 1—2. СПб., 1914.
- ¹⁵³ Сб. «Северная Монголия», вып. 2. Л., 1927.
- ¹⁵⁴ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 64—67.
- ¹⁵⁵ L. Isl. Vorbericht.
- ¹⁵⁶ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 262.
- ¹⁵⁷ СТОЭ, вып. 3. СПб., 1897, стр. 9.
- ¹⁵⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 43.
- ¹⁵⁹ L. Yisl. Vyzkum Külteginova ramatniku.
- ¹⁶⁰ Л. Р. Кызласов. Этapy древней истории Тувы, стр. 89—96.
- ¹⁶¹ Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV. СПб., 1866, стр. 252; Плано Карпини принял эти шатры или палатки за кладбище. См. «Путешествия в восточные страны Плано-Карпини и Рубрука». М., Географгиз, 1957, стр. 33.
- ¹⁶² «Путешествия в восточные страны...», стр. 102.
- ¹⁶³ Там же, стр. 129.
- ¹⁶⁴ Там же, стр. 130.
- ¹⁶⁵ «Путешествия в восточные страны...», стр. 29.
- ¹⁶⁶ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 207.
- ¹⁶⁷ G. Kuiper. Codex Sumanicus bibliothecae at templum Divi Marci venetiarum. Budapestini, 1880, p. 222.
- ¹⁶⁸ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 128—129.
- ¹⁶⁹ А. Левшин. Ук. соч., стр. 110; А. Терещенко. Следы Дешт-Кипчака и внутренняя киргиз-кайсацкая орда. «Москвитин», 1853, VI, № 22, кн. 2, стр. 72.
- ¹⁷⁰ «Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хинииского хана». Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 10.
- ¹⁷¹ С. С. Слуцкий. О тюркской надписи сирским шрифтом на каменной бабе из Каркаралинского округа. «Древности Восточные». ТВКМАО, т. II, вып. I. М., 1896, стр. 68—69; из восточного Казахстана — ЗВОРАО, 22, III—IV. Пг., 1915, стр. XXXIX; А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая, стр. 85—86; из Монголии — С. Е. Малов. Новые памятники с турецкими рунами. «Язык и мышление», VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 251 (очевидно, подделка) и Г. Айдаров. Камень с древней тюркской надписью. «Вестник АН Каз. ССР», № 2. Алма-Ата, 1963.
- ¹⁷² Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, № 3, рис. 9, 14, стр. 119; № 37.
- ¹⁷³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 67; Ср. H. Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, f. 124. Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей, рис. 1.
- ¹⁷⁴ В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, т. I. СПб., 1892, табл. XV—2; Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей, рис. 2.
- ¹⁷⁵ В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 13.
- ¹⁷⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 45.
- ¹⁷⁷ В. Н. Чернецов. Представления о душе у обских угров. «ТНЭ АН СССР», новая серия, т. 51, 1959; С. Н. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 321; А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор. Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 96; Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды. Хабаровск, 1933.
- ¹⁷⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 38, 39 и 43; L. Yisl. Vyzkum Külteginova ramatniku, рис. 51.
- ¹⁷⁹ МИА, 1950, № 14, табл. XCV, 115. В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, т. II. Томск, 1896, табл. IX, 11; «Изв. АН Кирг. ССР», серия общ. наук., т. V, вып. 1. Фрунзе, 1963, стр. 30, рис. 6.
- ¹⁸⁰ Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей, рис. 3. Передана мною на хранение в музей г. Кызыла.
- ¹⁸¹ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 221, 265, 273, 278, 280, 288, 307, 319.
- ¹⁸² А. П. Ковалевский. Ук. соч., стр. 130.
- ¹⁸³ Bela Posta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy. III, I, Budapest—Leipzig, 1905, f. 63.
- ¹⁸⁴ А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, стр. 66.
- ¹⁸⁵ С. П. Швецов. Горный Алтай и его население, т. I. Барнаул, 1900, стр. 72, 74, 82—83; А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. «Записки РГО по общей географии», т. XI. СПб., 1888, стр. 332—333.
- ¹⁸⁶ Исследования Ф. Я. Кона в земле урянхов. «Русский антропологический журнал», кн. XII, 1902, № 4. М., 1903, стр. 119; Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV. СПб., 1883, стр. 36, 63, 130, 134.
- ¹⁸⁷ С. Д. Майнагашев. Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края. «Живая старина», год 24, III, 1915, Пг., 1916.
- ¹⁸⁸ Л. Р. Кызласов. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей, рис. 4; «Сибирский Вестник», изд. Г. Спасским, I. СПб., 1818, стр. 105—106; И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, т. II. СПб., 1776, стр. 157; П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, т. II, кн. 2. СПб., 1786, стр. 467—468; С. Д. Майнагашев. Ук. соч., рис. 3—8.
- ¹⁸⁹ А. Д. Грач. Ук. соч., рис. II.
- ¹⁹⁰ Такую фигуру виночерпия у памятника Кюль-Тегина, открыл в 1912 г. В. Л. Котвич и доставил ее в Петербург. См. W. Kotwicz et A. Samoilovitch. Op. cit., фото на стр. 70. В аналогичной позе сидят изваяния с поминального сооружения в Сарыг-Булуне (Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 27—28), где мною найден и кувшин поминального пира (см. Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, рис. 7).
- ¹⁹¹ Стоящие фигуры в китайских халатах с разрезами и см. В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, т. I. СПб., 1892, табл. X, 1; Inscriptions de l'Orkhon. Helsingfors, 1892, t. 17, 42.
- ¹⁹² В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 3; L. Jisl. Op. cit.
- ¹⁹³ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230 и 279.
- ¹⁹⁴ Там же, стр. 230; Liu Mau-tsai. Op. cit.
- ¹⁹⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 36, 43.
- ¹⁹⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 23.
- ¹⁹⁷ М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных намогильников южного Туркменистана. «Материалы Южно-Туркменстанской археологической комплексной экспедиции», т. I. Ашхабад, 1949.
- ¹⁹⁸ «Дневные записки путешествия капитана Н. Рыкова в Киргиз-кайсацкой степи 1771 году». СПб., 1772, стр. 81; О культе архахов — духов умерших у казахов см. Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 112—113, 472—477 и 486.

- 199 П. Д. Степанов. Этнографическое изучение южной группы башкир. В сб.: «Советская этнография», IV. М.—Л., 1940.
- 200 С. И. Руденко. Чувашские надгробные памятники.
- 201 А. Левшин. Ук. соч., стр. 110 и 114; А. Терешенко. Ук. соч., стр. 72; Н. Ф. Катанов. Ук. соч., стр. 130—131.
- 202 С. М. Абрамзон. Ук. соч.
- 203 Д. А. Кочнев. О погребальных обрядах якутов Вилюйского округа. ИОИАЭ, т. XII, вып. 5, 1895, стр. 459.
- 204 Н. Рычков. Ук. соч., стр. 45.
- 205 Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, стр. 1394.
- 206 Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен, стр. 128.
- 207 Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя ТТКАЭЭ, т. I. М.—Л., 1960, стр. 233; Н. И. Попов. Общий исторический обзор археологических изысканий в Сибири. «Изв. Сибирского отд. РГО», 1871, т. 2, вып. 1—2.
- 208 П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина; его же. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. ЖМНП, май. СПб., 1898; С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952; П. М. Мелиоранский датировал надписи VI—VII вв., С. Е. Малов — V в.
- 209 Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «Уч. зап. ТНННЯЛИ», т. VIII. Кызыл, 1960.
- 210 Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности; его же. О датировке памятников енисейской письменности. СА, 1965, № 3.
- 211 Рунические надписи Киргизии высечены не на стелах, а на лежащих валунах; они датируются IX—X вв.
- 212 Для тюрков-тугов характерны резные рисунки на скалах, валунах и отдельных предметах (в частности, костяных). Такие рисунки найдены на Алтае и Тянь-Шане (в том числе и в могилах), а в Туве их пока нет. Тамгообразные изображения горных козлов, во множестве известные по рисункам на скалах Тувы и других мест Азии, относятся не к тюркскому, как ошибочно думают некоторые исследователи, а к более раннему «скифскому» времени. Об этом говорят многие факты, в том числе и открытые в Туве. М. Х. Манна-й-о-л. Древнее изображение горного козла в Туве. СА, 1967, № 1.
- 213 С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 510—549.
- 214 Обе стороны экономического значения скота указаны К. Марксом в «Капитале» — см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 98—99 и 190; ср. стр. 49. См. Н. Я. Бичурин. Ук. соч., ч. I, стр. 229—230.
- 215 Любопытную точку зрения на скотоводческое хозяйство высказал С. И. Руденко. См. С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. «Материалы по этнографии», т. I. Географическое общество СССР. Л., 1961.
- 216 «Византийские историки». Перевод с греческого Спиридона Дестуниса СПб., 1861, стр. 377—379.
- 217 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 72.
- 218 Страбон, VII, 3, 17.
- 219 С. К. Ибрагимов. Еще раз о термине «казах». ТИИАЭ, т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 69—70, 153—155.
- 220 Ю. А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств. ТИИАЭ, т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 98, ср. Liu Ma u-t s a i. Op. cit., I, S. 453.
- 221 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230.
- 222 Там же, стр. 231.
- 223 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230—231.
- 224 Там же, стр. 230.
- 225 Liu Ma u-t s a i. Op. cit., I, SS. 161, 322—323, 456—457.
- 226 С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 15, 19, 24, 91.
- 227 Ср. С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 513.
- 228 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 28, стр. 214.
- 229 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 348.
- 230 Л. Р. Кызласов. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. СЭ, 1952, № 2, стр. 39—49.
- 231 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 221, 228.
- 232 «Византийские историки», стр. 376; ср. Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 75.
- 233 См. Я. И. Сунчугашев. Древние сыродутные горны на р. Бай-Сют в Туве. «Уч. зап. ТНННЯЛИ», вып. XI. Кызыл, 1964.
- 234 Феофилакт Симокатта. История. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 78. О золотых колясках, ложах, вызолоченном троне, покрытых золотом деревянных столбах, о золотых сосудах и бочках, о серебряных блюдах и скульптурах животных в ставке тюркского кагана на Алтае см. «Византийские историки», стр. 377—379.
- 235 Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных». Вступительная статья, перевод и комментарии Б. П. Кузнецова. Изд-во ЛГУ, 1961, стр. 24, 75; Ср. В. А. Богословский. Очерк истории тибетского народа. М., ИВЛ, 1962, стр. 53.
- 236 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 266.
- 237 Liu Ma u-t s a i. Op. cit., I, S. 162.
- 238 С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 28, 29, 32, 33, 62, 368; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 92.
- 239 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 229.
- 240 Liu Ma u-t s a i. Op. cit., I, SS. 39, 130, 430.
- 241 Есть упоминание о воске у тюрков. См. Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230.
- 242 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 163.
- 243 «Византийские историки», стр. 371—376.
- 244 Н. Пигулевская. Ук. соч., стр. 72—75; В. А. Шишкин. К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами. В сб.: «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 24—26; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентониш. Из истории среднеазиатского шелкоткачества. СА, 1961, № 2.
- 245 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II, стр. 293 (об ограблении «купечествующих тюрков»).
- 246 Там же, т. I, стр. 239—240, 251, 276; Liu Ma u-t s a i. Op. cit., I, SS. 452—455.
- 247 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 237.
- 248 Подробности см. Ю. А. Зуев. Ук. соч.
- 249 О войнах тюрков с Китаем, см. Liu Ma u-t s a i. Op. cit., I, SS. 426—451.
- 250 С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 34.
- 251 С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 23—24.
- 252 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 256.
- 253 Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 229; т. II, стр. 254; Liu Ma u-t s a i. Op. cit., I, S. 8, 41. По разъяснению Н. П. Мункуева, за которое приношу ему благодарность, в Бэйши (изд. Бо-на, гл. 99, стр. 3а) сказано о тюрках-тузюе: «По их обычаю распускают волосы и запахивают полу налево». В Суйшу (изд. Бо-на, гл. 84, стр. 2а): «распускают волосы и запахивают полу налево».

- ²⁵⁴ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, табл. I, рис. 22; Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 3, 4, 5, 45.
- ²⁵⁵ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, рис. 5; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, табл. I, рис. 6, 22.
- ²⁵⁶ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 47 и стр. 105; «Inscriptions de l'Orkhon. Recueillies par l'expédition Finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892, t. 39.
- ²⁵⁷ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, рис. 2; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы, стр. 60.
- ²⁵⁸ См. у двух изваяний с памятника Кюль-Тегина полы запахнуты по разному (и налево и направо), См. В. В. Радлов. Атлас древностей Монголии, вып. I. СПб, 1892, табл. X, 4.
- ²⁵⁹ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, рис. 2.
- ²⁶⁰ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 27; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью, табл. XV, I.
- ²⁶¹ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 340—341, табл. XXXI, 9; Е. С. Видонова. Катайдинский халат. ТГНМ, 1939, VIII; А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. ТГНМ, 1926, I, табл. III.
- ²⁶² Факты изложены в моей рецензии в СА, 1964, № 1, стр. 354—355. Прическу из свернутой косы на каменном изваянии см. Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, рис. 2; косы носили и уйгуры (см. рецензию Л. Р. Кызласова в СА, 1964, № 1, стр. 351).
- ²⁶³ Н. Пигулевская. Ук. соч., стр. 95.
- ²⁶⁴ По-хакасски: «бир кожеге». См. Г. И. Спасский. Народы, кочующие в верху реки Енисей. «Сибирский вестник», II, СПб, 1818, стр. 204; П. Пестов. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. М., 1833, стр. 87; В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 9; Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисей. Минусинск, 1900, стр. 28.
- ²⁶⁵ О шаманизме как религии см. С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., «Наука», 1964.
- ²⁶⁶ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230.
- ²⁶⁷ А. И. Глухов. Тайэлга, МЭ, т. III, вып. I, Л., 1926; Г. И. Спасский. Народы, кочующие в верху реки Енисей. «Сибирский вестник», I, стр. 105; Е. К. Яковлев. Ук. соч., стр. 87.
- ²⁶⁸ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230—231.
- ²⁶⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 28(1), 29(10, 11), 31 и др.; Л. Р. Кызласов. К истории шаманских верований на Алтае. КСНММК, вып. 29, 1949.
- ²⁷⁰ С. А. Токарев. Ук. соч., стр. 274.
- ²⁷¹ Феофилакт Симокатта. История, стр. 161.
- ²⁷² Ю. А. Зуев. Китайские известия о Суябе. «ИАН Каз. ССР», серия истории, археологии и этнографии, вып. 3. Алма-Ата, 1960, стр. 88.
- ²⁷³ «Византийские историки», стр. 376.
- ²⁷⁴ См. Л. Р. Кызласов. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай). КСНММК; вып. 36. 1951; G. Clauson, Turks and wolves. «Studia Orientalia», XXVIII, 2. Helsinki, 1964.
- ²⁷⁵ Ю. А. Зуев. Китайские известия о Суябе, стр. 88—89, см. также: Б. Л. Рифтин. Из истории культурных связей Средней Азии и Китая. ПВ, 1960, № 5, стр. 121—122; Liu Ma-u-t'ai. Op. cit., I, SS. 466—467.
- ²⁷⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 20.
- ²⁷⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 67. Река Ана, правый приток Абакана, известна под этим названием и ныне.
- ²⁷⁸ Река Ак-Суг (Ак) в начале VIII в. называлась Ак-Тэрмель (С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 67); ее истоки сближаются на водоразделе Саян с истоками Аны.
- ²⁷⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 42; О титуле эльтебер см. I. R. Hamilton. Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955, pp. 97—98.
- ²⁸⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 41.
- ²⁸¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926, стр. 312—313.
- ²⁸² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 38.
- ²⁸³ Там же, стр. 42.
- ²⁸⁴ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 21; Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех, в своем перечне тюркских народов (восходящем к VIII в.) рядом с тюркешами упоминает народ «азгиши», вероятно, это «аз киши» (т. е. люди азы — ср. хангакиши). Азгишей знают Махмуд Кашгарский (XI в.) и Идриси (XII в.). См. МИИТ, т. I, стр. 144—145, 222 и 593. Тюркешское племя азов упоминают под именем А-си в конце X в. и китайцы. См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., т. II, стр. 363.
- ²⁸⁵ Среди древних юсчей были асы, во II в. до н. э. пытеснившие из Семиречья саков (Ю. А. Зуев. К этнической истории усуней. ТИИАЭ, вып. 8. Алма-Ата, 1960, стр. 16, 17, 20; Ср. «Artibus Asiae», XII, 4, 1949, p. 334). В 433 г. упоминается на южных склонах Золотой горы (Алтая) род жуаньжуаней — асены (см. Н. Пигулевская. Ук. соч., стр. 76, прим. 2); Г. Е. Грумм-Гржимайло предполагал, что азы «одно из динлинских племен», живших на левом берегу Енисей. (См. Г. Е. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., т. II, стр. 312, прим. 3; стр. 363). В связи с этим вспомним кетоязычных асанов на Енисее в XVII в. (Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., Изд-во АН СССР, 1960) и что «тунгусы котлов называют Аза» («Известия иностранных писателей о народах В. России». ИОАНЭ, т. XI, вып. 3. Казань, 1893, стр. 246).
- ²⁸⁶ Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 28; Ср. в XVII в.; Тюркешская и Азкиштынская волости — Б. О. Долгих. Ук. соч., стр. 105—113.
- ²⁸⁷ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 69, прим. 66; ср. также род азык или ассык у киргизов Тянь-Шаня, возможно, происходящий от тюркешей.
- ²⁸⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 20, 40—41; А. Херрман помешал чиков неопределенно к северу-западу от Селенги и к югу от Кема А. Неггман. Atlas of China. Cambridge, 1935, Nos. 34—35, Fus—2.
- ²⁸⁹ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 222 и 229.
- ²⁹⁰ Там же, стр. 350—357.
- ²⁹¹ «Ю-ян цацзу», глава 4, стр. 2 (VIII век); W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften. Zweite Folge, S. 40.
- ²⁹² Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 98—100.
- ²⁹³ Там же, рис. 3.
- ²⁹⁴ Ю. А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств, стр. 132.
- ²⁹⁵ В связи с вышеизложенным никак нельзя согласиться с Ю. А. Зуевым (Ю. А. Зуев. Тамги лошадей

- из вассальных княжеств, стр. 103—104), восстанавливающего цзе-гу как «киркут», якобы вариант от «кыргыз». Это противоречит тому источнику, который он разбирает. Ошибочно и его сопоставление на стр. 113. На стр. 124. Зуев правильно указывает, что «в цзе-гу хронисты долго не узнавали цзянь-кунь», т. е., будучи знакомы с истиной, китайские историки «долго» различали между собой чиков и кыргызов. Известно, что путать их источники начали лишь после 840 г., когда после разгрома уйгур, чики Тувы попали под власть древних хакасов («кыргызов»), часть которых переселились в Туву. Отметим здесь же, что китайское цигу считал транскрипцией термина чики уже Г. Е. Грумм-Гржимайло. (Г. Е. Грумм-Гржимайло. Ук. соч., т. II, стр. 311). Характерно, что в другой своей работе Ю. А. Зуев (см. Ю. А. Зуев. Термин «кыркун». «ТИИ АН Кирг. ССР», т. IV. Фрунзе, 1958, стр. 172), опираясь на тексты Таншу и Цзычжитунцзянь, убедительно показал, что хакасов или гяньгуней «ошибочно называли Цзе-гу».
- ²⁹⁶ Ю. А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств, стр. 97 (при этом о лошадях цзе-гу говорится совместно с гулиганскими и разъясняется: «На гулиганских лошадях похожи лошади (племени) цзе-гу; разница в малом».
- ²⁹⁷ И. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 301, 339—350.
- ²⁹⁸ Там же, стр. 347; Ю. А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств, стр. 104.
- ²⁹⁹ И. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 22; Liu Ma u-t-sai. Op. cit., I, S. 6.
- ³⁰⁰ V. Minorsky. Hudud al-Alam. «The regions of the World» a persian geography. London, 1937, pp. 98—99 (область чигилей «по своему происхождению относится к карлукам»). Ср. сведения Махмуда Кашгарского XI в. (МИТТ, т. I, стр. 311.); Ср. у Ауфи (XIII в.) о карлуках: «имеется девять родов (их): три чигили...» и т. д. (А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М., 1961, стр. 14—16).
- ³⁰¹ A. von Gabain. Buddhistische Türkmission. «Asiatica», Leipzig, 1954.
- ³⁰² V. Minorsky. Op. cit., pp. 98—99.
- ³⁰³ Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. «Уч. зап. ХННИИЯЛИ», т. VIII. Абакан, 1960, стр. 64.
- ³⁰⁴ V. Minorsky. Op. cit., p. 97.
- ³⁰⁵ Н. А. Баскаков. Ук. соч., стр. 28. «Чигат» — термин с монгольским суффиксом множественного числа, т. е. «чики».
- ³⁰⁶ С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в ойротии. Л., 1936, стр. 36.
- ³⁰⁷ Напомним, что на рубеже III—II вв. и в середине I в. до н. э. через Туву прошли с юга на север и тюркоязычные гяньгуни-кыргызы.
- ³⁰⁸ Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы, стр. 89—95.
- ³⁰⁹ В. П. Алексеев. Материалы к антропологии Западной Тувы. ТТКАЭЭ, т. I, стр. 297, 310.
- ³¹⁰ И. А. Ключкин. Новые данные о племени тардусей и толисов. «Вестн. Дальневосточного отделения АН СССР», № 1—2. Владивосток, 1932.
- ³¹¹ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», III—IV. СПб., 1896, стр. 341.
- ³¹² Г. Н. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. СЭ, т. III. М.—Л., 1940.
- ³¹³ О семантике тува-туба-дубо см. Г. В. Ксенофонтов. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. т. I. Иркутск, 1937, стр. 62—64.
- ³¹⁴ И. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 339—348 и 354; Liu Ma u-t-sai. Op. cit., I, SS. 127—128; ср. В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 14.
- ³¹⁵ Liu Ma u-t-sai. Op. cit., I, S. 47.
- ³¹⁶ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 263—264, 339—340; ср. Liu Ma u-t-sai. Op. cit., I, S. 155, 208.
- ³¹⁷ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 265.
- ³¹⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 20.
- ³¹⁹ С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 20; его же. Памятники древнетюркской письменности, стр. 38—39, 41, 66—67.
- ³²⁰ С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 42.
- ³²¹ «Всемирная история», т. III, стр. 36—37, 126—128; «Очерки истории СССР» (III—IX вв.), стр. 385—388; «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955; С. В. Киселев. Ук. соч., т. 4, 48—491.
- ³²² И. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230.
- ³²³ Феофилакт Симокатта. История, стр. 161.
- ³²⁴ И. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230.
- ³²⁵ «Византийские историки», стр. 376.
- ³²⁶ БСЭ, изд. II, т. 2, стр. 141; Это подтверждает Гардизи (XI в.), упоминая Ок-таг в стране кимаков. В. В. Бартольд, переводя Гардизи, правильно полагал, что Ок-таг — это то же, что Эктаг византийцев, т. е. Алтай. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью, стр. 107.
- ³²⁷ И. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 263.
- ³²⁸ По ат-Табари (под 737 г.): «У хаkana были заповедные луг и гора, к которым никто не приближался и не охотился там» (С. Волин. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине реки Талас и смежных районах. ТИИАЭ, т. 8. Алма-Ата, 1960, стр. 76; Ю. А. Зуев. Китайские известия о Суйбе, стр. 89, 91). Ср. у Махмуда Кашгарского XI в.: «Коруг-луга, травянистые поля, в которых пасется эмирский скот. Огороженная, охраняемая от чужих зеленая площадь» (Mahmud Kaşğari. Divānu lughat-it-türk terecimesi. Istanbul, 1939).
- ³²⁹ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., ИВЛ, 1961, стр. 186 и 189.
- ³³⁰ И. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 301.
- ³³¹ И. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 229; Liu Ma u-t-sai. Op. cit., I, S. 9.
- ³³² Liu Ma u-t-sai. Op. cit., I, S. 194.
- ³³³ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 294.
- ³³⁴ С. А. Токарев. Ранние формы религии, стр. 305.
- ³³⁵ О буддизме тугю см.: Liu Ma u-t-sai. Op. cit., SS. 461—463; A. V. Gabain. Buddhistische Türkmission. «Asiatica». Leipzig, 1954.
- ³³⁶ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг.; Л. П. Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961; W. Fuchs. Hueich'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726. SPAW, XXX, 1938.
- ³³⁷ И. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 249, 256.
- ³³⁸ «Византийские историки», стр. 379.
- ³³⁹ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 230.

К ГЛАВЕ III

¹ Liu Ma u-t-sai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Tu-küe). I. Wiesbaden, 1958. SS. 350—351; И. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние

времена, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 213—219 и 301—308.

² Ю. А. Зуев. Киргизская надпись из Суджи. «Советское востоковедение», 1958, № 3; I. R. Hamilton. Les Ouighours a l'epoque des cinq dynasties d'apres les documents Chinois. Paris, 1955, p. 160.

³ E. G. Pulleyblank. A Sogdian Colony in Inner Mongolia. *Toung Pao*, XXXI, 1952; E. G. Pulleyblank. The Background of the Rebellion of An Lu-Shan. London, 1955.

⁴ См. Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). «Уч. зап. ТНПИАЛ», т. 8. Кызыл, 1960; его же. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.). В кн.: «История Тувы», т. I. М., «Наука», 1964.

⁵ G. I. Ramstedt. Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongolei. *Journal de la Société Finno-ougrienne*, XXX, 3. Helsinki, 1913; его же. Как был найден Селенгинский камень. ТТСКОРГО, т. XV, I. СПб., 1914; его же. Перевод надписи Селенгинского камня. ТТСКОРГО, XV, I, СПб., 1914; новый перевод см. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.

⁶ Кыргызы VI—XII вв. являлись лишь родовой этнической группой в составе древних хакасов. Так как эта группа занимала руководящее положение у хакасов (из числа кыргызов выходили ханы, беги и т. д.), то некоторые источники всех хакасов называли просто кыргызами. Кыргызами называет хакасов и памятник Моюн-чура. Обоснование см. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха и истории Хакасско-Минусинской котловины. Изд-во МГУ, 1960, стр. 188—191 и см. здесь главу IV.

⁷ Свидетельством тому являются до сих пор сохранившиеся в северо-западной Монголии топонимы. Например, стекающий с хребта Сайлюгем, левый приток р. Кобдо, река Уйгурынгол («Уйгурская река») с пос. Уйгур на ней.

⁸ С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 41; титул «тутук» от китайск. «дуду» — в эпоху Тан: генерал-губернатор провинции (см. О. Н. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., ИВЛ, 1963, стр. 27; A von Gabain. *Altürkische Grammatik*. Leipzig, 1950, S. 345); титул «тархан» известен позднее у Махмуда Кашгарского (XI в.): «Хаканы правителей подчиненных себе пилайетов называли таркан»; см. Х. Х. Асанов. Ценный источник по топонимике Средней и Центральной Азии. В сб.: «Топонимика Востока». М., ИВЛ, 1962, стр. 33; о титуле «ышбара» см. С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., «Наука», 1964, стр. 113.

⁹ В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 15.

¹⁰ F. Hirth. Nachwort zur Inschrift des Tonjukuk; W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge. SPb., 1899.

¹¹ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы. ВМУ, серия IX, история, 1964, № 4, стр. 67—78.

¹² Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3, стр. 66—75, рис. 1—4.

¹³ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы, стр. 67, 68, 74; С. П. Вайнштейн. Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве (Предварительное сообщение по материалам археологических исследований 1957—1958 гг.). «Уч. зап. ТНПИАЛ», т. VII. Кызыл, 1959 (Датировку, отнесение памятников к уйгурам и историю вопроса С. П. Вайнштейн взял из наших докладов и отчета, к сожалению, без ссылок).

¹⁴ П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959; В. А. Шишкин. Варахша. М., «Наука», 1963, стр. 16, 25—27, 30; С. Г. Агаджанов. Из истории огузотуркменских племен раннего средневековья. «ИАН Туркменской ССР», 1959, № 2, стр. 35; МИИТ, стр. 165, 350.

¹⁵ С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2; К. В. Вяткина. Монголы МНР. «Восточно-азиатский этнографический сборник». ТИЭ, новая серия, т. 60, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 251; ее же. Археологические памятники в Монгольской Народной республике. СЭ, 1959, № 1, стр. 103—104; Палладий. Путевые записки китайца Чжан Дэ-хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия. ЗСОРГО, тт. IX—X. Иркутск, 1867, стр. 583, 588—589.

¹⁶ Может быть, уйгурским является квадратное глинобитное здание размерами 5,7×5,7 м со стенами 0,7 см толщиной и 3,5 м высотой без окон и дверей, с разрушенной северной стеной, которое стоит на берегу Манчурека прямо на Арбатской тропе, примыкая к развалинам каменной стены, запирающей долину. Его видел в 1885 г. Д. А. Клеменц (СТОЭ. I. СПб., 1892, стр. 21) и со слов русских купцов описал в 1888 г. П. Р. Аспелин (см. П. Appelgren—Kivalo. *Altaltaische Kunstdenkmäler*. Helsingfors, 1931, S. 38.). О крепости Пор-Бажин на оз. Тере-Холь теперь можно сказать, что она не имеет отношения к уйгурскому периоду и сооружена в более позднее время. Свидетельством тому является архитектура, строительные приемы и материалы, обнаруженные при раскопках. Заключение С. П. Вайнштейна о дате крепости и ее строителе ошибочно (С. П. Вайнштейн. Древний Пор-Бажин. СЭ, 1964, № 6).

¹⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 67.

¹⁸ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы, рис. 1—4.

¹⁹ Это первая находка танского отвала в археологическом памятнике Южной Сибири. Все до сих пор известные были найдены случайно. См. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 570 и табл. 53—2; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 82—85; В. П. Левашев. Пя далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 46—47.

²⁰ 36 курганов (25 раскопаны Л. Р. Кызласовым в 1958—1960 гг. и 11 С. А. Теплоуховым в 1927 г.) исследованы в могильниках Чааты I (30) и Чааты II (6). Диаметры курганов от 6 до 17 м при высоте 0,1—0,8 м. Под ними обнаружены 31 катакомба и 8 обычных ям. В катакомбах обнаружено 8 гробов (для мужчин 4, женщин — 2 и детей — 2), в ямах — ни одного. Инвентарь всюду однокультурен.

²¹ Глубина пола катакомб от 0,9 до 3,5 м. Размеры камер от 1,6×0,9 до 2,5×2 м при высоте от 0,5 до 1,5 м. Размеры обычных ям от 1,7×1,3 до 2,5×1,5 м и глубиной 0,8—1,8 м.

²² В 36 курганах захоронено 50 скелетов: 17 мужчин, 15 женщин, 1 (неопределенный взрослый) и 17 детей. Из них 40 — в катакомбах (13 мужчин, 12 женщин, 14 детей и 1 неопределенный взрослый) и 10 скелетов — в ямах (4 мужчины, 3 женщины, 3 ребенка).

²³ На север — 14, на северо-восток — 10, на северо-запад — 2, на восток — 8, на запад — 7, на юг — 3, на юго-восток — 2 и неопределенно — 4 (погребения детей). В 29 курганах — одиночные погребения, в 4-х — парные (женщина с ребенком, двое детей — 2 раза, один раз — мужчина с женщиной), в 3-х — по три скелета в одной могиле (мужчина и двое детей, трое де-

тей — 2 раза). В насыпях двух курганов оказались еще дополнительные парные погребения детей.

²⁴ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы, рис. 5 и 6. В трех курганах (Чааты I № 5, № 62 и Чааты II № 79) не оказалось никаких предметов.

²⁵ Всего в погребениях обнаружено 43 сосуда. Из них 7 ваз сделаны на кругу, а остальные лепные. В 14 могилах оказалось по 1 сосуду, в 13 — по два, в одном погребении — 3 горшка. В курганах № 3, 4, 5, 19, 62(22), 79 — сосудов не было.

²⁶ Предварительные антропологические определения принадлежат В. П. Алексееву. Ср. Л. В. Ошанин. К проблеме этногенеза уйгуров; Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953; В. П. Алексеев. Основные этапы истории антропологических типов Тувы. СЗ, 1962, № 3.

²⁷ В Куче (Восточный Туркестан) в VII—IX вв. деформировали головы младенцев. См. Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. II. М.—Л., 1950, стр. 296.

²⁸ С. А. Теплоухов раскапывал курганы колодезем и им не замечены были жертвенники в II курганах. Наши провальные раскопки показали, что и в этих курганах были жертвенники.

²⁹ Диаметр курганов 6 м, ямы круглые (диаметр 1,3 м) или овальные (0,9×0,4), глубиной 0,7—0,9 м; скелеты овец положены головой на юг или запад (Ак-Довурак, 1957, № 1 и № 4). См. С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. «Уч. зап. ТИИЯЛИ», т. VI. Кызыл, 1958, стр. 224.

³⁰ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 215—216; Аналогичные курганы с погребением лишь скелета овец раскапывал на Алтае В. В. Радлов (см. ТГИМ, I. М., 1926, стр. 100).

³¹ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы, стр. 71—73; Ю. Д. Талько-Гришневич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, IV, ТТСКОРГО, т. III, вып. I. Иркутск, 1902, стр. 53 и табл. XI.

³² В восьми пунктах по неопубликованным данным Г. П. Сосновского (Архив ЛОИА, ф. 42, д. 235, л. 18).

³³ К. С. Гришин. Древние памятники среднего течения р. Онона. «Монгольский археологический сборник», М., Изд-во АН СССР, 1962, рис. 38—8.

³⁴ В. Л. Котвич. Поездка в долину Орхона летом 1912 года. ЗВОРАО, XXII, 1—2. СПб., 1914; коллекция хранится в Гос. Эрмитаже (МР № 2655—2960).

³⁵ С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 93—95.

³⁶ «Каогу Сюэбао», 1959, № 2, стр. 95—100.

³⁷ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 312—313.

³⁸ «Каогу», 1963, № 1, стр. 22; «Каогу», 1964, № 6, табл. 9—5.

³⁹ «Каогу», 1962, № 3, рис. 6.

⁴⁰ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 1960, № 88, стр. 18; его же. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. «ИАИ Казахской ССР», № 67, серия археол., 2. Алма-Ата, 1949, стр. 37.

⁴¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 588—590, и табл. 54.

⁴² С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 54. Что имел в виду автор под «севером Сибири», мне неизвестно.

⁴³ Л. А. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее. «Сборник статей по археологии СССР», ТГИМ, т. VIII. М., 1938; ее же. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов).

⁴⁴ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы, стр. 71, рис. 5.

⁴⁵ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. стр. 161—166.

⁴⁶ Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. В сб.: «Северная Монголия», т. II. Л., 1927, стр. 64—65, табл. II, 5; Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 50—51, 162, 164, рис. 15, 2.

⁴⁷ Такое же лощение, однако, имеют кувшины и пифосы салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв. См. С. А. Плетнева. Керамика Сархела-Белой Вежи. МИА, 1959, № 75.

⁴⁸ Ср. Г. П. Сосновский. О поселении гуинской эпохи в долине р. Чихоя. КСИИМК, вып. XIV. М., Изд-во АН СССР, 1947, рис. 25; Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, табл. I, 4.

⁴⁹ Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади. СА, 1946, VIII, рис. 13.

⁵⁰ А. В. Давыдова. Иволгинское городище. СА, 1956, XXV, рис. 1; Х. Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии. СА, 1957, № 3, стр. 44—45.

⁵¹ А. П. Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству. «История Якутской АССР», т. I. М.—Л., Изд-во АП СССР, 1955, стр. 298—300, рис. 80.

⁵² А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента. МИА, 1958, № 66, рис. 42.

⁵³ М. Х. Садыкова. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959, табл. III, рис. 15 и 18.

⁵⁴ М. П. Грязнов. Раскопки на Алтае. СГЭ, вып. I. Л., 1940, рис. 7; его же. История древних племен Верхней Оби. МИА, 1956, № 48, табл. 62, 8; А. Ф. Медведев. Оружие Повгорода Великого. МИА, 1959, № 65, стр. 139—144, рис. 8—10.

⁵⁵ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, табл. II, 12, 13, 54, 125, 126; Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2, рис. 14, 2—5.

⁵⁶ Б. Я. Владимирцов. Занятия памятниками старины. Сб. «Северная Монголия», т. II. Л., 1927, рис. 1, 1.

⁵⁷ А. П. Окладников. Остатки бохайской столицы у г. Дунцинчэн на р. Муданцзян. СА, 1957, № 3, рис. 6, 2.

⁵⁸ А. П. Окладников. Якутия до присоединения к русскому государству, рис. 80, 8.

⁵⁹ Ф. Х. Арсланова. Бобровский могильник. «ИАИ Каз. ССР», серия обществ. наук, 4. Алма-Ата, 1963, табл. II, 7.

⁶⁰ А. М. Беленицкий. Ук. соч., рис. 36—6.

⁶¹ В. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии. «Архитектурное наследие», вып. 3. М., 1953; Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. ТКАЭЭ, т. II. М., 1959.

⁶² У тюрков Алтая в VII—VIII вв. известны параболоидные котлы на полом поддоне. См. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, табл. 50, 23.

⁶³ См., например, Л. Р. Кызласов. Ук. соч., рис. 51, 1.

⁶⁴ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften III. SPb., 1895; O. Hansen. Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XLIV, 3. Helsingfors, 1930.

⁶⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 43.

⁶⁶ М. П. Грязнов. Раскопки на Алтае, стр. 17—18; П. П. Терехова. Погребальные конструкции эпохи Хань в Китае. СА, 1959, № 3.

⁶⁷ С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения, как памятники местной куль-

туры. СА. XXVI, 1956; П. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. В сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963; «Каогу Сюэбао», 1950, № 5.

⁶⁸ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), рис. 112, стр. 61—62.

⁶⁹ Раскопки (д. Юпитер, к. № 4) С. С. Черникова, 1954; см. «Очерки истории СССР, III—IX вв.», М., Изд-во АН СССР, 1958, рис. на стр. 386 (дата в подписи неверна).

⁷⁰ Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. В сб.: «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, рис. 15, стр. 87—88; А. Мордухай-Болтовский и Б. Дублицкий. Курганы скифского типа, вскрытый осенью 1928 г. Алма-Атинским окружным музеем. Алма-Ата, 1928 (указанная дата кургана неверна).

⁷¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. МИА, 1952, № 26, стр. 81—82, рис. 69; А. К. Кибиринов. Археологические работы на Центральном Тянь-Шане. ТКАЭЭ, т. II, М., 1959, стр. 130—131, рис. 27.

⁷² Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951; А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 84, рис. 46; Д. Ф. Винник. Ук. соч., стр. 83—86.

⁷³ А. К. Кибиринов. Ук. соч., стр. 114—117, 127—128, 131—133 (Турасу, к. № 17—19; Чонтобо, к. № 2; Атбани, к. № 1, и др.).

⁷⁴ Там же, стр. 114, рис. 18 (Турасу, к. № 6).

⁷⁵ Путешествия в восточные страны Илано Карпини и Рубрика. М., Географиз, 1957, стр. 32, 200; В. Г. Тилленгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М., Л., 1941, стр. 116; Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 89, А; табл. III, Б.

⁷⁶ Г. Г. Гульбин. Погребение у желтых уйгуров. Сб. МАЭ, т. VII, Л., 1928.

⁷⁷ Уйгуры-мусульмане также хоронили и подбос головой на север. М. П. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ПОИАЭ, т. XII, вып. 2. Казань, 1894, стр. 138.

⁷⁸ Диаметры насыпей от 4 до 9 м при высоте 0,2—0,8 м. Размеры ям от 1,5×1,8 до 1,8×2,4 м, глубиной от 0,6 до 1,3 м.

⁷⁹ Г. П. Боровка. Ук. соч., стр. 73—75 (дата ошибочна); Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в., стр. 207—216, 224.

⁸⁰ С. С. Черников. К изучению древней истории Восточного Казахстана. КСИИМК, вып. 69, М.—Л., 1957, стр. 18—20; М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. ТИИАЭ, 7. Алма-Ата, 1959, стр. 184—186 (дата ошибочна); Н. В. Синицын. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, вып. 32, М.—Л., 1950, стр. 109—112.

⁸¹ А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 81—83; Л. П. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле. ТКАЭЭ, т. II, М., 1959, стр. 146—147 и 153—154.

⁸² Мне известно 8 курганов: 6 с восточной ориентировкой: МТ-57-XXVI, МТ-57-XXXVII, МТ-58-Х, раскопки А. Д. Грача и Ак-Тургун, 1957, № А—Г; Кокзель, 1959, № 6 (раскопки С. П. Вайнштейна); Аскы-Барлык, 1959, № 1 (доследован сотрудниками музея г. Кызыл); 2—с юго-восточной: Бай-Даг, 1927, № 72 и 75 (раскопки С. А. Теплоухова); А. Д. Грач ошибочно датировал VII в. курган МТ-57-XXVI (см. А. Д. Грач. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-напа. СЭ, 1958, № 4).

⁸³ Бай-Даг, 1927, № 72.

⁸⁴ МТ-57-XXXVII. У барана найдены узды и пряжки.

ка подпруги. Баран вместо коня положен и в синхронное тюркское погребение на Тянь-Шане (Аламышик, к. № 69). См. А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 81—82.

⁸⁵ Liu Ma-u-tsai. Op. cit., I, SS. 261—262, 439.

⁸⁶ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 329.

⁸⁷ Мне известны 3 могилы, раскопанные С. А. Теплоуховым: д. Успенская, 1926, № 24—2 и № 25; ур. Чер-Чарык (р. Хемчик), 1926, № 53 (головой на северо-восток). Диаметр курганов от 4,5 до 5 м при высоте 0,1—0,2 м. Ямы от 1,1×0,5 до 2×1,3 м и глубиной 1—1,5 м.

⁸⁸ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, стр. 55—56.

⁸⁹ Л. Успенская, 1926, № 24—2.

⁹⁰ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата, табл. I, рис. 20; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. ТПИМ, т. XVI, М., 1941, рис. 40, стр. 114 и табл. III; С. П. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. «Уч. зап. ТИИИЯЛИ», т. 2. Кызыл, 1954, табл. VIII, 9; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге. ТКАЭЭ, т. I, М., 1960, рис. 34а и стр. 32. В могилах VII—VIII вв. на Алтае и в Туве встречаются два ранних типа подвесных фигурных бляшек, формы которых (с круглыми, овальными и подтреугольными отперстиями) типологически являются предшественниками и прототипами более поздних фигурных блях, имеющих законченную форму и получивших широкое распространение только в VIII—IX вв. Нигде те и другие не встречены в одном памятнике, и это подтверждает их разновременность. См. об этом рецензию Л. Р. Кызласова в СА, 1964, № 1, стр. 352.

⁹¹ «Чуйская долина». Труды Семиреченской археологической экспедиции, МИА, 1950, № 14, табл. 41, 9; Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. ТКАЭЭ, т. II, М., 1959, рис. 45, 8 и 15; С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, табл. II, 47; Ю. Д. Талько-Грицевич. Материалы к палеоэтнографии Забайкалья, IV, табл. VI; ОАК за 1913—1915 гг., рис. 274, стр. 220; Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, табл. I, 80 и табл. II, 32.

⁹² Диаметры округлых курганов от 4 до 10,5 м при высоте 0,2—0,85 м. Ямы от 1,2×0,7 до 2×1,8 м при глубине 0,3—1,5 м. Мне известно 16 курганов: ур. Салдам, 1915, № 2; ур. Танам (р. Бий-Хем), 1916, № 23 и № 24—1; Уюк-Тарлык, 1916, № 46; ур. Коктон, 1916, № 54 (раскопаны А. В. Адриановым); ур. Булук, 1926, № 6; д. Успенская, 1926, № 24—1; Бай-Даг, 1927, № 80—1; пады Кызыл-Булук, 1929, № 141; р. Морой, 1929, № 142; с. Уюк, 1929, № 156 (раскопаны С. А. Теплоуховым); р. Эжим, 1955, № 1, и р. Он-Кажая, 1962, № 1 (раскопаны Л. Р. Кызласовым); МТ-57-IX, XXXI, XXXII (раскопаны А. Д. Грачом).

⁹³ Салдам, 1915, № 2.

⁹⁴ Коктон, 1916, № 54; см. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. СА, 1960, № 3, стр. 98—99, рис. 1—2.

⁹⁵ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 13—14.

⁹⁶ Коктон, 1916, № 54—см. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 98—99, рис. 1—2.

⁹⁷ Л. Р. Кызласов. Тува в составе уйгурского каганата, стр. 153; см. Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, МИА, 1952, № 24. (изваяния № 36, 37, 40, 42—44, 50—57, 61—63). А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., ИВЛ, 1961 (№ 43 и 55). К 1963 г. мне были известны в Туве 20 фигур этого типа. Какая-то часть их была воздвиг-

нута в IX—X вв. уже в период древнехакасского государства.

⁹⁸ P. Aalto. Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 60. Helsinki, 1958, SS. 82—83. Определение этнической принадлежности изваяний мое.

⁹⁹ A. von Le Coq. Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, III. Berlin, 1924, tab. 14, 17.

¹⁰⁰ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 7.

¹⁰¹ Там же, рис. 51; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. 2. СПб, 1881, табл. IX 26; его же. Памятники древности в северо-западной Монголии. «Древности». Труды Московского археологического общества, т. II, вып. 2. М., 1886, табл. I, 17.

¹⁰² Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о «каменных бабах», или «балбалах». ЗООИД, вып. 32. Одесса, 1915, табл. VII, 28; Н. И. Пантусов. Древности Средней Азии. Казань, 1902.

¹⁰³ «Каогу», 1960, № 2, стр. 14.

¹⁰⁴ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. «Зап. АИ по ист.-филол. отделению», I, № 4. СПб., 1897, табл. IX, 1—2; X, I; XV, I; В. М. Флоринский. Первобытные славяне, т. II, I. Томск, 1896, табл. VIII, 9; Я. А. Шер. Иконография древнетюркских изваяний. «ИАИ Киргизской ССР», серия общественных наук, V, I. Фрунзе, 1963, табл. III; его же. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., «Наука», 1966.

¹⁰⁵ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62, стр. 207—212; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Изд-во МГУ, 1966.

¹⁰⁶ И. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», III—IV. СПб, 1896, стр. 341.

¹⁰⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 39—42.

¹⁰⁸ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 300 и 347.

¹⁰⁹ Он-уйгуры и токуз-огузы в памятнике Моюнчура; см. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 30, 34; Племенное название «он-уйгур» есть также в манихейской рукописи VIII в. см. A. von Gabain und W. Winter. Türkische Turfantexte IX. Ein Hymns an den Vater Mani auf tocharisch B mit alttürkischen Übersetzung. Berlin, 1958.

¹¹⁰ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 146—147; Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 36; В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 40, 126, 128; А. М. Шербаков. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 12.

¹¹¹ Е. К. Яковлев. Этнографический обзор иногородского населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900, стр. 18—20.

¹¹² Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. СПб, 1893, стр. 3 и 113.

¹¹³ Е. К. Яковлев. Ук. соч., стр. 19; Н. Ф. Катанов. Письма из Сибири, стр. 15 и 113.

¹¹⁴ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 108—109.

¹¹⁵ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957; Э. Р. Тенишев. Этнический и родоплеменный состав народности юйгу. СЭ, 1962, № 1.

¹¹⁶ Э. Р. Тенишев. Ук. соч.

¹¹⁷ А. М. Шербаков. Ук. соч., стр. 25.

¹¹⁸ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., ИВЛ, 1960.

¹¹⁹ Д. А. Клеменц. Археологический дневник поездки в Монголию в 1891 году. СТОЭ, т. II. СПб, 1895, стр. 71.

¹²⁰ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, IV. Материалы этнографические. СПб, 1883, стр. 13; О том, что иные монголы тувинский язык «называют уйгурским», см. А. В. Потафина. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895, стр. 57.

¹²¹ Г. Д. Санжеев. Дархаты. Л., 1930, стр. 2—3.

¹²² Н. Ф. Катанов. Поездка к карагасам в 1890 году. «ЗРГО по отд. этнографии», т. XVII, вып. 2. СПб, 1891, стр. 170.

¹²³ В. Ф. Ладыгин. Этнографический очерк. ЗРГО, № 35, VI. СПб, 1899, стр. 637.

¹²⁴ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 17.

¹²⁵ Б. Ф. Петров. К характеристике почвенного покрова Тувинской автономной области. М., Изд-во АН СССР, 1952.

¹²⁶ В. П. Васильев. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайламе и Карабалгасуне. СТОЭ, т. 3. СПб., 1897, стр. 25.

¹²⁷ К. Маркс. Ук. соч., стр. 21.

¹²⁸ E. Chavannes et P. Pelliot. Un traité manichéen retrouvé en Chine. «Journal Asiatique», II série, I, No. 1. Paris, 1913; Ф. Розенберг. О согдийцах. ЗКВМ, т. I. Л., 1925.

¹²⁹ В. П. Васильев. Ук. соч., стр. 23.

¹³⁰ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 319 и 331.

¹³¹ Опираюсь на чтение и перевод С. Е. Малова (см. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 13—16), который читал текст по оригиналу в Минусинске в 1948 г. Они приняты в специальной литературе (см. А. М. Шербаков. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, стр. 23; С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. ИВ, 1959, № 5, стр. 165—166), хотя некоторые авторы предложили иное чтение и перевод (см. Н. А. Батманов и А. Ч. Кунаа. Памятники древнетюркской письменности Тувы, т. II. Кызыл, 1963, стр. 12).

¹³² Описание кочевнической юрты того времени дано в двух стихотворениях знаменитого тувинского поэта Бо Цюй-и (772—846 гг.). См. Liu Ma-u-t'ai. Op. cit., I, SS. 470—472.

¹³³ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 326. В Туве случайно найдены медные монеты Кайюань тунбао и Дали юаньбао выпуска 769 г. (см. Гос. Эрмитаж, коллекция 5130-4).

¹³⁴ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 314.

¹³⁵ Там же, стр. 323 и 333.

¹³⁶ Liu Ma-u-t'ai. Op. cit., I, S. 456.

¹³⁷ Ibid., S. 453.

¹³⁸ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 324—325.

¹³⁹ Там же, стр. 313, 317, 322.

¹⁴⁰ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 319.

¹⁴¹ Без сомнения, среднеазиатскими являются шелка из тюркских могил VIII—IX вв. в Монголии. См. Г. Н. Боровка. Ук. соч., рис. 7; Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в., рис. 9, 10.

¹⁴² Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы, стр. 73.

¹⁴³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 40.

¹⁴⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 14, 100.

¹⁴⁵ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 3.

¹⁴⁶ См. здесь главу V.

¹⁴⁷ Об этом говорится в хара-балгасском памятнике. См. В. П. Васильев. Ук. соч., стр. 26: «Напав на Гэ-лу (карлуков.—Л. К.) и Ту-фань (тибетцев.—Л. К.), вырвал знамя, рубил головы; преследуя бегущих, достиг до государства Бахэна (Фергана.—Л. К.), захватил народ со скотом и имуществом».

¹⁴⁸ А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX—X вв. ТОВЭ, IV. Л., 1947; A. von Gabain. Das uigurische Königreich von Chotscho (850—1250). Berlin, 1961.

К ГЛАВЕ IV

¹ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. Изд-во МГУ, 1960; его же. К вопросу об этногенезе хакасов. «Уч. зап. ХНПНЛЯЛН», вып. VII. Абакан, 1959.

² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 350—351; Н. В. Кюнер. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. «Уч. зап. ХНПНЛЯЛН», вып. II. Абакан, 1951, стр. 4.

³ Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., ИВЛ, 1961, стр. 281.

⁴ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I.

⁵ Н. В. Кюнер. Китайские известия...

⁶ Г. П. Суируненко. Документы об отношениях Китая с сибирскими кыргызами в источнике IX века «Ли Вэй-гун Хойчан и цинь цзи». «ИАН Киргиз. ССР», серия общественных наук, т. V, вып. I. Фрунзе, 1963.

⁷ В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. ТВОАО, IV. СПб., 1859, стр. 39; Н. В. Кюнер. Китайские историко-летописцы о хакасах. «Зап. ХНПНЛЯЛН», т. III. Абакан, 1954, стр. 140 (61); Ed. Chavannes. Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen. JA, neuvième série, IX, N 3. Paris, 1897, p. 407.

⁸ Н. В. Кюнер. Китайские известия, стр. 25; По данным Б. Карлгрена иероглиф ся в кантонском диалекте до сих пор читается ха, цзя — ка и сы читался ся или цзи (см. В. Карлгрен. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923, No. 136, 346, 807, 811).

⁹ W. Schott. Über die ächten Kirgisen. Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1865, SS. 437, 473.

¹⁰ M. Klaproth. Sur quelques Antiquités trouvées en Sibirie. JA, II, septième cahier. Paris, 1823, p. 9.

¹¹ «Византийские историк», перевод с греческого С. Дестуниса. СПб., 1861, стр. 369.

¹² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 36.

¹³ Н. В. Кюнер. Новые китайские материалы, стр. 4—5; Пакинф (Н. Я. Бичурин). История первых ханов из дома Чингисова. СПб., 1829, стр. 40, 568; W. Schott. Op. cit., SS. 432, 436, 459; M. Klaproth. Op. cit., p. 7; Н. В. Кюнер. Китайские известия, стр. 283—284.

¹⁴ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, SPb., 1895, S. 289. В. П. Васильев. Китайские надписи на Орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. «СТОЭ», 3. СПб., 1897, стр. 25.

¹⁵ Н. В. Кюнер. Китайские известия, стр. 55—60; его же. Новые китайские материалы, стр. 4—5; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, т. I, стр. 350—357.

¹⁶ Впервые мною это высказано в рецензии на книгу Л. П. Потапова. «Очерки по истории алтайцев» (ВН, 1954, № 7).

¹⁷ С. Е. Малов. Ук. соч., стр. 39.

¹⁸ У Бичурина (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 357) здесь ошибочно стоит «хягас», а в оригинале «гянь-гунь», об этом исправлении см. Н. В. Кюнер. Новые китайские материалы..., стр. 10.

¹⁹ В. Григорьев. Об арабском путешественнике Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872, стр. 34; Пакинф (Н. Я. Бичурин). История первых четырех ханов из дома Чингисова, стр. 40; Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингиз-хане. «Восточный сборник», т. I. СПб., 1877, стр. 180.

²⁰ С. В. Бахрушин. Енисейские киргизы в XVII в. «Научные труды», т. III, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 176, 186, 190; Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов, стр. 85—88.

²¹ В. Г. Карцов. К вопросу о классовом расслоении хакасов в середине XIX в. «Уч. зап. ХНПНЛЯЛН», вып. VII. Абакан, 1959, стр. 111—112; Р. Кабо. Очерки истории и экономики Тувы. М.—Л., 1934, стр. 73.

²² См., например, неправомерные исправления редактором Л. П. Потаповым текста написанной мною V главы в «Истории Тувы», т. I. М., Наука, 1964, стр. 138.

²³ W. Schott. Op. cit., S. 442; анализ В. Шотта сохраняет свою силу и поныне: см. L. Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise. Acta Orientalia, I, I. Budapest, 1950, p. 188.

²⁴ «Кысы» у селькупов см. «Известия ЛГУ», вып. II. Л., 1930, стр. 370.

²⁵ Например, в середине VII в. в Китае оказалось так много хакасов, что их владетель просил через послов: «В самом Китае имеется много наших людей. Ныне желаю, чтобы их отпустили на родину» — Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 56.

²⁶ Н. П. Козьмин. Хакасы. Историко-этнографический очерк. Иркутск, 1925.

²⁷ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 7.

²⁸ Н. В. Кюнер. Китайские историко-летописцы о хакасах, стр. 121; ср. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 189, прим. 4 и 6.

²⁹ Н. В. Кюнер. Восточные урянхайцы по китайским источникам. «Уч. зап. ХНПНЛЯЛН», т. VI. Кызыл, 1958, стр. 203.

³⁰ С. В. Киселев. Из древней истории Хакасии. «Советская Хакасия», № 169 (4069), 24 августа 1945 г.

³¹ Н. Г. Доможаков. О некоторых особенностях сагайского и хакасского (качинского) диалектов. «Зап. ХНПНЛЯЛН», вып. IV. Абакан, 1956, стр. 65.

³² Г. П. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. СЭ, III. М.—Л., 1940, стр. 69—74.

³³ Словари 1806 г. Г. П. Спасского. См. Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 289, 303.

³⁴ D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727, t. I. Tagebuchaufzeichnungen 1721—1722. Berlin, 1962, S. 163.

³⁵ П. Ф. Катанов. Поездка к карагасам в 1890 году. «ЗРГО отд. этнографии», т. XVII, вып. 2. СПб., 1891.

³⁶ Л. П. Потапов. Ук. соч., стр. 123—127.

³⁷ По реконструкции В. Н. Казина — «хасха» (см. «Уч. зап. ХНПНЛЯЛН», вып. VI. Кызыл, стр. 200); по транскрипции Е. Н. Кыянова — «хэсыхэ». («ИАН Киргиз. ССР», серия обществ. наук, т. V, вып. I. Фрунзе, 1963, стр. 61).

³⁸ Впервые это высказано мною в диссертации «Таштыкская эпоха». М., 1953 и в рецензии на книгу Л. П. Потапова, «Очерки по истории алтайцев» (ВИ, 1954, № 7, стр. 151).

³⁹ Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов, стр. 73—74; А. П. Дульзон. Дорусские топонимы Средней Сибири. «Вопросы географии», сб. 70. М., Изд-во 1966.

⁴⁰ Здесь я не касаюсь вопроса о центральноазиатских «киргизах», появившихся на территории Монголии в XIII—XIV вв., на землях захваченных древними хакасами в 840—847 гг. Их происхождение определил еще Абул-Гази, по данным которого в монгольскую эпоху настоящих кыргызов оставалось мало и их именем стали называть себя племена другого происхождения (см. Абул-Гази. Родословное древо тюрков, перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 38: «В наше время очень не много людей из этого рода. Монголы и другие племена, истребив кыргызов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя кыргызов. Они сами знают, из какого они рода»). Ср. у Рашид-ад-дина о «монголах» и «татарах». Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 102—103.

⁴¹ Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930; V. Mi-por-sky. Hudud al-'Alam. «The regions of the World» a persian geography. 372 A. H.—982 A. D. London, 1937.

⁴² В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 21.

⁴³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, № 1, стр. 12.

⁴⁴ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 322—323; Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 49; А. И. Бернштам. Очерк истории гуинов. Изд-во ЛГУ, 1951, стр. 221, 222, 227.

⁴⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 220—296; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как исторический источник. М., «Наука», 1964, стр. 103—111; Л. Н. Гумилев. Удельно-лествичная система у тюрков в VI—VIII вв. СЭ, 1959, № 3. Liu Mau-t'ai. Die chinesische Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (Tu-kü). Wiesbaden, 1958.

⁴⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 301, 308, 325; П. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 33, 36, 37; Ср. Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 146 («группе родственников, которая была в тесном согласии с ним он дал имя уйгур... и это имя обобщили со всей той группой и отраслю их потомков и их родом»). См. I. R. Hamilton. Les Ouighours a l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris, 1955, p. 160; J. Vascot. Reconnaissance en Haute Asie septentrionale par cinq envoyés ouïgours au VIIIe siècle. JA, 1956, CCXLIV, f. 2; G. Clauson. A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283. JA, 1957, CCXLV. Род яглакыр есть и у современных уйгуров, см. Э. Р. Тенишев. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу. СЭ, 1962, № 1.

⁴⁷ «Очерки истории Китая», под редакцией Шан Юэ. М., ИВЛ, 1959, стр. 305—306.

⁴⁸ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 77 и 102; ср. Е. Н. Кычанов. Чжурчжен в XI в. «Сибирский археологический сборник». Новосибирск, 1966, стр. 270.

⁴⁹ Сходные обычаи были, впрочем, и у славян. Так, академик М. Н. Тихомиров, объясняя распространение термина «Русь» на все Киевское государство, писал: «Наиболее обычным был, как известно, порядок, когда название небольшого племени становилось названием целого народа, как например, чехов и поляков». М. Н. Тихомиров. Происхождение названия

«Русь» и «Русская земля». СЭ, VI—VII. М.—Л., 1947, стр. 62.

⁵⁰ С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936, стр. 44—64.

⁵¹ С. В. Бахрушин. Енисейские киргизы в XVII в., стр. 176.

⁵² С. А. Токарев. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в. «Сибирский этнографический сборник», I. ТИЭ, новая серия, XVIII, 1952, стр. 134—135; В. Г. Карцов. К вопросу о классовом расслоении хакасов в середине XIX в. «Уч. зап. ХПИИЯЛП», вып. VII. Абакан, 1959, стр. 111—112; ср. Р. Кабо. Ук. соч., стр. 73.

⁵³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 334, а также ср. стр. 73, 351, 355, 356; ср. Г. П. Супруненко. Ук. соч., стр. 74; Н. В. Кюнер. Китайские известия, стр. 55, 281—282. Дело в том, что Ли Лин и императоры династии Тан происходили из одной фамилии Ли. Дом Ли Лина обнаружен и исследован в 8 км от города Абакана, см. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 479—484; ср. Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, стр. 163—164.

⁵⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков; Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности. СА, 1965, № 3.

⁵⁵ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 594—596; его же. Древнехакасский «эль». «Зап. ХПИИЯЛП», вып. I. Абакан, 1948.

⁵⁶ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. стр. 41, 84—85; G. I. Ramstedt. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. Journal de la Société Finno-ougrienne, XXX, Helsingfors, 1913; П. А. Баскаков. Три рунические надписи из с. Мендур-Соккон Горно-Алтайской автономной области. СЭ, 1966, № 6, стр. 80.

⁵⁷ «Хакасы», «древнее царство хакасов», «хакасская империя», «хакасское государство» — так писали в XIX и XX вв. многие ученые, знавшие китайские источники. Так пишут и современные китайские историки — ср. «Очерки истории Китая», стр. 241 и 355.

⁵⁸ Ср. у Абу-Абдаллаха ал-Хорезми (X в.) «Хакан — главный царь тюрков. Хан — предводитель. Хакан — это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому, как персы говорят Шахانشах» (МИТТ, т. I, стр. 218).

⁵⁹ В. П. Васильев. Китайские надписи..., стр. 25. O. Hansen. Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun. «Journal de la Société finno-ougrienne», XLIV, 3. Helsingfors, 1930, SS. 19—20.

⁶⁰ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 355.

⁶¹ Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. «Уч. зап. ХПИИЯЛП», вып. VII. Абакан, 1960.

⁶² С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2, стр. 93—95; В. Л. Котвич. Поездка в долину Орхона летом 1912 года. ЗВРАО, т. XXII, 1—2. СПб., 1914.

⁶³ А. Ю. Якубовский. Арабские и персидские источники об уйгурском Турфанском княжестве в IX—X веках. «ТОВЭ», т. IV. Л., 1947; A. Gabain. Das uigurische Königreich von Chotscho (850—1250). Berlin, 1961.

⁶⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 334 и 337—338.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Туны. СА, 1959, № 3.

⁶⁷ Н. Я. Бичурин. Собрание сочинений..., т. I, стр. 356.

⁶⁰ Г. П. Супруненко. Ук. соч.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 85.

⁷² Вероятно, древнехакасским (с трупосожжением на горизонте) является курган, разрушенный дорогой у г. Текели в Джунгарском Алатау. Из него происходит хакасский инвентарь X в. См. Е. Агеева, А. Джусупов. Интересная находка. «Уч. зап. Каз. гос. ун-та», т. 54, серия историческая, вып. 12. Алма-Ата, 1963.

⁷³ Цзю Таншу, гл. 174.

⁷⁴ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 16—20; V. Minorsky. Op. cit., pp. 96, 98.

⁷⁵ В. П. Васильев. Китайские надписи..., стр. 28 и 29, примечание I.

⁷⁶ В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII веков. ТВОРАО, ч. IV. СПб., 1859, стр. 39; Ed. Shavanes. Op. cit., p. 404.

⁷⁷ В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 21.

⁷⁸ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. СПб., 1897, стр. 109—110.

⁷⁹ Так назывались Саяны и в древнетюркских надписях VIII в.—ср. в памятнике Кюль-Тегина (17, 35) и Тоньюкука (3, 23, 28). См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Гора Кбгмен упоминается и в уйгурских маньчжеских текстах из Хочо (X—XIII вв.) (А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 154).

⁸⁰ Следует учесть, что это путь верблюжьего каравана с остановками для выпаса скота, отчего и акцентируется внимание на пастбищах и хороших источниках. По упоминанию Манбеклу (Монгун-Ола) можно полагать, что Танну-Ола караваны проходили через перевал Хундургуи, т. е. у современного поселка Хандагайты. От Хандагайты (по рекам Чадану, Ак-Сугу и далее по Арбатской тропе) до перевала через Саянский хребет расстояние около 200 км. Из этого можно заключить, что проходили в среднем 50 км в день.

⁸¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 110. Из приведенного выше расчета караван за 7 дней должен был пройти 350 км, что как раз соответствует расстоянию от перевала через Саяны в верховьях р. Тебе до слияния Черного и Белого Июсов.

⁸² И. В. Кюннер. Новые китайские материалы, стр. 12; хакасы (хя-кя или ся-гэ) упоминаются как живущие к северо-западу от киданей в рассказе Ху-цзяо от 953 г. (см. В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века; Ed. Shavanes. Op. cit., p. 407).

⁸³ Ц. Дамдинсүрэн. Исторические корни Гэсэрнада. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 62 и 70.

⁸⁴ В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 27; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 78—79.

⁸⁵ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 135, 137, 150.

⁸⁶ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 112 и 250.

⁸⁷ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 74, 123, 150.

⁸⁸ Остатки городов, отнесенные Л. Р. Кызласовым в предварительном сообщении (Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3) к концу XII и началу XIII в., как выяснено им же, относятся к XIII в. и связаны не с каракитаями, а с культурой монгольского периода. См. Л. Р. Кызласов. Городище Дён-Терек. В сб.: «Древнемонгольские города». М., «Наука», 1965.

⁸⁹ Синь Таншу (XI в.): «Обвертывают тело покойника в три ряда и плачут, а потом сжигают его, соб-

ранные же кости через год погребают» (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 353). Тайпинхуань-юйцзи (X в.): «Сжигают покойника и берут его кости; когда пройдет год, тогда делают могильный холм». (Н. В. Кюннер. Китайские известия..., стр. 60). Худуд ал-Алам (X в.): «Они почитают огонь и сжигают мертвых». (V. Minorsky. Op. cit., p. 96.) Гардизи (XI в.): «Киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых, и говорят: «Огонь — самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов». (В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 111). Марвази (XII в.): киргизы «имеют обычай сжигать мертвых, утверждая, что огонь их очищает» и добавляет, что «это есть их древний обычай» (V. Minorsky. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China the Turks and India. London, 1942, p. 30; (Ал-Идриси (XII в.): «Киргизы сжигают своих мертвых» (P. A. Jaubert. Geographie D'Edrisi, I. Paris, 1836, p. 501).

⁹⁰ Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха.

⁹¹ Исследовались Л. Р. Кызласовым в могильниках на р. Аскиз и горе Оглахты (Л. Р. Кызласов. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. «Уч. зап. ТННННННН», т. VIII. Абакан, 1960; его же. Хакасская археологическая экспедиция 1959 года. «Уч. зап. ТННННННН», т. IX. Абакан, 1963), В. П. Левашевой у дер. Быстрой, Г. П. Сосновским у дер. Черной, А. Н. Липским в г. Абакане (А. Н. Липский. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году. КСИИМК, вып. XXV. М., 1949, стр. 83).

⁹² М. П. Грязнов. Раскопки на Алтае. СГЭ. I. Л., 1940, стр. 18—19 (Яконур № 1). К погребениям этого типа можно отнести ряд могил с трупосожжением в могильнике Сропки (М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. «Сибиреведение», № 3/4. Новосибирск, 1930; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 552—555).

⁹³ Е. Агеева, А. Джусупов. Ук. соч.; Раскопки Ф. А. Арслановой в 1966 г. у с. Зевакино на Среднем Иртыше.

⁹⁴ Г. П. Боровка. Ук. соч., стр. 67, табл. III, 13. (Пхэ-Алык, курган с трупосожжением на горизонте и стрелой IX—X вв.); G. I. Ramstedt. Op. cit. S. 3 (курганы у суджинской древнехакасской стелы).

⁹⁵ Мне известно 57 курганов, раскопанных А. В. Адриановым в 1915—1916 гг. (18), С. А. Теплоуховым в 1926 г. и 1929 г. (11), Л. Р. Кызласовым в 1956, 1957, 1960 и 1962 гг. (19), А. Д. Грачом в 1957—1958 гг. (4), С. П. Вайнштейном в 1958 г. (2); М. Х. Маннай-оолом в 1960—1961 гг. (3). Еще опубликованы краткие данные о раскопках 12 курганов Л. Г. Нечаевой в 1959 г. (А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТННННННН. «Уч. зап. ТННННННН», вып. VIII. Кызыл, 1960) и 7 курганов М. Х. Маннай-оолом в 1961 г. (М. Х. Маннай-оол. Итоги археологических исследований ТННННННН в 1961 г. «Уч. зап. ТННННННН», вып. X. Кызыл, 1963).

⁹⁶ Диаметры курганов от 4—8 до 13—17 м, высота от 0,15 до 1,3 м. Отвесные стенки высотой 0,3—0,7 м.

⁹⁷ Размеры от 0,9×0,45 до 1,7×1,1 м или диаметром 0,4—1 м и глубиной 0,15—0,7 м.

⁹⁸ В 15 курганах только по одному трупосожжению в яме, в 2 — по два сожжения в отдельных ямах, в 3 — по одному сожжению в яме и ямки с мясом. В 11 курганах только по одному трупосожжению на горизонте, в 2 — по два сожжения на горизонте, в 2 — по два сожжения на горизонте и ямки с мясом, в 6 — по одному сожжению на горизонте и ямки с мясом или тайники, в 2 — по три трупосожжения на горизонте и ямки с мясом или тайники. Наконец, в 2 курганах найдено по одному сожжению на горизонте и одному сож-

жению в ямке (вместе с мясом) и в I кургане оказалось: три сожжения в отдельных ямах, четвертое сожжение на горизонте и яма с золой. Из 57 курганов 33 имеют ямы, 13 без ям и 11 кенотафы без погребений (часть их на деле имела трупосожжения, упущенные неопытными археологами; 8 с ямами и 3 без ям).

⁹⁹ Размеры кострищ от 0,65×0,3 до 0,8×0,6 м и глубиной от 0,15—0,4 до 1 м (или диаметром 0,5—0,9 м и глубиной 0,3—0,35 м).

¹⁰⁰ Диаметр 0,18—0,26 м и глубина 7—14 см. Обнаружены в курганах: Шанчиг, 1957, № 5; Шанчиг, 1960, № 17 и № 19, а также в МТ-57-XXI.

¹⁰¹ Л. Р. Кызласов. Сырский чаа-тас. СА, XXIV, 1955, рис. 39, 41, 44.

¹⁰² М. Х. Маннай-оол. Ук. соч., табл. II.

¹⁰³ Спектральный анализ, проведенный в лаборатории Института археологии в декабре 1963 г. Е. Н. Черных, выявил, что кроме серебра и примеси меди (около 10) кувшин имел примесь свинца и цинка, а кружка только примесь свинца, т. е. что они были отлиты из разных сплавов.

¹⁰⁴ В. Городецкий. Серебряные сосуды из курганов села Покровского Пишпекского уезда. «Изв. Средазкомстариса», I. Ташкент, 1926; К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 110—113 и табл. 34.

¹⁰⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 162, прим. 49; А. Н. Бернштам. Буддийская терракотта из Сукулук. КСИИМК, вып. 14, 1947, стр. 50; Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков. «Тр. Гос. Эрмитажа», вып. V. Л., 1961, стр. 191.

¹⁰⁶ А. П. Смирнов. Новый сасанидский золотой сосуд. КСИИМК, вып. XIV, М.—Л., 1947.

¹⁰⁷ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М. Л., 1935, табл. 49; Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XII, рис. 79.

¹⁰⁸ К. В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. СА, 1952, XVI.

¹⁰⁹ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 6, 7, 8; аналогичные см. Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2, рис. 5; ее же. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, рис. 66, 82, 92, 142—144; М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая, рис. 170.

¹¹⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 588 и табл. 61—63; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов, рис. 117—144; ср. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 6, 1—5; ео же. Этапы средневековой истории Тувы. ВМУ, 1964, № 4, табл. II, 34, 35.

¹¹¹ Аналогичные см. Е. Агеева, А. Джусупов. Ук. соч., рис. 1.

¹¹² Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 6, 6.

¹¹³ А. Д. Грач, Л. Г. Нечаева. Ук. соч., табл. I; в одном кургане в могильной яме были найдены три меча, в другом — один.

¹¹⁴ Аналогичные стрелы появились в IX в. и в Европе, см. В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., Изд-во АН СССР, 1964, стр. 79 и рис. 21—27.

¹¹⁵ Совершенно такой же палаш найден в древне-хакасском кургане № 12 у дер. Черной в Хакасии (раскопки Г. П. Сосновского, 1929 г., хранится в Гос. Эрмитаже, колл. 1548); аналогичные мечи известны у русских; см. Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI века. СА, 1950, XIII.

¹¹⁶ Уюк-Тарлык, 1916, № 56 и Шанчиг, 1960, № 17. Эти монеты выпускались с 621 по 927 г., был еще вы-

пуск 841 г., см. М. В. Воробьев. К вопросу определения старинных китайских монет «Кайюань тунбао». ЭВ, 1963, XV.

¹¹⁷ Добывались в Индийском океане у Мальдивских островов.

¹¹⁸ Гора Чинге, 1915, № 18; степь Бай-Булун, 1915, № 21 и 22; лог Мунгаш-Чирик, 1916, № 34; поселок Элгерст, 1926, № 19а и 19б; урочище Хербис-Баары, 1958, № 1; ур. Ир-Холь, 1962, № 1; ср. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности; ео же. Новый памятник енисейской письменности. СЭ, 1965, № 2. У восточной стороны курганов и в Хакасии, и в соседней Северо-западной Монголии стоят стелы с надписями; см. А. М. Шербаков. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии. ЭВ, 1961, XIV. G. I. Ramstedt. Op. cit., S. 3.

¹¹⁹ Раскопаны М. Х. Маннай-оолом; см. М. Х. Маннай-оол. Ук. соч., стр. 246.

¹²⁰ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 565 и 599; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов); Л. Р. Кызласов. Сырский чаа-тас, рис. 39, 44.

¹²¹ А. В. Адрианов. Дневник раскопок, произведенных в Урянхайском крае (рукопись). Архив музея Томского университета, № 78; ср. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 101—103. Аналогичные курганы со столбиками в ямах и без находок раскопаны еще А. В. Адриановым (Бий-Хем, 1916, № 31) и Л. Р. Кызласовым (пос. Сарыг-Булун, 1955, № 2 и № 3 с каменными столбиками у северо-западных пол насыпи и Кезек-Хурз, 1959, № 2).

¹²² Liu Ma u-t sai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958, S. 262, 390.

¹²³ Ed. Chavannes. Op. cit., p. 404.

¹²⁴ Мне известны 4 кургана: МТ-58-IV, МТ-58-V, курган на р. Хемчик, 1959 (раскопаны А. Д. Грачом, см. «Уч. зап. ТИИИЯЛИ», вып. VIII, Кызыл, 1960, стр. 191) и впускной кенотаф у р. Ак-Даг, 1961 (раскопан М. Х. Маннай-оолом, см. «Уч. зап. ТИИИЯЛИ», вып. X, Кызыл, 1963, стр. 243—244). Диаметры 4—8 м высота 0,5—1 м. Ямы 1,8×1,2—2,65×1,25. Глубина 0,6—1,3 м.

¹²⁵ А. Д. Грач. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. ТТКАЭЭ, т. I. М. Л., 1960, стр. 129—143.

¹²⁶ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Поворотного Великого. МИА, 1959, № 65, рис. 96, 12.

¹²⁷ Удила с прямыми и с S-образными изгибами в Восточной Европе сосуществовали в IX—X вв. См. В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ук. соч., табл. IX; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, 1958, № 62, рис. 3.

¹²⁸ Мне известно II курганов: у Салдам, 1915, № 14 и 15; лог Мунгаш-Чирик, 1916, № 36 и 38; Уюк-Тарлык, 1916, № 51—2 (раскопаны А. В. Адриановым); г. Бай-Даг, 1927, № 69—2 (раскопан С. А. Теплоуховым); пос. Малиновка, 1955, № 1; г. Шанчиг, 1960, № 12, 14 и 23 (раскопаны Л. Р. Кызласовым); Кокэль, 1960, № 17 (раскопан С. И. Вайнштейн).

¹²⁹ Диаметр от 3,5 до 16 м, высотой 0,18—1,42 м.

¹³⁰ Размеры кострищ: 2,52×0,8 м; 2,68×1,6 м; диаметром 3—4 м, толщиной 8—30 см. В кургане Мунгаш-Чирик, 1916, № 38 вещей не было. В кургане Шанчиг, 1960, № 23 вокруг трупосожжения имелась неполная «оградка» из вертикально вкопанных плиток.

¹³¹ Г. Шанчиг, 1960, № 12. Диаметр ямки 20 см и глубина 10 см. Инвентарь его также имеет переходный характер.

¹³² Только в кургане № 12 Шанчига оказались бронзовые уздечные бляшки в виде четырехлепестково-

- го цветка и прямоугольника, а также бронзовая трубка-султанчик.
- ¹³³ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 11—13.
- ¹³⁴ Аналогичные наконечники стрел XI—XII вв. найдены всюду от Верхней Оби (см. М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 1956, № 48, стр. 154—155 и табл. 60—61) до Камы и Волги (см. М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, рис. 31; А. П. Смирнов. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 1961, № 95, стр. 151, рис. 29) и Волхова (А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, МИА 1959, № 65, рис. 13).
- ¹³⁵ В Хакасии — раскопки Г. П. Сосновского, 1929 г., дер. Черная, № 12.
- ¹³⁶ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, рис. 5 и 10—2.
- ¹³⁷ Там же, рис. 11—13.
- ¹³⁸ Мне известно 15 курганов: Уюк-Тарлык, 1916, № 48; Уюк-Тарлык, 1916, № 51—1 (раскопаны А. В. Адриановым); Куйбар, 1929, № 98, 99, 100, 102, 103, 105; пады Кызыл-Булак, 1929, № 137, 139 (раскопаны С. А. Топлоуховым); К.Х.-58-IV (раскопан А. Д. Грачом); Салчурский могильник, 1960, № 12, устье р. Уюк, 1961 и р. Баян-Хем, 1961 (раскопаны М. Х. Маннай-оолом). Из них три погребения были без инвентаря.
- ¹³⁹ Диаметры курганов от 4,5 до 8 м, высота 0,3—0,7 м. Размеры ям от 1×0,6 до 2,2×0,6 м, глубиной от 0,4—0,8 до 2,73 м.
- ¹⁴⁰ С. Е. Малов. Памятники дрепнетюркской письменности Монголии и Киргизии.
- ¹⁴¹ Ср. мнение тюрколога Н. А. Баскакова (Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 28) о том, что этноним «чик» сохранился до современности в названии сеока чыгат у алтайских тубинцев. То же, вероятно, можно сказать о сеоке чигандий у алтай-кижи.
- ¹⁴² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 519, 551; ср. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. ТГПИМ, т. XVI. М., 1941, рис. 24.
- ¹⁴³ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, его же. Новый памятник енисейской письменности; его же. О датировке памятников енисейской письменности. Мы не можем здесь касаться высказанных недавно Л. Г. Нечаевой необоснованных возражений. Особенно удивляет, что автор, никогда не занимавшийся ни сибирской археологией, ни изучением памятников енисейской письменности, делает это в примечаниях к статье, материалы которой не имеют прямого отношения к датировке енисейских эпитафий (см. Л. Г. Нечаева. Погребения с трупопожжением могильника Тора-Тал-Арты. Тр. ТКАЭЭ, т. II. М. Л., «Наука», 1966, стр. 141, прим.).
- ¹⁴⁴ I. R. Aspelin. Tschudische Inschriften am oberen Jenissei. Zeitschrift für Ethnologie, B. 20. Berlin, 1888, SS. 462—466; Такие же стелы с эпитафиями, ставились к юго-востоку от могил и в Китае — см. Н. П. Мункуев. Китайский источник о первых монгольских танах. М., «Наука», 1965, стр. 91, прим. 1.
- ¹⁴⁵ I. R. Aspelin. Die Jenissei-Inschriften. Zeitschrift für Ethnologie, B. 21. Berlin, 1889, SS. 744—746.
- ¹⁴⁶ H. A. O. Heikel. Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tasheba. Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft, XXVI. Helsinki, 1912.
- ¹⁴⁷ Там же, т. XI, 1—2. СПб., 1899, стр. 398.
- ¹⁴⁸ В 4 стояли в небольших прямоугольных оградках, окруженных в более раннее время. Здесь надписи в основном на старых уже стоявших плитах.
- ¹⁴⁹ По форме памятники с надписями (кресты или столбы) погибшим во время Отечественной войны воинам ставились современными хакасами близ улусов на месте, где прежде стояла юрта, в которой родился погибший на чужбине, ибо «душа погибшего на чужбине должна вернуться на родину».
- ¹⁵⁰ А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге, стр. 71—72, рис. 82. К сожалению, план расположения стел отсутствует.
- ¹⁵¹ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 35. План также отсутствует.
- ¹⁵² Там же, фото на стр. 33.
- ¹⁵³ Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности, рис. 6.
- ¹⁵⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 414—415; Л. Р. Кызласов. Хакасская археологическая экспедиция 1958 г., стр. 165—166; его же. Хакасская археологическая экспедиция 1959 г., стр. 159—160.
- ¹⁵⁵ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности; его же. О датировке памятников енисейской письменности. Следующие памятники являются древнехакасскими IX—XII вв. (С. А. Малов. Енисейская письменность тюрков): № 1, 3—24, 41—49, а также Элегест II, Элегест III, Улуг-Сайра, Эль-Бажы, Чер-Чарык, Оттук-Даш II, Малиновка, Сайгын, Кезек-Хурээ, Хербис-Баары, Оттук-Даш III, Саргал-Аксы, Суглуг-Адыр-Аксы, Канмыл-дыг-Хову, Ортаа-Хем, Ир-Холь. Всего 46 стел.
- ¹⁵⁶ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 568—572; В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939.
- ¹⁵⁷ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 351.
- ¹⁵⁸ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 58 и 282.
- ¹⁵⁹ В. Григорьев. Об арабском путешествии Абу-Долефе, стр. 34.
- ¹⁶⁰ Менказ или Менхар — такого названия у других авторов не встречено.
- ¹⁶¹ P. A. Jaubert. Op. cit., p. 500.
- ¹⁶² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов); В. П. Левашева. Ук. соч.; В. П. Федоров. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения. МИА, 1952, № 24.
- ¹⁶³ P. A. Jaubert. Op. cit., p. 501.
- ¹⁶⁴ В. П. Васильев. Китайские надписи..., стр. 25.
- ¹⁶⁵ Исправленный текст (см. Н. В. Кюнер. Новые китайские материалы..., стр. 8—9) из Тайпинхуанью-цзи (X в.): «Их разный скот верблюды, коровы, овцы, но короны наиболее многочисленны. Богатые семьи имеют 2—3 тысячи голов».
- ¹⁶⁶ См. К. Ф. Смирнов. Производство и характер хозяйства ранних сарматов. СА, 1964, № 3, стр. 52; ср. С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках. Алма-Ата, 1959, стр. 26 и др.
- ¹⁶⁷ P. A. Jaubert. Op. cit., p. 501.
- ¹⁶⁸ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 59—60. Ср. в Таншу: «Лошадь плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся» (Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 351).
- ¹⁶⁹ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 56—57.
- ¹⁷⁰ Г. П. Супруненко. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века. «ИАН Киргиз. ССР», серия общ. наук, т. V, вып. 1. Фрунзе, 1963, стр. 70—71, 75, 77.
- ¹⁷¹ Hudud al-Alam. Op. cit., p. 96; В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 21.

- ¹⁷² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков..., стр. 19, 27, 30, 49, 74, 77, 83, 85.
- ¹⁷³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 34, 95 и 110.
- ¹⁷⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, табл. 43, рис. 5.
- ¹⁷⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 352.
- ¹⁷⁶ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 56—60.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Р. А. Jaubert. Op. cit., p. 500.
- ¹⁷⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 573—590.
- ¹⁸⁰ Р. А. Jaubert. Op. cit., p. 501.
- ¹⁸¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 83.
- ¹⁸² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 352.
- ¹⁸³ Ср. находку знаменитого метеорита «Палласово железо», который ныне хранится в Минералогическом музее АН СССР. Он был найден близ Абаканского острога на Енисее П. С. Палласом в XVIII в. (Э. И. Эйхвальд. О чудских копиях. «Зап. Археологического общества», IX, 2. СПб., 1856, стр. 73).
- ¹⁸⁴ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 59.
- ¹⁸⁵ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении). ВМУ, история, 1964, № 4, стр. 83—84, табл. II, 147—151, 161, 162.
- ¹⁸⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 352 и 355.
- ¹⁸⁷ Н. В. Кюнер. Новые китайские материалы, стр. 11.
- ¹⁸⁸ Ибн-Хордадбех (X в.) см. МИТТ, т. I, стр. 144; Абу Дулаф.—см. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 34; Худуд-ал-Алам (X в.). V. Minorsky. Op. cit., SS. 62, 96; Гардизи (XI в.)—см. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 111.
- ¹⁸⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 591, 593.
- ¹⁹⁰ А. М. Щербак. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска. ВДИ, 1960, № 2.
- ¹⁹¹ Случайно найденные монеты: Синий чжунбао (1068—1077 гг.) Юаньфэн тунбао (1078—1085 гг.) и Чуннин тунбао (1102—1107 гг.). К IX—X вв. относятся частые находки монет Кайюань тунбао.
- ¹⁹² Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 36, 52, 59.
- ¹⁹³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 352.
- ¹⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 371.
- ¹⁹⁵ С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, вып. 65. Л., 1933.
- ¹⁹⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 351; ср. Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 60.
- ¹⁹⁷ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 19, 32, 34—35, 45, 76, 82, 85, 95.
- ¹⁹⁸ Там же, стр. 85; С. Г. Кляшторный. Историко-культурное значение Суджинской надписи. «Проблемы востоковедения», 1959, № 5.
- ¹⁹⁹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков..., стр. 33, 49, 74—76, 85.
- ²⁰⁰ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 58—60; Н. Я. Бичурин. Ук. соч., I, стр. 352—354.
- ²⁰¹ О кагане у киргизов сообщали тюрки-тугу и уйгуры в своих надписях VIII—IX вв., а также Гардизи (XI в.) и др.
- ²⁰² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 352—353.
- ²⁰³ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 56.
- ²⁰⁴ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 55; Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 354.
- ²⁰⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 353.
- ²⁰⁶ В. Григорьев. Об арабском путешественнике Абу Долефе, стр. 34.
- ²⁰⁷ Р. А. Jaubert. Op. cit., p. 500.
- ²⁰⁸ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 352.
- ²⁰⁹ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 58 и 282.
- ²¹⁰ Там же, стр. 60.
- ²¹¹ В Таншу: «Делают оружие, крайне острое... На войне употребляют луки со стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитками; еще на плеча накладывают круглые щитки, которые могли бы защищать от острия сабеля и стрел» (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 352); в Тайпин-хуаньюнцзи: «Что касается их оружия, то (они) много пользуются щитами, луками и стрелами. Их лошади одеты в щиты от брюха до ног. Еще делают щиты и привязывают их к обоим плечам, можно с пользою применять их. Щиты, чтобы отражать стрелы, делают так: расколов дерево, соединяют поперечиной; стрелы не могут прорвать. Имеют еще знамена и флаги» (Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 59—60).
- ²¹² Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских киргизов (хакасов), стр. 88—90, 103—107; H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors., 1931, abb. 77—93, 312.
- ²¹³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 45.
- ²¹⁴ Ср. «Кыштымские полости» в XVII п., а также «мои кешдимы» из древнехакасской надписи IX в. на скале в Горном Алтае — см. Э. Р. Текишев. Древнетюркская эпиграфика Алтая. «Тюркологический сборник. К 60-летию А. И. Кононова». М., «Наука», 1966, стр. 262.
- ²¹⁵ V. Minorsky. Hudud al-Alam, p. 97; В. Минорский сопоставляет «кесим» с «кестеми» Рашид-аддина.
- ²¹⁶ Ср. позднее в XIII—XIV вв.: а) у Рашид-аддина: «кесутами»—«куштеми» (по Березину «кестеми») — лесное племя, обитание «по лесам в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов» (Рашид ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 77, 122 и 123); б) в Монгольской хронике 1240 г. (С. А. Козин. Сокровенное сказание. М. Л., 1941, стр. 175) — «кесдини»; в) в китайской биографии Чингиз-хана XIV в. — «кешидими» («Восточный сборник» т. I. СПб., 1877, стр. 191); г) в Юань чао ми ши «кэсудини» (ТЧРДМ, IV. СПб., 1866, стр. 235, прим. 500); д) «кесутмай» у Абул-Гази («Древо тюрков», стр. 41). Наконец, кыштым сохранился у хакасов (койбалон) и у алтайцев (телеутов) в качестве подразделения-сеоков.
- ²¹⁷ G. Clauson. Op. cit. p. 14; L. Hambis. Kāštim et Gus-dum. JA, 1958, No. 3.
- ²¹⁸ Л. Р. Кызласов. К этимологии термина «кыштым» русских документов XVII в. «Уч. зап. ХИИИЯЛИ», вып. VIII. Абакан, 1960.
- ²¹⁹ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 58—60; Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 352.
- ²²⁰ И. И. Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934, стр. 30.
- ²²¹ Об этом впервые см. Л. Р. Кызласов. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. «Уч. зап. ХИИИЯЛИ», вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 63—64.
- ²²² Шесть багов встречаются только в хакасских надписях Тувы: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, надписи № I, 5, 24, 49. «Баг» в Монгольской Народной Республике до сих пор является нижней административной единицей.

²²³ Термин «эш» встречается только в хакасских надписях Тувы и его нет в надписях Хакасии. Он является, безусловно, местным и известен еще на местных памятниках уйгурского периода (Уюк-Аржан и № 51). «Эш» в том же значении (товарищ) сохранился в современном тувинском языке и отсутствует в современном хакасском. Безусловно «эш» в хакасских надписях IX—X вв. применялся по отношению к местной знати, входившей в баг; ср. «баг эшиме» в надписи № 42.

²²⁴ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 11.

²²⁵ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности; его же. О датировке памятников енисейской письменности.

²²⁶ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, карты.

²²⁷ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 52 и 68.

²²⁸ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VI, стр. 169.

²²⁹ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. Баги имеются в древнехакасских надписях из Хакасии, Тувы и древней Уйгурии (современная Монголия); см. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 52, 68, 84.

²³⁰ Е. Н. Кычанов. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке. «ИАН Киргиз.ССР», серия обществ. наук, т. V, вып. 1. Фрунзе, 1963, стр. 62.

²³¹ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 112.

²³² Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 150.

²³³ Ал-Хорезми (X в.) разъяснял: «Инал-тегин — это наследник джаббуйн, и у каждого предводителя тюрков — царя или дехкана — есть инал, то есть наследник» (МИПТ, т. I, стр. 219). Позднее Абул-Гази (XVII в.), толкуя это же место из Рашид-ад-дина, писал: «Киргизы своего правителя называют Инал; это слово у них тоже, что у монголов (каан) и таджиков падишах» (Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Савлукон, стр. 39). Ср. А. П. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 95.

²³⁴ По сообщению Гардизи (XI в.) кимаки в X в. еще владели Эктаг-Алтаем: «Зимой они уводят лошадей в отдаленную страну, в место Ок-таг» (В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 107).

²³⁵ V. Minorsky. Hudud al-Alam, p. 97.

²³⁶ Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности.

²³⁷ Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, табл. I к § 15; Л. Ф. Патачкова. Система звуков качинского диалекта. «Уч. зап. ХНННЛН», вып. VII. Абакан, 1959, стр. 22—25.

²³⁸ Собственно чики Тувы в VIII—IX вв. писали на «э»-паречни (судя по их надписям № 2 и 51); см. Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 98—100.

²³⁹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 84—85; стела в Судже также стояла у древнехакасского каменного кургана (см. G. I. Ramstedt. Op. cit., S. 3).

²⁴⁰ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 351.

²⁴¹ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 55.

²⁴² В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 109.

²⁴³ Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности.

²⁴⁴ F. W. Thomas and G. L. M. Clauson. A second chinese Buddhist text in Tibetan characters. IRAS, 1927, april, pp. 282—283.

²⁴⁵ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 29—33. Эта надпись датируется концом X в.

²⁴⁶ В Средней Азии найдены «грамоты» на коже (в замке на горе Мур, VIII в.), дереве и бересте (Занг-тепе, VI—VIII вв.; сб. «Индия в древности». М., «Наука», 1964, стр. 199—209). Берестяные рукописи открыты и в Восточном Туркестане (D. Schlingloff. Die Birkenrindenhandschriften der Berliner Turfansammlung. Mitteilungen des Instituts für Orientalforschung, IV, 1956).

²⁴⁷ Г. П. Супруненко. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века, стр. 77—79; Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 353.

²⁴⁸ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 8; И. В. Стеблева. Поэзия орхоно-енисейских тюрков. «Народы Азии и Африки», 1963, № 1; ее же. Поэзия тюрков VI—VIII вв. М., «Наука», 1965; См. Л. Р. Кызласов. О литературе и фольклоре средневековых хакасов. ВМУ, история, 1968, № 2.

²⁴⁹ P. A. Jaubert. Op. cit., p. 501.

²⁵⁰ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 84.

²⁵¹ Этот совершенно правильный вывод сделал еще Рамстедт (см. G. I. Ramstedt. Op. cit.).

²⁵² В. Григорьев. Об арабском путешествии к Абу-Долефе, стр. 34.

²⁵³ Буддисты во время молений в храмах обращались лицом на запад или север, а христиане — лицом на восток.

²⁵⁴ С. Р. Цыганков. Описание некоторых уникал археологической коллекции Минусинского музея. «Ежегодник Гос. музея имени Н. М. Мартьянова», IV, I. Минусинск, 1926, стр. 89—90. См. A. M. Tallgren. Portable Altars. ESA, XI, 1937, fig. I.

²⁵⁵ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 111.

²⁵⁶ V. Minorsky. Sharaf al-Zaiman Tahir Marvazi on China, the Turks and India.

²⁵⁷ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 353.

²⁵⁸ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 58; ср. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 351. См. Н. В. Захарова. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии. ТИИАЭ. 8. Алма-Ата, 1960.

²⁵⁹ П. А. Баскаков и А. И. Пикижекова-Грескул. Хакасско-русский словарь. М., 1953, стр. 484.

²⁶⁰ Н. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 59; Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 353.

²⁶¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 354; Н. В. Кюнер. Новые китайские материалы..., стр. 9.

²⁶² Н. В. Бичурин. Собрание сведений, т. I, стр. 355.

²⁶³ Махмуд Кашгарский писал: «Я несколько лет объезжал города, зимовки и летовки тюрков, туркмен, огузов, чигилей, ягмо и киргизов, собирая их слова, изучал и выяснял различные свойства их слов» (Х. Х. Хасанов. Ценный источник по топонимике Средней и Центральной Азии. В сб.: «Топонимика Востока». М., ИВЛ, 1962, стр. 31). Вот, что сообщал Махмуд Кашгарский о языке киргизов: «Затем киргизы, кипчаки, огузы, тухси, ягма, чигили, играки, джаруки. У них единый, чистый тюркский язык». (С. К. Ибрагимов, В. С. Храковский. Махмуд Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в X веке. «Вестник АН Казах.ССР», 1958, № 11, стр. 98). См. A. von Rohrsauer. Des Abū Dūlāf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien. «Bonner orientalische Studien», Heft 26. Stuttgart, 1939.

²⁶⁴ М. Шагинян. «Утопия» Низами. «ИАН, отдел литературы и языка», VI, 4. М., 1947; Низами. Искендер-наме. М., ГИХЛ, 1953, стр. 664—675.

²⁶⁵ В. П. Левашева. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА, 1952, № 24.

²⁶⁶ Даже в XIX в. амбын-нойоны Оюннарского хошуна принадлежали к родовой группе кыргызов. См. Р. Кабо. Очерки истории и экономики Тувы, стр. 73.

К ГЛАВЕ V

¹ Чжан Му, Хэ Цю-тао, Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с китайского П. С. Попова. СПб., 1895, стр. 340, прим. 387.

² Д. Позднеев. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899, стр. 123. Западная граница чжурчженей проходила по р. Керулен.

³ По сообщению Гардизи (XI в.), кимаки в X в. еще владели Эктаг-Алтаем: «Зимой они увозят лошадей в отдаленную страну, в место Ок-таг» (В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 107).

⁴ Ц. Дамдинсурэн. Исторические корни Гэсэриады. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 62 и 70; Абул-Гази (XVII в.) об этом пишет: «Многие семейства кара-китайские почему-то взбунтовались против своих государей, и, убежав оттуда, перешли в земли киргизские. Считая тамошних жителей за пришельцев, они начали похищать скот у них, а потому и там не могли ужиться, перешли в землю Имиль; основавши там город, поселились в нем, стали возделывать землю» (Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 43). Об этом же кратко см. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 78—79.

⁵ Ала-ад-дин Ата мелик Джувейни. Тарих-и джехангушай (История завоевателей мира). Перевод П. Н. Туманович. Хранится в рукописном фонде Института истории Киргизской АИИ, № 1693; ср. К. Д'Оссон. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Перевод Н. И. Козьмина, т. I. Иркутск, 1937, стр. 246—247; К. А. Wittfogel and Feng Chia-sheng. History of Chinese society Liao (907—1125). Philadelphia, 1949, pp. 622—657.

⁶ Точка зрения Л. П. Потапова (Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., Изд-во АИИ СССР, 1953, стр. 99—101) о том, что кидани или кытан в XI—XII вв. владели Алтаем и «подчинили на Енисее кыргызов», ошибочна и не подтверждается никакими источниками.

⁷ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 135, 137, 150 и т. I, кн. 2, стр. 112, 250.

⁸ От него там остались топонимы — название озера и урочищ (оз. Хиргис-Нур, пос. Хиргис и т. п.), а также монгольское название древних курганов, которые монголы приписывают ранее жившим там кыргызам — «хиргис-ур» («кыргызское гнездо»); см. В. Я. Владимирцов. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. ДАН, № 10. Л., 1929, стр. 172). Г. Н. Потанин (Г. П. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, ч. 2. СПб., 1881, стр. 48—49) записал: «киргизские погребения сделаны подданными бывшего в древности некоего Киргиз-хана».

⁹ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 118.

¹⁰ Л. Р. Кызласов. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (к вопросу о происхождении киргизского народа). ТКАЭЭ, т. III. Фрунзе, 1959.

¹¹ Абул-Гази. Ук. соч., стр. 38.

¹² Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 112, 250.

¹³ Палладий (Кафаров). Старинное мон-

гольское сказание о Чингиз-хане. ТЧРДМ, IV. СПб., 1866, стр. 116—117; ср. С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., т. I. М.—Л., 1941, § 207.

¹⁴ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 150, в переводе И. Н. Березина. («Сборник летописей». История монголов, сочинение Рашид-ад-дина, перевод с персидского И. Н. Березина. Введение. СПб., 1858, стр. 130—131) река Кэм-Кэмджиут точнее обособлена от описания страны.

¹⁵ Ал-Хорезми (X в.) разъяснял: «Йинал-тегин — это наследник джаббуйн, и у каждого предводителя тюрков — царя или дехкана — есть йинал, то есть наследник» (МИТТ т. I, стр. 219). Позднее Абул-Гази (XVII в.), разъясняя это же место из Рашид-ад-дина, писал: «Киргизы своего правителя называют Йиналь; это слово у них тоже, что у монголов каан и таджиков падишах» (Абуль-Гази. Ук. соч., стр. 39; ср. А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 95).

¹⁶ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 151.

¹⁷ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 102. Иногда читают «город Милес» (см. Ю. А. Зуев. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам. В сб.: «Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана». ТИИАЭ АН Казах.ССР, т. 15. Алма-Ата, 1962, стр. 111).

¹⁸ Точнее «Еди-инал» у Палладия (Палладий (Кафаров). Ук. соч., стр. 131).

¹⁹ Напомню, что еще в 843 г. древнехакасские послы привезли в дар танскому императору «10 пар соколов» и «прекрасных белых лошадей» (Г. П. Супруненко. Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами в источнике IX века. «ИАИ Киргиз.ССР», серия общ. наук, т. V, вып. I. Фрунзе, 1963).

²⁰ С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 174—175. Ср. его же. Джангариада. Героическая поэма калмыков. М.—Л., 1940, стр. 15; Палладий (Кафаров). Ук. соч., стр. 131—132.

²¹ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 150 и I, кн. 2, стр. 151 и 253; Абул-Гази. Ук. соч., стр. 39 и 76; В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. ТВОАО, ч. IV. СПб., 1859, стр. 141; Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингиз-хане. «Восточный сборник», I. СПб., 1877, стр. 180; Иакинф (Бичурин). История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829, стр. 40. W. Schott. Über die ältesten Kirgisen. Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1865, S. 459.

²² Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 151 и 253.

²³ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 150; С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 174; P. Poucha. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Praha, 1956, S. 62.

²⁴ В китайском тексте: «Вань-кэргисы», т. е. также «десятитысячные кыргызы». См. Палладий (Кафаров). Старинное монгольское сказание о Чингиз-хане, стр. 131.

²⁵ Эта система существовала у монголов и чжурчженей еще в XI в. задолго до Чингис-хана. «История Монгольской народной республики», М., Изд-во АИИ СССР, 1954, стр. 85; см. Е. И. Кычанов. Чжурчжени в XI в. «Сибирский археологический сборник». Новосибирск, 1966.

²⁶ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 122, 171; I, кн. 2, стр. 178, 255—256.

²⁷ С. А. Козин. Сокровенное сказание, § 240.

²⁸ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 1, стр. 122.

- ²⁹ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 123, 151; I, кн. 2, стр. 163, 189, 256; ср. Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингиз-хане, стр. 191.
- ³⁰ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 151 (в тексте ошибочно Нока). Ср. Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингиз-хане, стр. 191, где сказано, что Буха преследовал «киргисов» до реки Имар.
- ³¹ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 123 и 151.
- ³² Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингиз-хане, стр. 191.
- ³³ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 123.
- ³⁴ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 179.
- ³⁵ Там же, стр. 189—190; ср. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху Монгольского нашествия. Сочинения. I. М., «Наука», 1963, стр. 435—437.
- ³⁶ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 78.
- ³⁷ Там же, стр. 8, 103—113; 128—129. I, кн. I, стр. 102; ср. Абуль-Гази. Ук. соч., стр. 40; «По смерти Чингис-хана, страна киргизская и все окрестные ее стороны признали над собою власть Тули-хана; старшая жена его, мать всех детей его, Сююр-кутай-бики, приняла в свои руки власть».
- ³⁸ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 8—9 и прим. 8.
- ³⁹ Там же, стр. 138.
- ⁴⁰ Там же, стр. 201 и ср. стр. 163.
- ⁴¹ Точнее Тува и Хакаско-Минусинская котловина вместе.
- ⁴² Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 161; об этом же сообщает рукопись, называемая «Аноним Искандера» (XV в.). «Ариг-Бука, раздраженный этим поражением, убил пленных и укрепился в области киргизов» (Перевод в фонде Института истории АН Киргиз ССР, № 1693).
- ⁴³ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 161.
- ⁴⁴ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 162.
- ⁴⁵ Там же, стр. 184.
- ⁴⁶ Там же, стр. 177, прим. 66 и стр. 182, прим. 44.
- ⁴⁷ И. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 283, 286; Е. И. Кычанов. Сведения в «Юаньши» о переселениях киргизов в XIII веке. «ИАН Киргиз ССР», серия обществ. наук, V, I. Фрунзе, 1963; W. Schott. Op. cit., SS. 432—437; I. Klaproth. Mémoires relatifs à l'Asie. Paris, 1824, pp. 91—93, 113. Такое отождествление районов впервые было предложено Л. Р. Кызласовым (см. Л. Р. Кызласов. Хозяйство, культура и быт населения Тувы в XIII—XIV вв. «История Тувы», т. I. М., ИВЛ, 1964).
- ⁴⁸ Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 61 (У этого автора ошибочно назван 1269 г.); «Юаньши», цзюань 63 и 167; W. Schott. Op. cit., S. 461.
- ⁴⁹ Кянь-кяньчжоу — китайское написание монгольского Кэм-кэмджит. Кянь-транскрипция местного «Кем» или «Хем» — современное Улуг-Хем или Енисей.
- ⁵⁰ Юаньши, цзюань 167; перевод сделан по моей просьбе А. С. Крушинским. Приношу ему большую благодарность.
- ⁵¹ Монгул-Тайга — покрытый вечными снегами горный массив на юго-западной границе Тувы с Монголией.
- ⁵² Был начальником Палаты финансов и умер в 1288 г. в возрасте 62 лет.
- ⁵³ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 193; год сыныи, о котором здесь сказано, падает на 1287 г. По другим данным — 1286 г. См. Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 63; «Книга Марко Поло». М., Географиз, 1956, стр. 100 и «Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю, с предисловием Н. И. Веселовского». СПб., 1902, стр. 36.
- ⁵⁴ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 169.
- ⁵⁵ Юаньши, цзюань 128; Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 64 (у этого автора имеются ошибки в датах: 1290 г. — взятие Алтая и 1291 г. (92 г.) прибытие Тулухи на р. Кянь. В тексте, соответственно сказано: «в 29 году чжюань» и «весной 30 года чжюань», т. е. в 1292 и 1293 гг.); ср. Палладий (Кафаров). Старинное монгольское сказание о Чингиз-хане, стр. 234—235, прим. 498.
- ⁵⁶ Ср. Юаньши, цзюань 167: «В 7-м году назначил (Лю Хао-ли) дуаньшигуанем пяти областей — Иланьчжоу и других». Л. Амби читает здесь: «пяти родов» L. Hambis. Notes sur trois tribus de l'Énisséi supérieur: les Us, Qarqanas et Tālāngūt. JA. t. CCXLV, 1957. Paris, p. 31. Буквально: «пяти племен» («Иланьчжоу дан у бу»).
- ⁵⁷ Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 61; ср. также Чжан-му и Хэ Цю-тао, Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях, стр. 171, прим. 35 (здесь ошибочно стоит 1276 год, когда Наян был еще владельцем той области); W. Schott. Op. cit., S. 461.
- ⁵⁸ Интересно, что в Северо-восточном Китае (округ Фуюй) сейчас живет тюркоязычная группа (около 700 человек) с самоназванием «кыргыз»; см. Э. Р. Тенишев. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу. СЭ, 1962, № 1, стр. 65; его же. О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР). «Вопросы языкознания», 1966, № 1.
- ⁵⁹ Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 62.
- ⁶⁰ Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 61 и ср. стр. 64, прим. 26.
- ⁶¹ Л. П. Потапов. О статье Н. В. Кюнера «Восточные урянхайцы по китайским источникам». «Уч. зап. ТИИИЯЛИ», вып. VI. Кызыл, 1958, стр. 200.
- ⁶² Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов. «Уч. зап. ТИИИЯЛИ» т. VII. Абакан, 1959.
- ⁶³ См., например, Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 53, 77, 102, 103.
- ⁶⁴ Абуль-Гази. Ук. соч., стр. 38.
- ⁶⁵ Л. Р. Кызласов. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (К вопросу о происхождении киргизского народа). ТКАЭЭ, III. Фрунзе, 1959.
- ⁶⁶ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 106 (р. Туле-гу находится в бассейне Керулена; см. С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 114).
- ⁶⁷ Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 61—62.
- ⁶⁸ С этой точки зрения не точны некоторые заключения Л. В. Гребнева, в том числе относительно несуществовавшего восстания 1275—1276 гг. — «История Тувы», стр. 174—175.
- ⁶⁹ Проследить историю центральноазиатских киргизов не входит в нашу задачу. Укажем, что часть их была ассимилирована ойратами (хергуд, см. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов (Монгольский кочевой феодализм). Л., 1934, стр. 131; К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики. «Восточноазиатский этнографический сборник», ТИЭ, новая серия, 60. М.—Л., 1960, стр. 239) и халхасцами (Г. Н. Потанин. Ук. соч., т. 2, стр. 25 и 40, 42), но основное ядро переселилось в XV в. на Тянь-Шань.
- ⁷⁰ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 205, прим. 3 и стр. 206—207.
- ⁷¹ «Очерки истории СССР. XIV—XV вв.» М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 458.
- ⁷² Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 106.
- ⁷³ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 110; его же. Тувинцы. В сб. «Народы Сибири».

М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 423; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. М., ИВЛ, 1964, стр. 42.

⁷⁴ С. В. Бахрушин. Енисейские киргизы в XVII в. «Научные труды», III, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1955.

⁷⁵ Пэн Да-я и Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах. ПВ, 1960, № 5, стр. 148; Н. Ц. Мункуев. Основные китайские источники по истории Монголии (XIII—XIV вв.). В сб.: «Современная историография стран зарубежного Востока», I. М., ИВЛ, 1963, стр. 159 (14 августа 1221 г. мимо этого города проезжал мудрец Чан-чунь, в записках которого указано, что уже созрели хлеба и «китайские крестьяне, мастера и ремесленники непрерывным потоком шли встречать... знаменитого проповедника»); см. Палладий (Кафаров). Сиюцзи или описание путешествия на запад. ТЧРДМ, т. IV. СПб., 1866.

⁷⁶ «Кянь-кяньчжоу» — китайское написание монгольского «Кэм-кэмджиут» — как монголы тогда называли Туву по рекам Кем (Улуг-Хем) и Хемчик.

⁷⁷ Палладий (Кафаров). Сиюцзи, стр. 339.

⁷⁸ Л. Р. Кызласов. Памятник мусульманского средневековья в Туве, СА, 1963, № 2.

⁷⁹ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы (в кратком изложении). ВМУ, серия IX, история, 1964, № 4, стр. 84—88.

⁸⁰ Л. Р. Кызласов. Городище Дён-Терек. В сб. «Древнемонгольские города». М., «Наука», 1965.

⁸¹ «Древнемонгольские города». М., «Наука», 1965.

⁸² Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. СА, 1959, № 3, стр. 78—80.

⁸³ Иные читают Цяньчжоу, но старое чтение Кянь правильнее, ибо кит. Кянь есть местное Кем — Енисей (теперь: Улуг-Хем).

⁸⁴ Основанная в 1264 г. Хубилаем столица династии Юань Дайду, ныне Пекин.

⁸⁵ Е. И. Кычанов. Сведения в Юаньши, стр. 60; Н. В. Кюнер. Ук. соч., стр. 283; ср. W. Schott. Op. cit., S. 437.

⁸⁶ См. Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 60 («к северу от хребта Танмулин», но «лин» буквально и значит хребет).

⁸⁷ Илань — от тюркского «чилан» — змея, чжоу — округ, префектура. В. Шотт, рассматривая названия Кяньчжоу и Иланьчжоу, указывает, что частица «чжоу» означает: а) равнину, орошенную многими водными протоками; б) землю, состоящую из лугов и полей; в) большую или меньшую административную область, без уточнения о состоянии ее земель (W. Schott. Op. cit., S. 454).

⁸⁸ Э. Р. Рыгдылон. Китайские знаки и надписи на археологических предметах с Енисея. ЭВ. V. М.—Л., 1951, рис. 2—3 (У автора ошибки в годе и месте находки, в дате надписи. Первый год правления чжюань падает на 1264 г.).

⁸⁹ Л. Р. Кызласов. Городище Дён-Терек.

⁹⁰ Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 61 (у автора ошибочно 1269 г.); ср. Н. В. Кюнер. Ук. соч., стр. 283; W. Schott. Op. cit., S. 461.

⁹¹ Юаньши, цзюань 167. Перевод А. С. Крушинского.

⁹² В начале династии Юань с народов брались монопольные налоги за спиртные напитки, уксус, соль, рыболовство, золото, серебро и плавку железа — см. Н. Ц. Мункуев. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., «Наука», 1966, стр. 42 и сл.

⁹³ А. В. Давыдова и В. П. Шилова. К вопросу о земледелии у гуннов. ВДИ, 1953, № 2; Фан Чжун-ан-ю. О развитии китайского плуга со времени Чжань-го. Каогу, 1964, № 7 (на кит. языке).

⁹⁴ Ю. Талько-Грынцевич. Древние памятники

Западного Забайкалья. «Труды XII Археологического съезда в Харькове», т. I. М., 1907, стр. 504; А. П. Окладников. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии. В сб.: «Древний мир. Академику В. В. Струве». М., Изд-во АН СССР, 1962 (здесь датировка бронзовых лемехов ошибочна, и сам автор ее исправил в ВД, 1964, № 1, стр. 52, прим. 18).

⁹⁵ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 150.

⁹⁶ «Книга Марко Поло», стр. 280; ср. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 126. Китайские послы, побывавшие в Монголии в 30-х годах XIII в., так же сообщают, что «у них не строятся города со стенами» — см. Пэн Да-я и Сюй-Тин. Краткие сведения о черных татарах, стр. 137.

⁹⁷ Л. Р. Кызласов. Городище Дён-Терек. Наиболее близкие образцы происходят с чжурчженских городищ — см. Э. В. Шавкунов. Раскопки на Николаевском городище. «Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь», вып. 2. Новосибирск. «Наука», 1966.

⁹⁸ «Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика». М., Географиз, 1957, стр. 128—129.

⁹⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926, стр. 484—486; ср. Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 196.

¹⁰⁰ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы, рис. 10; ср. Н. В. Дьяконова. Буддийские памятники Дунь-Хуана. ТОИКИВ, т. IV. Л., 1947, табл. IX.

¹⁰¹ А. Д. Грач. Археологические исследования в Западной Туве. КСИЭ, вып. XXIII. М., 1955, стр. 31.

¹⁰² Европейцы тогда еще не знали каменного угля, и о нем с удивлением рассказывал Марко Поло («Книга Марко Поло», стр. 123): «По всей области Китая есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова».

¹⁰³ А. С. Царева. Исследование тувинских углей с целью получения из них металлургического кокса. Автореф. канд. дисс. М., 1956.

¹⁰⁴ В 1946 г. в Дус-Даге был найден засолившийся труп погибшего при обвале, древнего солескопа-китайца в хорошо сохранившейся одежде того времени.

¹⁰⁵ Шелковые футляры для зеркала, ножи и иглы были найдены нами вместе с этими предметами на кладбище Чурумал близ Оймака.

¹⁰⁶ Это подтверждается археологически: в жилищах городища Дён-Терек найдены древнехакасские вещи и посуда (см. Л. Р. Кызласов. Городище Дён-Терек, стр. 81, 117), а на Межегейском городище обнаружен синхронный ему древнехакасский могильник.

¹⁰⁷ Н. В. Кюнер. Ук. соч., стр. 283—284.

¹⁰⁸ На Дён-Тереке — 8 экз., на Могойском городище — 1 экз., на Межегейском городище — 1 экз., на Оймаке — 1 экз.

¹⁰⁹ Л. А. Евтюхова. Монеты из культурного слоя Кара-Корума. В сб.: «Древнемонгольские города». М., «Наука», 1965, стр. 183—186.

¹¹⁰ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 592. В Минусинском музее хранится отдельное на месте бронзовое зеркало с влитой посередине монетой Да Дин тунбао.

¹¹¹ 5 экз. с Хемчика и из с. Усинского хранятся в Минусинском музее (№ 8260—8262) и 1 экз. из с. Туран — в Гос. Эрмитаже № 5133-15; ср. цуны из Кара-Корума (С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума. В сб.: «Древнемонгольские города». М., «Наука», 1965, стр. 207, рис. 111 и Д. Наван. Клад железных предметов из Хара-Хорина. «Монгольский археологический сборник». М., Изд-во АН СССР, 1962).

¹¹² С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 214, рис. 119; Ц. Доржсурен. Изучение историко-археологических памятников Монголии. Улан-Батор,

1957; О трехногих котлах монголов в XIII в. см. Пэн Да-я и Сюй-Тин. Краткие сведения о черных татарах, стр. 139 и 144.

¹¹³ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 160; ср. «Книга Марко Поло», стр. 123—124.

¹¹⁴ Ср., например, О. Глухарева, Б. Денике. Краткая история искусства Китая. М.—Л., «Искусство», 1948, стр. 19, 27, 50, 67 и рис. 84.

¹¹⁵ H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, abb. 334—339; I. G. Grapö. Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907. «Journal de la Société Finno-ougrienne», XXVI. Helsinki, 1909, taf. XII—XIV. Две статуи львов хранятся в музее г. Кызыл.

¹¹⁶ Могила № 1 в ур. Чурумал (1958 г.). Яма $2,3 \times 1,26$ м и глубиной 1,9 м. Подбой $2,3 \times 0,47$ м и высотой 0,7 м.

¹¹⁷ Около 20 подобных зеркал хранятся в Минусинском музее.

¹¹⁸ Открыл Ф. Я. Кош, см. «Исследования Ф. Я. Кош в земле урянхов». «Русский антропологический журнал», кн. XII, № 4. М., 1903, стр. 116—117.

¹¹⁹ Тигра и льва в 1916 г. сфотографировал А. В. Адрианов, см. Музей ТГУ, архив, альбом 44, № 164—4, 5, 9, 10.

¹²⁰ Пин. Кузнецов. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889, табл. XVIII, рис. 1.

¹²¹ Саадак-Терек, могилы № 32—39 раскопки С. А. Теплоухова, в 1926 г.; см. Л. Р. Кызласов. Памятник мусульманского средневековья в Туве. Элегестское городище, могилы № 1—5 (раскопки Л. Р. Кызласова, 1962 г.). Всего 13 могил. Несколько могил раскопал в Саадак-Терек С. Р. Минцлов в 1914 г.

¹²² Размеры оград от $0,65 \times 0,4$ до $3,05 \times 1,56$ м. Плиты возвышались на 10—30 см от почвы. Курганчиков (или выкладок из камня) два: могила № 38 и Саадак-Терек и могила № 3 на кладбище Элегестского городища. На последнем ничем сверху не была отмечена грунтовая могила, № 5, а отдельные группы могил были обнесены четырехугольниками из валов.

¹²³ Из 13 могил 8 с подбоями и 5 с простыми ямами. Входные ямы вытянуты с юго-востока на северо-запад. Их размеры от $0,6 \times 0,3$ до $2,6 \times 0,8$ м и глубиной от 0,8 до 1,6 м. Подбой размерами от $1,65 \times 0,5$ до $2,3 \times 0,7$ м и высотой от 0,3 до 0,58 м. Глубина полов подбоя от горизонта 0,95—1,5 м. Размеры гробов от $1,7 \times 0,27$ — $0,32$ м до $2 \times 0,4$ — $0,5$ м и высотой 0,2— $0,32$ м.

¹²⁴ В. П. Алексеев. Черепя из мусульманских погребений в Туве. «Уч. зап. ТИННУЛН», т. VIII. Кызыл, 1960.

¹²⁵ Кыбла — направление на Мекку (по-арабски).

¹²⁶ «Материалы ЮТАКЭ» I. Ашхабад, 1949, стр. 53 и 59; «Изв. Узбек. филнала АН СССР», 1940, № 12, стр. 71—72; «Труды Института истории АН Киргиз.ССР», вып. I, Фрунзе, 1955, стр. 130 и 136. Уйгуры-мусульмане Синьцзяна хоронят умерших в подбоях головой на север; см. Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ИОНАЭ, XII, 2. Казань, 1894, стр. 138. Деревянный гроб, сбитый гвоздями, обнаружен в могиле Тимура (умер в 1405 г.). См. М. М. Герасимов. Портрет Тамерлана. КСННМК, вып. XVII, 1947, стр. 14—15.

¹²⁷ Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», вып. V, 1959, стр. 181—182.

¹²⁸ «Материалы ЮТАКЭ», I, стр. 43—44. Большое количество их зафиксировано Туркменской этнографической экспедицией МГУ в 1957—1959 гг. (сообщено С. П. Поляковым).

¹²⁹ Мною раскопаны два кургана в 1960 г. Диаметры насыпей $8,3 \times 7,5$ и $9,5 \times 8,8$ м, вытянуты с севера на

юг, высота 0,23—0,34 м. В кургане № 1 — кострище $0,92 \times 0,84$ м и яма $1,6 \times 1,4$ м глубиной 0,22 м; в кургане № 2 — кострище $2,6 \times 2,32$ м и $1,14 \times 1$ м и яма $1,45 \times 1,3$ м и глубиной 0,3 м.

¹³⁰ г. Бай-Даг, курган № 70—2 (раскопки С. А. Теплоухова в 1927 г.). См. Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 90.

¹³¹ Ему предшествует погребение с конем XI—XII вв. из Монголии (Хушот-Худжиртэ, Л.); см. Л. А. Евтюхова. О племенах центральной Монголии в IX в. СА, 1957, № 2, стр. 217—220 (дата здесь не точна).

¹³² Н. П. Умняков. «История» Фахрэддина Мубаракшаха. ВДИ, 1938, № 1, стр. 115.

¹³³ Известно 4 кургана: г. Чинге, № 18—2 (раскопки А. В. Адрианова в 1915 г.), д. Атамановка, 1926, № 15—2; г. Бай-Даг, 1927, № 80—2; с. Уюк, 1929, № 160 в (66в) (раскопки С. А. Теплоухова). Курган № 160 в имел насыпь диаметром 7 м и высотой 0,25 м.

¹³⁴ Известно три кургана: «Чингизханова дорога» у пос. Чаа-Холь: № 31 (раскопки С. А. Теплоухова в 1926 г.); пос. Кызыл-Тей на р. Саглы, № 5 (раскопки Л. Р. Кызласова в 1957) и Ак-Довурак, 1957, № 3. Размеры ям: $1,6 \times 1,2$ м и $2,48 \times 1,88$ м, а глубина 1,2—1,3 м.

¹³⁵ Совершенно такая же пара стремян найдена М. П. Грязновым на Алтае (Яконур, 1939, курган I, погребение А; хранится в ГЭ).

¹³⁶ Письменные сообщения хорошо подтверждают археологическими фактами: 1 находки на городищах местной посуды, жерновов, зернотерок, крупорушек, мочетходных трубок от колыбелей тюркского типа и т. п.; 2 наличие городских кладбищ из хакасских курганов с трупосожжениями XIII—XIV вв.

¹³⁷ В. П. Алексеев. Материалы к палеоантропологии западной Тувы. ТТКАЭЭ, т. I. М.—Л., 1960, стр. 310—311; см. G. Huth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. 2 Teil. Strassburg, 1896, S. 33.

¹³⁸ Л. Р. Кызласов. Курганы тувинцев. ВМУ, история, 1964, № 5.

¹³⁹ Ср. Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 84; Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингиз-хане, стр. 191.

¹⁴⁰ Т. А. Бергагаев. Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум. В сб.: «Филология и история монгольских народов». М., ИВЛ, 1958, стр. 174 и 225; ср. С. А. Козин. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. «Уч. зап. ЛГУ», серия филологическая, вып. 10. Л., 1946.

¹⁴¹ Этимология Н. Маркварта (Ueber das Volkstum der Komanten) «Кемчигут», как «племя чингов с реки Кем» поддержанная Ю. А. Зуевым (Ю. А. Зуев. Тамги лошадей из вассальных княжеств. ТИНАЭ, т. 8, 1960, стр. 113), а слова «Кемчик» как «речные чики», не выдерживает критики. Дело в том, что по-тувински хемчик означает «речка», от хем (река) + уменьшительный аффикс «чик», а хемчигеш — речушка (см. Тувинско-русский словарь. М., 1955, стр. 638—639).

¹⁴² Е. П. Кычанов. Ук. соч., стр. 59 (здесь ошибочно 200 тысяч ли); ср. Н. В. Кюнер. Ук. соч., стр. 283; W. Scholt. Op. cit., SS. 432, 435.

¹⁴³ В тексте сказано: «цян-ху», т. е. «тысячник» как чин в военно-административном смысле по монгольской системе. У Е. П. Кычанова: «9 тысяч дворов», а у Шотта 9000 семей, т. е. около 50 000 душ. То и другое неверно — см. Л. Р. Кызласов. О численности древних хакасов в IX—X и XIII веках. «Уч. зап. ТИННУЛН», вып. XII. Абакан, 1966.

¹⁴⁴ В китайском тексте Юань чао би ши сказано: «ванькэргисы», т. е. то же самое — десяти тысячные кыргызы; см. Палладий (Кафаров). Старинное

монгольское сказание о Чингиз-хане, стр. 131 и прим. 1.

¹⁴⁵ Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 59—60.

¹⁴⁶ Н. В. Кюнер. Ук. соч., стр. 283—284.

¹⁴⁷ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 124.

¹⁴⁸ Н. В. Кюнер. Китайские историки-летописцы о хакасах «Зап. ХНННЯЛИ» т. III. Абакан, 1954, стр. 137; В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 32.

¹⁴⁹ Л. Р. Кызласов. К этимологии термина «кыштым» русских документов XVII в. «Уч. зап. ХНННЯЛИ», т. VIII. Абакан, 1960.

¹⁵⁰ С. А. Козин. Сокровенное сказание, стр. 175.

¹⁵¹ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 122—123.

¹⁵² С. В. Бахрушин. Научные труды, III, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 188.

¹⁵³ Л. В. Гребнев. Население Тувы в начале XIII в. «Уч. зап. ТНННЯЛИ», т. VIII. Кызыл, 1960, стр. 160.

¹⁵⁴ L. Hambis. Op. cit.

¹⁵⁵ Ныне Усинский район Красноярского края.

¹⁵⁶ Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 60; ср. Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, стр. 283; W. Schott. Op. cit., S. 436.

¹⁵⁷ Например, Гардизи (XI в.) писал: «Кимаки оказывают уважение этой реке (Иртышу), почитают ее, поклоняются ей и говорят: «Река — бог кимаков» (В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893—1894 гг., стр. 106).

¹⁵⁸ Найдены шестеренкообразные цуны (втулки) от монгольских телег, бронзовый безмен (Минусинский музей № 8262 и № 7073) и иранская серебряная монета 1320 г. с р. Иджима левого притока Уса (хран. в Гос. Эрмитаже).

¹⁵⁹ Чжан-му и Хе Цю-тао, Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с кит. П. С. Попова. СПб., 1895, стр. 171, прим. 35; ср. Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 61; L. Hambis. Op. cit., p. 26; W. Schott. Op. cit., S. 461.

¹⁶⁰ С. А. Козин. Сокровенное сказание, § 239; P. Poucha. Die Geheime Geschichte der Mongolen. Praga, 1956, S. 67.

¹⁶¹ L. Hambis. Op. cit., p. 31.

¹⁶² Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 60; Н. В. Кюнер. Ук. соч., стр. 283 и 286; L. Hambis. Op. cit., p. 31; W. Schott. Op. cit., S. 436.

¹⁶³ П. Е. Островских. Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун Урянхайской земли ИРГО, т. XXXIV, 4, 1898; его же. Оленные тувинцы. «Северная Азия», 1927, № 5—6; А. П. Ермолаев. Тожа. «Изв. Красноярского отдела РГО», т. III, 1, 1924; Д. Каррутерс. Неведомая Монголия, т. I. Урянхайский край. Пг., 1914, фото стр. 246; С. Н. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. М., ИВЛ, 1961.

¹⁶⁴ С. А. Козин. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке; ср. сб. «Филология и история монгольских народов». М., ИВЛ, 1958, стр. 225.

¹⁶⁵ L. Hambis. Op. cit., pp. 30—31.

¹⁶⁶ Хакасско-русский словарь. М., ГИС, 1953, стр. 273, 281; «Тувинско-русский словарь». М., ГИС, 1955, стр. 204, 210, 451; ср. современное монгольское «хавх(ан)» — калкан («Монгольско-русский словарь». М., ГИС, 1957, стр. 494).

¹⁶⁷ Не следует путать туматов из § 240 «Сокровенного сказания» с хори-туматами § 8. По Рашид-ад-дину, туматы и кори — разные этнические группы.

¹⁶⁸ Например, тума (а не туматы) фигурируют в записках XIII в. Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингиз-хане, стр. 191; E. Bretschneider. Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources, v. I. London, 1888, pp. 27—28.

¹⁶⁹ К. Д'Оссон. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Перевод и примечания Н. Н. Козьмина, т. I. Иркутск, 1937, стр. 238, прим. 2.

¹⁷⁰ Л. В. Гребнев. Ук. соч.

¹⁷¹ Г. В. Ксенофонт. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. I. Иркутск, 1937, стр. 62—64.

¹⁷² Необходимо исследовать еще отношение к этому самодийского термина тибэ/туба — мужчина (Г. Н. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. СЭ, III. М.—Л., 1940, стр. 66—67).

¹⁷³ Ныне группы тумат входят в состав алтайцев, киргизов, узбеков, якутов и монголов.

¹⁷⁴ С. А. Козин. Сокровенное сказание, § 239; ср. P. Poucha. Op. cit., S. 67.

¹⁷⁵ Палладий (Кафаров). Старинное китайское сказание о Чингиз-хане, стр. 191.

¹⁷⁶ С. А. Козин. Сокровенное сказание, § 122; Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 213; I, кн. 2, стр. 297; P. Poucha. Op. cit., S. 74.

¹⁷⁷ «Хакасско-русский словарь», стр. 272; «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана». ТИИАЭ, т. 8. Алма-Ата, 1960, стр. 70; Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 84.

¹⁷⁸ Омонголенная часть хаасов (группа хаасут) имеется среди дархатов МНР. Хаасами назывались и иркутские «тувинцы».

¹⁷⁹ «Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука», стр. 154 и прим. 227.

¹⁸⁰ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. I, стр. 123—125, 156—160 и 214.

¹⁸¹ Е. И. Кычанов. Ук. соч., стр. 60.

¹⁸² Л. В. Гребнев. Ук. соч., стр. 166—169. По многим отождествления Гребнева (например, хойин и сонн) ошибочны.

¹⁸³ «История Тувы», т. I, стр. 251 и 253.

¹⁸⁴ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 35, 44, 127; Пэн Да-я и Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах. ИВ, 1960, № 5, стр. 142—144 и прим.

¹⁸⁵ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II. М.—Л., 1960, стр. 80, 121; В. В. Бартольд. Сочинения т. I, стр. 557—558; W. Bartold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften; W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge, SPb., 1897.

¹⁸⁶ «Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука», стр. 165.

¹⁸⁷ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 208; ср. «Материалы по этнографии России», т. II. Пг., 1914, стр. 83, рис. 5.

¹⁸⁸ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 176.

¹⁸⁹ ТЧРДМ, т. IV. СПб., 1866, стр. 291—339.

¹⁹⁰ Зимой по льду Енисея прошли через Саяны карательные армии Джучи-хана в 1218 г. и Тутухи в 1293 г.

¹⁹¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 238.

¹⁹² Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. II, стр. 190—192.

¹⁹³ «Аноним Искандера», перевод в архиве Института истории АН Киргиз. ССР, № 1693.

¹⁹⁴ Раскопки Г. П. Сосновского 1929 г. Материалы не опубликованы и хранятся в Гос. Эрмитаже, № 1357. Определение культурно-исторического характера и даты поселения принадлежит мне.

¹⁹⁵ А. П. Окладников. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время. В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., ИВЛ, 1963 (Дата, по моему мнению, XIII—XIV вв.).

¹⁹⁶ Этот путь знали хакасы и позднее в XVI—XVII вв. Он был ими указан и первому русскому послу в Пекин Ивану Петлину, выехавшему из г. Томска в 1618 г.; см. Д. М. Лебедев. География в России XVII века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 115—120.

¹⁹⁷ Л. Р. Кызласов. Памятник мусульманского средневековья в Туве.

¹⁹⁸ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы, стр. 89.

¹⁹⁹ «Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука», стр. 98.

²⁰⁰ В. Г. Тизенгаузен. Ук. соч., т. II. М.—Л., 1941, стр. 83.

²⁰¹ Рашид-ад-дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 187.

²⁰² Хранятся в Минусинском музее.

²⁰³ С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 592.

²⁰⁴ Подарена Г. П. Сафьяновым в 1875 г. Минусинскому музею. Ныне хранится в Гос. Эрмитаже. Определение М. Е. Массона. М. Е. Массон. Неопубликованные монетные находки. Материалы ЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 143, прим. 6; В архиве Минусинского музея (сд. хр. 57) хранится письмо П. Лерха с тождественным определением, сделанным раньше М. Е. Массона.

²⁰⁵ И. М. Майский. Чингис-хан. ВИ, 1962, № 5; Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Чингис-хан и его наследие. «История СССР», 1962, № 5.

²⁰⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 28, стр. 221.

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

¹ Сб. «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955.

² «Древнемонгольские города». М., «Наука», 1965.

³ Л. Р. Кызласов. Курганы тувинцев. ВМУ, серия IX, история, 1964, № 5.

⁴ См. А. И. Ярхо. Алтае-сайские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947; В. П. Алексеев. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы. ТТКАЭЭ, т. I. М.—Л., 1960, стр. 310—311.

⁵ Н. Ф. Катанов. Поездка к карагасам в 1890 году. ЗРГО по отдел. этнографии, XVII, 2. СПб., 1891; его же. Письма из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893; его же. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903.

⁶ Н. А. Баскаков. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. ТИЯ, т. I. М., 1952; его же. Тюркские языки. М., ИВЛ, 1960.

⁷ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. ИАН, отдел литературы и языка, т. XI, вып. 2. М., 1952; его же. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951.

К ЗАСТАВКАМ

На титульном листе — рисунок верблюда с писаницы на правом берегу Улуг-Хема, в 8 км от пос. Эрбек по дороге на р. Баян-Кол.

К главе I — произвольный рисунок стелы (IX—X вв.).

К главе II — тамги Алп Эдетмиша (Онгинская стела VIII в.).

К главе III — рисунок с Сулекской писаницы (IX в.).

К главе IV — рисунок со стелы Ташебинского чаатаса (VIII—IX вв.).

К главе V — произвольный рисунок стелы на черепахе (XIII в.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОПИСАНИЕ ТАБЛИЦ

Таблица I.

А — план и разрез каменного кургана VI—VIII вв. с могильной ямой; *Б* — план тюркской поминальной оградки с каменной фигурой человека (22) и рядом каменных столбиков-балбалов, отходящих на восток; 1 — кувшин из поминального памятника № 1 в пос. Сарыг-Булун (1955); 2—5, 7—10, 12—13, 16, 18 — из кургана № 54 в Улуг-Хову (1926 г.); 6 — курган № 84 (25) на г. Бай-Даг (1927 г.); 14, 15, 17 — курган № 90 (31) на г. Бай-Даг (1927); 11, 20, 21 — курган № 4 в Кара-Чога (1953 г.); 19 — курган № А—5 в Ак-Туруг (1957 г.); 22 — ур. Чылангы на реке Кара-Чааты (1958), валун серого гранита; высота 1,22 м, ширина 0,35 м и толщина 0,28 м; сдано нами в Кызыльский музей, № 3112; 23, 26, 27 — курган Б—18 у пос. Черби (1956 г.); 24, 25, 28 — курган Б—23 у пос. Черби (1956 г.); 29, 30 — курган № 23 (впускное погребение) у д. Успенская (1926 г.); 31 — оградка № 1 у пос. Кызыл-Тей на р. Саглы (1957 г.); 32, 33 — курган № 14 у с. Атамановка (1926); 34, 35 — курган № 41 Уюк-Тарлык (1916). Рис. 8 воспроизводит рисунок С. А. Теплоухова, фото которого хранится в архиве Музея этнографии народов СССР.

14, 22 — камень; 1, 30, 32, 33 — глина; 17 — дерево; 2, 7, 16, 18—20, 26 — бронза; 6, 9, 11, 21 — кость; 3, 4, 5, 10, 12, 13, 24, 25, 28, 29, 31, 34, 35 — железо; 8 — железо и медь; 15 — железо и кость; 23, 27 — бронза и золото.

Таблица II

А — реконструкция уйгурского замка (III Шагонарское городище); *Б* — план и разрез земляного кургана с катакомбой (могилиник Чааты I, курган № 16); *В* — план и разрез каменного кургана VIII—IX в. с могильной ямой.

I. Предметы материальной культуры уйгуров: 1, 8, 21, 26 — из кургана № 61 (28) Чааты I (1927 г.); 2 — курган № 10 Чааты I (1959 г.); 3 — курган № 16 Чааты I (1959); 4 — курган № 9 Чааты I (1959); 5 — курган № 26 Чааты I (1959); 6 — курган № 23 Чааты I (1959); 7 — курган № 12 Чааты I (1959); 9 — курган № 64 (29) Чааты I (1927); 10, 14—16, 23, 27 — курган № 4 Чааты I (1958); 11, 12 — III Шагонарское городище, раскопы № 2 и 3 (1960); 13 — из курганов № 65 (7) и 4 (1927, 1958); 17 — курган № 1 Чааты I (1958); 18, 19 — курган № 13 Чааты I (1959); 20, 29, 34 — курган № 65 (7) Чааты I (1927); 22 — курган № 60 (24) Чааты I (1927); 24 — курган № 14 Чааты I (1959); 25, 35 — курган № 66 (20) Чааты I (1927); 28, 31 — курган № 11 Чааты I (1959); 30 — III Шагонарское городище, раскоп № 1 (1960); 31, 32, 36 — курган № 3 Чааты I (1958); 37 — I Шагонарское городище, раскоп № 2 (1957).

II. Предметы материальной культуры тюрко-туго: 38—40, 44, 49—50, 58, 60—61, 63 — из кургана № 72 (13—1) на горе Бай-Даг (1927); 41—43, 45—48, 53, 55—56, 62, 64 — курган № 75 (16) на горе Бай-Даг (1927); 51—52, 54, 57, 59 — курган МТ—57—XXVI; 66—67 — из кургана МТ—58—X; 65 — ур. Эргин-Барлык Барун-Хемчикского района (валун серого гранита, Кызыльский музей; высота 0,8 м, ширина 0,4 м и толщина 0,34 м).

III. 68—82, 84—85, 88 — из кургана № 24—2 у д. Успенской (1926); 83, 84 — верхняя; 86—87 — курган № 25 у д. Успенской (1926).

IV. 89—90, 108, 109 — курган № 46, Уюк-Тарлык (1916); 91 — из кургана МТ—57—IX; 92, 97 — курган МТ—57—XXXI; 93 — курган № 6 в ур. Булук (1926); 94, 96 — курган № 23 в ур. Танам (р. Бий-Хем, 1916); 98 — курган № 142 на р. Могое (1929); 99—101 — из кургана № 2 в ур. Салдам (1915); 102 — курган № 1 на р. Он-Кажая (1962); 103—106 — курган № 54 на ур. Коктон (р. Уюк, 1916); 107 — курган МТ—57—XXXII.

1—7, 96 — глина; 11, 28, 33, 37, 65 — камень; 8, 10, 12, 14—16, 19, 23, 24, 29, 30, 36, 39—41, 49, 55—59, 61—64, 85, 89, 90, 92—95, 99, 103, 104, 106, 107, 109 — железо; 38, 86, 91, 108 — железо и кость; 9, 44 — медь; 13, 17, 18, 25—27, 34, 35, 48, 60, 66, 67, 84, 87, 97, 102, 105 — кость и рог; 20—22, 42, 43, 45—47, 50, 68—83, 98 — бронза; 100 — латунь; 31, 32 — стекло; 88 — береста, дерево, железо, кость; 51—53 — золото; 54, 101 — дерево.

Т а б л и ц а III.

А — древнехакасский курган IX—X вв. со стелой; Б — каменный курган IX—X вв.; В — древнехакасский курган XI—XII вв. со стелой (пос. Малиновка, 1955, № 1).

I. Древнехакасские вещи IX—X вв.: 1 — из кургана № 2 Шанчиг (1956); 2 — курган № 21 у пос. Элегест (1926); 3 — курган № 1 Шанчиг (1956); 4 — курган № 9 Шанчиг (1957); 5, 22, 50 — курган № 104 горы Куй-бар (1929); 6, 7, 36 — из кургана в Калбак-Шат (1961); 8 — курган № 56 Уюк-Тарлык (1916); 9 — стела с надписью у кургана № 19а пос. Элегест (1926, в 1960 г. перевезена на чии в Кызыльский музей); 10 — курган № 112, р. Туран (1929); 11, 23—27, 31, 33, 35 — курган № 18 Шанчиг (1960); 12, 17, 37, 38, 41, 42 — из курганов № 30а и б на р. Бий-Хем (1916); 13 — курган № 123 р. Туран (1929); 14 — курган № 28 р. Бий-Хем (1916); 15, 16 — курган № 34 лог Мунгаш-Чирик (р. Бегре, 1916); 18, 34 — курган № 8 Шанчиг (1957); 19 — курган № 21 Бай-Булун (1915); 20 — курган № 35 лог Мунгаш-Чирик (1916); 21 — из курганов в Тора-Тал-Арты (Сут. Холь, 1959); 28—30, 32, 39, 46 — курган № 19 Шанчиг (1960); 40 — курган № 28 у д. Красноярски (1926); 43—45 — курган № 24—2 в ур. Танам (р. Бий-Хем, 1916); 47 — курган № 12 ур. Салдам (1915); 48 — курган № 17 Шанчиг (1960); 49 — курган № 97 горы Куй-бар (1929).

II. Древнетюркские вещи IX—X вв.: 51, 52, 54—56, 59—65, 67, 69, 70, 72 — из кургана МТ—58—IV; 53, 57, 58, 66, 71, 73 — курган МТ—58—V; 68 — курган на р. Хемчик (Бай-Тайга, 1959).

III. Древнехакасские вещи XI—XII вв.: 74—76, 85, 86, 89—91, 93—96, 99—101, 103, 104, 108—113, 115—117, 119, 120 — из кургана № 1 у пос. Малиновки (на р. Уюке, 1955); 77—80, 84, 87, 88, 97, 98, 105—107, 118, 121—123 — курган № 51—2 Уюк-Тарлык (1916); 81—83 — курган № 23 Шанчиг (1960); 92, 102, 114 — курган № 69—2 горы Бай-Даг (1927); 124 — стела с надписью у кургана № 1 пос. Малиновка (перевезена Э. Р. Рыдылоном в Минусинский музей).

IV. Вещи местных тувинских племен IX—XII вв.: 125, 130, 132, 134, 141, 147—151, 157, 161, 162 — курган № 96 на горе Куй-бар (1929); 126—129, 131, 133, 135, 139, 140, 142, 146, 156, 163—165 — курган № 139 в падь Кызыл-Булук (1929); 136 — курган КХ. 58—IV; 137, 144 — курган на р. Баян-Хем (1961); 138, 145, 158, 160 — курган № 105 горы Куй-бар (1929); 143, 152—154 — курган № 103 горы Куй-бар (1929); 155 — курган № 102 горы Куй-бар (1929); 159 — курган № 137 падь Кызыл-Булук (1929).

1—5, 22 — глина; 9, 124 — камень; 147—151, 161, 162 — олово; 6, 7 — серебро; 8 — фарфор; 10—21, 33, 37—47, 50, 54—56, 64, 66—69, 71—120, 122, 123, 125—135, 137, 139—141, 155—157, 159, 160, 163—165 — железо; 23—27, 30—32, 34—36, 57, 60—62, 65, 138, 142, 143, 145, 146 — бронза; 28, 29 — железо и медь; 48, 58 — золото; 49, 70 — белый сплав; 51—53 — железо и кость; 59, 63, 136, 158 — рог и кость; 121 — железо и серебро; 144 — бронза и позолота; 152—154 — стекло.

Т а б л и ц а IV.

А — реконструкция административного здания № 4 на городище Дён-Терех (1956); Б — разрез грунтовой «могила» № 1 в ур. Чурумал (1958); В — план и разрез оградки № 1 на мусульманском кладбище Элегестского городища (1962); Г — план и разрез кургана № 2 на хакасском кладбище Межегейского городища (1960); Д — план и разрез каменного кургана XIII—XV вв. с труположением на горизонте.

I. Предметы материальной культуры населения городов XIII—XIV вв.: 1—28, 32—36, 39, 45, 50 — городище Дён-Терех (1956—1957); 8, 15, 16, 33 — из здания № 1; 7, 11, 12, 17, 18 — здание № 2; 3, 5, 6, 9, 10, 13, 14, 20, 21, 23, 25, 28, 32, 35 — здание № 3; 4 и 50 — здание № 4; 22, 24, 26, 27, 36, 39 — мастерская № 6; 1, 2, 19, 49 — здание № 7; 34 — гвозди из зданий № 4, 1 и 3 (соответственно по два слева направо); 29, 30 — поселение близ д. Сосновки (1947); 31 — найден в Туве в 1906 г. (Минусинский музей, № 1165); 37, 38, 40, 45, 46 — городище Оймак (1957—1958, все из здания № 1, только 46 из здания № 2); 41—44 — могила № 1 в ур. Чурумал (1958); 47, 48 — надмогильные статуи в ур. Чурумал (47 в Кызыльском музее, 48 — уничтожена).

II. Предметы материальной культуры разных групп населения в XIII—XV вв.: 51—52 — курган № 80—2 горы Бай-Даг (1927); 53—63 — из кургана № 70 горы Бай-Даг (1927); 64 — кетмень грабителей из кургана № 90 горы Бай-Даг (1927); 65, 66 — курган № 5 в пос. Кызыл-Тей (р. Саглы, 1957); 67 — найдено у с. Туран (1929, хранится в Гос. Эрмитаже, № 5133 15); 68 — найдено на р. Межегей (Кызыльский музей, 1957); 69 — найдено в отвале кургана восточнее г. Турана (Л. Р. Кызласов, 1955); 70—72 — из кургана № 2 кладбища Межегейского городища (1960); 73—74 — курган № 18—2 горы Чинге (р. Элегест, 1915); 75 — найден в ур. Шолук-Хову сумон Эрги-Барлык Баруун-Хемчикского хошуна в 1942 г. (Кызыльский музей, № 915).

1—7, 9, 10, 22, 26, 27, 37, 41, 50 — глина; 13—18, 20, 25, 31, 32, 34, 35, 43, 49, 51—61, 64—72 — железо; 19, 38, 40, 45—48, 74 — камень; 21 — паста белая; 23, 24, 36, 39 — кость; 29, 75 — чугун; 30, 33, 42, 44 — бронза; 28 — сплав серебра и меди; 8 — береста; 62, 63, 73 — стекло; 11, 12 — фаянс с глазурью.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВМУ	— Вестник Московского университета
ДАН	— Доклады Академии наук СССР
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗЗСОРГО	— Записки Западно-сибирского отдела Русского географического общества
ЗКВАМ	— Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРГО	— Записки Русского географического общества
ЗСОРГО	— Записки Сибирского отдела Русского географического общества
ИАН	— Известия Академии наук
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИВСОРГО	— Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИОИАЭ	— Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете
ИРГО	— Известия Русского географического общества
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский Государственный университет
МЭ	— Музей антропологии и этнографии Академии наук
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИМК ТГУ	— Музей истории материальной культуры Томского государственного университета
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркменин
МЭ	— Материалы по этнографии Государственного Русского музея
НАА	— Народы Азии и Африки
ОАК	— Отчеты археологической комиссии
ПВ	— Проблемы востоковедения
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
РГО	— Русское географическое общество
РАЖ	— Русский антропологический журнал
СА	— Советская археология
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СТОЭ	— Сборник трудов Орхонской экспедиции Академии наук
СЭ	— Советская этнография
ТВКМАО	— Труды Восточной комиссии Московского археологического общества
ТВОАО	— Труды Восточного отделения Археологического общества
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ТИИАЭ	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ТИИ	— Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР
ТИЭ	— Труды Института этнографии Академии наук СССР
ТИЯ	— Труды Института языкознания Академии наук СССР

ТКАЭЭ	— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТОВЭ	— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТОИИВГЭ	— Труды Отдела истории и искусства Востока Государственного Эрмитажа
ТТК АЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР
ТТКЭ	— Труды Тувинской комплексной экспедиции АН СССР
ТТСОРГО	— Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества
ТЧРДМ	— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине
ХНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЭВ	— Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ	— Южно-туркменская археологическая комплексная экспедиция
АИМ	— W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei.
JA	— Journal Asiatique.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society.
RO	— Rocznik Orientalistyczny
SPAW	— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Современное состояние изучения средневековой истории Тувы	
Краткая история археологического изучения Тувы	—
О работах по средневековой истории Тувы	15
Глава II. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.)	18
Археологические памятники VI—VIII вв.	—
Погребальные сооружения	—
Погребения с конем	—
Погребения без коня	22
Поминальные сооружения	23
Поминальные курганы	—
Древнетюркские поминальные ограды	—
Поминальные сооружения знати	33
Памятники искусства и письменности	35
Древнетюркские каменные изваяния	—
Памятники письменности и писаницы	43
Хозяйство, торговля и быт	44
Скотоводство, земледелие, охота и рыболовство	—
Горное дело и ремесла	46
Обмен и торговля	48
Быт и верования	—
Тюркский каганат и население Тувы	50
Население Тувы в VI—VIII вв.	—
Общественный строй	52
Глава III. Тува в составе уйгурского каганата (VIII—IX вв.)	56
Завоевание территории Тувы уйгурами	—
Этнические группы населения по археологическим данным	59
Города уйгуров	—
Погребальные сооружения	63
Погребения уйгуров под земляными курганами	65
Погребения восточных тюрков под каменными курганами	78
Погребения чиков и других местных племен в ямах	79
Одиночные погребения местных племен	—
Мужские каменные изваяния	80
Уйгурский каганат и его значение в истории Тувы	82
Население Тувы в VIII—IX вв.	—
Уйгурский каганат	83
Глава IV. Тува в древнехакасском государстве (IX—XII вв.)	88
Древние хакасы и их правящий род кыргызы	—
Термины «хакас» и «кыргызы» в письменных источниках VI—XII вв.	—
Кыргызы — аристократический род средневековых хакасов	91
Политика древнехакасского государства в IX—XII вв.	93
Этнические группы населения по данным археологии	97
Погребальные сооружения	—

Древнехакасские курганы IX—X вв.	—
Памятники древних тюрков IX—X вв.	108
Древнехакасские курганы XI—XII вв.	110
Памятники местных племен IX—XII вв.	112
Стелы с енисейскими надписями	114
Хозяйство, ремесла и торговля	116
Хозяйство	—
Ремесла	119
Торговля	120
Тува в древнехакасском государстве	121
Общественный строй	—
Население и его культура	125
Глава V. Монгольский период в истории Тувы (XIII—XV вв.)	130
Завоевание Саяно-Алтайского нагорья монгольскими феодалами и борьба местных племен за свободу	—
Создание Монгольской империи и завоевание земель бывшего древнехакасского государства	—
Народы Саяно-Алтайского нагорья под гнетом Юаньской династии и после ее падения	135
Древнемонгольские города — производственная и сырьевая база империи	138
Население Тувы, его занятия и культура	160
Погребальные сооружения XIII—XIV вв.	—
Городские кладбища	—
Мусульманские погребения	—
Хакасские курганы	161
Погребения кочевников с конем	163
Труположения на горизонте	—
Каменные курганы с ямами	—
Население и его культура	—
Торговля	169
Заключение	172
Примечания	176
Приложение. Описание таблиц	206
Список сокращений	208

Леонид Романович Кызласов
„ИСТОРИЯ ТУВЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА“

Тематический план 1968 г. № 85

Редактор *Г. А. Федоров-Давыдов*
Редактор Изд-ва *Л. В. Бурмистрова*
Художественный редактор *Н. Ю. Калмыкова*
Переплет художника *А. А. Иванова*
Технический редактор *Г. И. Георгиева*
Корректор *М. М. Петкевич*

Сдано в набор 7.VI 1968 г.
Подписано к печати 2.VI 1969 г.
Л-58331 Формат 84×108^{1/16}
Бумага тип. № 1 Физ. печ. л. 13.25
Усл. печ. л. 22.26 Уч.-изд. л. 24.81
Изд. № 348 Зак. III Тираж 1800 экз.
Цена 1р. 75 к.
Издательство Московского университета
Москва, Ленинские горы. Административный корпус.
Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

185

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY